6
ЕП205
Р151

КАРЛ РАДЕК

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

ЧАСТЬ

I

КРАСНАЯ НОВЬ
Г·П·П МОСКВА 1924

А М

Карл Радек

ЕН 161
П 999

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

Часть I

ОСНОВЫ ПРОГРАММЫ и ТАКТИКИ КОМИНТЕРНА

1203

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

ЕЖ161
Я999

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(№ 7572
27.)

1058967

Главлит № 21.306. Тираж 10.000.

Типография „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красая Новь", Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настала пятая годовщина основания Коминтерна. Коротких пять лет, полных глубочайших социальных и политических потрясений. Советская республика, первое рабочее государство мира, созданное первой волной мировой революции, отбила нападение мирового капитала, перешла к мирному хозяйственному строительству и стоит, как утес, среди враждебных волн, как надежда угнетенных всего мира.

Германская пролетарская революция была побеждена. Венгерская советская республика разбита. Первые волны революции, докатившиеся до английского острова, отхлынули.

Но одновременно во всех странах мира идет величайшая работа по созиданию массовых коммунистических партий, которые поведут народные массы на новый штурм.

Одновременно на Востоке революционное национальное движение, этот смертельный враг европейского и американского империализма, растет вширь и вглубь. Пять лет, полных глубочайшего содержания. Продумать это содержание, сделать из него все практические выводы—это задача Коминтерна и его работников.

Но борьба не оставляет нам времени на спокойную научную работу. Никто из участников движения не имеет времени взяться за нее. Поэтому приходится прибегать к суррогатам, к перепечатыванию старых статей, докладов и брошюр, которые знаменовали собой отдельные этапы развития, идейные формулировки, предшествовавшие крупным событиям, попытки охвата их соответственно с задачами момента. Такой суррогат не может заменить систематизирующей работы, но он должен помочь товарищам осмотреть пройденный путь, увидеть, что было ложного в наших действиях, наметить новые решения.

Библиотека Института Ленина при ЦК РКП (б)

Поэтому я решился на это издание, включая в него только самые точные и самые полные формулировки из того, что мне пришлось писать по общим вопросам Коминтерна в продолжении минувших пяти лет. Главные статьи, посвященные специально вопросам германской революции, войдут в особое трехтомное собрание, вопросы, посвященные русской революции,—в специальное двухтомное издание. В этот первый том книги „Пять лет Коминтерна" входят статьи, брошюры и речи, посвященные основанию Коминтерна. Ибо, хотя формально он основан был в марте 1919 года, но на деле, как массовая международная организация, оформился только на втором конгрессе Коминтерна. Первый и второй съезд Коминтерна установил основы международной коммунистической программы и тактики. Ему не пришлось здесь ничего импровизировать. Коминтерн опирался не только на теорию марксизма, на опыт борьбы пролетариата в период буржуазной революции и мирной эпохи развития капитализма, последовавшей за эпохой буржуазной революции. Он опирался на опыт русской революции 1905 года, русской революции февраля и октября 1917 года, германской, финской, австрийской и венгерской революции.

Он опирался на историю русского большевизма и на работу лево-радикалов в Германии, которые уже в довоенный период пытались по революционному применять науку марксизма к эпохе империализма. Моя брошюра „Развитие социализма от науки к действию", которой я начинаю этот том, пыталась дать летом 1918 года первое обобщение опыта русской революции для западно европейского движения. Последовала германская революция. После короткого участия в ее боевых рядах я оказался за решеткой германской демократической республики, и только на основании газет, книг и переписки с товарищами мог себе составить мнение о ходе событий и помочь товарищам советами. Ряд брошюр о германской революции, входящих в собрание, статей, ей посвященных, и брошюра „Развитие мировой революции и тактика коммунистических партий", как и ряд полемических статей, входящих в этот том, являются попыткой формулировки опыта германской революции и первых революционных движений на Западе. Опыт этот подтвердил пол-

ностью уроки русской революции во всем, что касается диктатуры пролетариата и Советов, как формы ее. Он подтвердил полностью уроки русской революции о необходимости завоевания большинства рабочего класса и его массовых организаций, как профсоюзы, фабзавкомы и советы. Он показал тщетность всяких иных бунтарских попыток (см. мою статью против Бетельгейма). Одновременно западно-европейская революция выдвинула в видоизмененной форме вопрос об особой роли фабзавкомов и об отношении к интеллигенции. Насколько мое решение этих вопросов совпало со взглядами основателя Коминтерна, с которым я из тюрьмы поддерживал очень слабую связь, показывает сравнение аргументации моих брошюр с незабвенной работой Ленина „О детской болезни левизны".

Брошюра о терроризме и коммунизме написана тоже в тюрьме; она посвящена защите основных взглядов Коминтерна на вопросы пролетарской диктатуры (в ответ на книгу Каутского) и не только в основной аргументации, но и в многих деталях, совпадает с одновременно написанной, но напечатанной позже, книгой тов. Троцкого.

Вступление мое к брошюре тов. Шанто об истории венгерской Советской республики было направлено всецело против тогдашнего моего друга, Пауля Леви, после смерти Розы Люксембург, руководившего союзом Спартака. Леви уже тогда начал делать из моей борьбы против нетерпеливых революционных элементов, проповедовавших политику вспышек, выводы, которые должны были его привести в лагерь социал-демократии. Революция сделалась для него чисто арифметической задачей. Он соглашался на нее, если все шансы на успех были налицо. Борьба с бунтарством, которая должна была привести не только к расчетливому взвешиванию шансов на успех, но и формированию массового движения, развязыванию всех революционных сил, начала принимать у него характер резонерства, боязни перед преждевременным захватом власти. На статью мою Леви реагировал раздраженной статьей, которая была первой трещиной между нами. Если сравнить названные работы периода моего пребывания в Германии с тем, что писалось на те же темы руководителями Коминтерна в России, то при полном сходстве обоснования

программы и тактики замечается одно расхождение. Я уже летом 1919 года считал, что демобилизационные затруднения международного капитализма кончаются, что вторая волна международной революции (если первой считать Октябрьскую революцию) подходит к концу, и что поэтому главной задачей ближайшего периода является организация массовых коммунистических партий пролетариата, как орудия подготовки революции. „Лишь выступая против иллюзий, будто бы борьба непременно должна итти быстрым темпом, и беря за исходную точку своей тактики понимание медленности и трудности пролетарской борьбы за освобождение, коммунистические партии Запада могут удержать пролетариат от необдуманных попыток захвата власти недостаточными силами маленьких, нетерпеливых групп, составляющих меньшинство, и внушить пролетариату понимание того, какие средства следует применять в борьбе". Так я формулировал эту мысль в тезисах западно-европейского бюро Коминтерна. Некоторым товарищам казалось в период наступления нашего на Польшу, что это пессимизм. Но все-таки этот взгляд практически лег в основу постановки всех тактических вопросов II съезда Коминтерна, который разрабатывал вопросы тактики пролетариата на долгий период борьбы за власть. Доклады мои на II съезде Коминтерна, входящие в этот том, разрабатывают и конкретизируют взгляды, выработанные уже в Германии. Насколько правильна была моя оценка международного положения доказали события, которые последовали за нашим поражением в войне с Польшей, за поражением итальянских рабочих и началом наступления международного капитала.

Но так как и эти уроки не внушили всем коммунистическим элементам достаточно трезвой оценки положения, то понадобилось громадное поражение нашей партии в Германии в марте 1921 года, чтобы весь Коминтерн открыл новую карту своей тактики,—период тактики единого фронта. Работы, посвященные этому периоду, входят во второй том этого сочинения.

ПО ПУТИ К КОМИНТЕРНУ

Развитие социализма от науки к действию.

1. Развитие социализма от утопии к науке.

Что такое коммунизм? Молодой Фридрих Энгельс ответил на этот вопрос в 1847 г. в черновом наброске Коммунистического Манифеста: „Коммунизм есть учение о победе рабочего класса". Согласно этому заявлению, содержащему уже весь смысл научного социализма, основное значение деятельности Маркса и Энгельса заключалось в первую голову в том, чтобы обнаружить в развитии капиталистического общества развивающиеся условия победы рабочего класса и сделать его таким образом исходным пунктом своей деятельности.

Тем самым завершилось развитие социализма от утопии к науке.

Предшественники Маркса и Энгельса, утопические социалисты, сделали очень много для характеристики буржуазного общества. Непреклонный Фурье, бичевавший его и срывавший все покровы с его язв; фаустовски-гениальный Сен-Симон, умевший несколькими словами молниеносно освещать целые эпохи человеческой истории; Оуэн, глубоко и проникновенно изучивший человеческую природу и показавший ее зависимость от экономического развития,— все они были строителями великого здания научного социализма. Однако, несмотря на едкую критику капиталистического общества, предшественники Маркса и Энгельса не умели отыскать в нем самом те силы, которые могли бы преодолеть его. Вот почему им пришлось брать на себя роль демиурга истории, вырабатывать план освобождения человечества из когтей капитализма,—план, единственным недостатком которого было то обстоятельство, что в нем отсутствовал зодчий, способный, по его указаниям, возвести к небу гордый храм человече-

ства. Маркс и Энгельс показали, что развитие производства при господстве капиталистических отношений с необходимостью приводит ко все увеличивающейся анархии и порабощению масс, но, вместе с тем, само создает фундамент социализма, ибо приводит одновременно к концентрации промышленности, к созданию мощного рабочего класса, внушая ему „одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть": железную волю к установлению нового общественного порядка. Маркс и Энгельс показали международному пролетариату историческую необходимость его победы, — победы социализма. Вместе с тем они показали ему, что эта победа не придет сама собою, так-сказать, механически, на определенной ступени общественного развития. Наоборот, они выяснили, что эта победа должна быть добыта в поте лица, непрерывной работой мозга. Пролетариат должен подготовлять себя к ней изо дня в день, борясь против буржуазии на всех поприщах общественной жизни, и в конце-концов добиться ее непосредственной революционной борьбой класса против класса. Эта последняя схватка революции, которая должна завершиться железной диктатурой пролетариата над всеми остальными классами, одна только и сможет ввести пролетариат в обетованную землю социализма.

Учение Маркса и Энгельса об условиях победы пролетариата, учение коммунизма, до сих пор сохранило свое значение. Это—гранитный блок, которого не подточило время. 70 лет отделяет нас от того дня, когда гениальные юноши увидали при ярком свете приближавшейся революции будущую историю человечества и запечатлели ее на страницах незабвенного „Коммунистического Манифеста". За это время произошло много изменений в структуре капиталистического общества, которые эпигоны Маркса усваивали и воспринимали порою не особенно удачно. Но основные линии развития остались неизменными, и только теперь, в эпоху первой социалистической революции, мы имеем возможность полностью охватить сущность коммунистического учения. На первой социалистической революции, на железной не-

обходимости ее развития мы убеждаемся в гениальной прозорливости наших учителей. Коммунизм есть учение о революции, и именно поэтому его всеобъемлющая глубина может быть охвачена только в период революции. Из этого уже ясно, что в период мирного развития, предшествовавший революционной эпохе, только отдельные, особенно острые умы способны были так же всесторонне и правильно воспринять учение коммунизма, каким оно появилось на свет божий в революционные времена нарождавшегося капитализма, в духе отпрысков этого периода бури и натиска, в духе Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

В эпоху мирного развития это учение оказалось разбавленным различными некоммунистическими элементами, и таким-то образом возникли под названием социал-демократических точек зрения всевозможные суррогаты коммунизма, которые международному рабочему движению приходится теперь отбрасывать в сторону для того, чтобы осуществить свои исторические задачи. Разжиженный и извращенный коммунизм, лишенный своего живого содержания, главным образом, и мешает европейским рабочим правильно оценить уроки русской революции и сделать из них соответствующие выводы. Вот почему одной из первейших обязанностей освободительного движения пролетариата нашего времени является очищение коммунизма от всех этих посторонних примесей. Это всего легче сделать, если познакомиться с историческим происхождением всех отдельных фальсификаций коммунизма и с той почвой, на которой они в свое время возникли.

2. Фальсификация коммунизма.

Учение Маркса, в главнейших чертах возникшее в 50-х гг. прошлого столетия, стало популярным среди широких народных масс только к 80-м гг. Когда в 60-х и 70-х гг. стало развиваться под предводительством Фердинанда Лассаля немецкое рабочее движение, ни одно сочинение Маркса не

было еще известно рабочим [1]). Они познакомились с коммунизмом при посредстве маленьких увлекательных брошюрок Лассаля, в которых, однако, коммунистическое учение получило довольно своеобразное,—чтобы не сказать извращенное,—толкование. Фердинанд Лассаль стремился привести рабочий класс в движение в такое время, когда эпоха капиталистического процветания укрепила контр-революционные силы во всей Европе и дала им возможность по-своему разрешить великие задачи, стоявшие тогда на очереди дня.

В Германии юнкерство совместно с буржуазией как-раз собралось разрешить самый существенный вопрос своей истории: вопрос о создании единого капиталистического государства. Силы, пытавшиеся в 1848 г. создать революционным путем единую немецкую республику, оказались слишком слабыми,—и за довершение того, чего они не в состоянии были осуществить:—создать капиталистическое государство, как орган немецкой буржуазии,—пришлось взяться буржуазии и юнкерству. Они выполнили эту задачу, воздвигнув реакционное здание бюрократически - капиталистического союзного государства, в котором клика крупных капиталистов, совместно с помещиками и генералами, управляла судьбами немецкой империи под верховным руководством Гогенцоллернов. В такое-то время Лассаль стремился создать в лице рабочего класса силу, способную если не самостоятельно взять в свои руки судьбы немецкого народа, то, по крайней мере, добиться некоторых уступок от господствующих классов. Пропаганда Лассаля среди рабочих была приноровлена именно к этой узкой задаче. Чтобы вести свою пропаганду, несмотря на репрессии бисмарковской реакции, Лассаль попробовал придать коммунизму возможно более невинную внешность. Молодого львенка, когти которого не в состоянии были еще справиться с врагами, надо было пока-

---

1) Бебель рассказывает в своих воспоминаниях, что тому поколению, которое в 70-х гг. вступало в движение, „Коммунистический Манифест" был неизвестен. Из других источников мы знаем, что только по энгельсовскому „Анти-Дюрингу" марксизм предстал перед немецкими рабочими, как целостное мировоззрение. Эта работа Энгельса появилась лишь в 1878 г.

зать невинным ягненком. Лассаль старался представить коммунизм в виде движения, способного осуществить свои задания мирным путем. Через всеобщее избирательное право рабочие должны приобрести влияние на государство для того, чтобы с его помощью приступить к организации производственных товариществ, которые мало по-малу превратили бы капиталистическое общество в социалистическое. Эта пропаганда развила в рабочем классе преклонение перед идеей государства,—независимо от того, находится ли это государство в руках капиталистов или рабочих. Правда, эта точка зрения, поскольку речь шла об отношении к бисмарковскому правительству, перенесла довольно жестокое испытание в эру ожесточенных преследований немецкого рабочего движения в 1878—1890 гг., когда свирепое давление сверху, ненависть к рабочему движению возбудили и среди рабочего класса сильную ненависть к капиталистическому государству и—питаемую этой ненавистью—надежду на то, что оно скоро разлетится в прах под ударами социальной революции. Это настроение рабочих питалось еще затяжным кризисом, господствовавшим в экономической жизни Европы 80-х гг. Но оно явилось только перерывом в процессе реформистской фальсификации коммунизма, начавшейся в 70-х гг., со времени учреждения капиталистических европейских государств. Как только рабочее движение несколько оправилось, окрепло, как только исчезли наиболее дикие формы капиталистических преследований, процесс фальсификации коммунизма стал приобретать во всех странах все большие размеры. Этому способствовало и быстрое экономическое развитие, период расцвета капитализма, замечавшийся повсюду в последнее десятилетие прошлого века, в первую очередь в электрической и металлургической промышленности. С 80-х гг. упали цены на хлеб, благодаря американскому сельскому хозяйству,—а вместе с тем стала подниматься и заработная плата, под влиянием торгового оживления. Передовые ряды рабочего класса—рабочая аристократия—предавались самым радужным надеждам. Правительства увидели себя вынужденными приостановить политику преследований, они начали давать обещания социальных реформ. Рабочие добились повсюду представитель-

ства в парламентах; рабочая аристократия повсюду хорошо зарабатывала,—и тут-то она укрепилась на той точке зрения, что революция является превзойденной фазой буржуазного развития. Рабочий класс заставит уже буржуазию делать все большие уступки, которые превратят, в конце-концов, капиталистический порядок в такой экономический строй, который всего более будет соответствовать интересам рабочего класса, так, приблизительно, они представляли себе дело. Это настроение выразилось прежде всего в оппортунистической практике парламентаризма, в политике парламентских вожаков рабочего класса, надеявшихся всякого рода интрижками с буржуазией, ограничением ее требований, отказом от революционной пропаганды все более улучшать положение рабочих. Теоретически эта тенденция выразилась потом в реформизме (ревизионизме), как его развивал Эдуард Бернштейн в Германии, Сарротти и Жорес во Франции, Тревес и Турати в Италии.

Если бы привести реформистское учение к одной формуле, то надобно было бы сказать, что оно заключалось в попытке доказать, что капиталистическое развитие не обостряет, а, напротив, смягчает противоречия между пролетариатом и буржуазией, и что поэтому не революция, а совместная работа с рассудительными слоями буржуазии приведет к освобождению пролетариата. Реформизм отрицал возможность социалистической революции, которую он заменял социал-реформаторской эволюцией. Он представлял собою контр-революционное учение. Он пытался изобразить помыслы рабочего класса о революции детской болезнью рабочего движения для того, чтобы запрячь пролетариат в повозку буржуазии. Реформистские тенденции всего ярче выразились в серии статей бернштейновского выученика Эдуарда Давида о диктатуре пролетариата, опубликованных им в „Социалистическом Ежемесячнике“, главном органе международного реформизма. Не революция, а парламентская деятельность профессиональное и кооперативное движения,—вот путь, который реформизм проповедывал рабочему классу.

3. Крушение реформистских иллюзий.

Однако, то же самое развитие, которое, по уверениям реформистов, якобы, опровергло революционное учение коммунизма, в действительности очень скоро разоблачило перед рабочими всю смехотворность реформистских иллюзий. Помещики начали защищаться против все растущей конкуренции молодых аграрных стран, и цены на продукты питания быстро повысились, благодаря аграрным пошлинам. Развитие капитализма повело к образованию трестов и картелей, этих огромных капиталистических организаций, вытесняющих и покоряющих не только ремесленников, но и среднюю буржуазию. Для защиты картельной ренты они требовали и для промышленности высоких таможенных пошлин. Они объединились с помещиками для того, чтобы совместно обирать народы; а вместе с тем увеличивающаяся картелизация промышленности означала необыкновенное расширение капиталистической мощности по отношению к профессиональным союзам рабочих. Те самые союзы, которые, имея дело с каким-нибудь мелким текстильным бароном, располагавшим парою сотен рабочих, без труда могли поставить на-своем, оказывались совершенно бессильными против железных и угольных королей с их многотысячной рабочей армией. Недовольный своей заработной платой рабочий какой-нибудь текстильной фабрики легко находил себе работу на другой. Картелированные железные и угольные бароны не признавали профессиональных союзов, они дружно стояли друг за друга против всякого требования своих рабочих и завели черную доску для того, чтобы запугать особенно непокладистых рабочих. Обострение отношений между пролетариатом и буржуазией на фабрике, точно так же, как и на потребительском рынке, еще более усилилось благодаря империалистической политике, угрожавшей превратить борьбу между картелированными промышленностями за мировой рынок, борьбу между товарами и капиталами, — в самую настоящую войну. Рост податного обложения, вызванный ростом милитаризма и маринизма, возрастание военной опасности, ко-

торая все более обострялась, конфликты с профессиональными союзами,—все это в свою очередь понуждало правящие классы ко все более обострявшемуся политическому курсу против рабочего класса. С ростом эксплоатации должны были возрастать и репрессивные мероприятия. Рост политической реакции с своей стороны служил для рабочих масс признаком приближающегося штурма и показал им во всех странах, что не революционный коммунизм, а, наоборот, так-называемый „реальный" реформизм представлял собою утопию, — правда, утопию, не облагораживавшую душу и не подымавшую энергию, не укорачивавшую путь человеческого развития для того, чтобы побудить ленивых к более быстрому движению, а утопию, напротив, подрезывавшую крылья и превращавшую людей в пресмыкающихся. Со времени большой стачки в Рурской области, со времени борьбы берлинских рабочих электрической промышленности, бурного движения французских рабочих за 8-часовой рабочий день, вера рабочего класса в возможность мирного развития к социализму улетучилась. Они увидали, как буржуазные партии все более превращались в сплошную реакционную массу, видели, как буржуазное общество все ближе придвигалось к зияющей пропасти войны, видели, что парламент уже потому должен был оказаться все более бессильным по отношению к этому процессу, что он сам потерял повсюду свое значение и уступил место тайным кабинетам, в которых бюрократия совместно с акулами капитала судила и рядила о самых жизненных интересах народа. Взрыв русской революции 1905 г. показал европейским массам, какие силы таятся в воспрянувшем рабочем классе, когда он готов с оружием в руках отстаивать свои права. С 1905 г. перед сознанием народных масс встали проблемы борьбы за власть, т. е. проблемы социалистической революции, которые теоретически были поставлены на очередь уже во время полемики с реформизмом (брошюра Каутского „О социальной революции", вышедшая в 1905 г.).

4. В поисках пути к власти.

Начались напряженные поиски выхода из того тупика, в который попало капиталистическое развитие. Прежде всего перед рабочими массами встал вопрос: к чему клонится дело? История отвечала на этот вопрос как нельзя более коротко и ясно. Попытка улучшить положение рабочих посредством сотрудничества с буржуазией потерпела во Франции полнейшую неудачу. Вступление Мильерана в буржуазное правительство ничего не дало рабочему классу и только скомпрометировало социал-демократию в глазах рабочих масс. Исход выборов 1907 г. в Германии показал рабочим, что буржуазные партии неминуемо смыкаются перед рабочими в железную стену, как только речь заходит об империализме, т.-е. о распространении капиталистической мощи на маленькие народности, о вооруженной борьбе конкурирующих между собою капиталистических государств. Хозяйственный кризис 1907 г. говорил сам по себе настолько красноречивым языком, что даже такой видный реформист, как Макс Шиппель, не смог закончить свои рассуждения об этом кризисе ничем иным, как признанием обострения классовых противоречий во всем мире. В 1908 г. Карл Каутский подвел в своей работе „Путь к власти“ итоги всего этого развития, показав, что капиталистический способ производства находится на дороге к величайшему социалистическому кризису в мировых размерах, что мы стоим накануне социалистической революции. Это убеждение, все более укреплявшееся в передовых рядах рабочего класса, выдвигало второй вопрос: какими средствами будет пользоваться пролетариат в новой исторической ситуации, какими средствами поведет он атаку на твердыни капитала? Уже в 1905 г. немецкий и австрийский пролетариат идейно освоился с мыслью о всеобщей массовой стачке. Не взирая на значительное окаменение идеологии вожаков партии, мирное, мещанское житие которых очень слабо отражало настроение рабочего класса, он научился видеть в массовой стачке средство самозащиты против покушений на основные права пролетариата (немецкая социал-демократия в Иене в 1905 г.), или даже привет-

1058967

ствовать в ней орудие пролетарского наступления против наиболее заядлых врагов (австрийская социал-демократия). Французские синдикалисты возвели массовые стачки — под названием генеральной стачки—на степень всемогущего средства освобождения. Рабочий класс, до того боровшийся только политически через своих представителей в парламенте, начал сознавать свою роль в процессе производства по слову Фрейлиграта: „Нигде машины не грохочут, коль твоя рука не хочет".

Руководители левого крыла рабочего класса годами разбирали вопрос об условиях применения массовой стачки. Должны ли вожди рабочих организаций объявить ее тогда, когда парламентская деятельность потерпит крушение, когда бесстыдная политика противника приведет массы в отчаяние, должна ли она, стало-быть, явиться тем пистолетом, который надобно держать на-готове в подкрепление парламентской борьбы, — или же она есть форма борьбы, стихийно вытекающая из обострения классовой борьбы и подготовляемая не в совещательных комнатах вождей, а ежечасно в мастерских и фабричных казармах не только повышением агитации, но и обострением действий пролетариата? Вот вопросы, самым пристальным образом занимавшие внимание левого крыла международного рабочего движения в годы перед мировой войной. И оказалось, что уже в этом сравнительно простом вопросе в лагере социализма, в том лагере, который боролся под знаменем Маркса, образовался раскол, при чем одна часть, под руководством Карла Каутского, на словах примкнула к приближавшейся социалистической революции, на деле же робко избегала обострения классовой борьбы, несмотря на то, что этого настоятельно требовало как внутреннее, так и внешнее положение пролетариата.

В этой борьбе за путь к власти, кое-где возникал такого рода вопрос: в чем должна будет выразиться мощь победоносного пролетариата? Однако, этот вопрос нигде не был поставлен с достаточной определенностью. И по вполне понятной причине: история пока поставила на очередь дня только вопрос о том, каким образом привести рабочие батальоны в движение, вопрос об общей цели движения, но отнюдь не вопрос об этапах, которые придется при этом пройти. Чтобы доказать необходимость массовой стачки, ра-

дикальные социалисты указывали на вырождение парламентаризма. Они показывали, как он становится все больше и больше цитаделью капиталистических рыцарей наживы. Они критиковали в республиканских странах самым резким образом мишурную республику и мишурную демократию, и часто возникал уже вопрос: каким образом превратить капиталистическую демократию и ее парламентарные органы в органы власти победившего пролетариата. Когда Антон Паннекук,—самая ясная голова западного социализма,—ответил на этот вопрос в том смысле, что необходимо разрушить капиталистическое государство даже в его демократических формах и создать новые органы власти рабочего класса в огне пролетарской революции, тогда Карл Каутский, пользовавшийся среди марксистских теоретиков Второго Интернационала наибольшим авторитетом, поднял крик об его анархизме. Однако, ответ Паннекука, при всей своей правильности, был только половиной ответа. Он указал только на то, что принудительные органы капитала должны быть разбиты, но не показал, какие принудительные органы должен создать пролетариат для того, чтобы провести и укрепить свою победу.

В то время, когда большинство даже революционных социалистов видело в демократии ту форму, в которую выльется победа социализма, синдикализм,—эта революционная теория всех стран, в которых банкротство демократии вызвало разочарование среди народных масс, — указывал на профессиональные союзы, как на орган, способный завоевать власть и сделаться органом власти. Вопрос этот, который, как уже сказано, возникал только в мозгу некоторых теоретиков, далеко опередивших свое время, не мог быть ими разрешен. Исторические лозунги никогда не выдумывались теоретиками революционного рабочего класса, они всегда возникали только на практике, в процессе революционной массовой борьбы, и теоретикам оставалось только понять значение практической деятельности пролетариата, придать ей всеобщий характер и превратить ее во всеобщую цель пролетарской борьбы, сделать лозунгом пролетариата.

5. Уроки мировой войны.

Прежде чем рабочий класс встал лицом к лицу с вопросом об организации своей власти, он должен был познакомиться со всеми последствиями своей безвластности в буквальном смысле этого слова. Он должен был побывать в аду мировой войны, в гранатном огне, должен был истечь кровью ради интересов капитала, нагромоздить горы трупов, чтобы понять, наконец, что капитализм означает кровавую анархию, уничтожение всех зачатков культуры, созданных до сих пор, ужаснейшую нищету масс, их полнейшее порабощение, — и чтобы этот урок превратился из теоретического тезиса в вопиющее, огненное сознание, по крайней мере, передовых рядов рабочего класса.

Теоретическая пропаганда революционных социал-демократов, собственный опыт пролетариата, удары, изо дня в день наносимые ему капиталом в конце прошлого столетия,—всего этого было недостаточно для того, чтобы повести растущее беспокойство пролетариата дальше первых, робких массовых стычек с капиталом. Оппортунистическая политика вожаков убаюкивала передовые ряды рабочей аристократии, спокойствие которых показывало, что эта привилегированная часть рабочих находилась в сравнительно благоприятных условиях. Низшие слои рабочего класса были слишком невежественны, слишком неловки, чтобы броситься в революционную борьбу без партийной и профсоюзной бюрократии или против ее воли. Тогда пришла давно жданная бестия мировой войны,— и под ее когтистыми лапами пролетариат начал усваивать те уроки, которых он не понимал, когда их преподавал революционный социализм.

Русский народ первым понял эти уроки и сделал из них соответствующие выводы, проведя социалистическую революцию. Русская революция является первым ответом пролетариата на мировую войну, предшественницей интернациональной революции. Он дает ответ на те вопросы, которые сфинкс революции в течение десятилетий ставил перед

социализмом, вопросы, которые рабочий класс должен разрешить, если не хочет, чтобы этот сфинкс пожрал его. То, что русский пролетариат совершил своей революцией— первый шаг по дороге развития социализма от науки к действию,— означает вместе с тем и крупный шаг вперед в развитии науки о коммунизме. Коммунизм есть учение об условиях победы рабочего класса. Эти условия становятся всего яснее в процессе самой победы, вот почему правильное понимание русской революции является необходимой предпосылкой развития коммунизма от науки к осуществлению, т.-е. к пролетарской мировой революции.

6. Уроки русской революции.

Первый вопрос социалистической революции, с которым сталкивается рабочий класс, гласит: когда может притти социалистическая революция? Так как марксизм показал рабочим, что победа социализма зависит от развития производительных сил, то в марксистских кругах установилось карикатурно-обезображенное предположение, будто революция возможна только тогда, когда капитализм охватит весь хозяйственный быт какой-нибудь страны, когда он, так-сказать, без остатка разделит всю нацию на небольшую кучку капиталистов и подавляющее пролетарское большинство. Более того: ревизионисты, наиболее последовательно проводившие фальсификацию коммунизма, заявляли даже, что социализм не может победить в Европе до тех пор, пока капитализм не подчинит себе весь мир. Таким образом они, как известно, обосновывали необходимость поддержки капиталистической колониальной политики рабочим классом. Вся аргументация псевдосоциалистических партий России, стоявших во время революции на стороне буржуазии и перешедших после рабочей революции на сторону контрреволюции,— мы говорим о меньшевиках,— заключалась в том именно утверждении, что социализм невозможен в России потому, что пролетариат не является большинством русского народонаселения. Этот довод чрезвычайно нравится в Европе тем, кто превратил марксизм в простое арифметическое упражнение. Но-для того, чтобы показать всю

бессмысленность подобной постановки вопроса, достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что и в Германии, этом капиталистически наиболее развитом государстве, люди такого научного значения, как Генрих Кунов, утверждают, что Германия еще не созрела для социализма. Ясно, что при такой постановке вопроса дело идет не о каких-нибудь двух-трех лишних процентах в соотношении между пролетариатом и непролетарской частью населения, а о совершенно туманном понимании самого перехода от капитализма к социализму. Предпосылкой той точки зрения, которую усвоил себе, например, Кунов в вопросе о степени капиталистической зрелости, является мнение, что капитализм, собственно говоря, сам должен выполнить всю ту работу, которую мы ждем от социализма, и что социализму останется только притти на все готовое, к своего рода скатерти-самобранке. Когда Кунов заявляет, что Германия еще не созрела для социализма, то он подкрепляет это мнение ссылкой на то, что сначала капиталистическое государство должно взять промышленность в свои руки, а потом уже ею завладеет пролетариат, захватив государственную машину. Но почему же пролетариат не в состоянии захватить промышленность, концентрированную в картелях и трестах, прямо из рук капиталистических картелей и трестов? Разумеется, если считать, что пролетариат победит только после того, как капитализм разовьется до такой стадии, когда, по выражению Бернара Шоу, выродившийся в безмозглую обезьяну капиталистический сверхчеловек способен будет простым нажатием кнопки приводить в движение миллионы рабочих, превращенных в рабов, то придется признать, что пролетариату будет, действительно, нетрудно отогнать безмозглых обезьяноподобных сверхчеловеков капитализма от клавиатуры центрального аппарата и прошибить им при этом череп. Это облегчение работы пролетариат оплатил бы, однако, всеми теми страданиями, на которые его обрекла бы роль пассивного зрителя и наблюдателя того, как капитализм механически шествует по миллионам человеческих тел. К чести человечества надобно сказать, что механическое понимание перехода от капитализма к социализму решительно противоречит всем фактам пред-

шествовавшего исторического развития точно так же, как и всякому разумному пониманию возможностей капиталистического развития вообще. Ведь, и прежние хозяйственные системы погибали отнюдь не после того только, как ими был создан весь фундамент нового общественного порядка, а тогда, когда они становились препятствием для элементов этого нового порядка. Переход от капитализма к социализму начинается тогда, когда капиталистическое общество причиняет народу такие страдания, которые заставляют его порвать с обычным течением своей жизни, подняться на дыбы против господства капитала, когда, одним словом, массы оказываются неспособными переносить долее созданные капиталистическим хозяйством условия. Когда в какой-нибудь стране капиталистическое развитие дошло до того, что главнейшие отрасли промышленности и транспорта очутились в руках капиталистических концентрированных групп, тогда восставший пролетариат не только сможет, но и должен будет попытаться захватить промышленность, транспорт и кредит в свои руки, в руки победоносного, организовавшего свою государственную власть пролетариата. Смотря по степени капиталистического проникновения в хозяйственный строй какой-нибудь страны, пролетариату придется в большем или меньшем размере приспособлять этот хозяйственный строй к своим интересам или же ограничиться социализацией уже концентрированных областей промышленности, а остальные, например, сельское хозяйство, только постепенно переводить на социалистическое положение по степени их зависимости от социалистических центров промышленности, зависимости от города. Так обстоит дело в России. В России пролетариат является, несомненно, меньшинством населения, но русская железодобывательная промышленность, угольное и нефтяное производства, железные дороги и телеграф сосредоточены в немногих руках, ими руководит небольшое количество банков, и они диктуют хозяйственные законы всей сельскохозяйственной стране.

Невыносимое положение, созданное капитализмом благо-

даря мировой войне, бросило народные массы на борьбу против царского капиталистического государства. С помощью крестьян, которых империализм три года под-ряд заставлял истекать кровью, рабочим удалось завоевать государственную власть. Что должны они были с нею делать? Сторонники механического понимания, гласящего: социализм возможен только тогда, когда $^{9}/_{10}$ населения стали пролетариями, пытались внушить рабочим, что социализм неосуществим. Назад к капитализму,— вот что гласил лозунг меньшевиков. Но рабочие не могли снова вернуться к капитализму без того, чтобы не повергнуть и себя, и всю страну в величайшие несчастья. Если бы капиталисты вернулись к власти, то они возложили бы на рабочих военные расходы, заставили бы работать по 12-ти часов в сутки для покрытия и этих расходов, и издержек по вооружению и подготовке новой войны. Они не устранили бы хозяйственной разрухи, а только взвалили бы последствия этой разрухи на плечи рабочих. Коммунистическое хозяйство означает использование всех производительных сил по одному плану, в интересах народных масс. Именно потому, что страна разрушена, коммунизм является единственным путем, на котором перед рабочими открывается выход из нищеты и бедствий разваливающегося капиталистического общества. Наперед отказаться от того, чтобы организовать это хозяйство в своих интересах, значило бы, очертя голову, окунуться в капиталистическую нищету из одного только страха, что молодой пролетариат неспособен будет руководить концентрированными капитализмом отраслями промышленности.

Это было бы не только историческим самоубийством, но и практической бессмыслицей. Что значит: назад к капитализму? Это значит в первую голову: возвратить капиталистам государственную власть, ибо пролетарское государство не может быть охранителем капиталистической прибыли. Достаточно установить это, чтобы вскрыть всю утопичность лозунга: „Назад к капитализму“.

Ведь, не случайностью было то, что русский пролетариат в октябре 1917 г. захватил в свои руки власть. Пролетариат завоевал власть, потому что не только пролетарские, но

и буржуазные массы потеряли всякое доверие к капиталистическому господству. Первые представители российского капитала: Гучковы, Милюковы, Терещенки и их социалистические фиговые листочки: Церетели, Керенские и Черновы были до такой степени ненавистны массам, познавшим их по делам их, что массы же их и прогнали. Если бы рабочие не завладели властью, то представители капитала все-таки ни на волос не приблизились бы к разрешению кризиса. Россия плыла бы без руля и ветрил по морю анархии, навстречу хаосу, из которого, правда, не родилась бы звезда социализма, но который не привел бы и к возрождению капиталистического режима. Россия сделалась бы попросту добычей заграничного капитала, который, без всякого сомнения, не „зрелее", чем молодой, но энергичный русский пролетариат, и не более, чем он, призван „упорядочить" истощенную страну в интересах ее народных масс.

Австрия и Италия находятся в таком же положении, как и Россия, и опыт русской революции свидетельствует, что социалистическая революция вовсе не должна начаться обязательно там, где капитализм всего более развит. И наикрепчайшая капиталистическая организация не в состоянии оградить массы от тех необыкновенно мучительных страданий, которые создает капиталистическая анархия, однако, она в гораздо большей степени, чем молодые капиталистические страны, способна держать эти массы в повиновении.

Социалистическая революция начинается прежде всего в тех странах, где всего слабее организация капитала. Капиталистические страны с наиболее дезорганизованными органами принуждения являются пунктами социалистического прорыва. Именно в них начинается социалистическая революция. В национальных пределах она с трудом укрепляется, ибо после победы над собственной буржуазией, она видит над собой дамоклов меч буржуазии стран, оставшихся еще капиталистическими. Победоносно социалистическая революция может утвердиться только на всем пространстве континента; но так как социалистическая революция не может ждать, пока по ее зову встанет пролетариат всего мира, то ей приходится, наоборот, довольствоваться тем, что национальные социалистические революции, являющиеся сами

продуктом интернациональной капиталистической разрухи, представляют собою элемент ее собственного дальнейшего развития в международном масштабе. Тем самым разрешается и первый вопрос, возникающий перед международным пролетариатом: когда может начаться социалистическая революция? Социалистическая революция может начаться и начнется повсюду, где капитал создаст для рабочего класса невыносимое положение. Страдания народа не считаются со статистикой Кунова и К°, и революционный кратер не ждет, чтобы ему подали знак статистические схоласты из числа „тоже"-марксистов. Кто доказывает невозможность социалистической революции со статистическими таблицами в руках, тот показывает, что ровно ничего не понимает в марксизме. Фридрих Энгельс мог ошибаться, предполагая в 80-х годах, что конец капитализма близок. Но уже самая возможность такой ошибки свидетельствует о том, что Энгельс не имеет ничего общего с этим статистическим пониманием своего и марксова учения. Подобное одервенение марксизма грешило против самого духа марксизма, но объяснялось условиями мирного капиталистического развития. После опыта русской революции оно не только представляет собою результат контр-революционного умонастроения, но и является контр-революционной утопией, как показывает тот же самый опыт. Никакие заклинания в духе фальсифицированного Маркса не спасли Данов и Церетели. „Еще не созревший для социалистической революции пролетариат" выбросил их на сорный двор истории, откуда они еще могут оплевывать, но не в состоянии задержать революцию русского рабочего класса. Европейский капитал, быть-может, временно сломит эту революцию, если европейский пролетариат в более или менее близком будущем не обратится к тому же оружию, что и русские пролетарии. Но того, что она есть пролетарская революция, что она героически стремится заменить анархически-капиталистическое хозяйство социалистической организацией, что она, стало-быть, является социалистической революцией, которую могут задушить только Атиллы империализма,—этого у нее никогда не отнимут ни меньшевики, ни их европейские подголоски, точно

так же, как и она сама никогда не в состоянии будет изменить своему социалистическому характеру: ибо ее социалистический характер высится над нею, как путеводная звезда, он возник с железной необходимостью из империалистического характера войны.

7. Диктатура пролетариата.

Социалистическая рабочая революция в России показывает европейскому пролетариату дорогу, которая ведет к власти. Мировая капиталистическая пресса кричит, что это — кровавая дорога, она кудахчет по поводу грубого насильственного характера революции. Это ее право. Капитал создал ее органом борьбы против рабочего класса, и ее обязанность состоит именно в том, чтобы грязнить и клеветать на первую рабочую революцию, дабы отпугнуть рабочих других стран головою Медузы. Но каким образом доходят Аксельроды, Мартовы и — risum teneatis — Каутские до того, чтобы ссылаться на насильственность революции, как на обвинительный пункт против нее? Не они ли сами защищали против реформистов идею диктатуры пролетариата?

Что значит диктатура? Диктатура — это такая форма господства, при которой один класс непоколебимо диктует другим свою волю. Во время социальной эволюции, когда какой-нибудь класс только готовится к борьбе за власть, он отвергает насильственные меры, — потому что слишком слаб для того, чтобы пользоваться насилием. Он только собирается с силами. Поэтому и господствующий класс не имеет надобности действовать против него открытым насилием. Господствующий класс держит насильственные меры только наготове, но предоставляет некоторым классам некоторую свободу действия, по крайней мере до тех пор, пока считает их неопасными. Но в ту минуту, когда господствующий класс налагает на подчиненные классы тяготы, которые настолько значительны, что он начинает опасаться, не откажет ли ему порабощенный класс в повиновении, он применяет к нему механизм

насилия. Такого рода тяготы приносит рабочим массам война, и поэтому она повела за собою прекращение даже тех куцых свобод, которыми рабочий класс пользовался в мирное время, т.-е. она привела к диктатуре империализма, обошедшейся пролетариату в миллионы трупов. Чтобы сломить диктатуру империализма, рабочий класс должен применить насилие: он производит революцию. Но господствующий класс никогда не бывает побежден с одного удара. Однажды потерпев поражение, он стремится вновь подняться и имеет возможность сделать это, так как победа революции отнюдь не в состоянии в мгновение ока изменить хозяйственный строй страны, вырвать свергнутый класс с корнем. Социалистическая революция представляет собою длительный процесс, начинающийся низвержением капиталистического класса, но оканчивающийся только с превращением капиталистического хозяйства в трудовое общество. Этот процесс потребует в каждой стране по меньшей мере одного поколения, и такой промежуток времени явится именно периодом пролетарской диктатуры, периодом, в течение которого пролетариат должен одною рукою постоянно сызнова бросать класс капиталистов на землю, а другою совершать дело социалистического строительства.

Все, что с принципиальной точки зрения приводится против насильственного господства русского рабочего класса, означает не что иное, как не только полное отрицание марксистского учения, но и забвение простейших исторических фактов.

Если какой-нибудь Реннер имеет смелость с ясным лбом и ученой миной доказывать, что политическая революция, т.-е. решительное применение насилия, противоречит характеру социалистической революции, потому что социалистическая революция требует организации нового экономического строя, а не насилия, то это только значит, что этот марксист, ранее по-лассалевски относившийся с обожанием к государству, вовсе не является сторонником государственной идеи в духе Лассаля, каким его зачастую изображали, а попросту низкопробным софистом капитализма. Именно

потому, что социалистическая революция должна преобразовать весь способ производства, доставляющий небывалые привилегии одному классу, она неминуемо возбуждает сильнейшее противодействие этого класса, которое можно сломить только железом. И чем сильнее развит капитализм в какой-нибудь стране, тем непреклоннее и ожесточеннее будет его самозащита, тем кровавее пролетарская революция и тем непреклоннее мероприятия, с помощью которых победоносный рабочий класс покорит себе под ноги класс побежденных капиталистов. Но моллюскообразные противники русской рабочей революции из лагеря „тоже марксистов" отвечают нам: дело идет вовсе не о принципиальном отказе от пролетарской диктатуры, но об отказе от диктатуры в стране, где пролетариат представляет собою меньшинство и где диктатура вырождается в господство меньшинства над большинством, подобно тому, как это, якобы, случилось в России. Этот аргумент является трусливой передержкой.

Нигде, ни в одном государстве, революция не начнется, как дело большинства населения. Капитализм никогда не равнозначущ только с физическим господством над средствами производства, повсюду он одновременно означает духовное господство над народными массами, даже в наиболее развитых капиталистических странах. Под давлением нужды и несчастий, под влиянием таких потрясений капиталистического режима, как война, униженные и порабощенные внезапно сбрасывают свое ярмо. Но сбрасывает его всегда сначала только активное меньшинство, оно производит революцию, успех которой зависит от того, соответствует ли эта революция линии исторического развития, т.-е. интересам народных масс, способных сменить класс, господствовавший до революции. Только творческая и бодрящая сила революции может всколыхнуть всю народную массу, освободить ее от духовного рабства, привести ее в тот лагерь, где защищаются ее собственные интересы. Можно было бы сказать, что каждая революция начинается меньшинством, большинство же переходит на ее сторону только в процессе ее

развития и завершает ее победу. Если бы дело обстояло иначе, то диктатура была бы в стране с пролетарским меньшинством, подобно России, не только вредна, как утверждает Каутский, но она была бы бесполезна в стране с пролетарским большинством, где Каутский однако благосклонно готов допустить диктатуру. Капиталистический класс представляет в этих странах такое ничтожное меньшинство, что он, вообще, не был бы в состоянии поднять оружие против пролетариата. Значит, одно из двух: либо марксово учение о неизбежности пролетарской диктатуры, как пути к социализму, в действительности устарело, либо эта диктатура столь же допустима в России, как и во всякой другой стране.

8. Революция и контр-революция.

Русская революция познакомила нас с конкретными формами буржуазного сопротивления и пролетарской диктатуры, подобно тому, как она вообще являет характерные черты рабочей революции. Фридрих Энгельс показал в „Анти-Дюринге“, как капитализм развивает милитаризм, милитаризирует весь народ или ставит его под начало фельдфебеля, но в то же самое время создает элементы, разлагающие милитаризм, внося в армию классовую рознь, которая на определенной ступени развития выбивает из рук капитала оружие армии, раскалывая армию на ее пролетарские и буржуазные части, на красную и белую армии. Об этом позабыли ученики Маркса и Энгельса, когда беспрестанно ссылались на знаменитое замечание Энгельса в предисловии к „Классовой борьбе во Франции“, в котором Энгельс указывает на ширину улиц и т. п., как на обстоятельства, затрудняющие восстание. Русская революция показала, как восстание может в разной мере победить в открытом бою и в окопном сражении, не говоря уже об уличных боях, когда идея революции зажигает солдатские сердца и ведет их массовыми колоннами на штурм капиталистической армии и буржуазного общества. Русская революция показала далее, что попытки создавать новые армии из капиталистических

и колеблющихся элементов являются самым главным методом буржуазной контр-революции. В странах более высоко развитого капитализма, с крепким, сытым капиталистическим крестьянством, эта тенденция контр-революционной буржуазии окончится непосредственно сражением между полками, происходящими из пролетарских и мужицко-капиталистических местностей. Гражданская война между революцией и контр-революцией будет войной в буквальном смысле слова. Развитие мировой пролетарской революции приведет к превращению империалистических фронтов в революционный и контр-революционный фронты. Немецкое нападение на Украйну, франко-англо-японское нападение на Россию свидетельствуют именно об этой перспективе. Развитие революции и контр-революции ребром поставит вопрос о стратегии социалистической революции. Русская революция показывает, в каком направлении разовьется этот вопрос. Если русская революция страдает из-за отсутствия офицерства, из-за того, что ей приходится точно так же воспитывать пролетариев для роли руководителей армиями, как и для роли руководителей фабриками, то это — не только русская проблема. De te fabula narratur (о тебе рассказывается в сказке), — говорит военный опыт русской революции европейскому пролетариату, но вместе с тем этот опыт показывает, что и в военном отношении пролетарская революция в конце-концов непобедима. Она побеждает благодаря тому, что буржуазия в качестве незначительного меньшинства не в состоянии образовать и своего контр-революционного войска из чисто буржуазных элементов, она вынуждена организовывать свои контр-революционные армии из обманутых пролетарских элементов, которые разлагаются в борьбе против армий революции и раньше или позже переходят на сторону революции.

Подобно тому, как господство буржуазии покоилось не на одном только насилии, но и на ее значении в качестве руководительницы производств, она будет стараться победить и пролетарскую революцию не одной только вооруженной силой; саботаж буржуазии и буржуазной интеллигенции, достигший в период от октябрьского восстания до марта

месяца (1918 г.) в России наивысшего напряжения, является не только русским продуктом. Он служит хорошим предостережением европейскому пролетариату. И когда ныне евнухи марксизма указывают на то обстоятельство, что русский пролетариат до сих пор еще не был в состоянии социалистически организовать производство, то они, не замечая этого, издеваются сами над собой. Буржуазия и буржуазная интеллигенция будут повсюду чинить величайшие препятствия организационной работе пролетариата, и нигде пролетариат, даже наиболее развитой, не будет в состоянии в короткий срок найти в собственных рядах силы, необходимые для того, чтобы провести организационную работу социализма. В благословенной стране организованности, в Германии, число рабочих, которые уже сегодня были бы способны самостоятельно руководить целыми отраслями промышленности, чрезвычайно ограничено; даже количество рабочих, которые смогли бы в качестве техников взять в свои руки производство на отдельных фабриках, очень невелико. Это знает каждый, действовавший среди немецкого рабочего движения. Ценою многократных ошибок рабочий класс каждой данной страны научится управлять производством, и нигде он не сможет на первых порах отказаться от услуг буржуазных специалистов. Подобно русским рабочим, он вынужден будет прибегнуть к железной диктатуре для того, чтобы взять буржуазные элементы в услужение к рабочему классу.

Нигде пролетариату не удастся избежать той борьбы, которая заставила русский рабочий класс прибегнуть к мерам строжайшей диктатуры: борьбы за хлеб. Нигде крестьяне не станут сразу и без оговорок на сторону революции. В капиталистических странах еще меньше, чем в России, где революция дала им и землю, и волю.

Где революция приведет к военному столкновению пролетарских и крестьянских полков, там она и в социальной плоскости превратится в войну между крестьянами и рабочими за хлеб, пока побежденное крестьянство не поймет, что социалистическое общество обеспечивает ему более человеческое существование, чем капиталистическое.

9. Демократия или господство рабочего класса.

Уже из этого видно, каким старческим упрямством или старческим слабоумием нужно обладать для того, чтобы обвинять русскую революцию в том, что она не особенно бережно относится к бедной демократии. Конкретно говоря, демократия является господством капитала, достаточно сильного и достаточно утвердившегося в мировоззрении масс, чтобы позволить себе роскошь предоставления им свободы рассуждать о государственных делах. Демократии, означающей что-либо большее, современная история не знает, ибо там, где народные массы еще только собираются перейти от свободы слова к праву распоряжаться судьбами государства против воли его капиталистических повелителей, демократия разлетается в пух и прах. За кулисами современной демократии стоит господство капитала Так как пролетариат в период слабости был заинтересован в том, чтобы свободно говорить, свободно выбирать, собирая таким образом свои силы, то мы усмотрели в демократии дорогу к социализму; это значило, что мы нуждались в свободном участии в государственных делах для того, чтобы мобилизовать массы на борьбу за социализм. Но абстрактно демократия означает господство большинства народа. Мысль, что пролетариат только тогда начнет революцию, когда убедится в том, что за ним стоит большинство народа, уже потому совершенно нелепа, что капиталистическая демократия никогда не будет оставлена капиталистами в покое до той поры, пока пролетариат не сможет убедиться, что большинство на его стороне. Нигде тяжело эксплоатируемые рабочие-подростки и работницы не пользуются полноправием. Имей они его, буржуазия послала бы парламенты к чорту задолго до того, как рабочие получили бы возможность мирным путем осуществить волю большинства. Но вообще нелепо предполагать, что мирным путем, чистой агитацией, без революции, можно преодолеть недоверие народных масс к своим собственным силам. Только в революции передовые ряды рабочего класса могут увлечь за собою народные массы.

А революция означает, что один класс диктует другому свою волю. Условие, которое Каутский и К⁰ ставят революции, заключается в следующем: у нее, правда, есть право диктовать буржуазии свою волю, но она обязана при этом предоставить буржуазии возможность при посредстве свободы печати, с трибуны Учредительного Собрания, предъявлять свои жалобы. Это остроумное требование присяжного жалобщика, которому не столь важно поставить на своем, сколько хочется доставить свое прошение по назначению, можно было бы, абстрактно говоря, исполнить, не вредя революции; но революция в том-то именно и заключается, что представляет собою гражданскую войну, а классы, воюющие друг с другом пушками и пулеметами, пренебрегают словесными дуэлями героев Гомера. Революция не спорит со своими врагами, она уничтожает их, контр-революция делает то же самое, и обе спокойно снесут упрек в том, что ими не соблюден наказ, обязательный для заседаний немецкого рейхстага.

10. Советы—знамение международного пролетариата: „сим победиши".

Русская революция показывает интернациональному пролетариату те резкие черты, которые завтра он,—почернев в пороховом дыму,—сам с гордостью заметит на своем лице. Кого это лицо пугает, кто отворачивается от него, как от головы Горгоны, тот вообще отвернется от пролетарской революции, отвернется от социализма. Но русская революция показывает европейскому пролетариату не только предстоящие сражения, которые ему придется довести до конца, если он не захочет погибнуть в тине окопов, но и формы, знамения его победы. Какой вид будет иметь форма пролетарской диктатуры в Европе? Она возникает в виде Советов, т.-е. представительства рабочих на фабрике, в городе, в деревне и в госу-

дарстве. Вот форма, в которой конституируется господство европейских рабочих. Идея Советов настолько проста, что никто не в состоянии был бы изобрести ее. Только история, подобно природе, вырабатывает свои кристаллы с такой гениальностью. В фабрике корпели рабы капитала. Фабрика связана тысячью нитей с остальными фабриками, со всем хозяйственным укладом своей местности. Она связана с местными путями сообщения, с фабриками, перерабатывающими ее полуфабрикаты или поставляющими их ей, зависит от всех фабрик той же промышленной отрасли и, наконец, от всего хозяйства страны. Представительство фабрики является поэтому политической и хозяйственной клеточкой государственного механизма. Представители пролетариата данного места являются государственной властью этого места и вместе с тем его хозяйственным управлением. Подобно тому, как в политической области представители рабочих всей страны получают предписания от рабочих на местах, но одновременно обобщают их и делают законом для местных органов государственной власти, коренятся, стало-быть, в местных рабочих Советах, противопоставляя, однако, этим рабочим Советам всеобщие интересы пролетариата, точно так же и всеобщий хозяйственный Совет, состоящий из представителей рабочих, делается органом, выводящим местные Советы хозяйства из сферы местных интересов и подчиняющим их общему экономическому интересу страны. В практике русской революции выяснилось, какие элементы синдикализма были сильны, жизнеспособны, плодотворны и какие страдали мелкобуржуазностью, цеховой ограниченностью. Рабочие одной какой-нибудь фабрики в качестве хозяев этой фабрики легко могут увлечься своими сепаратными интересами, которые превратили бы их в мелких буржуа. Совет хозяйства каждой отрасли промышленности представляет на фабрике интересы и потребности развития всей этой отрасли. Но и он мог бы поставить интересы пролетариата одной какой-нибудь, особо важной промышленной отрасли выше общих интересов рабочего класса. Всеобщий Совет хозяйства, намечающий и проводящий весь план хозяйственного строительства, находит равнодействующую в этом переплете интересов, делает законом всеобщий

интерес. Так преодолеваются цеховые тенденции синдикализма, и в то же время разрешается проблема, существование которой он отрицал из недоверия к обанкротившейся демократии и которой он и знать не хотел. Съезд рабочих Советов, Исполнительный Комитет рабочих Советов — вот государственная власть пролетариата: не средство капиталистического угнетения, а, напротив, боевой орган пролетариата. Советское правительство не есть демократическая форма правления, оно есть форма рабочего правительства; оно ясно обнаруживает его классовый характер, не прикрывает его демократическими фразами, но в то же время является формой правления, в которой воля рабочего класса находит полное и непреклонное выражение. Тем самым разрешается и та проблема, которая была неразрешима в пределах буржуазной демократии: проблема бюрократии.

Синдикализм с отвращением отвернулся от бюрократической проблемы, он хотел уничтожить и бюрократию, и ее организацию,—но он не мог ее уничтожить, он только отрицал ее на словах. В капиталистическом обществе пролетариат осужден ловить крохи, падающие со стола капиталистической науки. В капиталистическом обществе даже рабочее движение нуждалось в бюрократах (чиновниках), которые одни только и обладали достаточным досугом и временем для того, чтобы изучить технику рабочего движения. После свержения капитализма, в процессе социалистической революции, глубоко всколыхнувшем массы и взбудоражившем все ее способности, рабочий класс получил впервые за всю свою историю возможность действительного самоуправления.

Правительство Советов Рабочих Депутатов, могущих постоянно быть переизбранными, постоянно возвращающихся к родной почве — на фабрику, — будет той формой, в которую выльется победа пролетариата над капитализмом в мировом масштабе и поможет ему осуществить социализм. И в высшей степени характерно то обстоятельство, что все эти „марксисты", выискивающие в русской революции сучки и задоринки и до сего дня пытающиеся нападать на идею Советского правительства, должны

для этого защищать ни много, ни мало,—империалистические черные кабинеты, в которых бюрократия, совместно с представителями финансового капитала, вершит судьбами государства.

Парламент—это дискуссионный клуб, простая говорильня. Парламент не управляет фабриками, не проводит железных дорог. Либо государственной машиной, все больше превращающейся из полицейского механизма в хозяйственную контору, будет управлять бюрократически-капиталистическое товарищество дельцов, при которых парламент играл бы только роль кулисы, либо надобно было создать такие органы управления, в которых рабочие совместно со специалистами приводили бы в движение хозяйственный аппарат и управляли бы им. Так как эта альтернатива ясна каждому, имеющему малейшее представление о фактическом механизме так-называемых демократических государств, то противники Советского правительства должны были ограничиться защитой права нации, т.-е. буржуазии, упражняться в болтовне, но они не осмелились защищать ядро фактического господства объединенных бюрократов, финансовых живоглотов, иначе говоря, они должны были оставить без всякого внимания кардинальный вопрос о формах рабочей революции. Это—наилучшее доказательство тому, что эти ученые господа вовсе не в состоянии были не только действительно бороться против русской революции, но хотя бы только действительно понять ее.

Европейский пролетариат в ближайшее время, без сомнения, так быстро замарширует, что у него не будет времени знакомиться с практикой русской революции из ученых книг. Он практически усвоит ее, прежде чем ему удастся ознакомиться с нею документально. Мы, испытывающие необыкновенное счастье после четырех лет ужасов мировой войны—жить, т.-е. бороться, среди вновь нарождающихся форм общественного уклада, не обольщаемся надеждой стать учителями европейского пролетариата. Но поскольку история дает ему еще некоторую передышку для того, чтобы позна-

комиться с уроками русской революции, хотя бы в схематическом изложении, перед тем, как практически применить и обогнать их, постольку наша задача заключается в том, чтобы дать картину желаний и действий русского пролетариата. Пусть факты говорят тогда сами за себя страждущему сердцу пролетариата и его уму, который считается с фактами, как с таковыми, и не требует для них никакой рекомендации. Русская революция не нуждается в защите перед трибуналом европейского пролетариата. Если социализм действительно заполнял все помыслы двух поколений лучших сынов пролетариата,—а мы убеждены в этом,—то они узнают его в русской революции, ибо она представляет собою первый шаг в развитии социализма от теории к делу. И они уже узнали в русской революции осуществление своих чаяний. От Сан-Франциско до Владивостока, каким бы путем ни двигаться, через Атлантический ли, или через Тихий океан, изо всех стран света ежедневно до нас доходят свидетельства тому, что, несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на трусость предателей социализма, рабочий класс всего мира, едва только начиная приходить в движение, едва только начиная чувствовать волю к борьбе, направляет свой взор к залитой кровью России, к России, в которой рабочий класс борется с целым сонмищем врагов и в которой он,—как мы твердо надеемся,—победит.

Москва, сентябрь 1918 г.

Неделя, когда Ленин, мозг и сердце мировой революции, боролся со смертью и победил ее.

ОСНОВАНИЕ КОМИНТЕРНА

I. Развитие мировой революции и тактика Коминтерна.

Введение.

Состоявшийся в первых числах марта 1919 года в Москве первый учредительный конгресс Коммунистического Интернационала сформулировал в целом ряде тезисов („Директивы Коммунистического Интернационала", „Буржуазная демократия и пролетарская диктатура", „Отношение к социалистическим течениям и Бернская конференция", „Международное положение и политика Антанты") и в своем манифесте взгляд представителей коммунистических партий на результаты мировой войны и вызванную ею перемену в положении рабочего класса и той политике, которой должен придерживаться международный пролетариат. Учредительный характер конгресса, короткий срок, истекший к моменту его возникновения с начала окончания мировой войны, отсутствие представителей коммунистических партий и групп из стран Антанты необходимым образом привели к тому, что все решения конгресса носят лишь общий характер. Девять месяцев социальной мировой революции и всемирно-политической борьбы, истекших со времени конгресса, ярче выявили контуры мировой революции и тем самым поставили коммунистические партии Срединной и Западной Европы пред рядом вопросов, ныне ждущих своего разрешения, дабы коммунистические партии тех стран, в которых пролетариат еще не победил, помогли ему обрести широкий путь борьбы и сократить время блуждания, хождения ощупью и искания. Ответ на эти вопросы может последовать лишь на основании взаимного обмена опытом, накопленным отдельными

коммунистическими партиями в их практической борьбе, при чем выводы из этого опыта должны подвергнуться оценке в рамке развития мировой революции с точки зрения целей, положенных в основу Коммунистического Интернационала в Москве. Попытку такой оценки представляют собою следующие статьи, которые предлагаются при этом всем коммунистическим партиям, как дискуссионная основа для подготовки 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. Так как они написаны в тюрьме, где их автор, отрезанный от своих боевых сотоварищей, мог получить представление о живой картине борьбы лишь на основании прессы (при чем в отношении Америки социалистическая пресса совершенно отсутствовала), то они, конечно, далеки от того, чтобы без пробела объять меняющиеся ситуации, а также ответить без пробела на все вопросы борьбы. Однако, тот факт, что автору было суждено соединить выводы из опыта русской и германской революции, внушает ему надежду, что, несмотря на сознаваемые им недостатки, последующие статьи, помогут коммунистическим партиям Запада более ярко выявить и разработать свой собственный революционный опыт.

1. Источники дальнейшего развития всемирной революции.

Развитие мирового хозяйства со времени учредительного съезда Коммунистического Интернационала показало, что буржуазия не в состоянии преодолеть того анархического состояния производства, которое привело к мировой войне, истерзало и разрушило всю систему мирового хозяйства. Когда победители, под маской условий перемирия, грабили побежденных, то это можно еще было рассматривать как взрыв воинствующей ненависти или как результат милитаристической политики насилия. Но условия мира, продиктованные Германии и Немецкой Австрии в Версале и Сан-Жермене, показали, что „план экономического возрождения“ победивших капиталистических клик заключается в ограблении одной части капиталистического мира другою его частью. Побежденные капиталистические страны не только должны

нести свои собственные военные издержки, но оплатить восстановление местностей, разрушенных войной, как равно возместить и все вообще военные убытки для того, чтобы избавить народные массы стран-победительниц от невыносимых тягот войны и удержать их, таким образом, от натиска на твердыни капитализма. Но это означает не что иное, как полный распад мирового капиталистического хозяйства. Мировое хозяйство представляет собою органическое целое, несмотря на то, что взаимная связь отдельных его частей выражалась до сих пор в первую голову через соревнование и борьбу. Страны победоносной буржуазии не смогут перевести свое военное производство на мирное положение в старом и тем менее еще в расширенном масштабе в том случае, если побежденные страны, представлявшие собою не только главных конкурентов, но и главных покупателей, окажутся разрушенными. Переложение военных тягот на плечи побежденных стран и прямое или косвенное отчуждение их средств производства прежде всего разрушит их денежную систему в еще большей степени, чем это сделала война с ее ростом задолженности и гигантским увеличением бумажных денег.

Полнейшее обесценение валюты в побежденных странах, с одной стороны, герметически замыкает их от ввоза сырых материалов и продуктов питания, абсолютно необходимых для восстановления их хозяйственной жизни, а с другой стороны, понуждает их к вывозу последних товарных запасов и средств производства. Если побежденные страны выбывают, таким образом, из строя в качестве конкурентов стран-победительниц после окончательной распродажи всех своих товаров по совершенно невыгодным ценам, то вместе с тем они теряют и свою покупательную способность. Страны-победительницы оказываются обреченными на хозяйственные сношения между собою и с аграрными странами, что неминуемо должно приостановить их хозяйственное развитие, повысить безработицу и, таким образом, ускорить крушение капитализма в странах-победительницах в то время, как в побежденных странах это крушение становится неизбежным фактом ближайшей действительности.

Дальновидные круги торгового и финансового капитала

не могут не заметить этого (смотри заявления „New-York City Bank“ в его отчете от января 1919 г., заявления Вандерлипа, позицию „Manchester Guardian и „Daily News“). Они вполне последовательно заявляют, что мировую разруху и всемирную революцию удастся только в том случае предупредить, если мир будет рассматриваться, как „целое“, т.-е. если победоносный капитал сам поможет справиться своим побежденным конкурентам для того, чтобы восстановить механизм мирового хозяйства. Однако, эта дальновидная политика оказалась утопией. Хотя она и представляет собою единственный якорь спасения для капиталистического порядка, но вместе с тем она предъявляет большие требования к победоносным капиталистическим кликам. В виду громадной задолженности, вызванной мировой войной, затяжного характера которой они никак не предвидели, этим кликам угрожает необходимость больших затрат капитала, а эта необходимость становится тем ощутительнее, чем ожесточеннее рабочий класс и мелкая буржуазия восстают—даже в странах Антанты—против каждой попытки перевалить на их плечи тяготы военных расходов. Поэтому они конвульсивно и цепко придерживаются политики грабежа побежденных, которая неминуемо должна привести мировой капитализм к катастрофе.

Но еще прежде, чем наступит это крушение всемирного капитализма в результате варварской системы грабежа, ослепленная погоня победоносных капиталистических клик за наживой приведет в их собственных странах к социальным столкновениям, которые неминуемо ускорят катастрофу. Вместо того, чтобы немедленно приступить к восстановлению разрушенных очагов производственной деятельности, различные капиталистические клики ожесточенно оспаривают друг у друга право на восстановление Северной Франции, Бельгии, Сербии и на связанную с этим делом прибыль. Вместо того, чтобы содействовать понижению цен на жизненные припасы и сырье, искусственно взвинченных за время войны, и тем самым облегчить дальнейшее производство и успокоить недовольство народных масс, тресты и артели стремятся не только поддержать эти цены на нынешней высоте, но даже, по возможности, еще больше поднять их,

что, разумеется, заставляет и рабочий класс добиваться с помощью стачек повышения заработной платы. А это в свою очередь ведет не только к постоянным перерывам производительной деятельности, к созданию массового тяготения к революции в пролетариате, спаиваемом массовыми стачками, но и к товарному голоду, перебоям транспорта, скоплению товаров в портах и, наконец, еще большему вздорожанию цен. Вместо того, чтобы отметить все более возрастающее даже в таких индивидуалистических странах, как Америка и Англия, нежелание пролетариев работать ради капиталистической погони за наживой и все более повышающееся стремление к обобществлению производства предоставлением пролетарским организациям права контроля над производством, магнаты северо-американских трестов отказываются даже признавать коллективные рабочие договоры, английские угольные бароны отклоняют переход рудников в собственность государства, предложенный парламентской комиссией, а немецкие капиталисты открыли ожесточенный поход против законопроекта о фабрич.-завод. комитетах., с помощью которых лакеи капитала из социалистов большинства намеревались предоставить рабочему классу видимость контрольного права для того, чтобы воспрепятствовать установлению революционных советов в предприятиях и проведению фактического контроля. Вместо того, чтобы добровольно пожертвовать часть своих неслыханных военных прибылей для облегчения тягот войны, под которыми народным массам пришлось бы задохнуться, капиталистические классы стараются повсюду улизнуть от всякого обложения и содействуют безграничному росту задолженности, беспрестанно выкачивая из государства деньги. На краю пропасти, накануне пролетарской революции, победоносный капитал бросает вызов рабочему классу, опираясь на свое право победителя и ничего не желая слышать о социальных реформах, которые могли бы, быть-может, дать ему некоторую отсрочку перед казнью.

Но если экономическое положение и хозяйственная политика буржуазии делают революцию неизбежной даже в победивших странах, то мировая политика победоносного капитала Антанты в свою очередь во все большей степени повышает мировые революционные тенденции.

Год, протекший после окончания мировой войны, был заполнен организацией малых войн и созданием центров будущих мировых конфликтов. Срединная Европа видит искалеченную Германию, обглоданную Австро-Венгрию, в которых частью по национальным, частью по экономическим мотивам Антантой прямо-таки взращивается семя ирредентизма и воинствующего духа. Польшу подговаривают к аннексии немецкого, украинского, литовского, белорусского населения для того, чтобы, насильственно противопоставив ее Германии и Советской России, превратить ее в вооруженного наемника французских шейлоков. Чехо-Словакия попадает, благодаря данайским дарам Антанты, в длительную оппозицию к немецкой Австрии и Венгрии для того, чтобы прежняя Австрийская империя не смогла возродиться. Но вместе с тем Чехо-Словакия вступает в конфликт с Польшей из-за Тешенского угольного бассейна. На Востоке Антанта с помощью угроз и обещаний держит на своей привязи окраинные государства, отрубленные немецким мечом от тела России без какого бы то ни было опроса их населения, и в то же самое время отказывается официально признать их отчасти для того, чтобы в случае надобности заставить их откупиться за свою независимость борьбою против Советской России, отчасти, чтобы вынудить у них за признание их самостоятельности экономические льготы и преимущества, или же с головой выдать их белым генералам, в случае победы русской контр-революции, в обмен на соответствующие уступки в Азии, на всякого рода хозяйственную поживу. Но на юго-востоке зияет противоречие между итальянским империализмом и Юго-Славией, и Антанта оказывается принужденной безгласно созерцать, как Д'Анунцио, герой ртутных втираний, объявляет ей частным образом войну, и как Италия конспирирует с Болгарией, национальные нужды которой приносятся в жертву националистическим притязаниям Сербии. Год спустя после Версальского мира турецкий вопрос точно так же далек от разрешения, как он был в течение всего XIX столетия буржуазной политики. В то время, как державы Согласия спорят о том, каким образом „освободить" греков, армян, сирийцев и арабов так, чтобы самим освободителям не пришлось вступить в руко-

пашную, курды преспокойно громят армян, как в лучшие времена Абдул-Гамида, а младотурки, в лице своих вожаков, вздернутые на виселицу,—правда, только in effigie (на портрете),—организуют армию, которая, не обращая ни малейшего внимания на запреты и заклинания Антанты, тем спокойнее может продолжать борьбу за независимость Турции и за завоевательные права прежней господствующей расы, что имеет полное основание рассчитывать на поддержку французского и итальянского империализма против английского. Уничтоженное с исчезновением империалистической России равновесие на Дальнем Востоке делает положение на тихоокеанском побережье до такой степени неясным, столь чреватым всевозможными неожиданностями, что английское адмиралтейство подготовляет перенесение базы английского флота с Северного моря на Тихий океан (доклад адмирала Джелико), между тем как английская дипломатия подготовляет возобновление англо-японского союза; разногласие между англосаксонцами и их японскими союзниками по поводу закабаления сорока миллионов китайских „союзников“ („аренда“ Шантуня) еще не устранено. А в Китае, между тем, разрастается не только антияпонское движение, о котором с „соболезнованием“ сообщает английская пресса, но и движение против всякой чужеземной капиталистической эксплоатации вообще. И оно есть только составная часть того движения, которое охватило весь Восток,—Корею, как и Японию, Индию, как и Египет,—и имеет те же самые национальные корни, что движение негров в Американских Соединенных Штатах: пушечная канонада мировой войны разбудила „колониальные“ народы. Они видят опасность, угрожающую их повелителям, и спешат ныне предъявить свои требования, чтобы примкнуть завтра сомкнутым революционным строем к освободительной войне мирового пролетариата. Антанта, обещавшая народам вместо казармы от Гамбурга до Багдада союз на началах свободы и равноправия, победив, вознамерилась образовать союз пяти капиталистических великодержавных государств под эгидой американских королей треста для закабаления всего мира,—так-называемый „союз народов“. Однако, и создание такого рода международного кровяного, потовыжимательного треста сорвалось. Соучастники

этого треста скалят друг на друга зубы, работают друг против друга и даже науськивают друг на друга тех самых борзых, которых они дрессировали только ради охоты за пролетарской дичью. На месте одной единственной эльзас-лотарингской раны зияет добрых два десятка, вокруг каждого национального вопроса разгораются сначала столкновения только непосредственно заинтересованных, которые способны, однако, при обострении бросить друг против друга и всех вообще союзников. Невзирая на Лигу Нации, имеющуюся пока только на еще не вполне ратифицированной бумаге, тайная дипломатия работает уже над созданием тайных соглашений, и вместо разоружения мы видим всеобъемлющую программу вооружений. Пример Англии и Американских Соединенных Штатов, в мгновение ока сумевших вызвать как бы из-под земли целые армии, точно так же, как и технические перевороты во время войны, по поводу которых оба руководителя английского флота, лорд Фишер и Перси-Скотт, сочли возможным заявить о том, что морской флот должен будет уступить место воздушному,—повидимому, позволяют даже побежденным государствам иметь сладкую надежду на то, что им удастся принять участие в следующем побоище.

Социальное положение в каждой отдельной стране,—у победителей точно так же, как и у побежденных,—настолько пошатнуто, что нет такого правительства, которое могло бы открыто заявить, что дома у него не появляется призрак коммунизма. Всемирно-политические противоречия, зияющие и кровоточащие раны на теле человечества, еще более развивают, еще более обостряют социальные противоречия, так как заставляют ныне попрежнему поддерживать расходы на вооружение и угрожают завтра же снова бросить народы на поле битвы,—опасность, значение которой тем более велико, что ни на востоке, ни на юго-востоке Европы пушки еще не перестали грохотать, поля сражений не перестали еще поставлять свежинку ястребам.

Перспектива развивающейся мировой революции, в которую мы еще только вступили, представляет собою основу тактики Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал опирается не на субъек-

тивные желания, а на анализ мирового хозяйства и мирового политического положения и тенденций его развития, когда пишет на своем знамени лозунг мировой революции. Заявление социал-патриотов, что всемирная революция есть только призрак и выдумка (см. речь Шейдемана от 9-го ноября), выражает страх этих предателей социализма перед пролетарской революцией, их лихорадочное желание как-нибудь сплотить тающие ряды своих сторонников. Точно так же приходится за полной необоснованностью отвергнуть и воззрения представителей одной части так-называемого центра Интернационала, которые, подобно Каутскому и О. Бауэру, объявляют без всякого намека на доказательства революционное движение „пока" законченным и ожидают нового его оживления только после экономического подъема. Коммунистический Интернационал видит в мировой революции процесс, сопровождающийся приливами и отливами, и у него нет никаких оснований закрывать глаза на факты, хотя бы эти последние свидетельствовали о временном затишье мировой революции. Но дело в том, что подобных фактов не существует. История последнего года мировой революции показывает, что то, что центровики воспринимают, как заключение революции, является в действительности крушением их собственных демократических надежд, разоблачением их самообмана и обмана колеблющихся социалистических элементов.

То, что людям, жестоко разочарованным крушением своих иллюзий, представляется, как конец мировой революции, является переходом революции от мелкобуржуазной к пролетарской, к коммунистической фазе.

2. От демократических иллюзий через диктатуру буржуазии к диктатуре пролетариата.

Учение Маркса и Энгельса о государстве, рассматривающее государство, как орудие господства одного класса над другим, представляет собою результат анализа всей истории человечества со времени распадения первобытно-коммунистического общества. Учение о диктатуре пролетариата, т.-е.

о необходимости применить все силы государственной власти для преодоления тех препятствий, которые неизбежно вырастают перед пролетариатом, как организованно-господствующим классом, является в свою очередь результатом, с одной стороны, исторического опыта, свидетельствующего о том, что правящие классы никогда и ни при каких условиях не сдают добровольно своих позиций, а с другой, — теоретического исследования тенденций развития капиталистического общества, ведущих к беспрерывному углублению классовых противоречий. Парижская Коммуна обнаружила те формы диктатуры пролетариата, которые выражаются прежде всего в насильственном разрушении старой государственной организации, в уничтожении деления власти на законодательную и исполнительную. В то время, как в 1781 г. в Париже, благодаря чисто-местному характеру коммуны, мелко-буржуазному составу городского населения, его революционности, бегству контр-революционеров в Версаль, диктатура оказалась возможной через преобразование избранного на основе всеобщего избирательного права коммунального собрания, русская рабочая революция пришла инстинктивно к новой форме диктатуры — к советам рабочих и беднейшего крестьянства. Вопрос о том, явится ли эта форма подходящей и для революционной диктатуры на Западе, получил разрешение в первые же четыре месяца германской и австро-венгерской революций, с которыми приходилось считаться учредительному съезду Коммунистического Интернационала. Пролетариат названных стран приступил при первых же раскатах революции к созданию рабочих советов. В течение последующих месяцев, когда рабочие советы начали терять свой характер органов власти, потому что большинство пролетариата, достигшее власти не в результате борьбы, а вследствие внешних поражений, не сумело удержаться на своих позициях, борьба за власть между пролетариатом и буржуазией протекала в форме борьбы между рабочими советами и буржуазным парламентаризмом. Борьба эта пока-что окончилась в пользу буржуазии и буржуазного парламента частью в открытом вооруженном натиске буржуазии, частью благодаря тому смятению, которое внесли социал-демократические подголоски буржуазии в ряды

пролетариата. Буржуазия, вполне правильно учуявшая своим классовым инстинктом значение рабочих советов, как пролетарских органов борьбы, без которых пролетариату не преодолеть ее сопротивления и не разрушить ее господства, пользуется создавшимся положением для того, чтобы не только лишить рабочие советы государственного значения, но и вообще взорвать их, несмотря на то, что подобная тактика противоречит тому самому праву коалиций, за которое пролетариат боролся в течение 150 лет, и на которое буржуазия повсюду вынуждена была дать свое собственное согласие. Разгон берлинского рабочего совета социал-демократами, преследование, возбужденное Носке против исполкома берлинского совета рабочих и солдатских депутатов, показывают, насколько велики опасения, возбуждаемые в буржуазии самим фактом существования рабочих советов. Пролетариат, в свою очередь, не в меньшей степени, чем буржуазия, с каждым днем все нагляднее убеждается в том, что рабочие советы представляют собою наиболее действительное орудие его борьбы против буржуазии и являются той формой, в которую со временем выльется господство рабочего класса. После предварительной победы буржуазии в Германии идея рабочих советов стала среди германского пролетариата господствующей идеей, с каждым днем она пускает в нем все более глубокие корни, так что раскол среди рабочего класса происходит под лозунгом: за или против рабочих советов.

Растущая среди пролетариата разочарованность в буржуазной демократии, повышающаяся настойчивость, с которою революционный пролетариат начертывает на своем знамени лозунг рабочих советов, заставляют социал-демократический центр (независимая социал-демократия Германии, социал-демократическая левая в немецкой Австрии, руководимая Фридрихом и Максом Адлером), который вначале видел в рабочих советах только средство для поддержания порядка во время революционного „хаоса“, поближе подойти к советской идее для того, чтобы ее кастрировать, и съезд независимой социал-демократии, заседавший одновременно с учредительным съездом Коммунистического Интернационала, объявил себя стоящим „на точке зрения советской системы“,

потребовал законодательного признания советской системы (включения советской системы в конституцию?), решающего участия советов в законодательстве, в государственном и муниципальном управлении предприятиями. Ту же самую идею пропагандировали и левые социал-демократы в немецкой Австрии, при чем они настаивали на предоставлении Центральному Совету, на-ряду с буржуазным парламентаризмом, значения революционной высшей палаты с правом законодательной инициативы и вето (запрета), в качестве „неизбежного для переходного времени средства к тому, чтобы предохранить диктатуру пролетариата от терроризма и обеспечить спокойное, избегающее всех бурь гражданской войны развитие" (Макс Адлер „Демократия и советская система", стр. 32, Вена, лето 1919 г.). Но „бури гражданской войны" не дали этой идее возможности сделать хотя бы попытку к тому, чтобы перейти с столбцов печати в действительность. Буржуазия, однажды укрепившись в седле, вовсе и не думала о том, чтобы допустить рабочие советы к контролю. В самом существовании политических рабочих Советов она усматривает покушение на буржуазную демократию. Буржуазия осуществила в Германии и немецкой Австрии не компромисс между пролетарской и буржуазной идеей,—к которому стремятся центровики,—а открытую, свирепую диктатуру, покоящуюся на пулеметах и бомбометах. Утверждение Ленина (12 тезисов о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре), что „в капиталистическом обществе при всяком обострении лежащих в его основе классовых противоречий возможна только либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата", что „все мечтанья о чем-либо третьем являются только реакционными ламентациями мещанства",—этот тезис, подкрепленный сменой пролетарской диктатуры в Финляндии, на Украине и в Сибири белым террором буржуазной диктатуры, вполне подтвердился в Германии и немецкой Австрии. Несмотря на то, что в этих странах пролетарская диктатура еще даже не успела утвердиться, достаточно было одного только стремления пролетариата к ней для того, чтобы заставить буржуазию сбросить маску со своей собственной диктатуры: она устанавливает режим белого террора, не дожидаясь даже того, чтобы иметь воз-

можность оправдать его террором красным. Выяснилось, что идея центровиков о возможности компромисса между белой и красной диктатурой есть не что иное, как большая утопия маленьких утопистов, что, однако, отнюдь не лишает этой идеи ее опасного и путанного характера: не исключена возможность, что буржуазия в минуту опасности все-таки обратится к ней для того, чтобы удержать пролетариат от штурма. То обстоятельство, что часть реформистов — Коген и Каутский в Германии, Трельстра в Голландии—распространяют ее, свидетельствует об ее пригодности для буржуазии.

На-ряду с неспособностью буржуазии разрешить хотя бы одну только какую-нибудь из проблем, порожденных мировой войною, и облегчить участь пролетариата, открытая, свирепая диктатура воздвигается буржуазией в Германии и немецкой Австрии для того, чтобы предотвратить победу пролетарской диктатуры; палаческая диктатура, установленная в Венгрии после поражения пролетарской диктатуры, является залогом того, что дальнейшее развитие и победа революции неизбежны в форме пролетарской, коммунистической революции. Насильственно отрицая всякую возможность мирного развития, буржуазия сама толкает пролетариат в революционную борьбу, в борьбу насилием против насилия, оружием против оружия. Если пролетариат Срединной Европы победит в этой борьбе, то ему не останется ничего другого, как установить, основываясь на своем опыте, собственную диктатуру, при чем ему придется утвердить господство рабочих советов и в городе, и в деревне и поддерживать это господство всеми средствами, каких потребует положение. Это будет диктатура большинства рабочего народа, что, однако, не означает, что это большинство обязательно может быть вычислено с математической точностью, или же что оно будет в наличности как раз к моменту победоносного восстания, или наконец, что оно будет налицо в каждый данный момент существования пролетарской диктатуры. Коммунистическая революция побеждала тогда, когда играющие наиболее значительную роль в обществе

слои пролетариата видят себя вынужденными восстать, под влиянием становящихся невыносимыми условий. Ее победа может быть прочной только в том случае, если она опирается на большинство рабочего населения. Но было бы ошибкой забывать об обстоятельстве, прекрасно выясненном всем опытом русской революции: в трудных положениях, при значительных хозяйственных затруднениях, зачастую именно меньшинство пролетариата, чуждое робости и колебаний, временно принимает на свои плечи главнейшие тяготы борьбы. Педантический взгляд, что на всех стадиях коммунистической революции речь идет о прямом господстве большинства, является выражением революционной неуверенности, шаткости центристских элементов, вынужденных, благодаря возрастающей революционности пролетариата, стать на точку зрения пролетарской диктатуры, но обставлявших ее вместе с тем всеми предосторожностями и оговорками, необходимыми для того, чтобы, елико возможно, приблизить ее к милому их сердцу образцу буржуазной демократии с ее насквозь изолгавшимся господством большинства.

Из этого же источника вытекает и то утверждение только-что упомянутых элементов (независимая социал-демократическая партия Германии, „левая“ соц.-дем. немецкой Австрии), согласно которому пролетарская диктатура в Центральной и Срединной Европе уже потому может избегнуть всякого насилия, всякого терроризма, что пролетариат в этих странах составляет большинство населения. Это утверждение можно было только в том случае признать, если бы удалось доказать, что борьба буржуазии против пролетарской диктатуры ведется ею единственно по незнанию промышленной статистики. Но это, разумеется, смехотворное представление. Буржуазия, поддерживающая ныне свое господство, которое есть господство меньшинства, всеми средствами насилия, не прекратит сопротивления и после того, как ей будет нанесено первое поражение. Уже то обстоятельство, что всемирная революция не произойдет во всех странах одновременно, что буржуазия тех стран, в которых она будет еще стоять у кормила правления, возымеет решительный интерес оказать поддержку свергнутой буржуазии других стран, заставит пролетарскую диктатуру бороться против буржуазной

контр-революции всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Тот, кто эту навязанную пролетариату необходимость употреблять насильственные меры для того, чтобы освободить порабощенное большинство человечества, отожествляет с буржуазным террором, долженствующим увековечить порабощение и эксплоатацию, кто отвергает пролетарскую диктатуру из „этических“ соображений, является противником пролетарской диктатуры, и противником тем более опасным, что ему не трудно проникнуть под маской сторонника пролетарской диктатуры в ее органы для того, чтобы там связывать ей руки. Венгерская революция познала практическое значение этой опасности на собственном теле; она пала не только под пулями румынских бояр, но и под предательскими кинжалами правых и центристских сторонников „диктатуры без насилия“.

Развитие революции в Срединной Европе от демократических иллюзий, благодаря которым большинство германского рабочего класса добровольно уступило в декабре 1918 г. власть буржуазии, через белый террор капиталистической диктатуры ко все более обостряющейся борьбе рабочих масс за восстановление Советской власти вполне подтверждает главнейшие уроки русской революции и тот общий анализ мировой революции, который лег в основу резолюций первого съезда Коммунистического Интернационала.

То же самое следует сказать и об опыте рабочего движения в странах Согласия, который в течение последних месяцев неуклонно разрастался вширь и вглубь. Опубликованный в „Daily Herald“ циркуляр английского правительства, державшего наготове войска в феврале, во время мирной стачки, вооруженное подавление майской демонстрации в Париже, запрещение стачки горнорабочих в Соединенных Штатах Северной Америки, конфискация стачечного фонда профессиональных союзов, массовое заключение в тюрьму социалистов только за пропаганду, употребление войск против бастующих,—все это показывает, что буржуазия готовится в этих „демократиях“ к тому, чтобы вооруженной рукой задушить растущее рабочее движение. Иллюзии рабочих масс романских и англо-саксонских стран о том, что „демократическое“ государство предоставляет им возможность

мирно защищать свои интересы, являются первопричиной их половинчатой политики по отношению к буржуазии. Хозяйственный развал, все больше обнаруживающийся и в этих странах, вместе с разоблачением капиталистической демократии, как наглой диктатуры магнатов треста, несомненно, ускорит рост рабочего движения в странах Согласия и обострит его до степени сознательно революционной борьбы. Уже то обстоятельство, что в странах Согласия, несмотря на господство буржуазной демократии, рабочий класс вынужден вести борьбу против „демократических" правительств, служит порукою в том, что эта борьба, в случае победы, должна будет выйти за пределы буржуазной демократии, т.-е. привести к пролетарской демократии, которая, очутившись лицом к лицу с противодействием имущих классов, не сможет не завершиться диктатурой Советской власти.

3. Период мировой революции.

Тактика Коммунистических партий и групп в странах, подвластных капитализму, исходит из основывающегося на анализе фактов убеждения в том, 1) что только мировая революция способна устранить разрушительные последствия мировой войны и построить новый жилой дом для человечества; 2) что все капиталистические страны находятся уже в процессе этой революции; 3) что она может найти свое предварительное завершение только в установлении пролетарской диктатуры в главнейших капиталистических странах и в создании Всемирной Федеративной Социалистической Советской Республики. Вместе с тем, тактика коммунистических партий принуждена считаться с тем обстоятельством, что победа пролетариата ни в одной какой-нибудь отдельной стране, ни тем не менее в международном масштабе не может явиться результатом кратковременной борьбы, а что ей, напротив, должен предшествовать длительный период борьбы, в течение которого будут перемежаться победы и поражения. Стратегия и тактика пролетариата должны быть приурочены не к кратковременному походу, а к длительной войне, в которой насту-

пление и оборона сменяют друг-друга и применяются все роды оружия.

В виду того, что ошибочная и ведущая к неправильным тактическим приемам надежда на скорую победу является результатом неверного применения опыта русской революции к условиям мирового переворота, коммунистическим партиям необходимо обратить самое пристальное и длительное внимание на нижеследующую существенную разницу в условиях русской и средне-, а также западноевропейской и северо-американской революции. В России существовало наряду с пролетариатом крестьянство, восставшее против господства буржуазии и помещиков, так как оно жаждало мира, земли и воли. Так как война, поскольку она велась большими армиями, набранными на началах всеобщей воинской повинности, покамест окончена, и буржуазия ведет свои походы в колониях и в Восточной Европе с помощью наемных войск, то войну не приходится принимать в расчет, как фактор, способный подтолкнуть крестьянство капиталистических стран к революции. В социальном отношении крестьяне капиталистически развитых стран представляют мелко-буржуазных частных собственников и товаро-производителей, которые чувствуют себя частными собственниками, невзирая на то, что финансовый капитал успел уже поработить их системой ипотечного кредита. Стремление к повышению цен на жизненные припасы, нежелание повысить оплату труда своих наемных рабочих, боязнь за свою собственность связывают крестьян с буржуазией. О том, чтобы они поддержали пролетариат в борьбе против этой последней, нечего даже и думать. Напротив, богатые мужички образуют главный контингент белых банд, борющихся против пролетарской революции, если не удается укротить их, организовав с этой целью сельский пролетариат и беднейшее крестьянство. Русская буржуазия была, благодаря своей молодости, благодаря выдающейся роли иностранного капитала в русской промышленности, слабо и плохо организована, только в марте 1917 г. она добилась непосредственного господства, но не в состоянии была быстро укрепить свою власть в виду того, что продолжение войны гнало в объятия революции армию,

эту главнейшую опору государственной власти. В развитых капиталистических странах буржуазия представляет собою сравнительно широкий, превосходно организованный в процессе экономической концентрации слой населения, она влияет на народные массы с помощью прессы, церкви и школы; она привыкла властвовать, и, основываясь на опыте русской революции, она успела усовершенствовать и развить свою мощь, выставить повсюду, от Вислы до Тихого океана, против пролетариата белую гвардию, как главнейшее орудие подавления. Демобилизуя, она разоружает пролетариат и в то же время готовит буржуазную милицию и надежных наемников для расправы с пролетариатом. Опыт стачек транспортных рабочих в Париже и железнодорожников в Англии, опыт с гвардией Носке, с домовой охраной в Германии, с милицией и пинкертоновскими бригадами в С. Америке показывает, что в то время, как русский пролетариат вооруженной рукой добился власти, в капиталистически развитых странах передовые рады пролетариата должны будут с открытой грудью выступить против буржуазии, прежде чем спешащие им на выручку рабочие массы смогут разоружить противника. Однако, этим не исчерпываются различия в ходе развития русской и западно-европейской революции.

В то время, как в России в 1917 г. весь народ в целом находился в отчаянном положении, победоносной буржуазии Франции, Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов удается внушить значительной части народа надежду на то, что ее положение сможет быть улучшено за счет побежденных стран. Ей еще удается с помощью уступок маленьким, но играющим заметную роль в процессе производства, категориям пролетариата временно расколоть его ряды. Надежда на то, что „Германия за все заплатит“, погаснет только тогда, когда под влиянием фактов станет ясно, что побежденные страны, находящиеся в состоянии полнейшего упадка, даже самих себя не в состоянии прокормить, не говоря уже о том, чтобы еще откармливать другие народы. Близорукая отчужденность рабочей аристократии исчезнет по мере того,

как налоговая политика капитализма покажет этому слою, что крупный капитал больше берет у него, чем дает ему. Подавляющее большинство пролетариата в странах победоносного капитала верит еще в то, что ему удастся принудить капитализм к уступкам, которые дадут ему возможность жить по-человечески в капиталистическом обществе. Выступления огромного большинства пролетариата этих стран носят еще в его сознании реформистский характер, который, однако, не замедлит исчезнуть, когда, благодаря крушению значительного большинства этих выступлений или безрезультатности достигнутых улучшений (повышения заработной платы), обусловленной увеличивающейся анархией, обесценением денег, вздорожанием продуктов, массы убедятся в том, что не заплаты надо накладывать на обветшавшее здание капитализма, а просто-напросто срыть его с лица земли.

Тактика коммунистических партий должна исходить из той предпосылки, что пролетарская революция будет развиваться только медленно, как бы не неизбежна была ея победа над капиталистическим миром.

Создание массовой воли к разрушению капитализма, создание аппарата, способного вести борьбу за диктатуру пролетариата и стать после победы аппаратом пролетарской диктатуры, станут возможными только в результате длительной борьбы, которую коммунисты могут сократить с помощью идейной ясности, железной энергии, неутомимой выносливости, но через которую они не в состоянии перепрыгнуть.

4. Экономическая и политическая борьба.

Внешние условия, в которых будет протекать освободительная борьба пролетариата в различных странах, являют в период мировой революции меньшие различия, чем во время спокойного развития. Благодаря тому, что буржуазия теперь повсюду с одинаковой свирепостью выступает против пролетариата, благодаря тому общему влиянию, которое

оказывает мировая разруха на хозяйственное положение каждой отдельной страны, благодаря тому, что пролетариат точно так же, как и буржуазия, все больше принимает во внимание международные уроки революции и контр-революции, борьба приобретает во всех странах общие характерные черты, которые и должны лечь в основу общей тактики коммунистов, хотя, разумеется, при этом не должна быть упущена из внимания своеобразность положения в каждой отдельной стране, равно как и соответствующей ему тактики. Коммунисты смогут выступить руководителями в этой борьбе только постольку, поскольку они будут подходить к ней не с точки зрения предвзятых рассуждений, а со стороны ее живой и наглядной конкретности.

Вся совокупность борьбы, которую пролетариату придется теперь довести до конца, весь характер той эпохи классовой борьбы, в центре которой мы находимся, имеют социально-революционное значение. Это значит, что борьба должна кончиться преодолением капитализма, объективно ведет к подобному преодолению по той простой причине, что капитализм нельзя уже реформировать. Но субъективные отправные пункты массы, т.-е. те цели, ради которых выступает большинство пролетариата, носят реформистский характер, они вертятся не вокруг свержения капитализма, а вокруг увеличения заработной платы, уменьшения рабочего времени, введения контроля над условиями работы или, в лучшем случае, производства. Высшая цель, поставленная себе большинством пролетариев Англии и Америки,—национализация рудников и железных дорог,—является с абстрактной точки зрения даже реакционной, так как капиталистическое государство приобрело бы при этом необыкновенно мощное орудие власти. Конкретно же борьба за эти цели получает революционное значение, потому что, с одной стороны, буржуазия, стоящая за спиной государства, не желает поступиться принципом частной собственности, а с другой стороны, и пролетариат отнюдь не расположен отдавать управление национализированной промышленностью в руки государственной бюрократии, но, напротив, сам рассчиты-

вает овладеть им (см. заявление Роберта Смайли [1]), проект Плюма [2]). Точно так же обстоит дело даже с борьбой за простое повышение заработной платы. Само по себе стремление к повышению заработной платы не представляет ничего революционного, тем более, что увеличение заработной платы не в состоянии даже покрыть наступающего тем временем вздорожания продуктов. Однако, общая сумма этих требований делает невозможным их удовлетворение, так как заставляет капиталистов отказаться либо от прибыли, либо от сбыта, неминуемо становящегося все более затруднительным по мере роста цен. Беспрерывная борьба лишает буржуазию возможности вычислить издержки производства, все больше и больше нарушает нормальный ход производственной деятельности.

Если пролетариат в большинстве своем не осознал еще революционного характера этой своей борьбы, то тем лучше его поняла буржуазия. Вот почему в ней наблюдается — после кратковременного периода уступчивости, от ноября 1918 г. до марта 1919 г., — все растущая решимость не допускать никаких частичных побед пролетариата, разбить его в случае надобности на-голову и запугать кровопусканиями и измором. При каждом частном столкновении буржуазия во всех странах станет, как класс, на сторону предпринимателей, которым будет угрожать опасность. До сих пор международная тактика профессиональных союзов сводилась к тому, чтобы с помощью изолированных частичных столкновений, в которых борющиеся рабочие получают порою поддержку из стачечного фонда других союзов, медленно, шаг за шагом добиваться лучших условий труда для одного слоя рабочего класса за другим. Теперь буржуазия будет предупреждать частичные победы. Для этого она сможет прибегнуть либо к локауту и, таким образом, во мгновение ока совершенно истощить профессиональные кассы, или же она обеспечит победу борющихся промышленников, оказывая им финансовую поддержку. Профессиональным союзам придется бо-

---

1) Роберт Смайли, вождь англ. горнорабочих, руководил в 1919 г. блестящей кампанией за национализацию рудников.

2) Проект национализации железных дорог в С. Шт. Америки.

роться против этой опасности, апеллируя к солидарности всего рабочего класса, организуя забастовки сочувствия. Забастовка сочувствия предполагает столь высокую степень классовой солидарности в непосредственной форме не только совместного бастования, но даже совместного голодания, что настроение, необходимое для нее не легко возникает, или же, однажды возникнув, недолго держится. Капиталисты расчитывают как раз на то, что при забастовке протеста средства бастующих быстро иссякнут, их кредит у лавочников скоро исчерпается и забастовка окажется сломленной еще прежде, чем предпринимателям придется обратиться к помощи государства. Если же забастовщики прибегают к насилию (саботаж, изгнание штрейкбрехеров, уличные беспорядки), то в дело вмешивается государство со своими насильственными мерами. Забастовки сочувствия не могут даже одержать длительной победы, в отличие от экономических забастовок, ограничивающихся пределами промышленного предприятия и выражающихся в отказе предоставить свою рабочую силу. Забастовки сочувствия выдыхаются. Перенесенные же на улицу в виде политической борьбы, забастовки протеста ставят пролетариат лицом к лицу с превосходными силами капиталистического государства, против которого рабочий класс оказывается в первое время слишком слабосильным. Ни в промышленных предприятиях, ни на улице пролетариат не может добиться немедленной победы. Прежде всего выясняется, что бегство от мощи капиталистического государства с его белой гвардией, в промышленные предприятия так же мало может обеспечить победу, как и бегство от голода из промышленных предприятий на улицу. В этой стадии борьбы рабочие массы будут терпеть неоднократные поражения, все равно будут ли они следовать своим синдикалистским стремлениям победить только с помощью экономических средств, или своим политическим (часто бунтарским) стремлениям одержать победу единственно с помощью насилия. Неоднократно придется впадать им в отчаяние и прибегать

к индивидуальному террору, на который буржуазия будет отвечать преследованием всех вообще пролетарских организаций, делая их ответственными за все подобные акты насилия даже в тех случаях, когда они сами предостерегают от террора, как от нецелесообразного средства борьбы (зри дикое преследование Industrial Workers of the World в Америке после каждого покушения, к которому они, как организация, не имеют никакого касательства). Рабочий класс, в свою очередь, обратится к производственному саботажу, сознательно замедляя темп работы, а буржуазия ответит на это локаутами, заставляя рабочих подчиняться условиям аккордной платы. В конце-концов, рабочие, после всех этих обходных маневров, снова будут вынуждены к фронтальной атаке. инсценировать массовые стачки, выходить на улицу, сооружать баррикады.

Эти столкновения будут повторяться, повторяться неоднократно, голод будет вынуждать к ним рабочих, которым придется после каждого нового поражения снова бросаться в бой. Возможно, что буржуазия, умудренная тем обстоятельством, что ее победы не обеспечивают ни непрерывности, ни роста производства, временно откажется от насилия для того, чтобы испробовать методы частичных уступок. Но она не в состоянии удовлетворить широкие массы, не в состоянии совладать с анархией, ею же самою вызванной. И назавтра же начнется новая борьба.

Каждая из этих стычек в отдельности может окончиться поражением рабочих либо вследствие голода, либо от вооруженной силы. Залог победы лежит исключительно в непрерывном повторении этих стычек. Они не являются результатом преждевременной агитации незначительного меньшинства рабочего класса. Рабочих гонит в бой нужда, гнет капиталистов, и каждое поражение идет рука-об-руку с исчезновением части экономических и политических иллюзий массы, со все большим сознанием ею противоположности ее интересов по отношению к классу капиталистов, с ростом ее революционного упрямства и ее воли к разрушению капиталистического государства и угнетения. Дорога к победе ведет через мертвые точки разочарований, малодушия, по-

ражений благодаря тому, что рабочий класс спаивается в этой борьбе, проникается революционной волей, способной противостоять насилию капиталистического меньшинства. Когда массы объединены и пропитаны революционным духом, тогда меры буржуазного насилия оказываются недействительными. Разоруженные пролетарии являются производителями всех сортов оружия. Они изыщут способы овладеть ими. И даже если им только в незначительной степени удастся достигнуть этого, то белая гвардия должна будет захлебнуться в массовом море пролетариата, который сокрушит капиталистическое насилие и овладеет государственным аппаратом буржуазии для того, чтобы получить в свое распоряжение средства государства.

5. Состояние пролетарских организаций.

Картина предстоящего поединка, составленная частью из характернейших особенностей тех столкновений, которые имели место уже в нынешнем году, частью из общих теоретических соображений, указывает на большую первобытность, даже на хаотический характер, как на основную черту настоящей эпохи. Революция, призывающая миллионы к новой жизни, заставляющая их опытным путем прокладывать себе дорогу, не может развиваться подобно маневрам вымуштрованных армий, совершающих по команде любой поворот. Но этот характер мировой революции не исключает возможности осознать ее направление и внести наибольшую степень доступной организованности в борющиеся массы. Чем яснее будет сознание тенденции развития революции, тем более значительными будут организационные успехи, тем безболезненнее будут неудачи и тем незначительнее жертвы. Именно потому, что мы еще находимся только в начале мировой революции и только в общих чертах можем определить ее формы и тенденции ее развития, еще слабо в капиталистических странах сознание мировой революции, и слаба еще ее носительница—коммунистическая партия. Робкие попытки выйти на настоящую дорогу заменяют еще ясное

сознание и уверенное движение к правильной цели. Из этого следует, что существование коммунистических партий является предпосылкой организованной борьбы, первой и главнейшей задачей которой будет, вооружившись всем накопленным опытом революционной борьбы, познанием капиталистического общества, материалистическим пониманием истории,—этой ариадниной нитью, способной провести нас через лабиринт отдельных событий,—одним словом, вооружившись учением Маркса, до сих пор еще не превзойденным, изучить каждый этап борьбы в его связи с исходными пунктами движения и с его целью для того, чтобы во всякой ситуации иметь в виду соотношение сил, определить самое важное и бороться вместе с массой за достижение этого самого важного. Поскольку массовой борьбой можно вообще руководить, постольку ею может руководить только разум пролетариата. Разум есть сознание связи между явлениями. Только коммунистическая партия в состоянии олицетворять этот разум, потому что она не только объединяет в себе опыт всей пролетарской борьбы, от движений диггеров [1]) до защиты Советской России силой рабочей армии, но и потому еще, что она не прибегает к каким-нибудь предвзятым революционным или реформистским догмам, не употребляет единоспасающих лекарств, а всегда заново подводит итоги каждой фазе борьбы, сознавая, что не всемирная революция учится у нас, а мы должны учиться у всемирной революции. Только это сознание делает Компартию признанной руководительницей пролетарских масс в мировой революции. Синдикалисты, утверждающие, подобно синдикалистско коммунистической группе в Гамбурге, что массовые организации сами должны руководить своей борьбой, играют словами. Коммунистическая партия не обладает никакими средствами для того, чтобы сверху предписывать массовым организациям пролетариата тот или иной определенный путь. Массовые организации

---

[1]) „Диггеры", „Копачи",—группы рабочих во время первой английской революции, которые пытались занять для общественной обработки не занятые поля и преследовались за это Кромвеллем.

всегда идут во время революции тем путем, до которого организованная в них пролетарская масса созрела на основании своего опыта. Но эти массовые организации только в той мере сумеют выбраться на кратчайшую дорогу, в какой они будут действовать не под влиянием временных впечатлений, настроений, расчетов, а вполне сознательно обозревая весь пройденный и еще оставшийся путь, то-есть в той мере, в какой они будут марксистски коммунистическими. И так как дело стоит именно подобным образом, то существование коммунистической партии, как носительницы коммунистического сознания и мировой революции, является первым условием правильной организации и руководства борьбою. Эта партия должна отдавать себе честный отчет в положении дела на каждой стадии мировой революции, обозревать целесообразные средства, непосредственно стоящие на очереди, и достигать в этом отношении полной ясности, хотя бы ценой идейной борьбы в собственных рядах: однажды составив себе точную картину положения и определив маршрут, она в праве требовать, чтобы все ее члены действовали в массовых организациях в одном и том же направлении, ибо только таким образом коммунистическая партия в состоянии попытаться в каждый момент мировой революции внушить массам наибольшую стремительность. Это удастся только отчасти, потому что самосознание масс находится одновременно на разных стадиях развития. Но в каждую данную минуту это удается тем лучше, чем яснее коммунистическая партия представляет себе положение дела, и чем решительнее она проводит усвоенную точку зрения. Рассуждать в военном совете партии и поэтому не допускать императивных мандатов на партийную конференцию, где аргументы должны быть взвешены, но подчиняться железной дисциплине после решения, когда уже отданы боевые приказы,—так гласит требование политической мудрости. Коммунистическая партия есть партия свободной дискуссии коммунистов во время боевых пауз, но не дискуссионный клуб в огне войны, а руководительница боя. Она представляет собой генеральный штаб пролетарской революции, но в виду того, что она не может приказывать, а только убеждать, пролетариату удастся победить только в том случае,

если весь он, укрепленный и просветленный долгим периодом борьбы, окажется на высоте своего генерального штаба. Внутренняя борьба коммунистической партии не является кружковой борьбою вожаков за первенство, а попыткой передовых отрядов пролетариата отдать себе отчет о необходимых предпосылках его победы.

Коммунистические партии Запада слишком молоды, чтобы вполне ясно сознавать условия мировой революции, находящиеся только в зародыше. Ближайшей задачей должно быть выяснение вопроса о том, каким образом придать нынешней фазе мировой революции наивысшую степень организованности, доступную в настоящее время, и какие средства и формы борьбы должны быть при этом пущены в ход. Для выяснения этого вопроса нужно прежде всего произвести, так-сказать, опись всего наличного инвентаря, надо выяснить, какие войска уже находятся в линии огня, и какие будут туда предположительно отправлены в ближайшее время, какими формациями (организациями) они располагают и какие средства борьбы имеют в своем распоряжении. При этом оказывается, что покамест только промышленный пролетариат принимает участие в борьбе: за исключением Италии, сколько-нибудь значительной массы сельско-хозяйственного пролетариата нигде не оказывается на поле битвы. В Германии можно было наблюдать только очень робкое движение сельских рабочих в Восточной Пруссии и Померании. А это означает вот что: буржуазия располагает еще вполне главным контингентом своих войск—крестьянством, из которого, главным образом, рекрутируется белогвардейская масса. Далее: если принять во внимание, что европейская рабочая революция, в какой-бы стране она ни разгорелась, будет в первое время отрезана от подвоза жизненных припасов из Северной и Южной Америки, и то, что между Советской Россией, которая в будущем явится для Европы главнейшим источником жизненных припасов и сырья, и Западной Европой находится покамест контр-революционный барьер (вассальные государства Антанты), что благодаря этому барьеру и невозможности проникновения в Рос-

сию организаторских сил, благодаря войне, истощающей ее силы, Советская Россия не в состоянии настолько организовать у себя транспорт и промышленность, насколько это нужно, чтобы стать сейчас же после прорыва этого контр-революционного барьера резервуаром европейской революции; если, одним словом, принять во внимание, что европейские страны вначале должны будут рассчитывать исключительно на свою собственную узкую аграрную, продовольственную базу, то тогда отсутствие сельских рабочих в движении означает не что иное, как то, что победа пока-мест еще невозможна. Наши организационные стремления должны, стало-быть, поставить себе задачей не окончательный штурм, а только предварительные стычки на передовых позициях. Эту часть борьбы возьмет на себя промышленный пролетариат. И его наиболее значительные слои появились уже на поле битвы: горнорабочие, металлисты и рабочие транспорта стоят уже во всех странах в огне.

Как же они организованы? В Германии они располагают свободными профессиональными союзами, обнимающими шесть миллионов рабочих, которые в своей массе являются главным контингентом организованных борцов, но руководители которых совершенно контр-революционны. Остальные союзы—христианский и либеральный с несколькими сотнями тысяч старых неповоротливых, небоеспособных рабочих и с чисто-буржуазными вожаками вообще не входили в счет для борьбы.

Синдикалистские профессиональные союзы с небольшим числом революционно настроенных, но малосознательных рабочих и вожаков являются только революционными дрожжами, а не революционной массовой организацией. Во Франции профессиональные союзы слабее, чем в Германии, синдикалистские вожди частью вполне оппортунистичны (Жуо), частью умеренны (Мергейм) [1] и только в одной части революционны. Синдикалистские профессиональные союзы являются во Франции единственными массовыми организациями пролетариата. В Англии мы имеем разрозненные цеховые союзы

[1] Мергейм впоследствии вполне объединился с Жуо.

(craft unions) и большие промышленные союзы (industry unions). Развитие идет в сторону централизованных промышленных союзов. Их члены находятся в состоянии величайшего брожения, какое Англия когда-либо видала: Большинство вожаков настроено в духе умеренности и реформизма, меньшинство (Смайли, Вильямс, Том Манн, Кремп) настроено радикально, не достигая, однако, ясности в смысле коммунизма. В Северной Америке перед нами организация реформистских профессиональных союзов, с капиталистическим лакеем Гомперсом во главе, которая охватывает массу организованной американской рабочей аристократии. Эта „Федерация труда" (Federation of Labour) является свободным конгломератом цеховых союзов, мировая война и ее последствия внесли в нее много изменений и вдохнули свежее, боевое настроение. Так как эта организация слабо централизована, то боевые тенденции, не носящие еще покамест сознательно-революционного характера, пробивают себе дорогу, несмотря на противодействие старых вожаков. То обстоятельство, что тресты отклоняют всякие компромиссы, а государство неукоснительно выступает против рабочих, ухудшает положение контр-революционных вожаков и ускоряет радикализацию „Федерации труда". Ей противостоят Industrial Workers of the World, насчитывающие более миллиона членов, политически неясная, но революционная организация, громадная заслуга которой состоит в том, что она организовала миллионы чужеземного пролетариата, находящегося в положении вьючных животных. Так как труд этого пролетариата оплачивается хуже всех, то он революционнее всех. Так как он находится в одинаковом положении и не диференцирован, подобно квалифицированным рабочим, то его можно было объединить в одну промышленную организацию, независимо от часто меняемых специальностей.

Таковы массовые организации пролетариата главнейших капиталистических стран в профессиональной области. Сюда надо добавить еще политические организации, которые охватывают менее значительное количество рабочих, оказывают влияние на широкие профессионально организованные массы. Самой большой партией пролетариата все еще является немецкая контр-революционная со-

циал-демократия, поставляющая профессиональным союзам контр-революционных вожаков и служащая величайшим препятствием революции в мире. Рядом с ней стоит независимая социал-демократия с 800.000 членами, которые революционно настроены, но недостаточно сознательны и дают своим частью оппортунистическим, частью тоже недостаточно сознательным вожакам возможность запутывать себя. Коммунистическая Партия Германии охватывает, несмотря на все преследования, несмотря на нелегальное положение, свыше ста тысяч организованных членов.

Во Франции существует только одна партия пролетариата, французская социалистическая партия, со слабым контр-революционным и слабым коммунистическим крыльями и центром, массы которого точно так же, как часть вожаков, находится на дороге к коммунизму. Большинство революционных рабочих политически не организовано.

В Англии действует большая массовая партия Labour Party, являющаяся свободным объединением профессиональных союзов с социалистическими партиями и группами и возникшая ради ведения политической, в особенности избирательной борьбы. У нее нет собственных организаций, так как в нее полностью входят члены профессиональных союзов и социалистических партий. Это значит, что у нее нет самостоятельной жизни,—она лишь отражает жизнь других организаций. Энергичнее всего стремится повлиять на эту общерабочую партию реформистская Независимая Рабочая Партия, I. L. P. Она соответствует приблизительно левому крылу германских „независимцев", в ней есть чисто-реформистское и радикальное крыло, революционность которого проистекает в равной мере как из пролетарских, так же точно и из религиозных, из антимилитарных и пацифистских источников. Особняком от рабочей партии стоит британская социалистическая партия и близкие к ней группы,—все коммунистического характера.

В Италии виднейшая политическая партия пролетариата стоит, как известно, на коммунистической точке зрения.

Ей сильно вредит, однако, то обстоятельство, что наиболее известные из ее парламентских представителей являются реформистами.

В Северо-Американских Соединенных Штатах имеется большая социалистическая партия, собравшая при выборах около миллиона голосов. Вожди ее придерживаются оппортунизма, а между членами замечается раскол. Значительно слабее две революционные коммунистические партии, существующие наряду с нею. Рядом с ними действуют несколько чужестранных социалистических групп, которые придерживаются революционных и радикальных взглядов, потому что представляют плохо оплачиваемые группы пролетариев.

Мы приводим все эти общеизвестные факты потому, что, будучи сопоставлены, они сами говорят за себя. Теперь нам уже не придется доказывать, что Коммунистический Интернационал, исходя из того, что русская часть его не только имеет за собою русские пролетарские массы, но и господствует с их помощью над обширным государством, не имеет права пренебрегать многочисленными массовыми организациями, действующими в старом капиталистическом мире, хотя они и не становятся на почву коммунизма, а только движутся по направлению к нему. Нужно выяснить, не движется ли часть старых организаций в нашем направлении, и как можно способствовать этому движению. Ребяческое представление о том, что на одной стороне существуют слабые коммунистические партии, на другой—контр-революционные, а посредине—пустое место, из которого мы, будто бы, в состоянии по свободному выбору образовать органы мировой революции, не имеет ничего общего с методом коммунизма. Оно есть следствие юношеского коммунистического сектантства, которому не столько важно руководить действительной борьбой пролетариата, сколько увековечить себя памятниками и часовнями во славу единоспасающего духа. Мы, коммунисты, принуждены создавать свой мир, мир коммунизма, из того материала, который оставлен нам в наследство эпохой мирного развития социализма, и который становится все более текуче-революционным в горне мировой войны и начинающейся ныне революции.

Мы привели все вышеуказанные данные для того, чтобы указать на сложность предстоящей нам задачи. Разрешить ее мы сможем только после того, как, рассмотрев наличные организации массовой борьбы, обратимся к вопросу

о том, каким образом организовать самую борьбу, какую роль может сыграть коммунистическая партия в качестве руководительницы революции in potentia (в зародыше).

6. Роль коммунистических партий.

Во всех странах Западной Европы коммунистические партии еще очень слабы, а частью только зарождаются. И все-таки в их возникновении, как политических партий, нет ничего искусственного: оно соответствует потребностям движения. Как бы ни мало было количество мужчин и женщин, которые сразу же, с самого начала революционного движения, вполне понимают потребности его развития и определенно решились пройти до конца путь революции, их сила значительно увеличивается, когда они выступают, как самостоятельная организация, и открыто развертывают революционное знамя. Только благодаря тому, что они организуются в самостоятельную партию и разъясняют массам по поводу каждого возникающего вопроса свою собственную, непреклонную точку зрения, они становятся заметны массам. Вначале рабочие массы, убаюканные иллюзиями, не следуют за коммунистическим знаменем, больше того – они отвергают пути коммунизма. Они надеются еще мирным порядком достигнуть своей цели, в сотрудничестве с „передовой" частью буржуазии. Коммунисты представляются им не только романтиками, навязывающими рабочему классу совершенно непосильные задачи, но прямо-таки подстрекателями, готовыми „безрассудно" и „злостно" повергнуть их во все несчастия гражданской войны. Потом наступает отрезвление. Наученные практикой буржуазной демократии, массы убеждаются в том, что им необходимо бороться. Но они боятся еще последствий борьбы, они пугаются огромных задач, выдвигаемых перед ними революцией, пугаются предстоящих жертв. Они следуют за теми, кто выдвигает половинчатые лозунги, компромиссы, как цель борьбы. Однако, в то время, как в „демократический" период массы относятся к коммунистам, как к романтикам и злодеям, с которыми у них не может быть ничего общего, они начинают уже, после того,

как сомкнутый строй всех буржуазных фракций против пролетариата или бесплодность коалиции с одной частью буржуазии успели отрезвить их,—рассматривать коммунистов, как собственный, только слишком поспешный в своей боевой решимости авангард. Массы ищут уже объединения с ними и жалуются, когда они слишком быстро шагают: мешают единству. Между тем, и коммунистическая партия успела разрастись, к ней примыкают старые революционные элементы, наученные опытом борьбы, точно так же, как и рабочие массы, которые до сих пор еще не вступили в борьбу, подвергались наибольшей эксплоатации и теперь, выгнанные из своих закоулков громовыми раскатами революции, землетрясением капитализма, приходят к коммунистической партии, потому что ожидают от нее скорейшего освобождения. Коммунистическая партия предостерегает от полумер, как она предостерегала от демократических иллюзий. Но тогда как в эпоху демократических иллюзий, являвшихся прямым предательством интересов рабочего класса, она вынуждена была противопоставить себя массам, потому что они вовсе не вели борьбы, а попросту объединялись с буржуазией, теперь ее позиция гораздо выгоднее. Массы уже борются, хотя и недостаточно решительно. Коммунистической партии приходится только раскачивать их, толкать их вперед, когда они останавливаются на полпути.

Ей благоприятствует логика борьбы. Буржуазия сама делает полумеры невозможными, она заставляет пролетариат бороться до конца. День, когда рабочий класс видит себя вынужденным вступить в борьбу за диктатуру пролетариата, есть день коммунистической партии. В этот день она становится фактической руководительницей пролетариата, независимо от того, борются ли массы непосредственно под ее знаменем, повернувшись спиной к реформистам и центровикам, или же центр в процессе борьбы собрался с мужеством и сам научился бороться. Коммунистическая партия, быть-может, начинавшая свое существование, как небольшая, осмеянная группа, становится и на практике партией пролетарской диктатуры, так как именно ей, в ее качестве решительной провозвестницы диктатуры, массы доверяют руководство борьбою, после того, как они организуются в

господствующий класс. Короче говоря, коммунистическая партия становится руководительницей масс в их борьбе, противопоставляя на каждой стадии борьбы,—зачастую даже до того, как борьба началась,—отдельным эпизодам борьбы—конечную цель и половинчатости масс—прямую дорогу к цели и выступая как самостоятельная партия с отдельной программой и собственной практикой.

Само собою разумеется, что коммунистической партии не приходится при этом только противопоставлять себя рабочему классу в качестве какой-то проповедующей секты, не принимая никакого участия в его борьбе. Она должна вербовать для своих целей сторонников не только словами, но и делами. Средства борьбы, применяемые ею, разумеется, соответствуют на каждой стадии борьбы тем целям, которые коммунистическая партия ставит себе сообразно данным соотношениям сил. В течение начального периода, пока коммунистическая партия еще очень слаба, и преобладающее большинство рабочего класса даже не думает о борьбе, ей приходится ограничиваться пропагандой во всех рабочих организациях, при всех рабочих выступлениях. Перед ней нет никаких других возможностей, кроме силы убеждения. Она вербует сторонников, распространяя коммунистические воззрения. По мере того, как в передних рядах рабочего класса начинает замечаться разочарование в буржуазной демократии, по мере того, как пробуждаются новые слои пролетариата, пробуждаются и с юношеским пылом бросаются в борьбу, перед нею возникают задачи действия, но и опасности действия. Во время своего чисто-пропагандистского периода коммунистическая партия развила свои конечные цели и показала в пролетарской диктатуре единственный путь к цели, к коммунистической организации общества. Она открыла пролетариату глаза на то обстоятельство, что средства, предлагаемые реформистами для избавления масс от нищеты, являются только средствами порабощения пролетариата; она предостерегала его от компромиссов с центровиками. Теперь его окружают массы, которые, частью благодаря своим ра-

зочарованиям, частью благодаря своей свежести, свободе от традиций реформистской эпохи, воспринимают коммунистические лозунги, как евангелие.

Они слышали, что только в пролетарской диктатуре их спасение. Стало-быть, надобно немедленно добиться ее. Лучше сегодня, чем завтра. Они забывают, что коммунистическая диктатура может установиться только, как диктатура решающих в социальном отношении слоев пролетариата, что для ее провозглашения необходимы, по меньшей мере, значительные массы металлистов, горнорабочих, железнодорожников, сильные отряды сельского пролетариата. Они забывают, что диктатура пролетариата, т.-е. руководство обширными государствами, не только является вопросом насилия, но и означает организацию производства, управления, находившуюся до сих пор в руках интеллектуального пролетариата. Они забывают, что пролетариат, до сих пор исключенный из дела государственного управления, не в состоянии приобрести через ночь качества, необходимые для того, чтобы взять на себя все эти функции, не нуждаясь в частичной помощи интеллектуального пролетариата. Диктатура пролетариата представляется им немедленно осуществимым решением, потому что она есть единственное решение вопроса о том, как избавиться от нищеты, и потому что она завоевала уже себе расположение меньшинства пролетариата. Часть коммунистической партии пытается осуществить в начале пути ту цель, которая находится только на конце его. Коммунистическая партия стихийно приближается к бунтарству, к попытке завоевания политической власти в такую минуту, когда большинство рабочих масс ее вовсе не желает и не стало бы ее поддерживать, если бы она случайно попала в руки передовых отрядов рабочего класса. Опасность бунтарства преодолевается благодаря тому, что опыт, кровавые уроки, показывают рабочим, что коммунистическая партия была вовсе не так неправа, когда она утверждала, что желание произвести с помощью оперативного вмешательства здоровое дитя на втором месяце беременности отнюдь не является доказательством врачебного искусства.

Едва только опасность вспышкопускательства, „спасаю-

щего дела", оказывается превзойденной, — а она постоянно возникает снова, когда на поле битвы появляются живые массы,—как партия видит перед собою новую опасность: бесплодной идейной неподвижности, желающей уберечь себя от всякого соприкосновения с враждебным внешним миром. Вчерашние вспышкопускатели разгуливают с плохо перевязанными головами. Да, они-таки сильно повредили себе голову, пытаясь прошибить стену или перепрыгнуть через нее. Но они утешают себя. Ведь, стена эта вовсе не так уже непоколебима, раз мы находимся в состоянии мировой революции. Правда, вчера не удалось через нее перепрыгнуть, но именно поэтому она рухнет завтра. Завтра раздастся трубный глас, и стены Иерихона падут. А покамест надо держаться подальше от них. Конкретно говоря, в коммунистической партии начинает пробиваться направление, требующее отказа от употребления каких бы то ни было иных мер, кроме генерального штурма. Коммунистическая партия пыталась теоретически, как равно и на основании их собственного опыта, доказать массам, что рабочий класс сможет освободить себя не на парламентском паркете, не с помощью речей и переговоров, а только в борьбе против буржуазии, последняя фаза которой будет заключаться в парализовании производства и, в зависимости от обстоятельств, в массовом восстании. „Принципиальные" бьют теперь ее же добром да ей же челом. От того, что парламент не является тем поприщем, на котором капиталистическое общество может быть свергнуто, некоторые из наших соратников выводят то заключение, что участие в выборах, в парламентской работе является принципиально недопустимым, принципиально вредным. Они не замечают, что парламент, с помощью которого пролетариат, правда, не может победить—для победы ему уже придется напрячь всю свою силу, как классу,—очень хорошо может оказаться той почвой, на которой нам удастся сорвать маски с буржуазии и ее мнимо-социалистических пособников. Благодаря тому, что парламент не может стать орудием нашего господства,—наше господство должно корениться в таких организациях, где пролетариату придется не спорить и торговаться с буржуазией, а энергично и быстро

создавать и самостоятельно проводить свои законы, без всякой помехи с ее стороны,—благодаря этому, многие не замечают, что мы можем доставить затруднения господствующей буржуазии, присутствуя в парламенте, разоблачая ее перед массами не только речами, которые буржуазная пресса может замалчивать, но и конкретными предложениями, острыми столкновениями. При этом мы имеем возможность постоянно приводить в движение самую массу, поскольку она поддержит депутациями и демонстрациями коммунистическую партию, партию, борющуюся не за компромиссы с буржуазией, а за привлечение симпатий широких слоев народа. Настроение, господствующее не в одних только коммунистических массах—массы, примыкающие к центру, т.-е. независимой соц.-дем. тоже становятся все более враждебными парламентаризму,—чрезвычайно показательно для определения степени их готовности к борьбе, их недовольства неспособностью центровиков революционно использовать парламентскую трибуну,—но коммунистическая партия все-таки не имеет права поддаваться этому настроению. Она не знает, как долго будет продолжаться борьба, какие поражения обрушатся еще на головы революционных масс. Быть-может, наступит время, когда буржуазия, борющаяся за свое существование, закроет все коммунистические газеты, еще более стеснит самую возможность коммунистической организации, чем это имеет место ныне. Конечно, и эти преследования не помогут делу, потому что господство буржуазии обречено на смерть, а господство пролетариата, раньше или позже, должно утвердиться. Весь вопрос только в том, должны ли мы добровольно, по собственной инициативе, пренебречь трибуной, которая могла бы оказаться для нас очень полезной в подобной ситуации. Разумеется, буржуазия может отрезать нам путь и к парламентской трибуне, подобно тому, как она бросила Карла Либкнехта и большевистскую фракцию Гос. Думы в каторжную тюрьму. Это она может сделать,—и мы сумеем тогда пособить горю. Вопрос только в том, должны ли мы помогать ей в этом. Коммунистическая партия отвечает на этот вопрос отрицательно: нигде, ни в одной стране, она не имеет права поступаться каким бы то ни было оружием, хотя бы самым малозначи-

тельным, ведя борьбу за пролетарскую диктатуру. Только тяжелое оружие даст нам окончательную победу, но облегчить ее смогут, при случае, и более легкие, имеющие в сущности второстепенное значение роды оружия.

Тенденции, стремящиеся совлечь коммунистическую партию с прямой дороги то в сторону вспышкопускательства, то к отказу от употребления конкретных родов оружия, не могут быть превзойдены с помощью одной только пропаганды. Дорогу к коммунизму коммунистическая партия указывает широким слоям народа точно так же, как и собственным массам, именно тем, что сама становится на нее. С той минуты, как она чувствует за своими плечами массу, она не имеет права ограничиваться одной пропагандой. Она должна активно проявлять себя во всех областях. Если у нее нет еще достаточных сил для того, чтобы завоевать власть, то она уже достаточно сильна для того, чтобы оказывать практическое влияние на политику. Коммунистической партии приходится постоянно заново приводить в движение массы, на которые она опирается. Перед нею большое количество политических возможностей: от распространения прокламаций до массовой стачки. Ни одною из этих возможностей нельзя пренебрегать. Демонстрация нескольких сот или тысяч рабочих, разумеется, не свергнет буржуазии, но не подлежит ни малейшему сомнению, что систематическая кампания собраний и демонстраций в пользу Советской России, против блокады, против поддержки русской контр-революции европейскою буржуазиею произведет на эту последнюю гораздо большее впечатление, нежели газетные статьи и речи в парламенте. Тем, что коммунистическая партия Германии, например, благодаря тому презрению к малым средствам, которое преобладает теперь в ее рядах, отказалась от демонстрации по поводу ноты о блокаде, оставалась бездеятельной во все время балтийской авантюры, она, разумеется, отнюдь не содействовала ни перед пролетариатом, ни перед буржуазией выяснению различия между словесной политикой независимцев, с одной стороны, и коммунистической политикой действия,—с другой. Демонстрации, в которых пролетариату приходится подвергать себя личной опасности, имеют значе-

ние не только как средство нажима на буржуазию, но и как способ приобрести влияние в массах, которые замечают, что партия вполне серьезно относится к своим целям. Когда Носке мобилизовал против Мюнхена белую гвардию, немецкий пролетариат был слишком слаб для того, чтобы помочь всеобщим восстанием мюнхенской советской республике и примкнуть к ее целям. Но если бы революционные партии заявляли повсюду в собраниях, на демонстрациях и центральными стачками о своей солидарности с Мюнхеном, то им удалось бы, быть-может, удержать правительство от кровопролития. Там, где в парламентах и муниципальных учреждениях заседают коммунисты, и им, и коммунистическим организациям необходимо делать попытки к тому, чтобы превращать главнейшие вопросы парламентской жизни в исходные точки пролетарского действия. Но даже там, где коммунистическая партия не представлена в парламенте, ей все-таки представляется возможность произвести нужный нажим, мобилизуя массы. Коммунистическая партия не есть партия ожидания предстоящего взрыва, а партия обострения, радикализации пролетарских действий. Позабыв об этом, она превращается в дискуссионный клуб или общину верующих, изо дня в день раскалывающихся по вопросам своего исповедания.

Не подлежит сомнению, что действия пролетариата не могут быть организованы по пустяковым поводам или высосаны из пальца. Важнейшим отправным пунктом тут оказываются вопросы экономического порядка, вопросы насущного хлеба. Нынешнее экономическое положение прямо-таки вопиет об организации масс и массовых действий.

7. Профсоюзы и коммунистическая партия.

В четвертой главе мы попытались нарисовать приблизительную картину вероятного развития пролетарской борьбы на экономической почве и показали, каким образом она переходит в политическую борьбу за власть. Теперь надобно рассмотреть вопрос об отношении коммунистической партии к экономической борьбе и к тем организациям, которые ведут ее. Именно в этой области господствует вели-

чайшая неясность, именно здесь коммунистическую тактику подстерегают наибольшие опасности. Если бы коммунистическая партия совершила какую-нибудь ошибку в области политической борьбы, например, отказываясь от применения того или иного средства борьбы, то об этом пришлось бы пожалеть, но сама по себе эта ошибка не угрожала бы существованию партии, хотя бы потому, что все такого рода средства, например, парламентаризм, являются вспомогательными средствами.

Самым важным оружием пролетариата в мировой революции являются его массовая организация и борьба, которую он ведет. Каждая ошибка коммунистической партии в этой области угрожает ее сердцевине, грозя ей изоляцией, отрывом от массы, падением до уровня секты. Полная ясность и непреклонное противодействие каждой — даже наиболее преходящей — сектанской тенденции является в этом смысле для Коммунистического Интернационала вопросом жизни или смерти. Два обстоятельства являются при этом исходными пунктами коммунистической позиции по отношению к вопросам экономической борьбы и ее организации:

1) Невозможность добиться длительных уступок со стороны капитализма на его теперешней стадии развития; это означает, что прежняя функция профессиональных союзов — бороться за улучшение положения пролетариата в рамках капиталистического общества — практически уже обесценена и

2) то неоспоримое обстоятельство, что бюрократия профсоюзов, руководящая профессиональным движением, в главнейших капиталистических странах стремится ныне,—как и во время войны,—удержать пролетарскую борьбу на почве реформизма и видит до сих пор,—в первом году мировой революции, как в течение всей мировой воины,—в коалиции с буржуазией единственное средство, с помощью которого пролетариат сможет чего-нибудь добиться.

Из обоих этих несомненных обстоятельств некоторые коммунисты делают тот вывод, что коммунистической партии необходимо взять на себя инициативу создания новых про-

фессиональных союзов, задачей которых было бы организовать экономическую борьбу, в целях ниспровержения капитализма,— подобно тому, как коммунисты везде противопоставляют себя всем прежним пролетарским партиям и основывают особые коммунистические партии.

Эти умозаключения представляют собою пагубнейшее заблуждение, в какое только может впасть коммунистическая партия. Методологически они являются результатом чисто-абстрактного, чуждого диалектики мышления, практически — результатом того самого революционного нетерпения, которое порождает вспышкопускательство, пренебрежение некоторыми политическими средствами в революционной борьбе пролетариата.

Проанализируем процесс экономической борьбы, предположительную картину которой мы попытались набросать в четвертой главе. Профессиональная борьба не может привести теперь к длительному облегчению жизни рабочего класса, потому что все увеличивающаяся анархия производства, приводящая к увеличивающейся революции цен, военная задолженность и т. д. все больше ухудшают положение. Чисто экономическая борьба все чаще оканчивается полным поражением рабочих, потому что великолепно организованные капиталисты противопоставляют сравнительно тощим кошелькам профсоюзов свои неограниченные денежные средства.

Политическая борьба, поскольку она выходит за рамки переговоров, оказывающихся в конечном счете совершенно безнадежным, обязательно приводит к борьбе за пролетарскую диктатуру, которая одна только откроет дорогу к прочному облегчению участи пролетариата, давая пролетариату возможность заново организовать производство в интересах рабочей массы. Такова общая тенденция развития экономической борьбы пролетариата в эпоху мировой революции. Но достаточно спросить себя о значении слова „тенденция“ для того, чтобы показать, как жестоко ошибаются те, кто хотел бы на место профессиональных союзов, борющихся за улучшение положения рабочего класса, поставить союзы, наперед ставящие себе задачей ниспровержение капитализма. Что значит тенденция? Направление развития.

Стало-быть, тенденция, что положение рабочего класса не может быть длительно улучшено в пределах капиталистического общества, обозначает, что все достигнутые облегчения оказываются потом сведенными на-нет действительностью. Из этого следует, во-первых, то, что в каждую данную минуту отдельные группы пролетариата могут при случае достигнуть улучшений. Если, например, металлисты добились в каком-нибудь городе 50-процентного повышения заработной платы и уменьшения рабочего времени, то их положение улучшилось. Через несколько месяцев выяснится, что общее ухудшение хозяйственной жизни снова угрожает им нищетой. Но если бы они раньше не добились повышения заработка, то теперь их положение было бы еще тягостнее. Отсюда следует, во-первых, что каждому профсоюзу, представляющему интересы рабочих, ничего другого не остается, как бороться в виду все растущей дороговизны за повышение заработной платы, во-вторых, что рабочие массы только медленно и постепенно сумеют наглядно убедиться в том, что таким путем им не уйти от нищеты. Далее, если капиталисты противопоставят какому-нибудь частичному выступлению профсоюзов объединенное противодействие, то рабочие отнюдь не всегда готовы будут объявить всеобщую забастовку, — и, наконец, объявив ее, не сразу будут бороться с такою же энергиею, как если бы дело шло об их прямых интересах. И здесь опять нужно будет, чтобы каждая отдельная часть пролетариата неоднократно попадала в положение, вынуждающее ее апеллировать в борьбе за свои собственные шкурные интересы к другим частям пролетариата до тех пор, пока весь пролетариат научится бороться сомкнутым строем. Но и тогда необходимым будет еще длительный опыт совместной борьбы рабочего класса для того, чтобы она действительно превратилась в борьбу за диктатуру пролетариата, чтобы она приобрела ту остроту, глубину и ширину, без которых невозможно свержение капитализма. А из этого следует вот что: тактика всеобщей революционной классовой борьбы с целью уничтожения капитализма,

противопоставляемая нами реформистской частичной борьбе профсоюзов, может осуществиться только в результате постепенно обостряющегося опыта профессиональной борьбы и частичных требований. В теории и пропаганде мы можем полностью и без утайки противопоставлять свое понимание направления развития реформистским иллюзиям,— или, если угодно, обманам. В действиях же, где дело идет не о том, что мы говорим, а о том, как мы поступаем, мы покамест не можем предпринимать ничего другого, кроме борьбы за улучшение положения рабочих, за повышение заработной платы, понижение рабочего времени и т. п. Если бы наряду с реформистскими профессиональными союзами ныне существовали и революционные,—или там, где они,—подобно Industrial Workers of the World в Америке,—действительно существуют,—то различие между их тактикой и тактикой реформистских профсоюзов состояло бы не в том, что мы боролись бы исключительно за ниспровержение капитализма, а они—за улучшение положения рабочего класса, а в том, что мы в каждом данном положении действительно вели бы борьбу за облегчение участи рабочих, которая в конечном счете неминуемо взорвет капиталистическое общество, с величайшим напряжением всех сил, в то время как реформистские вожаки профсоюзов, частью из страха перед революционной борьбой, частью из чувства положительной солидарности с буржуазией, превращают даже свой реформизм в надувательство и предпочитают отказаться скорее от улучшения положения рабочего класса, чем от „совместной работы" с буржуазией. Различие между нами и ими заключалось бы далее в том, что мы открыто предупредили бы рабочих о том, что одного повышения заработной платы недостаточно, что необходимо захватить власть, тогда как реформисты предостерегали бы их от подобных „авантюр" и рассказывали бы старые сказки

о надежном и спокойном шествии к социализму через демократию. Таким образом, в вопросе о профсоюзах подлинная революционность заключается не в создании новых союзов с новыми задачами, а в удалении реформистских вожаков и замене их классовыми борцами.

Возможно ли это? Не забаррикадировалась ли бюрократия профсоюзов, опирающаяся к тому же в целом ряде государств на весь полицейский аппарат, настолько хорошо позади рядовых членов, что борьба против нее внутри союзов обречена на полную неудачу? Те, кто утверждает это и прибавляет, что лозунгом коммунистической партии должно быть в профсоюзах то же самое, что и в деле партийного строительства: раскол старых профсоюзов, устройство новых революционных рабочих союзов,—забывают о целом ряде весьма существенных обстоятельств. Первое: как относятся рабочие массы к реформистским профсоюзам? Повсюду союзы приобретали за последний год новых членов миллионами. Даже в Америке, где наряду с реформистскими союзами имеются и революционные (I. W. W.), прилив масс более значителен у реформистов, чем у революционеров. Это показывает, что массы видят в профсоюзах боевые организации. И что же делают рабоче в реформистских профсоюзах? Позволяют ли они убаюкать себя песенкой о гармонии между рабочими и капиталистами? Нет! Даже в Англии и в Америке они заставляют бюрократию профсоюзов вести борьбу против капиталистов. Реформистские вожаки беспрестанно дают в этой борьбе осечку, они стараются окончить ее компромиссом, массы познают на практике зловредность реформизма, положение реформистских вожаков становится все более неустойчивым, новые революционеры приходят им на смену. В отношении Северной Америки и Англии это подтверждают все корреспонденты английской капиталистической прессы. То же самое мы видим и в Германии. Последний конгресс металлистов показал каждому, способному видеть, что контр-революционных вожаков профсоюзов нетрудно вышибить из седла, раз массы желают борьбы. Если это происходит недостаточно быстро и недостаточно энергично, то только потому, что часть революционных рабочих из лагеря коммунистов и независим-

цев представляет поле действия соглашательским элементам, а сами занимаются подпольной агитацией в пользу новых „чудодейственных" организаций массовой борьбы, вместо того, чтобы стать во главе недовольных масс внутри профсоюзов, подгонять их в борьбе против капиталистов и добиться устранения тех вожаков, которые противодействуют этой борьбе. Этим они ослабляют революционную борьбу в массовых организациях пролетариата и процесс их приспособления к новой ситуации, о котором еще будет речь впереди, не имея в то же время возможности образовать свои собственные профсоюзы. Реформистские союзы приобрели в Германии много миллионов новых членов, тогда как „рабочие союзы" остались мертворожденными. В минуту разочарования и поражения революционные рабочие основывают новый профессиональный союз, рабочий союз (Arbeiterunion). Но массы остаются в старых союзах, потому что инстинктивно чувствуют, что на экономической почве ничего нельзя поделать без массовой организации, боятся раскола, и, кроме того, уверенно надеются на то, что им удастся превратить свои старые организации в боевые величины. Новые рабочие союзы, учрежденные кое-где в Германии, влачат жалкое существование, никого не привлекая в свои ряды.

Да и чего они могут достигнуть?

Либо они агитируют за увеличение заработной платы и т. п., т.-е. за то самое, за что агитируют профсоюзы,—и тогда рабочие массы не имеют ни малейшего основания оставлять свои прежние организации. Либо они стараются привить рабочим философские соображения насчет того, что улучшение их положения невозможно при капитализме, что необходимо, стало-быть, вооружаться к последнему, решительному бою,—и тогда они совсем уже попадают пальцем в небо, потому что вооружение масс и состоит именно в этой изо дня в день развивающейся борьбе.

Рабочие союзы становятся либо слабосильными профессиональными организациями, которые из чувства соревнования с крупными подстрекают к необдуманным выходкам, пропагандируют саботаж, короче сказать, — дезорганизуют профессиональное движение, либо

пропагандистскими сообществами, воодушевленными высоким сознанием своей революционности, но без масс. Но в этом своем качестве пропагандистского кружка они только превращаются в ухудшенное издание коммунистической партии.

Дело обстоит вот как: партия представляет собою организацию политических единомышленников для пропаганды идей и для борьбы за них, когда они овладели массами. Коммунистическая партия может бороться за свои убеждения задолго перед тем, как стать массовой силой. Профессиональный союз есть организация для улучшения положения рабочего класса. Она начинает существовать только с того момента, как становится массовой организацией. В Северной Америке революционные профсоюзы могли возникнуть задолго до войны, потому что реформистские профсоюзы обособились от наиболее плохо оплачиваемых иностранных иммигрантов. Как массовые организации, они имеют теперь после войны очень большое влияние на пролетариев. По мере того, как „Федерация труда" радикализируется, противоречие между нею и I. W. W. будет все больше стушевываться. Издали, имея дело исключительно с сообщениями английской буржуазной прессы, невозможно уяснить себе тактику американских коммунистов в профессиональном вопросе. Можно только сказать, что, по нашему мнению, американские коммунисты сделали бы ошибку, если бы они из симпатии к I. W. W. предложили бы своим членам во что бы то ни стало выступать из Ф. Т. (F. of L.) и таким образом изолировали бы себя от процесса радикализации говорящей по-английски рабочей массы, которая, главным образом, организована Ф. Т. [1]). Если отсутствие подробных известий из Северной Америке делает обязательным осторожное отношение к американским делам и заставляет ограничиваться предположениями и догадками, то по вопросу о поведении европейских коммунистов мы можем вполне определенно и без всяких оговорок заявить, что всякие попытки внесения раскола

[1]) Американские коммунисты этой ошибки не сделали.

в профсоюзы жесточайшим образом противоречат в Европе интересам коммунизма. Это не значит, что расколы в профессиональном движении невозможны. Профсоюзная бюрократия возымеет, быть-может, желание—особенно там, где ей будут благоприятствовать обстоятельства,—предупредить события и попытаться расколоть союзы, чтобы сохранить за собою кассы. Было бы изменой рабочему делу отказаться в этом пункте от борьбы, чтобы спасти кассу. Тут-то именно и нужно поднять перчатку. Но тогда массы будут на нашей стороне, потому что они уяснят себе, кто защищает их интересы, и кто хочет расколоть и разрушить их организации из корыстолюбия. Тут-то уже не нам, а контр-революционным союзникам будет угрожать обособленность.

На первых порах задача коммунистов в профсоюзах заключается, как мы заметили, в том, чтобы в борьбе за улучшение положения рабочих, которая с каждым днем все больше становится борьбой за свержение капитализма, непреклонно выступать против контр-революционной бюрократии профсоюзов, саботирующей эту борьбу. Это не значит, разумеется, что вопрос о профсоюзах имеет исключительно личный характер, и что в них ничего не должно быть изменено кроме вожаков. Эпоха мировой революции требует больших изменений и в организации, и в тактике профсоюзов. В мирную эпоху рабочего движения центр тяжести профессиональных союзов заключался в противодействии конкуренции между рабочими на рынке труда, что достигалось созданием касс вспомоществования, поддерживавших рабочего во время безработицы; между тем, теперь эти кассы оказываются бессильными в виду того роста безработицы, которым катастрофа капитализма, связанная с беспрестанными перебоями разрушенного транспорта, с угольным голодом и исчезновением больших, раньше столь восприимчивых рынков, ныне угрожает рабочему классу. Безработица, угрожающая ныне рабочим, угрожает и самой буржуазии, и сколько бы буржуазия не причитала по поводу того, что после нескольких лет столь прибыльного помещения капиталов, каким была массовая бойня в мировой войне,

наступают годы столь непроизводительных расходов, как содержание миллионов безработных,—ей все-таки придется раскошелиться. Там же, где она попробует отказаться, она будет вынуждена к этому огромным движением безработных.

Отмену помощи забастовщикам не удастся провести на теперешней ступени борьбы, но не подлежит ни малейшему сомнению то, что большие экономические движения со временем истощат стачечные кассы. Рабочие вынудят предпринимателей понести издержки забастовки, угрожая буржуазии, потребуют от коммун пропитания на время борьбы и т. д. Гражданская война будет кормить гражданскую войну, подобно тому, как раньше война кормила войну. Дело клонится к превращению профсоюзов из вспомогательных и страховых касс в боевые организации. Коммунистам придется сознательно содействовать этой тенденции.

Вместе с этим изменением в характере профсоюзов изменится и характер бюрократии. Руководитель союза должен будет быть не административным чиновником, а борцом. Сущность профессиональной борьбы точно так же сильно изменится. В то время, как в мирное время центр тяжести заключался в умении так маневрировать, что возможно меньшие массы находились в состоянии войны, теперь такого рода маневрирование становится все более трудным, хотя и обещает порою кое-какие местные успехи. В решительную минуту понадобится иметь на поле битвы именно возможно большие массы, и задача руководителей будет состоять не столько в том, чтобы объединить массы, увеличить их нажим на капиталистическое государство и привлечь к рабочему делу симпатии тех широких народных масс, которые непосредственно заинтересованы в борьбе, но могут оказать решающее влияние на ее исход. Деятельность Роберта Смайли в публичных заседаниях английской угольной комиссии или кампании английского профессионального союза горнорабочих за национализацию рудников являются в этом отношении образцовыми. Они свидетельствуют о том, что снова наступило время, когда руководители профессионального движения должны быть крупными агитаторами и уметь обращаться с массами. Вот почему они

и должны оставаться с ними в теснейшем контакте. Руководители профсоюзов не могут уподобиться распоряжающемуся сверху генеральному штабу. Они должны возникнуть из низов и быть теснейшим образом связанными с массами через представителей (депутатов) от отдельных предприятий. Чтобы с управлением большими, стихийными движениями хоть сколько-нибудь можно было справиться,—а вполне его никогда не удастся провести,—для этого необходимо, чтобы инициатива быстро и без трений доходила от низов до руководителей, а массы должны понимать каждый ход этих последних, к каждому должны быть подготовлены.

Борьба все больше будет одновременно приводить на поле битвы рабочих разных профессий и отраслей промышленности. Профессиональная борьба все больше будет превращаться в классовую борьбу. Было бы ошибочным умозаключать по этому поводу о возможности мгновенно превратить профессиональные союзы из объединений по специальностям в промышленные объединения или даже в одну большую единую организацию. Тот, кто хотел бы дать ныне такого рода задание коммунистическому профессиональному движению, впадает в ошибку, о которой мы уже говорили: он смешивает тенденцию с совершившимся фактом. Различие между положением отдельных специальных групп пролетариата еще очень велико, и грациозно перепрыгнуть через вытекающую из этого различия необходимость существования союзов по специальности сможет только тот, кто не имеет ничего общего с конкретной экономической борьбой и вообще не привык утруждать себя размышлениями. Но каждый новый день борьбы и равномерный рост нищеты в рабочем классе, благодаря распадению капитализма, несомненно, заставит профсоюзы сначала работать совместно друг с другом, затем все теснее опираться друг на друга и, наконец, все больше сливаться по промышленным отраслям. Не выставляя на своем знамени организации промышленных объединений, как предпосылки борьбы, в качестве догмы, коммунисты должны быть в профсоюзах носителями централизующей тенденции. В той мере, в какой профессиональная борьба будет фактически становиться классовой борьбой,

упомянутые видоизменения организации и тактики профсоюзов смогут быть проведены. В той мере, в какой коммунисты решительно выступят в профсоюзах за обострение экономической борьбы, за приспособления профсоюзов к ее потребностям, коммунистическая партия станет душой профсоюзов, а профсоюзы—ее телом.

8. Рабочие советы и борьба за контроль над производством.

Одним из признаков брожения, охватившего рабочие массы, является то, что они явственно чувствуют потребность в новых родах оружия, в новых организационных формах. Там, где, как, напр., в Германии, социальный кризис зашел уже далеко, поиски этих новых форм идут во вполне определенном направлении: в сторону рабочих советов, не только как формы, в которую выльется будущая диктатура пролетариата, но как организационной формы борьбы за эту диктатуру. Но даже там, где советская идея не вырастает из стремления к диктатуре, где широкие рабочие массы стоят еще на почве демократической идеи, как, напр., в Англии, по существу родственные тенденции все-таки пробиваются наружу, напр., в виде движения фабричных старост. Советская идея сыграет еще огромную роль в развитии мировой революции, хотя это и не будет простым повторением той роли, которую играли солдатские и рабочие советы в России перед победой пролетариата. То обстоятельство, что западные коммунисты не замечают этого отличия, затрудняет их работу по сознательному созданию советов,—больше того, непонимание истинной роли советов ведет к полной путанице в вопросе о функциях профсоюзов и их отношении к советам. Покамест приходится основывать свои воззрения на роль советской идеи в дальнейшем развитии мировой революции только на опыте России и Германии. В этой последней последствия недостаточно сознательного отношения к вопросу так отчетливо бросаются в глаза, что размышление над немецким опытом избавит коммунистов других стран от очень значительного количества напрасных поисков и ошибок.

В мартовскую революцию 1917 г. русские рабочие обратились к образованию советов не по недостатку в других организациях: недаром наблюдался одновременно и быстрый расцвет профсоюзов. Рабочие массы обратились к советам, потому что революция настоятельно подсказывала им необходимость организоваться **как класс**. Партия всегда привлекает только наиболее сознательных и подготовленных. Она указывает на длинный путь, на широкие горизонты, предполагает известную степень пролетарской сознательности. Профсоюз апеллирует к самым непосредственным потребностям массы, но он организует их по ремеслам, в лучшем случае по промышленным отраслям, а вовсе не как класс. В период мирного развития только передовые ряды пролетариата „сознательны", т.-е. **сознают себя как класс**, это те, которые примыкают к партии. Партия, олицетворяющая будущность класса, является вместе с тем и их классовой организацией. Ведь, все они представляют себе будущность своего класса приблизительно так, что все рабочие станут членами социалистической партии, после чего пробьет, наконец, час победы над буржуазией. А, между тем, революция заключается как-раз в том, что широчайшие слои пролетариата, оставáвшиеся до сих пор чуждыми политике, выходят из состояния спокойствия. Они пробуждаются, жаждут деятельности, целый ряд различных буржуазных и социалистических партий обращается к ним,—различных не только в отношении преследуемых ими целей, но и со стороны предлагаемых ими путей. Рабочий класс инстинктивно чувствует, что он может победить только как класс. Он стремится организовать себя как класс. И это чувство, — сознание, что он может победить только как класс, что старания отдельных его частей, группирующихся вокруг отдельных партий, ни к чему не приведут,—настолько сильно, что при полной свободе партийной агитации даже наиболее передовые слои рабочего класса, намерения которых опережают временные желания их класса, в решительную минуту подчиняются постановлениям классовой организации. Они поступают так из ясного понимания существа пролетарской революции. В эпоху мирного развития передовые отряды пролетариата ставят себе узко ограниченные поли-

тические цели, вовсе не требующие для своего осуществления напряжения сил всего класса. Революция ставит в порядок дня вопрос о захвате власти. А этого уже не достигнешь силами одного только авангарда. Ему приходится выжидать, пока за ним последуют рабочие массы, пока достаточно определится их воля к власти, благодаря его агитации и их собственному опыту. Русские большевики составляли вначале незначительное меньшинство не только в солдатских, но и в рабочих советах Они подчинялись постановлениям советов, в которых господствовали сторонники коалиции с буржуазией, и в то же самое время выдвинули свой лозунг: „вся власть советам". Меньшевики язвительно замечали по этому поводу, что ведь сами советы против захвата власти. Но со временем решающее большинство советов все-таки стало на точку зрения большевиков и осуществило, именно, как представительство класса, лозунг: „вся власть советам". Таким образом, рабочие советы оказались той почвой, на которой произошло объединение рабочего класса, не потому, что „советская система" сама по себе обладает объединяющим свойством, а потому, что советы отражали постепенное объединение пролетариата под влиянием обострения классовых противоречий.

Потребность в такого рода органе, отражающем развитие, меняющуюся волю пролетариата, возникает среди рабочего класса повсюду, где он начинает инстинктивно чувствовать, что обострение классовых противоречий требует от него единства классовых действий. Вот почему в ноябрьскую революцию в Германии фактически не замечалось сильного массового стремления к образованию рабочих советов. Ведь, власть досталась рабочим без особой борьбы, благодаря разгрому кайзерского правительства под ударами войск Антанты. Советы образовались главным образом благодаря соглашению между социал-демократами большинства и независимцами, т.-е. между партиями, являвшимися противниками диктатуры советов. Они воспользовались этой фирмой, пользовавшейся, благодаря своей революционности, популярностью среди рабочих и солдатских масс, для того, чтобы с ее помощью скрыть то обстоятельство, что они устанавливают господство бюрократии партий,

ной и профсоюзной. Но молодая коммунистическая партия, стиснутая между обеими этими большими партиями, все-таки старалась не дискредитировать советскую идею, а, напротив, показать рабочим, чем она в действительности является; даже тогда, когда одна какая-нибудь партия господствует в советах, имея за собой массы, советы должны быть представительством рабочей массы по предприятиям, а не от партий, распределяющих между собой места в совете по соглашению. Немецкая коммунистическая партия хотела добиться большинства в советах с помощью терпеливой работы, при условии свободной агитации, но не пыталась захватить власть за спиной советов. Она хотела выкристаллизовать волю рабочих масс, вот почему она приняла советы. Но развитие шло в Германии не так, как в России, частью благодаря опыту русской революции, частью вследствие различия в международном положении России 1917 г. и Германии 1918 г. Немецкая буржуазия и ее социал-демократические лакеи научились именно на опыте русской революции, что действительно демократически выбранные представители фабрик и заводов оказываются зеркалом, отражающим объединенную волю рабочего класса. Больше того — что взаимодействие партийных частей рабочего класса на советской почве, длительные заседания рабочего парламента только ускоряют образование объединенной воли пролетариата. Вот почему буржуазия и шейдемановцы, едва только достигнув власти, первым долгом решили помешать созданию органов пролетарской воли, подвергая советы полицейским преследованиям и стремясь взорвать их изнутри.

В значительной своей части этот план удался, благодаря тому обстоятельству, что ноябрьская революция означала капитуляцию перед Антантой и повела к демобилизации армии. В России первый период революции был заполнен борьбою за мир, при чем армия была больше всего заинтересована в мире. В противоположность буржуазии и офицерству, желавшим продолжения войны, солдатская масса примыкала к солдатским советам и защищала рабочие советы. В Германии рабочие советы этой защиты не имели, и, превратив остатки империалистической армии в наемное

войско, буржуазия смогла задушить рабочие советы, как всеобщее представительство рабочего класса.

В немецком рабочем классе, тем не менее, все больше укрепляется советская идея — по мере растущего разочарования в буржуазной „демократии". Даже в рядах независимой социал-демократии, т.-е. в партии, которая помогала шейдемановцам в декабре 1918 г. передать власть из рук пролетариата в руки буржуазии, она приобрела горячих приверженцев. В вожаке левых независимцев Деймиге [1]) советская идея нашла упорного, готового на самопожертвование защитника, и массы рабочих-независимцев последовали за ним. Но оппортунистический характер независимой с.-д. не мог не отразиться и на ее лучших вождях, невольно подсказывая им такую точку зрения на советский вопрос, которая сама собою вводила их борьбу за советское дело в оппортунистическую колею. Под руководством Деймига берлинский исполком пытался предупредить разгром советов капиталистической диктатурой и даже найти путь к дальнейшему укреплению советов, отказываясь „пока" от политической борьбы советов, как всеобщего представительства рабочего класса, стараясь планомерно раскинуть целую сеть чисто-экономических советов, — фабрично-заводских,—не делая их, однако, объектом революционной борьбы. Деймиг и его друзья приноравливают с большой старательностью организацию фабрично-заводских комитетов к общей структуре немецкой промышленности. С помощью статистической переписи рабочих, занятых в одной какой-нибудь отрасли промышленности, они стремятся подготовить выборы в такого рода планомерно организованные фабрично-заводские комитеты. Деятельность Деймига и его друзей не пройдет бесследно, но мы боимся, что она пригодится только для создания В. С. Н. Х. немецкой советской республики. Так как немецкая буржуазия не придает никакого значения тому, чтобы быть „социализированной" добропорядочным, экономически хорошо обоснованным образом,—она пред-

---

1) Деймиг, перешедший после съезда в Галле в коммун. партию, ушел из нее после мартовских событий 21 года. Но он не выдержал внутренних потрясений этих переходов и умер вскоре от сердечного припадка.

почитает, по своему невежеству, попрежнему властвовать, то мысль о возможности спокойной, систематической организации фабрично-заводских комитетов, о делении революции на два периода: период методического и беспрепятственного установления хозяйственного аппарата и период заключительной политической борьбы, является попросту оппортунистической утопией. Капиталистическая диктатура, удушающая политические рабочие советы, не дает спокойно развиваться и фабрично-заводским советам: она разогнала берлинский красный исполком и отменила выборы в фабрично-заводские комитеты.

Какие выводы напрашиваются из этой истории развития, и могут ли они иметь какое-либо значение за пределами Германии? Нам кажется, что опыт немецкой революции подсказывает следующие выводы, действительные и для других капиталистических стран: рабочие советы, как всеобщие органы пролетариата, являются продуктами революционного движения пролетарского класса. Если этому не сопутствует растущее стремление пролетариата осуществить свои классовые цели, то старания образовать рабочие советы не могут принести революции особой пользы: искусственно образованные советы вовсе не охватывают всей рабочей массы, собрание рабочих представителей в одном каком-нибудь помещении вовсе не образует представительства рабочего класса, так как таковое возникает, как политический фактор, только в процессе революционной борьбы.

Наоборот, они только помогают порою контр-революционным социал-демократическим партиям внести сумятицу в рабочие массы, ибо предательская политика социал-демократии как бы приобретает с их помощью доверенность от рабочего класса. В период возрастания революции будут вместе с ростом боевой воли пролетариата возникать тенденции к образованию и рабочих советов: на политической, точно так же, как и на экономической почве. Буржуазия попытается сделать их невозможными. Попытка образовать их окольным путем, добиться молчаливого попустительства со стороны буржуазии ценою суживания поля их деятельности и отказа от революционности есть оппорту-

нистический маневр, который либо будет предупрежден буржуазией, способной просто-на-просто запретить существование советов, либо внесет еще большую путаницу в ряды рабочего класса, если буржуазия окажется более терпимой. Чтобы продержаться, рабочим советам пришлось бы избегать всего, что может раздражать буржуазию, они выродились бы в игру в советы, которая способна была бы своей бесполезностью только скомпрометировать советскую идею в глазах рабочего класса. Когда рост революционности укрепляет в рабочем классе тенденцию к образованию рабочих советов, тогда именно необходимо обратиться к революционной массовой борьбе за советскую организацию. Она сможет стать жизнеспособной, сделаться боевой организацией только в процессе борьбы рабочего класса.

Можем ли мы надеяться установить советскую систему в капиталистических странах до захвата политической власти, до разгрома буржуазии?

Это будет зависеть от того пути, который изберет буржуазия под влиянием возрастающего напора пролетариата. Там, где она будет слаба и вынуждена будет, либо вследствие невозможности противостоять ему, либо в надежде расколоть его уступками, предоставить ему некоторую свободу действия, там пролетариату придется упорно стремиться вперед, создавать фабрично-заводские советы, объединять их в производственные советы для того, чтобы осуществить контроль над производством, о котором еще будет речь ниже, ему придется создавать общеполитические рабочие советы для того, чтобы объединить с их помощью волю рабочего класса, устремить ее к центральным пунктам атаки и противопоставить буржуазным парламентам. Это, повидимому, возможно в настоящее время, например, в Германии и в немецкой Австрии. Однако, и в этих странах положение может измениться. Буржуазия может собраться с силами и попытаться насильственными мерами подавить рабочее движение. Но совершенно очевидно, что чем энергичнее пролетариат использует и кратчайшие промежутки времени для того, чтобы организоваться как класс, тем труднее будет для буржуазии разгромить эти классовые организации. И далее,

если ей временно удастся это сделать, то новое наступление пролетариата произойдет тем сильнее и решительнее, чем глубже будут следы, оставленные в пролетариате эрой революционных рабочих советов. В большинстве капиталистических стран не приходится, однако, рассчитывать на политику уступок со стороны буржуазии.

Бешенство реакции, попытки обессилить пролетариат кровопусканиями гораздо более вероятны, как об этом свидетельствует озлобленная реакция в Соединенных Штатах Северной Америки, в Германии и объединение французской буржуазии вокруг Клемансо. Не делает ли это невозможным возникновение советов? Поскольку дело идет о „мирном и систематическом" строительстве, о котором мечтают немецкие независимцы, постольку мы уже отметили, что это есть оппортунистическая утопия. Но это не значит, что нужно вообще поставить крест над самым существованием советов. Когда волна революции повышается, то возможно и желательно даже нелегальное существование политических рабочих советов, как местного представительства пролетариата, хотя они, разумеется, не в состоянии так же точно отражать настроение рабочей массы, как они это делают во время своего легального существования. Во время обостренной борьбы пролетариата, возрастания его революционной энергии и одновременного роста усмирительных мероприятий капиталистических правительств гораздо большее политическое значение приобретут фабрично-заводские комитеты, с которыми труднее будет расправиться.

Если бессознательные, синдикалистски настроенные элементы хотят заменить профессиональные союзы фабрично-заводскими комитетами, то это только значит, что они вместе с тем оставляют и всякую мысль о централизованной организации экономической борьбы пролетариата.

Вполне очевидно, что создание новых революционных организаций, способных охватить всю рабочую массу не только по отраслям промышленности, но и по хозяйственным областям, является безнадежной утопией, пока существует капиталистическая диктатура.

Пренебрежение профсоюзами, как уже существующей экономической организацией одной части рабочего класса, при-

вело бы, стало-быть, только к тому, что фабрично-заводским комитетам пришлось бы вести чисто случайную местную борьбу в зависимости от положения в каждой отдельной фабрике или, в лучшем случае, в группе близлежащих фабрик. Однако, относясь совершенно отрицательно к отказу от реорганизации профессиональных союзов, их приспособления к потребностям революционной эпохи, не следует упускать ни на одну минуту из виду той роли, которую могут сыграть фабрично-заводские комитеты, если реакция попытается сокрушить профессиональные союзы. Именно исходя из того предположения, что профсоюзы могут, благодаря напору массы, стать организациями революционной экономической борьбы пролетариата, нужно рассчитывать, что правительства начнут прибегать к ожесточенным преследованиям и даже к разгону профсоюзов. Опыт последней большой стачки горнорабочих в Соединенных Штатах Северной Америки (октябрь 1919 г.) показал, что достаточно профессиональному союзу, принадлежащему к одному из наиболее умеренных в предводительствуемой Гомперсом „федерации труда", затронуть своей стачкой какую нибудь жизненную артерию капиталистического государства, чтобы это последнее запретило вожакам профсоюзов руководить стачкой и конфисковало кассу профсоюза. А мы, ведь, находимся в самом начале борьбы.

Там, где во время этой борьбы будут разрушены профессиональные союзы, будет невозможна централизация борьбы, но не самая борьба. Она приобретет только еще более внезапный характер, будет протекать еще более бурно. Местные фабрично-заводские советы будут руководить ею и стараться ценою какихугодно жертв поддерживать единодушие в массах. Если коммунисты должны стремиться к тому, чтобы поддерживать существующую еще возможность центрального руководства экономической борьбой и бороться поэтому против всяких попыток разрушить аппарат профессиональных союзов, то было бы в высшей степени пагубным, если бы они вместе с тем не поддерживали теперь уже все старания, направленные к тому,

чтобы обеспечить профессиональным союзам надежную опору в фабрично-заводских комитетах везде, где только это возможно.

Но развитие фабрично-заводских комитетов было бы, очевидно, очень затруднительно, если бы при этом дело шло только о создании будущего организационного резерва. Массовые организации не создаются на основе надобности будущего: массы действуют только под влиянием уже сознанных потребностей. Вот почему необходимо обратить внимание на второй источник движения фабзавкомов и опереться на необходимость, которая все более начинает восприниматься рабочими массами.

Мы говорим о роли фабрично-заводских комитетов, как органов контроля над производством.

В „нормальное" время капиталистического господства рабочий класс является таким же элементом производства, как и машины. Им распоряжаются в процессе производства, он же не смеет распоряжаться производством. Даже в наиболее смелых мечтах своих о „фабричной конституции" реформисты не думали о том, чтобы предоставить рабочему классу право с своей стороны иметь решающий голос в вопросе о том, как и что должно производиться. Они стремились только к участию рабочего класса в разрешении вопросов о заработной плате и рабочем времени, охране труда, социальном обеспечении и, в лучшем случае, приеме и увольнении рабочих. И сам пролетариат не испытывал никакого интереса к вопросам производственного строительства. Наборщику было безразлично, набирает ли он Библию или порнографические рассказы, текстильщику было все равно, производить ли ткани для прикрытия наготы безнравственных негров или для оголения холеного тела моральных дам. Он заботился только о возможно более высокой заработной плате, чтобы иметь возможность покупать то, в чем он нуждался. Теперь дело обстоит иначе. Если горнарабочие прирейнской Вестфалии принуждены жить в холодных бараках потому, что нехватает угля для обжигания кирпичей, необходимых для постройки домов для горнорабочих, в то время, как уголь имеется в изобилии для производства пред-

метов роскоши, для кинематографов и кофеен, то горнорабочие начинают понимать, что они заинтересованы в контроле над тем, для кого они производят уголь. Если английская буржуазия повышает цену на уголь на 6 шиллингов за тонну, нисколько не увеличивая заработной платы горнорабочих, то этим последним становится ясно, что они заинтересованы в установлении твердых цен на уголь. Если немецких железнодорожников делают ответственными за разруху транспорта, то у них возникает интерес проконтролировать, сколько новых локомотивов и вагонов поставлено на рельсы, сколько сдано в ремонт, и как велика сумма, полученная железными баронами за поставку необходимой для этого стали. Если фабрики закрываются, якобы, из за недостатка сырья или отсутствия заказов, то рабочие имеют живейший интерес в том, чтобы убедиться, нет ли здесь саботажа со стороны капиталистов, закрывающих фабрики для того, чтобы выйти сухими из воды, т.-е. чтобы тайком переправить свои капиталы за границу. И, наконец, когда помещики и кулаки припрятывают продукты в то время, как городское население голодает, когда сельские рабочие встречают ожесточеннейшее противодействие при малейшей попытке улучшить свое бедственное положение и видят себя вынужденными прибегать к забастовкам, после чего их же делают ответственными за голодание города,—то не заинтересовано ли большинство граждан в том, чтобы советы сельских рабочих контролировали условия сельскохозяйственного производства?

Все эти явления свидетельствуют о том, во-первых, что объективная заинтересованность пролетариата в возможности вполне обозреть условия производства не только очень велика, но и что она становится пролетариату с каждым днем все яснее; во-вторых, что при этом речь идет не только об интересах промышленного пролетариата, но и об интересах подавляющего большинства интеллектуального пролетариата и мелкой буржуазии, попавших вследствие войны в чрезвычайно затруднительное положение. Для коммунистических партий отсюда напрашиваются весьма важные выводы. Во-первых, им представляется возможность развить борьбу за улучшение положения отдельных частей рабочего класса в

борьбу за контроль над производством. Во-вторых, отражая при этом интересы громадного большинства населения, они показывают всему трудящемуся и нуждающемуся народу, что пролетарское движение означает не искусственно вызванную борьбу за интересы одних только промышленных рабочих, а борьбу за хлеб, свет и тепло для широчайших слоев нации.

Если нам удастся при посредстве агитации и пропаганды действием внедрить это обстоятельство в сознание народных масс, то мы создадим вокруг борющегося пролетариата атмосферу, в которой капиталистическим правительствам трудно будет задавить и затоптать стремление рабочих к образованию фабрично-заводских комитетов, к контролю над производством.

Отсюда ясно, насколько вредна агитация саботажа, распространяемая бессознательными революционными элементами. Кичась своей особенной революционностью, они не замечают, что их отправным пунктом является убеждение в том, будто капитализм в состоянии настолько улучшить положение масс, что поток революции сам собою иссякнет, если мы искусственно не разрушим капиталистического механизма. И результатом агитации саботажа является то, что капитализм получает возможность возложить ответственность за хозяйственную анархию, за нищету масс на революционных рабочих.

Капитализм виноват в том, что рабочие массы, изнуренные четырехлетним лежанием в окопах и недостаточным питанием, обладают теперь меньшей рабочей силою, чем до войны. Капитализм виноват в нынешнем недостатке средств производства, ибо он в течение четырех долгих лет заставлял производить не инструменты труда, а орудия разрушения. Капитализм виноват в том, что большие пространства земли теперь разрушены, а их население теперь скитается без крова и работы.

Коммунистический пролетариат выступает как строитель, а не как разрушитель нового мира. Если он и хочет что-либо разрушить, то только бараки нищеты, каторжные дома рабства. Ему только потому приходится разрушать в своей борьбе и культурные ценности, что капитал изо всех сил

цепляется за свое право продолжать эксплоатацию израненного, окровавленного, покрытого рубищами человечества.

Борьбу за фабрично-заводские комитеты, стоящие на страже интересов широких масс, необходимо вести с величайшей энергией во всех странах. Борьба за фабрично-заводские комитеты и борьба фабрично-заводских комитетов за контроль над производством приведет к следующему результату. Она покажет рабочим и широкой публике, что ни фабричному пролетариату, ни широким слоям мелкой буржуазии не представит существенных выгод, если пролетарий добьется в отдельных фабриках контроля над производством. Для того, чтобы этот контроль привел к разумному хозяйственному плану, направленному к удовлетворению массовых потребностей на основе наличного сырья и средств производства, необходимо объединить по промышленным группам и централизовать опыт всех фабрично-заводских комитетов. Отдельные, свободные, самостоятельно действующие фабрично-заводские комитеты недостаточны, необходимо их организовать в общенациональном масштабе. Правительство, не допускающее такой организации, желает увековечить капиталистическую бессистемность, хозяйственный хаос и капиталистическую эксплоатацию народных масс.

В то время, как „система советов хозяйств", декретированная сверху какой-нибудь отдельной группой, остается для рабочих масс только клочком печатной бумаги, а в глазах непромышленного населения представляется только агитационным средством оторванных от жизни мечтателей, требование советской организации, поскольку оно вырастает из опыта повседневной борьбы фабрично-заводских комитетов в каждой отдельной фабрике, конкретно обнаруживающих в процессе борьбы свою пригодность в качестве практического средства против нищеты, является экономической необходимостью.

Это не означает, что капиталистическое правительство должно склоняться перед ним,—ведь, оно в сущности только и живет борьбою против жизненных интересов массы,—но это значит, что проводимая таким образом наша борьба за фабрично-заводские комитеты

глубоко вкореняет их и в потребностях, и в сознании масс. Где она увенчивается успехом, где рабочие достигают хотя бы частичного контроля над производством и ближе знакомятся с его условиями, там создается главнейшая предпосылка для их будущей роли в качестве руководителей производства. Они знакомятся с промышленными предприятиями. Разумеется, это не может быть достигнуто тем путем, на который правительства пытаются завлечь народные массы, жаждущие освобождения человечества от капиталистического гнета, когда отдельных рабочих при случае пускают в приемную акционерных кампаний, где им под величайшим секретом показывают балансы предприятия. Дело идет о том, чтобы превратить фабрично-заводские комитеты в органы публичного контроля, чтобы дать им возможность бороться с помощью приобретенных таким образом сведений в интересах народа против интересов капиталистической наживы.

Борьба фабрично-заводских комитетов за контроль над производством приведет во всяком случае к тому, что вопрос о завоевании политической власти станет для большинства народа на очередь дня, как вопрос желудка. Достаточно будет правительствам преградить пролетариату дорогу к контролю над производством, затрудняя образование фабрично-заводских комитетов и препятствуя их объединению, чтобы рабочему классу стало ясным то обстоятельство, что не только распоряжение средствами производства, но даже лишь надзор за ними станет для него возможным только тогда, когда он сломит диктатуру капитала и захватит государственную власть в свои собственные руки. Там же, где рабочий класс достигнет контроля над производством, перед ним, по мере того, как он будет его осуществлять, встанет вопрос: что же дальше? Как преодолеть анархию производства, прекратить расточение ценностей в то время, когда народные массы испытывают нужду в самом необходимом? Таким образом, вопрос о пролетарской диктатуре, как средстве овладеть производством и руководить им в интересах народных масс, будет практически поставлен на очередь.

Лозунг контроля над производством фабрично-заводских

комитетов, как бы „минималистски" он ни звучал, является революционным лозунгом переходного времени, потому что, исходя из простейших потребностей народных масс, он организует их передовые ряды, промышленный пролетариат, вводит их в святое святых капитализма, в тайники его производства и ведет к борьбе за овладение производством, т.-е. за диктатуру пролетариата. Если борьба рабочего класса за власть будет продолжаться более или менее долгое время, то лозунг этот явится осью пролетарской борьбы и той точкой, вокруг которой сконцентрируется энергия пролетариата.

9. Интеллектуальный пролетариат и коммунизм.

Опыт русской революции показал, что достигший власти пролетариат не в состоянии обойтись без интеллектуального общественного капитала, кристаллизованного в интеллигенции (техниках, врачах, агрономах и ученых). Он не сможет обойтись без них и в странах высоко развитого капитализма. Не взирая на хвастовство „цивилизованных" стран достигнутою ими ступенью культуры, действительная культура народных масс этих стран очень низка: они взяли свое знание, свои организаторские способности от капитализма с боя: это знание касается больше борьбы против капитализма, чем уменья руководить государственными и хозяйственными предприятиями, умения, бывшего привилегией правящих классов, осуществление которой они по большей части предоставляли наемной интеллигенции. Рабочий класс достигнет полного уменья в управлении производством только в процессе социальной революции. Он будет, стало-быть, в капиталистически развитых странах не меньше, чем в России, вынужден использовать для социалистического строительства интеллектуальные силы, оставленные ему капиталистическим обществом. Из этого следует, что коммунистические партии должны теперь уже в интересах пролетарской революции сделать все возможное для того, чтобы привлечь к делу рабочего класса возможно более значительные слои интеллигенции. На Западе условия благоприятствуют этому гораздо более, чем в Рос-

сии, несмотря на революционные традиции, существовавшие в русской „интеллигенции". Русская интеллигенция была революционной в предкапиталистическое время, когда она изнывала под варварским гнетом царистского режима и бюрократизма в своем качестве носительницы западной цивилизации. Она исповедывала социализм, приспособляя его формы и содержание к тем классам, в которых она в каждом данном случае видела возможных борцов против царизма: она была „народнической", когда крестьянство казалось ей такого рода борцом, сделалась марксистской, когда на арену борьбы вышел русский промышленный пролетариат. Но чем больше буржуазия превращалась из невежественного, суеверного купца в современного буржуа с его либеральными стремлениями, чем больше процесс капиталистического развития прямо брал к себе в услужение интеллигентские массы, открывая перед ними перспективу общественного почета, тем более увеличивались кадры интеллигенции, отворачивавшиеся от социализма и обращавшиеся к либерализму. Это вылилось уже в последнем десятилетии XIX столетия в форму бернштейнианства, в первом десятилетии XX столетия—в форму философского идеализма, после революции 1905—1917 гг.—в форму меньшевистского ликвидаторства, кадетского „вехизма" („Вехами" назывался сборник статей интеллигентов, решительно порвавших с революционными традициями русской интеллигенции). Во время войны 1914—1917 гг. интеллигенция получила возможность заполучить в свои руки значительную часть общественной власти, поступив на службу к различным общественным организациям по обслуживанию фронта. Мартовская революция открыла перед нею возможность полного господства над псевдо-демократическим мужицким государством. Октябрьская революция 1917 г. свела все эти перспективы на-нет. К этому присоединились еще два обстоятельства. Интеллигенты, видевшие в русской революции только варварское отражение военного разгрома, но не замечавшие в ней начала мировой революции, не верили в то, что рабочее правительство вообще сможет удержаться. К тому же рабочая революция, прошедшая сквозь чистилище Брестского мира, унизила их национальное самосознание. Вот

почему интеллигенция, как класс, была в России заядлым противником рабочей революции. Рабочему классу пришлось со всей решительностью сломить ее сопротивление, нанести ей тысячи ран, прежде чем попытаться использовать ее услуги.

На Западе положение совершенно иное. Интеллигенция находится здесь не на подъеме, а на уклоне истории. Если развитие капитализма превратило ее еще до войны в свою рабыню, то результат войны лишает ее даже жалкой уверенности в том, что рабовладелец и завтра будет еще кормить ее, как дорогое рабочее животное. Растущая дороговизна делает положение всех техников, врачей, вольнонаемных и государственных служащих, которым не посчастливилось занять руководящих должностей, все более невыносимым. В то время, как заработок их остается неизменным, цены на продукты все повышаются. Положение интеллектуального пролетариата, живущего продажей своей умственной силы, писателей, журналистов, художников и т. д., гораздо хуже, чем положение промышленного пролетариата. В побежденных странах интеллигенция, являвшаяся до сих пор главнейшей носительницей национальной мысли, пережила полное крушение своих надежд. До того они утешали себя империалистическими перспективами: империализм, долженствовавший подчинить родному капиталу новые, громадные пространства, должен был и им предоставить возможность свободного применения своих сил. Все эти мечты пошли прахом: немецкая нация, предмет их гордости, должна стать удобрением для англо-саксонского капитала. Некоторые интеллигенты надеются предотвратить это ирредентизмом, национальной борьбой. Они переходили в лагерь реакции. Другие понимают всю безнадежность всякой идеи реванша. Чтобы немецкая нация воспрянула из своего унижения, избежала участи всемирного пария, должен измениться весь мир. Нужно стать на сторону тех, кто способен достигнуть этого, кто способен объединить весь мир в дружном строительстве. Часть интеллигенции Центральной Европы находится в состоянии сильного брожения. Она еще не выяснила себе, в чем дело. Но она уже пробуждается от своего националистического сна, начинает преодолевать индивидуалистическую дурь.

Иначе, но не менее глубоко, проходит духовный кризис среди лучшей части интеллигенции во Франции, Англии и Америке. Сыны империалистически насыщенных стран боролись в этой войне за демократию, за новый, мирный миропорядок, в котором сила мысли призвана была сменить грубое насилие. Не из одного только лицемерия эти элементы боролись против антивоенного социализма и клали пацифизм на время войны под сукно: они надеялись победоносно пройти сквозь красное море войны прямехонько к более справедливому общественному строю. Теперь их идол Вильсон лежит в состоянии не одного только физического паралича, жалкий комочек, разбитое суденышко их надежд. На сцене господствует фигура старческого тигра, символа политики реванша, чреватой новыми войнами, фигура Винстона Черчилля, забубенной военной головушки, делающего погромы деникинской банды висельников и поджигателей знаменем английского либерализма, при чем вся желтая капиталистическая пресса ему в этом помогает. Ллойд-Джордж,—„обновитель английского либерализма", трепещет в сетях консервативного империализма, и если со страниц руководящих органов английского либерализма, со столбцов „Nation" или „Manchester Guardian", раздается голос последних остатков буржуазной рассудительности, то только для того, чтобы можно было констатировать, что он есть голос вопиющего в пустыне. Перед глазами англо-саксонских победителей тысячами умирают дети Восточной и Срединной Европы, в то время как Америка обладает еще достаточным количеством запасов, а новые цезари организуют кордоны смерти, шлют оставшиеся после войны шрапнели и газовые бомбы в Россию, чтобы избавить с помощью этих продуктов, для которых нет другого рынка, русских рабочих и крестьян от всяких забот о хлебе насущном (в кассовых книгах освободителей русского народа все это вносится по военным ценам для того, чтобы русский народ впоследствии сумел оценить свое освобождение и—заплатить за него потребные проценты). Надо было бы отчаяться в человечестве, если бы можно было усомниться в том, что подобное состояние европейской „культуры" неминуемо толкнет лучшие элементы интеллигенции в ряды мировой революции.

Коммунистические партии должны обратиться к этим слоям, рассеять их предрассудки и сделать их нашими сознательными сотрудниками. Они бесприютны, потому что их духовная родина опустошена и сожжена. Нужно широко раскрыть перед ними ворота коммунистического храма, который всегда служил человечеству убежищем в эпохи кризисов. Нужно рассчитывать, что разрыв с буржуазными навыками мышления и чувствования будет нелегок и произойдет не сразу. Коммунистическому Интернационалу придется следить за тем, чтобы отразить все симптомы ослабления идеи пролетарской борьбы, духовной дезорганизации. Мы не хотим привлечь эти интеллигентские элементы ценою идейных компромиссов, льстя их предрассудками. Наоборот, нужно им наперед сказать, что они не спускаются как носители духа к тупой массе, ожидающей спасителя. Рабочие массы должны сами освободить себя, сами создать те звезды, которые будут освещать над ними путь к освобождению. Но и интеллектуальные пролетарии принадлежат к этому народу, созидающему новый мир. Они нужны ему подобно тому, как и сам этот народ, лишенный формальной образованности, им нужен для того, чтобы их мысли и чувства очистились от всяческой скверны, приставшей к ним со времен капиталистического проституирования их способностей. Если нам удастся присоединить к себе лучшую часть интеллигенции, то тем легче нам будет приспособить к новым заданиям в интересах народного дела интеллигентскую массу, приходящую к рабочему классу в погоне за пропитанием.

Пролетарская диктатура ничем не угрожает интеллигенции. Подобно тому, как она является составной частью неимущей, страдающей массы, она может стать и отрядом организованно господствующего пролетариата. Сделается ли она таким отрядом, будет зависеть как от нее самой, так и от нашей собственной работы в ее рядах.

10. Коммунистическая партия и колеблющиеся элементы социализма.

Борьба против мнимо-социалистических партий старого Интернационала, стоящих на почве коалиции с капиталистами, является частью нашей непримиримой борьбы против капиталистического порядка, которому они служат виднейшей опорой. Об этом не может существовать среди коммунистов никаких сомнений. Борьба должна вестись до полного уничтожения этих партий. Они оказываются опаснейшими врагами пролетарской диктатуры.

Но между нами и этими партиями стоят промежуточные партии, которые признают классовую борьбу (и даже диктатуру пролетариата,—подобно немецким независимцам или французским лонгетистам), но только не могут решиться примкнуть к Коммунистическому Интернационалу, предпочитая вести переговоры с лакеями буржуазии о восстановлении старого Интернационала. Корни этого колеблющегося социалистического центра, его деморализующую и развращающую роль в процессе мировой революции достаточно полно освещают резолюции учредительного съезда Коммунистического Интернационала. Теперь нам нужно только рассмотреть, в каком направлении эти партии развивались за последние месяцы. Так как, в противоположность коммунистическим партиям и группам, они пользуются в своем качестве „умеренной оппозиции" благами легальности и отражают—хотя немного под сурдинку—растущую оппозиционность народных масс, то они значительно расширились за последнее время. Прилив массы в их ряды привел вместе с тем в немалое смущение вожаков. Группирующиеся вокруг них массы определенно коммунистически настроены, частью даже сознательно коммунистичны. При этом они восторженно приветствуют Коммунистический Интернационал, с радостью становятся на его точку зрения и принуждают центровые партии к сближению с Третьим Интернационалом. Вожакам приходилось шаг за шагом уступать натиску масс, усвоивать себе коммунистические лозунги. Они только пользова-

лись социальной невышколенностью масс для того, чтобы с помощью всякого рода хитроумных формулировок изменять революционное содержание этих лозунгов. Таким образом немецкие независимцы и договорились до лозунгов, описанных во второй главе настоящей работы: сочетание органов пролетарской диктатуры с диктатурой капиталистической, затем лозунг диктатуры без терроризма. Все это показывает, что руководители центра (в Германии Гильфердинг, Дитман, Генке) намерены в каждой революционной ситуации выдавать пролетариат головою буржуазии, как они это и сделали в ноябре 1918 г. В то время, как ныне они высказываются в Германии против коалиции, в немецкой Австрии наиболее радикальные из этих центровиков (Ф. Адлер, Бауэр) ратуют за коалицию с антисемисткой партией, идут за-одно с наиболее скомпрометированными, ими же самими заклейменными социал-патриотами. Фридрих Адлер рука-об-руку с Карлом Реннером, этим защитником не только черно-желтой, королевско-императорской габсбургской монархии, но и немецкого империализма! И этот союз центровика, ставшего террористом из отвращения к позору своей партии, с присяжным бардом этого позора и разложения, защищается и прославляется в органах германской независимой социал-демократии, в берлинской „Freiheit“ и „Leipziger Volkszeitung“,—кто же поверит после того, что немецкие центровики всерьез выступают против коалиции с буржуазией и возмущаются шейдемановщиной? И кто усомнится в том, что завтра английская „рабочая партия“ (Labour Party) укрепится в палате общин, и если английские либералы сочтут для себя более выгодным объединиться с нею, чем с консерваторами, то во главе подобного союза станет не только Артур Гендерсон, но и Рамзей Макдональд? С идейной стороны сокровеннейшая сущность центра заключается в том убеждении, что пролетариат, по крайней мере, теперь еще не в состоянии самостоятельно овладеть властью и управлять миром. Капитализм должен сначала утучнить истощенную землю, после чего грядущая мировая революция, во время которой центровики обещают придерживаться самой непреклонной революционной политики, расправится с ним. Такая точка зрения основывается на том

обстоятельстве, что старые вожаки независимцев (разумеется, с некоторыми исключениями) привыкли к безмятежному, мирному житию, при котором им ничем не приходится рисковать. Они не могут быть борцами и поэтому отказываются верить в то, что время борьбы уже наступило. В социальном отношении они стоят на той же ступени, что и Шейдеман, Гендерсон, Ренодель. Поэтому они и стремятся постоянно к компромиссу с ними. Если бы даже их партии и примкнули к Третьему Интернационалу, оставив этих вождей у руля, то они сделались бы организаторами всяческой смуты, носителями разложения в рядах Коммунистического Интернационала. Но массы коммунистически мыслящих членов центровых партий выдвигают тем временем новых руководителей, не вылупившихся еще вполне из яйца, но обладающих несомненным революционным волеустремлением.

Что должны предпринять коммунистические партии и группы в виду этого процесса? Формула учредительного съезда Коммунистического Интернационала: „необходимо во что бы то ни стало отколоть с помощью беспощадной критики и разоблачения вожаков революционные элементы от центра",—эта формула охватывает, как нам кажется, чересчур упрощенно всю совокупность тактических задач коммунистов по отношению к центру в настоящее время.

В Польше, например, под влиянием русской и немецкой революции, после многолетнего применения только-что упомянутой формулы, достигнуто было объединение коммунистической социал-демократии русской Польши с партией „центра", левым крылом П. П. С. Длительная идейная борьба и жизненный опыт частью откололи колеблющихся вожаков, частью превратили их в коммунистов; решительное поведение рабочих масс—независимо от того, принадлежали ли они раньше к „центру", или к левому крылу движения,—обеспечивает вполне коммунистическую политику объединенной партии.

И в Германии мартовская формула оказывается, повидимому, уже превзойденной; поскольку дело идет о независимой социал-демократии Германии, мы думаем, что нужно не столько отколоть левые элементы от центра, сколько помочь им удалить правых вожаков из центральных и местных

организаций партии для того, чтобы слить таким образом оба коммунистических отряда пролетариата в одну коммунистическую партию. Если коммунистическая партия Германии преодолеет в своих рядах анархо-синдикалистские элементы, если она возьмет твердый и политически активный курс, то ей удастся при каждом конкретном политическом действии поставить немецкую независимую социалистическую партию лицом к лицу с вопросом о том, принять ли участие в выступлениях революционных рабочих масс, основанных на несомненной необходимости, или же потерять всякое влияние на собственных сочленов. И тогда независимые рабочие массы сами вынудят „независимцев" к практическому блоку с германскими коммунистами.

Правые вожаки независимой рабочей партии не смогут покорно переносить это, они будут либо удалены из партии, либо совершенно обезврежены. Однако, как уже замечено, подобное развитие будет возможно только в том случае, если германская коммунистическая партия достаточно ясно осознает свои задачи и сделается оплотом идейной концентрации немецкого рабочего движения.

Если же этого не случится, то и тактика, предложенная учредительным съездом, окажется бесполезной: не герм. ком. партия будет раскалывать другие партии, а сама окажется расколотой и обессиленной.

Мы убеждены, что коммунистическая партия Германии выйдет победительницей из этого периода колебаний и сомнений, что рабочие члены германской независимой социалистической партии будут толкать ее все более влево. Это не избавляет, однако, от обязанности предостеречь от слишком поспешных союзов, которые станут возможны только тогда, когда обе партии достигнут известной степени сознательности, и когда у независимцев повсюду на местах (а не только в центре) будет побеждено правое крыло. А до этой минуты — практический блок с левым, радикальная борьба с правым крылом германской независимой социал-демократической партии.

Во Франции коммунисты не выделились еще из социалистической партии. Нам кажется, что это становится все более затруднительным в виду обострения политического по-

ложения, быстрого полевения большинства партии, которая столь мужественно вела избирательную борьбу под знаменем мировой революции и солидарности с Советской Россией. Одновременный рост радикализма пролетарской партии, ее влияние на массы, с одной стороны, контр-революционные тенденции буржуазии,—с другой, создают положение, при котором коммунистам придется совместно с левыми лонгетистами выживать из партии правый центр и остатки правых (в обеих группах теперь больше офицеров, чем солдат) и привлекать к своему знамени революционных синдикалистов.

В Италии удаление центральной группы Туратти и Тревеса из коммунистической партии стало вопросом практической необходимости после того, как они доказали, что они остались в партии только для того, чтобы препятствовать ее коммунистической политике.

В Англии в порядке дня стоит прежде всего объединение всех коммунистических групп в одну целостную коммунистическую партию. Ей предстоит длительная борьба не только против центра, независимой рабочей партии, но и против примыкающей к этому центру полубуржуазной рабочей партии.

В Соединенных Штатах Америки наиболее жгучим вопросом после объединения коммунистических элементов из бывшей партии Делеона с таковыми же элементами из социал-демократической партии будет вопрос об отношении к синдикалистским элементам I. W. W. Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунисты должны везде, где к тому представится возможность, вступать в блок с революционными элементами синдикализма. Вопрос только в том, может ли пока речь итти о чем-нибудь большем, чем простые попытки соглашения по поводу практических действий. Идейное запустение, в котором находится значительная часть синдикалистских элементов, их враждебность ко всякой не только парламентской, но вообще политической деятельности, их чисто-абстрактная антигосударственность делают необходимым, чтобы синдикалистские массы на практике убедились в том, что коммунизм отнюдь не является новым видом по-

литиканства, и что капитализм нельзя свергнуть одними только экономическими мерами. Чем больше даже столь здоровые элементы синдикализма, как, например, Мергейм во Франции, благодаря нелепостям синдикалистской теории, будут скатываться прямехонько в болото оппортунизма, тем больше будет проясняться сознание действительно революционных рабочих масс синдикализма. Задача коммунистов по отношению к ним заключается в настойчивом стремлении объединиться с ними на почве практического действия и разъяснить синдикалистским массам вытекающие отсюда уроки. Коммунистическая партия должна и в отношении синдикалистов совмещать большую практическую эластичность с теоретической ясностью и принципиальной непримиримостью.

Оценка международных коммунистических сил показывает, что они, без сомнения, гораздо значительнее, чем сила формальных организаций, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу партий. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что подавляющее большинство германской независимой социал-демократии, рабочих масс, на которых опирается французская социалистическая партия, и массы I. W. W. в Америке, несомненно, склоняются к коммунизму. Чем больше эти массы в процессе революционного развития уясняют себе смысл своего собственного поведения, чем более соглашательская политика лакейского социализма обнаруживает свое банкротство, чем более выясняется даже для центровых элементов невозможность совместной борьбы с правыми, тем большую притягательную силу приобретает Коммунистический Интернационал. Его возникновение отнюдь не было преждевременным. Он означал создание *поляризационного центра* для всех сознательно-революционных элементов, он уже в значительной степени укрепил революционную международную солидарность масс и показал им правильный путь борьбы. С каждым практическим шагом, который пролетариат всех стран будет делать по дороге революции, Коммунистический Интернационал будет все больше укрепляться. Все попытки гальванизировать труп II Интернационала обречены на неудачу. Его становым хребтом является немецкая социал-демокра-

тия большинства, партия Носке,—и уже одного этого достаточно для того, чтобы отбить у всех колеблющихся партий центра всякую охоту к сближению с этим „Интернационалом". Попытка же создать нечто среднее между разлагающимся трупом Второго Интернационала и зарождающейся жизнью Третьего неминуемо приведет к полному фиаско. У этой попытки нет никакого идейного фундамента. Правые вожаки центра, уверяющие массы, что нужно завязать сношения со старыми революционными элементами и только после соглашения с ними образовать новый Интернационал, завели всю эту болтовню только для того, чтобы удержать свои массы от вступления в Коммунистический Интернационал. Вот уже два года, как вожаки независимой германской социал-демократии „завязывают сношения", напр., с русской рабочей революцией, и до сих пор еще они не могут решиться на посылку делегации в геройскую сражающуюся Советскую Россию. Ибо если бы они сделали это, то они не могли бы, принимая ту или иную позицию по отношению к этой первой великой пролетарской революции, фарисейски ссылаться на „плохую информацию". Но если этим господам и удастся оттянуть на несколько месяцев сближение с Коммунистическим Интернационалом, тем сознательнее придут к нему массы—и, надо надеяться, без этих-вожаков. Возобновление Второго Интернационала уже обнаружило свою невозможность. Коммунистический Интернационал уже стал действительностью. Создание Интернационала центровиков, в котором хромой будет служить поводырем слепому, является попросту причудой банкротов. Коммунистический Интернационал есть единственное воплощение международных тенденций пролетариата, он будет его руководителем.

11. Интернационал действия и его мировая политика.

Мировая революция пролетариата представляет собою длительный и сложный процесс, принимающий самые разнообразные формы и ставящий перед нами все новые вопросы. Мы находимся только в самом начале этого процесса и ви-

дим только общие очертания предстоящего пути. Кто рассматривает ответы, даваемые ныне коммунизмом на вопросы, поставленные историей, только как книгу с рецептами, тот даже по отношению к вновь возникающим проблемам останется беспомощным. Несомненна только общая, основная линия развития мировой революции и коммунизма. Основная тендеция революции заключается в ее развитии к борьбе за власть между мировым пролетариатом и мировым капиталом: от того, какой из обоих классов победит, какой класс приобретет решающее влияние на реорганизацию мира, установит свою диктатуру, зависит, закончится ли период чрезвычайных страданий, переживаемых ныне человечеством и еще далеко не законченный, организацией его сил в интересах народных масс,—огромного большинства человечества, или же в интересах капитала. Если реформисты и колеблющиеся элементы, подобно Каутскому, возбуждают вопрос о том, не имеет ли рабочий класс выбора между методом насилия, который все быстро разрешает, но должен окончиться неудачей, потому что не хочет ждать, пока созреют экономические условия, и медленным, но верным демократическим методом, то они глубоко заблуждаются. История, т.-е. развитие классовой борьбы, не оставляет пролетариату никакого выбора. Подобно тому, как буржуазия предоставляет пролетариату даже призрачные права демократизма только до тех пор, пока она уверена в незыблемости своего господства,—и пролетариат остается на почве демократической подготовительной борьбы только до тех пор, пока это для него возможно, пока нужда не заставляет его приступить к прямой, непосредственной борьбе за изменение условий своего существования. Когда нищета достигает таких размеров, тогда для него не остается выбора, даже в том случае, если бы демократический метод действительно обещал ему победы без особых жертв. Революцию нельзя создать искусственно. Но так же мало можно ее отменить и удержать на основании математических выкладок потерь и убытков. Но все это—только праздные рассуждения: политика имущих классов показывает во всех странах, что она отрезывает массам демократический путь. Рабочий класс вынужден бывает обстоятельствами пробивать

себе дорогу с мечом в руках. Реформисты и центровики предостерегают от гражданской войны. Она,—говорят они,—увеличивают нищету. Но эти предостережения бьют мимо цели. Гражданская война, несомненно, увеличивает нищету, вызванную войной. Но разве ее увеличивает только гражданская война, приходящая снизу? Не увеличивает ли ее и гражданская война, предпринимаемая буржуазией? Неужели пролетариат, скованный теперь в Германии и Америке по рукам и ногам,—чтобы назвать только два этих противоположных полюса,—должен в бездействии терпеть все подлости капиталистической диктатуры из страха перед тяготами борьбы и в надежде на то, что впоследствии, когда цезари погибающего капитализма устранят угрожающие им опасности и снова укрепят капиталистический строй, они сжалятся над своими рабами, дадут им более легкие цепи и увеличат паек? Это было бы поистине рабской моралью, которая никогда не являлась моралью международного социализма—к чести для него. Интернациональный социализм еще в 1907 г., в Штутгарте, призвал пролетариат к тому, чтобы превратить социальный кризис, который неминуемо будет вызван войной, в социальную революцию. Здание рабства и нищеты поколеблено, пролетариат должен его окончательно разрушить. Но это рассуждение бессмысленно даже с точки зрения раба. Ирония истории в том именно и заключается, что с помощью рабской политики пролетариат ни сегодня, ни завтра не получит ни одного лишнего куска хлеба. Наиболее рассудительные представители капитализма замечают, что на его почве невозможно преодолеть экономическую анархию. Неужели же мы не заметим этого? Выжидательная, робкая политика только увеличивает нищету и затягивает кризис.

Степень капиталистического разложения, размеры нищеты в различных странах различны, и поэтому революционные силы в каждой из этих стран находятся на различных ступенях развития. Это различие невозможно устранить искусственно, с помощью агитации, и тот, кто потребовал бы, например, от швейцарских коммунистов, чтобы они поступили точно так же, как поступают русские, а от американских, чтобы они подражали швейцарцам, показал бы только, что

сердце у него работает исправнее, чем мозги. Но возможен ли в таком случае Коммунистический Интернационал? Да, но нужно в каждой фазе революции сознавать предел ее возможностей и самоуверенно не нарушать его. Через несколько лет Коммунистический Интернационал будет, быть-может, представлять собою союз целого ряда советских республик, который, будучи поддержан пролетариатом еще капиталистических стран, сделает возможным их освобождение мирным путем, без ожесточенной борьбы. Но покамест мы еще далеки от этого. Покамест Коммунистический Интернационал представляет собою только единство убеждений. Прежде всего он стремится к тому, чтобы внушить рабочим всех стран правильное понимание общей линии исторического развития. Показывая пролетариату всего мира, что всеобщий решительный бой между пролетариатом и буржуазией уже начался, что завтра или послезавтра и пролетариат пока еще „спокойных" стран будет в него вовлечен, он призывает передовых рабочих всех стран быть готовыми к борьбе. Он борется против реформистских иллюзий масс, разрывает с реформистской политикой, выясняет перед рабочими массами всем направлением своей агитации, всем ходом своей борьбы те задачи, которые ожидают их. Он знакомит сознательных пролетариев с опытом революции в тех странах, где она уже началась, и делает их таким образом способными быстро разобраться в новой революционной ситуации. Рабочие Швейцарии или Швеции,—мы нарочно берем наиболее мирные оазисы капитализма,—без сомнения, не испытывают такого гнета, который мог бы их заставить еще сегодня принять участие в борьбе за власть. Было бы поэтому бессмыслицей, если бы коммунисты этих стран сегодня же призвали к восстанию, или, считая, что оно разразится завтра, уже сегодня отказались от парламентской борьбы. Но они могут использовать парламентскую трибуну для того, чтобы уяснить массам уже наступившее обострение классовых противоречий и побудить их к действию там, где наглядные уроки классовой политики буржуазии подхлестывают недовольство масс, чтобы таким образом выявлять сознание непримиримости противоречий и укреплять боевые организации. Коммунистический Интер-

национал нигде не собирается подстрекать к революции, и если находятся социалисты, которые верят правительственным басням об эмиссарах Коммунистического Интернационала, то это свидетельствует только о значительной степени оподления. Но Коммунистический Интернационал может ускорить темп развития мировой революции, помогая передовым отрядам пролетариата быстрее и лучше определить предпосылки своей победы. Но Коммунистический Интернационал означает не только общность убеждений: он становится с каждым днем все больше общностью действия. Выясняя международному пролетариату предпосылки его победы,—которая будет окончательной только в том случае, если будет интернациональной,—он внушает пролетариату необходимость взаимопомощи. Преодоление реформистски-демократических иллюзий есть вместе с тем и преодоление национальных иллюзий. Рабочий, ожидающий от своей буржуазии уступок, которые смогут обеспечить ему приемлемое существование на почве капитализма, считает себя заинтересованным в том, чтобы поддерживать ее против пролетариата и буржуазии других государств. Пролетарии же, понявшие, что им необходимо сломить собственную буржуазию для того, чтобы овладеть хотя бы малым количеством культурных ценностей, смотрят по ту сторону границы, чувствуют себя солидарными в борьбе с пролетариями других стран, потому что сознают, что распространение революции увеличивает шансы пролетариата на победу во всем мире. Задачей Коммунистического Интернационала является не только укрепление интернационального самосознания, но и немедленное же вооружение пролетариата по всему международному фронту, использование его, как активной силы, в интернациональном масштабе. Это значит другими словами, что задача Коммунистического Интернационала заключается в том, чтобы делать мировую политику.

Это происходит ныне в гораздо больших размерах, чем могут понять жалкие и ограниченные люди, видящие в Коммунистическом Интернационале организацию заговоров с тай-

ными эмиссарами и московской лабораторией революционных рецептов.

Коммунистичсский Интернационал не есть искусственное детище Советского правительства, как это, повидимому, полагают Ллойд-Джордж, Клемансо, Шейдеман и Гильфердинг. Кто знаком с историей, тот знает, что не только в таких странах, как Германия, Франция, Соединенные Штаты Америки, Англия и Италия, но и в малых государствах вроде Голландии, Швеции, Болгарии он глубоко коренится в истории рабочего движеня. Коммунистический Интернационал воплощает все революционные тенденции старого Интернационала, поскольку их выявила и укрепила мировая война. Его семена распространяли не только большевики в своей обильной жертвами истории, его подготовляли Дебс, Делеон, героические руководители I. W. W. в Америке, радикальные социалисты в Англии, Жюль Гед, Лорио и Монат во Франции, Роза Люксембург, Варский, Тышка в Польше, Иосиф Штрассер в Австрии, Хельглунд в Швеции, Туцович в Сербии, Благоев в Болгарии. Он возник в результате работы осмеянных голландских трибунистов, точно так же, как и десятилетней борьбы, которую вели немецкие лево-радикалы. Когда в вопросах империализма и массовой стачки мы, левые радикалы, спорили не только против Давида и Легина, но и против Каутского и Гильфердинга, то мы точно так же подготовляли Коммунистический Интернационал, как сторонники Ленина, когда они боролись в России против меньшевизма. К основоположникам Третьего Интернационала принадлежат не только все те течения, которые в эпоху Второго Интернационала боролись против его реформистских тенденций, даже тогда, когда они не в силах были справиться с этими тенденциями, но он с полным правом объявляет себя в своем манифесте наследником всех революционных движений и предводителей пролетариата от Бабефа до Либкнехта и Люксембург. В освободительной борьбе пролетариата бывали приливы и отливы, заблуждения и ошибки. Мы критически относимся к его прошлому, но не как новаторы, не помнящие родства, а как наследники и

завершители всего того, за что лучшие представители пролетариата боролись в течение 150 лет. Указывая пролетариям всего мира на свое интернациональное прошлое,—этот залог его интернационального будущего, Коммунистический Интернационал вместе с тем гордится тем, что его колыбель стоит в Москве, столице Советской России, и приветствует в вождях Советской России, Ленине и Троцком, руководителей мировой революции. Россия, бывшая в течение двадцати лет ареной революциоиной борьбы, страна первой пролетарской революции, должна была сделаться родиной Коммунистического Интернационала. И пока никакая другая, более развитая капиталистическая страна не последует за нею по пути пролетарской революции, до тех пор героическая Советская Россия останется центром Коммунистического Интернационала, ибо она является сердцем всемирной революции.

Она им является не только благодаря своей пропаганде, своим манифестам. Она—сердце мировой революции вследствие своей героической борьбы, несмотря на голод и нищету. Самое существование ее, тот факт, что она не дает повалить себя, подстрекает энергию пролетариата всего мира к деятельности и борьбе. Пробуждая в пролетарских массах чувство солидарности с собою, Советская Россия укрепляет в них волю ко все более энергичной самозащите и содействует росту Интернационала действия. Французские рабочие, которым капиталистическая пресса изображала большевиков, как агентов немецкого империализма, выходят на улицу и проводят выборы под лозунгом: да здравствует Советская Россия! Все протесты Германии против неслыханной политики измора и разрушения, применяемой к ней союзниками, оставляют массы равнодушными и только побуждают вожаков социалистических партий к газетным статьям и парламентским заявлениям. Но горе и радости Советской России являются вместе с тем горем и радостями сознательных рабочих Франции. Полулиберальные рабочие Англии встают на защиту Советской России. Такая газета, как „Daily Herald“, руководимая умеренными социалистами, обязана своим все растущим тиражом энергичной кампании в пользу Советской России. Ита-

льянские рабочие вступают в избирательную борьбу с государственным гербом Советской Республики, как своим боевым знаком. Рабочие всего мира, как бы ни хромала их сознательность, инстинктивно чувствуют, что там, в России, кипит первый великий бой за окончательное освобождение пролетариата всего мира. Пусть нас не понимают превратно. Мы не преувеличиваем размеров той энергии, с которою мировой пролетариат уже теперь защищает первую социалистическую республику. Если бы ее сыны сами не прикрывали ее своими телами, то помощь, которую ей до сего времени оказывал европейский пролетариат, не спасла бы ей жизни. Таков бесспорный факт: пролетариат не может защищать русскую революцию более энергично, чем он, к сожалению, защищал до сих пор собственные интересы. Хорошо уже то, что он признает себя непосредственно заинтересованным в ее существовании и в этом смысле защищает ее. Здесь лежит начало Интернационала действия. Задача Коммунистического Интернационала заключается в том, чтобы беспрерывно выяснять рабочим, что только повышением своей массовой сплоченности, революционизированием своих действий они могут чего-нибудь добиться. В то же время необходимо показать им, что в своих собственных кровных интересах они ни перед чем не должны отступать для того, чтобы принудить капиталистические государства к заключению мира с Советской Россией, к снятию блокады. Пролетариату всего мира надо прежде всего показать, что дело тут идет о большем, чем защита первого пролетарского государства, что победа контр-революции в России необыкновенно укрепит самоуверенность европейской реакции. Необходимо показать пролетариату всего мира, что сохранение и укрепление, свободное развитие Советской России является предпосылкой победы европейского пролетариата, и что поэтому его мировая политика должна быть направлена к тому, чтобы воздвигнуть вокруг Советской России революционный вал.

Все капиталистические страны Европы в высокой степени зависят от подвоза заокеанского сырья и жизненных припасов. Революция в какой-нибудь европейской стране в роде

Германии, Франции или Италии будет с первой же минуты своего рождения находиться в сильнейшей зависимости от того обстоятельства, что Англия и Соединенные Штаты Северной Америки смогут лишить ее подвоза жизненных припасов. Правда, это не сможет продолжаться долго, потому что фермеры Южной и Северной Америки должны продавать свои товары. Если возникшие в Европе пролетарские государства все-таки сумеют продержаться некоторое время, то остальные капиталистические государства вынуждены будут вступить с ними в торговые сношения. Период пролетарской мировой революции увидит совместное существование пролетарских и капиталистических государств,—подобно тому, как в период буржуазной революции рядом существовали феодальные и буржуазные государства. В интересах мировой революции, чтобы эти сношения носили мирный характер. Коммунизм нельзя навязать извне, с оружием в руках, странам, которые не пришли к нему процессом внутреннего развития. Пролетариат живейшим образом заинтересован в том, чтобы непосредственно после победы повсюду приступить к работе и повысить производительность труда, дабы положить конец ужасающей нищете. Оружие является для нас только средством самозащиты.

Вновь возникающим пролетарским государствам тем менее придется прибегать к оружию, чем более сильной будет Советская Россия. Если Советская Россия будет существовать, и если она сможет использовать в мирном строительстве свои природные ресурсы, то она, в качестве поставщика сырья и жизненных припасов, сломит капиталистическую монополию на мировом рынке и заставит повелителей морских путей искать какого-нибудь „модуса вивенди“ с молодыми социалистическими государствами. В том же направлении будет действовать и Красная армия. До тех пор, пока в Англии не победила пролетарская революция, защита Советской России равнозначаща с защитой главнейшего условия победы революции на европейском континенте.

Уяснив себе все значение спасения Советской России, Коммунистический Интернационал должен сделать борьбу за Советскую Россию краеугольным камнем своей мировой политики. Нет жертвы, которая не оправдывалась бы этой целью. Бессмысленно стремиться к завоеванию власти, пока нет надежды на то, что ее удастся удержать. Вот почему Советской России была бы оказана очень плохая—поистине медвежья!—услуга, если бы коммунисты других стран пытались пробиться к власти путем вспышкопускательства. Но стремиться к осуществлению достижимых целей всеми доступными средствами есть революционная политика. Тот же самый пролетариат, который слишком слаб для того, чтобы вооруженной рукой завоевать власть и поэтому не имеет до поры до времени права ставить себе такую цель, может в то же время даже частичными массовыми забастовками и восстаниями заставить свое правительство отказаться от войны с Советской Россией. Высшей международной обязанностью пролетариата является в настоящее время применение всех средств массового действия для того, чтобы добиться для Советской России мира. Если это удастся, то будет уже легче помочь каждому следующему пролетарскому государству. Если бы английские рабочие помешали тому, чтобы Англия и Америка снабжали зимой 1918 г. Колчака оружием и деньгами в больших размерах, то Советская Россия была бы в состоянии отправить свою Красную армию против румынских бояр, когда они душили Советскую Венгрию. Укрепление Советской России, развитие Советской Венгрии дали бы австро-немецкому пролетариату возможность, что-называется, играючи, захватить власть в свои руки: его останавливали только заботы о хлебе. Победа социализма в немецкой Австрии проложила бы мост между Россией и будущей итальянской революцией, открыла бы перед итальянцами виды на доставку зерна с Востока, угрожала бы английскому пути в Индию и заставила бы таким образом Англию отказаться от блокады Италии. Если бы немецкие независимцы в ноябре 1918 г., когда они заседали в правительстве, помешали снабжению оружием латышских и литовских контр-революционеров, если бы они добились

возобновления дипломатических сношений с Советской Россией, то тысячи квалифицированных немецких рабочих смогли бы содействовать улучшению русского транспорта, что в свою очередь ускорило бы победу над контр-революцией. Русские фабрики имели бы уголь из Донецкого бассейна, керосин из Баку, хлопок из Туркестана, что дало бы возможность производить товары, за которые украинский крестьянин дал бы русскому и средне-европейскому рабочему хлеб. Срединная Европа стала бы вторым центром мировой революции. Это не означало бы начала новой мировой войны, как утверждают английские империалисты, но это означало бы, что грехи немецкого империализма по отношению к французскому и бельгийскому народам были бы заглажены с помощью нашей единодушной братской поддержки. Это означало бы, что помощь северной Франции и Бельгии можно было бы осуществить таким образом, чтобы не обрекать при этом немецкого рабочего на голодание, — что, кстати сказать, вовсе не способствует скорейшему восстановлению зданий и рудников Франции. Победа революции в Срединной Европе принесла бы мир Франции, положила бы конец ненависти, заложила бы тем самым фундамент для победы над французской реакцией. Одно к одному: как в деле революции, так и в деле контр-революции. Колебание независимцев осенью 1918 г. стоило многих тысяч жертв как русскому, так и немецкому пролетариату и не на один год отдалило окончательную победу.

Ясное убеждение, железная решительность, твердое сознание того, что теперь нет и не может быть отдельных национальных пролетарских интересов, а есть только один, общий, международный пролетарский интерес,—вот основной догмат Коммунистического Интернационала. Каждый шаг мировой революции вперед, яснее открывающий перед нами дорогу, каждая разбитая иллюзия усиливают нашу решимость. Каждая победа, где бы она ни была достигнута, укрепляет веру во всемирную революцию в отсталых странах, в которых пролетариат потерпел временное поражение, каждая победа укрепляет Коммунистический Интернационал. Его

рост есть одновременно рост мировой революции, точно так же, как рост и укрепление мировой революции все больше ускоряет развитие Коммунистического Интернационала, как могущественного орудия пролетариата. Впервые за всю историю рабочего движения оно перестало быть простой демонстрацией, простым изъявлением симпатии, впервые его развивающаяся мощь облеклась в плоть и кровь, стала делом освобождения интернационального пролетариата, которое, в свою очередь, является только прологом к освобождению всего человечества. По мере того, как советская республика внедряется в государственную систему умирающего капитализма, она подходит к тому моменту, когда ее окружат пробуждающиеся колониальные народы Азии. Москва представляет собою Мекку не только для европейских рабочих. В Москву спешат и представители просыпающихся народов Китая и Кореи, Персии и Индии. Пусть филистеры от социализма усмехаются, утверждая, что социализм еще невозможен в этих странах, — победоносный европейский социализм все-таки сможет помочь этим народам освободиться от капиталистических эксплоататоров Европы и окажет им бескорыстную культурную поддержку в деле дальнейшего развития. Он сможет укрепить сопротивление этих стран по отношению к возникающим в них капиталистическим тенденциям, угрожающим, по мере своего усиления и опираясь на миллионые массы Азии, новым рабством народам Европы.

Мы находимся в начале великих исторических переворотов, громадного переселения народов, полного изменения в состоянии мирового соотношения сил. Чем решительнее европейский пролетариат возьмет свои судьбы в свои собственные руки, тем скорее он упорядочит тот хаос, в который капитализм поверг весь мир. „Мыслите континентами“, — внушал Джоэ Чемберлен английским империалистам. „Мыслите континентами и столетиями!“—обращается Коммунистический Интернационал к пролетариату всего мира.

Возникнув из крови и пота мировой войны, он охватывает своим умом и сердцем весь страдающий и кровоточащий мир, и он примет его в свои железные объятья, перевяжет его раны и поставит его, наконец, твердо на ноги для того, чтобы он мог работать, дышать и развиваться, как подобает свободному человечеству, гордо подымающему свой взор к звездам.

Берлин. Ноябрь 1919 г. Тюрьма на улице Лертер.

II. Терроризм и коммунизм.

1. Осеннее наступление Карла Каутского на Советскую Россию.

Английский генерал, представляющий в Прибалтике „демократию“ милостью Сити и Уолл-стрит [1]), организующий крестовый поход английского империализма против Рабоче-Крестьянской России, предвещал наступление 14 языцей, но ожидавшиеся „языцы“ блеснули отсутствием, генералы русской контр-революции частью разбиты наголову, и лондонским рабовладельцам, надо думать, не удастся сломить Советскую Россию, несмотря на свои танки и ядовитые газы, несмотря на бомбардировку русских незащищенных городов и все прочие способы осуществления 14 параграфов вильсоновской благой вести о всеобщем рае. Но если ожидавшиеся повелителями мира отряды рабов не прибыли к бою и сочли излишним содействовать реставрации царизма, то за то Антанта получила помощь с совершенно неожиданной стороны. В ту минуту, когда русские рабочие героической борьбой защищают свое господство, господин Карл Каутский, теоретик покойного второго Интернационала и до сегодняшнего дня член Независимой Германской Социал-Демократии, больше того, ее доверенное лицо на интернациональных конференциях, долженствующих восстановить единство рабочего класса, спешит на помощь международной контр-революции. В то время, как перед колчаковскими войсками выступают длинные ряды попов с

---

[1]) Сити—деловой квартал Лондона, где сосредоточена вся его финансово-капиталистическая жизнь. Уолл-стрит—улица в Нью Йорке, на которой помещаются банки и биржа.

кадилами и иконами для того, чтобы поколебать мужество крестьянских парней, сражающихся в Красной армии, Карл Каутский показывает пролетариям России и Европы в одной руке образ чудотворной демократии, а в другой — ужасный лик пролетарского деспотизма[1]). Его книга называется: „Терроризм и Коммунизм", а не „Терроризм и Капитализм".

Она не рассказывает о том, как американские тресты в „самой свободной демократии мира" в течение десятилетий старались при посредстве открытого насилия (вспомните Колорадо!) надеть на рабочий класс ярмо рабства, подобно тому, как это в несколько другой форме делалось до войны во всех остальных „демократических" государствах. Она не рассказывает о том, как капиталистические клики втянули мир в пятилетнюю бойню, нигде даже и не справляясь о желаниях и мнениях народа. Она не говорит ни одного слова о том, что во время мировой войны повсюду была установлена империалистическая диктатура, стоившая пролетариату миллионов жертв на полях сражений и обрекавшая его тысячами на голодную смерть в городах. Она не упоминает о том, что правительство Керенского по приказу парижской биржи тысячами гнало людей на убой на фронте, чтобы провести июльское наступление 1917 г. История терроризма нашей революционной эпохи начинается для него с большевиков. „Первыми начали большевики в России", а г-ну Носке, защищающему германский капитализм против немецких рабочих пулеметами и минометами, Карл Каутский выдает с небывалым бесстыдством удостоверение в том, что он „храбро идет по стопам Троцкого". Но Носке не удостаивается чести стать объектом „исторических" исследований Каутского, ибо такого рода исследование могло бы вскрыть кое-какую зависимость между издыхающим и защищающим свою власть капитализмом и терроризмом. А это, ведь, не интересует Каутского, которому необходимо написать книгу не против капитализма,

[1]) Каутский, „Терроризм и Коммунизм", Берлин, 1919 г. Издание „Союз Нового Отечества".

а против коммунизма. Книга эта уже возбудила энтузиазм не только какого-нибудь Фрица Штампфера[1]) или Франкфуртской Газеты, но даже Локал-Анцейгера. Этого было бы достаточно для того, чтобы спокойно отложить ее в сторону, но она так хорошо обнаруживает духовное оскудение достопочтенного теоретика так называемого II Интернационала, что на ней стоит несколько остановить свое внимание. Тем более, что „чудесный исторический обзор" Каутского, употребляя выражение Гаазе, без устали повторяется не только социалпатриотами, правыми независимцами (как Гильфердинг, Штребель), но даже и такими людьми, которые, подобно Ледебуру, пользуются еще репутацией революционных политиков. Вопли против терроризма, лозунг диктатуры без терроризма являются последней попыткой внести сумятицу в ряды рабочего класса, после того как борьба против идеи необходимости диктатуры обнаружила свою полную безнадежность на пролетарской почве. „Диктатура без терроризма" — это последнее прибежище противников пролетарской диктатуры. Их оружие — книга Каутского. Но его не трудно сломать. Это—картонный меч.

2. Террор якобинцев.

В качестве человека ученого, Каутский, разумеется, очень хотел бы проследить теорию терроризма с сотворения мира. Но сия чаша нас, к счастью, миновала. Мы узнаем только, что наши первобытные предки, обезьяны, точно так же как дикие звери вообще, не занимались диктатурой. Они питались, главным образом, растительной пищей, которую „изредка дополняли мелкими животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неоперившимися птенцами". Млекопитающих они не умерщвляли. „Обезьяна не делает ничего подобного", — заявляет Каутский к нашему успокоению и для вящшего посрамления большевиков, приступивших теперь, как известно, к такого рода уничтожению капиталистических млекопитающих. Но им предшествовали

---

[1]) Редактор „Форвертса".

еще якобинцы 1793 г., и так как они понесли за это наказание, то Каутский уделяет им в своем исследовании больше места, чем нашим почтенным предкам, обезьянам.

Его суждение об якобинцах, этих прямых предшественниках большевиков, можно изложить теми же самыми словами, которыми Каутский излагал мнение французских прудонистов. „Они (прудонисты) распознали иллюзии, приведшие к господству террора, обманувшие пролетариат, повергшие его в кровавое одичание, но нисколько не приблизившие его освобождения" (стр. 72). Каутский обосновывает свое суждение следующим образом: Робеспьер и его правительство хотели быть партией, представляющей интересы пролетариата и мелкой буржуазии (стр. 35). Захватив власть, они и стоявшие за ними пролетарские массы стремились использовать государственную машину для того, чтобы „установить то царство всеобщего равенства, которое было им обещано буржуазными мыслителями" (стр. 27). „Благодаря этому парижская беднота вступила в растущее противоречие с крестьянами, торговцами, финансистами, с теми элементами, которые тогда больше всего выигрывали от частной собственности на средства производства, уничтожение которой невозможно было при господстве мелкого производства" (стр. 4). „Не имея возможности видоизменить характер производства, они пытались насильственными способами изменить распределение результатов этого производства, теми же самыми способами, с которыми мы более чем достаточно успели познакомиться в наши дни: твердые цены, принудительные займы, приблизительно соответствовавшие нашему военному обложению, и тому подобные меры, которые тогда еще меньше были в состоянии противодействовать нищете, чем ныне, если принять во внимание тогдашнюю раздробленность производства, недостаточность статистики, бессилие центральной власти по отношению к общинам. Противоречие между политической властью пролетариата и его экономическим положением обострялось все больше. А при этом становилась все более назойливой и военная неурядица. Тут то властелины пролетариата и начали хвататься за все более отчаянные средства и обратились к кровавому ужасу, к террору" (стр. 27).

„Но так как на почве частной собственности за время войны с ее грандиозными поставками и т. п. образовалась новая буржуазия, а война и нищета истощали массы, то политика террора неминуемо должна была привести к термидорскому поражению". Стало-быть повторим: „иллюзия", будто возможно „ввести всеобщее благоденствие", привела пролетариат и его вождей к политике террора, „обманувшей пролетариат, приведший его к одичанию", „ничуть не приближая его освобождения",—таково „чудесное" освещение эпохи якобинского террора, даваемое руководящим теоретиком второго Интернационала.

Но как обстояло дело в действительности? Прежде всего, Робеспьер, Сен-Жюст и весь руководящий кружок „Горы" никогда не представляли собою пролетариата и вовсе не хотели представлять его. Партией пролетариата, пролетарской мелкой буржуазии были „бешеные" (enragés), в лице Ру, Варле, Доливе, Леклерка и других носителей коммунистической агитации, которых направление Робеспьера именно вследствие их коммунистических тенденций ожесточенно преследовало и отправило, в конце-концов, на гильотину. В умеренной форме пролетарские интересы защищала парижская коммуна под руководством Шометта, которого Робеспьер точно также отправил на гильотину. Робеспьер и его правительство определенно стояли на почве буржуазной частной собственности, как это видно из конституции 1793 г., в которой, между прочим, значится следующее: „Право собственности разрешает каждому гражданину по своему усмотрению пользоваться продуктами своего труда и своей деятельности и распоряжаться ими". Или в другом месте: „Даже самые ничтожные части его собственности неприкосновенны, за исключением случаев, когда закон устанавливает соответствующую повинность, но и то только при условии справедливого вознаграждения". Робеспьер был представителем буржуазного республиканства. Не больше и не меньше. Волна пролетарски-мелкобуржуазного движения вынесла его к власти после того, как три года французской революции не сумели уничтожить ни феодализма, ни монархии. Обманутые фельянтинцами и жирондистами, т.-е. представителями

конституционного дворянства и крупного капитала, народные массы передали власть в руки буржуазной демократии, т.-е. Горы. Против ее радикально-буржуазных мероприятий, — действительного уничтожения феодальных повинностей (4 августа 1879 года они были уничтожены только на бумаге), проведения демократии (уничтожение цензуры и т. д.), обезглавления короля,—с бешенством ополчилась феодальная контр-революция в союзе с Англией, Пруссией и Австрией. Началась война против армий коалиции на всех границах, одновременно с борьбой против внутренней контр-революции. В стране господствовала величайшая нужда У революционных армий не было сапог, не было одежды, не было пропитания. Страна, разрушенная феодализмом, страдавшая от четырех неурожайных лет, нуждалась во всем. Что было делать радикальному правительству буржуазии? Если бы оно было знакомо с Эрфуртской программой Каутского, то оно, может быть, отказалось бы от своих „иллюзий", бросило бы борьбу и сдало бы страну феодализму. Но так как оно, по счастью, ничего не знало еще о кастрированном марксизме, то оно и не подыскивало „статистических" аргументов для прекращения борьбы, а продолжало ее изо всех сил, не останавливаясь перед террором против спекулянтов и контр-революционных предателей, и победило войска контр революции. В сколь малой степени оно было подвержено иллюзиям, показывает его борьба против коммунистических течений, стремившихся к глубоким, но по тому времени неосуществимым реформам. Когда силы феодальной контр-революции были сломлены, тогда задачи буржуазно-террористического правительства были выполнены. И сама буржуазия не захотела переносить его дольше. Вот причина 9 термидора, свержения Робеспьера.

Это понял уже Минье, несмотря на то, что он писал свою историю французской революции почти сто лет тому назад, на языке реставрации. „Растущие победы республики,— говорит он в своей книге, — которыми она была обязана своим энергичным мероприятиям, либо своему высокому воодушевлению, сделали излишними насилие. Комитет Спасения был именно тем органом, который сильной и страшной рукой

сдерживал Францию внутри и в то самое время открывал новые источники помощи, создавал армии, находил полководцев и одерживал победы, благодаря которым было, в конце-концов, обеспечено торжество революции над Европой. Улучшившееся положение не требовало уже прежнего напряжения, и его задача была разрешена, ибо самой существенной задачей такого рода диктатуры является спасение страны и своего дела. И обыкновенно она гибнет в процессе этого спасения" (стр. 369, изд. Реклама). Противоречие, в которое вступил якобинский террор по отношению к своему основанию, буржуазной частной собственности, означает для Карла Каутского только банкротство одной иллюзии. Но не безызвестный Фридрих Энгельс писал следующее: „Даже для того, чтобы буржуазия сорвала только те плоды, которые тогда созрели, необходимо было, чтобы революция пошла значительно дальше своих собственных целей, совершенно как в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии. Повидимому это, действительно, один из законов развития буржуазного общества" (Фридрих Энгельс, „Об историческом материализме", „Нейе Цейт" 1892—1893, т. I, стр. 43—44). Для того, чтобы уничтожить феодальные стеснения собственности и вырвать, таким образом, почву из-под ног феодальной реставрации, буржуазная революция должна была прибегнуть к террору, не останавливаясь даже перед буржуазной частной собственностью. Конечно, именно она должна была, в конце-концов, разбиться, но без терроризма было немыслимо осуществление ее исторической задачи: разрушение феодализма. Кто утверждает, что она этим „путала" пролетариат и повергла его в „одичание", „нисколько не способствуя его освобождению", тот утверждает, что освобождение пролетариата возможно без свержения феодализма и абсолютизма. Такой господин, правда, остается верным высокому образцу наших предков, обезьян, которые „питались, главным образом, растительной пищей" (пережевыванием марксистской азбуки), „дополняя ее изредка мелкими

животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неоперившимися птенцами" (убой социал-реформаторских профессоров и ревизионистов), но революции ему никогда не понять. И притом даже буржуазной, не говоря уже о пролетарской.

С Каутским дело не всегда обстояло таким печальным образом. Еще во время своей полемики с Эйснером, после амстердамского конгресса, он писал следующее об эпохе якобинского террора: „В борьбе 1789—1790 гг. народные массы, в особенности в Париже, узнали свою силу. Они победили, но плоды победы достались имущим классам. Низы не могли на этом остановиться. Они должны были стремиться дальше вперед по пути свободы и равенства, чтобы выйти из нищеты и угнетения. Но так как буржуазия изо всех сил противодействовала этому, то отчаянная борьба между обоими классами стала скоро неизбежной. Противоречия еще больше обострились, благодаря той войне, которую вели объединенные монархии Европы против революционной Франции. В этой войне Франция могла победить только с помощью чрезвычайного напряжения всех своих сил, а для этого нужно было опереться на ту беспощадную ненависть к частной собственности, которая воодушевляла народные массы. Теперь (1792 и 1793 гг.) монархия была окончательно уничтожена, объявлено всеобщее избирательное право, распущено постоянное войско, введено всеобщее вооружение народа. Теперь богатства имущих начали служить питанию армии и бедных. Но все это произошло во время эпохи террора, в эпоху устрашения буржуазии..." (К сожалению, у меня нет под рукой оригинала, появившегося в „Нейе Цейт" за 1904—1905 гг., и я принужден переводить статью Каутского с польского перевода). Стало-быть, в 1905 г. терроризм Робеспьера до такой степени „обманул" Каутского, поверг его в такое „одичание", что он увидал в уничтожении феодального абсолютизма, постоянной армии и т. д. завоевания, накладывавшие на эпоху терроризма печать исторической прогрессивности.

Тогда „марксизм“ не препятствовал ему еще понимать историю, он еще не был кастрирован. Только приближающаяся эпоха социальной революции пролетариата сломала в руках Каутского оружие марксистской исторической критики, потому что он вообще отказался от того, чтобы скрещивать какое бы то ни было оружие с буржуазией. Поэтому он не мог ограничиться отказом от всего великого, что было в буржуазных революциях. Он начал искать сверх того еще достоинства пролетарских революций как раз в том, что было их недостатками, ошибками и причиною их слабости. Он расхваливает их, когда они позволяют умертвить себя. Одним словом, мы подошли к воззрениям Каутского на Парижскую Коммуну 1871 года, изложенным во второй главе его „чудесного обзора“, так восхитившего Гаазе.

3. Образцовая диктатура.

Когда версальцы раздавили Парижскую Коммуну в крови, когда мировая буржуазия начала дикую пляску клеветы над трупами мертвых революционеров, когда респектабельные английские тред-юнионы под влиянием этой клеветы задрожали и отстранились от первого Интернационала, тогда Карл Маркс покрыл истерзанные тела парижских коммунаров знаменем Интернационала. Несмотря на то, что каждое проявление солидарности с Коммуной повергало в величайшую опасность слабый и молодой первый Интернационал, Карл Маркс все-таки поступил так. А между тем он очень скептически относился к восстанию Коммуны и лучше, чем кто бы то ни было другой, видел ее убийственные ошибки. Он поступил так, потому что сквозь массу трагикомических заблуждений Коммуны, сквозь туман ее непрояснившихся еще мыслей, сквозь развалины ее половинчатых дел он гениальным историческим предвидением заметил очертания нового времени, которому она бессознательно служила. Маркс сразу понял, что пожарища Коммуны преподали пролетариату два существенных урока: первый заключался в том, что пролетариат, завоевав власть, не может попросту воспользоваться старым государственным аппаратом, а

должен уничтожить его, сломать и построить новый. Второй урок заключался в том, что этот аппарат должен в корне своем отличаться от буржуазного парламентаризма, с его отделением законодательных функций от исполнительных, а напротив, должен объединять их обе в единых представительных учреждениях, самостоятельно осуществляющих свои законы. Эти уроки коммуны имели величайшее значение для Маркса и Энгельса, потому что на них они познакомились с сущностью пролетарской диктатуры. Все остальное было для них только частными эпизодами, преходящими явлениями Коммуны,—здесь было общее, было ее „учение", было то, что делало Коммуну 1871 г., не взирая на все ее слабости, громадным шагом вперед, хотя непосредственными ее результатами и были развалины, отбросившие французское рабочее движение на добрых пятнадцать лет. Каутские и Бернштейны, которым пришлось в 90-х годах продолжать дело Маркса и Энгельса, ничего не сумели предпринять с этим учением. Плескаясь в водах зачинавшейся эпохи парламентаризма, откапывая на ее отмелях дождевых червяков, они не понимали этих учений и не знакомили с ними пролетариат. Но посмотрим, во что превращаются в руках Каутского уроки Коммуны теперь, когда налицо есть опыт русской и германской революции.

Он посвящает Коммуне 40 печатных страниц. На этих сорока страницах он стремится изобразить ее образцом такой диктатуры, которая ему, выше поименованному г. Каутскому, по сердцу. С Парижской Коммуной он готов примириться: она была избрана на основе всеобщего избирательного права, стало быть, она чиста перед священными заповедями демократии. Господин Каутский торжествует: А все-таки, Энгельс писал 18 марта 1891 года, в день двадцатой годовщины Парижской Коммуны: „Вы хотите знать, господа, как выглядит диктатура пролетариата? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это—диктатура пролетариата!" Как видно, ни Маркс, ни Энгельс не понимали под этой диктатурой уничтожение всеобщего равного избирательного права или демократии вообще. Гром победы раздавайся, торжествует Карл Каутский. В другом месте он цитирует мое введение к бухаринской программной бро-

шюре, где я показываю, что, абстрактно говоря, можно было бы предоставить буржуазии избирательное право даже при диктатуре пролетариата. „Но революция в том именно и заключается, что она является гражданской войной, а классы, сражающиеся друг с другом с помощью пушек и пулеметов, не признают словесных дуэлей в духе героев Гомера". Эти мои замечания, написанные летом 1918 г., показывали, что и русские коммунисты отнюдь не видели в уничтожении избирательных прав буржуазии признака диктатуры пролетариата. Они были убеждены только в том, что в период гражданской войны борьба пролетариата и буржуазии принимает настолько острые формы, что исчезает общая почва демократического избирательного права, парламент. О чем свидетельствует в этом отношении Парижская Коммуна? Г. Карл Каутский умалчивает о том, что она была восстанием против результатов всеобщего избирательного права во Франции. Именно на основании этой каутскианской панацеи создалось французское Национальное Собрание 1871 года, в котором заседало 400 монархистов и 200 республиканцев (и что за республиканцев!). Оно было верным зеркалом реакции, господствовавшей в деревнях и провинциальных городах. Национальное Собрание не только заключило мир с Бисмарком, но и подготовляло войну против революционного Парижа. И что же? Париж восстал против Национального Собрания. „Париж не имеет права восставать против Франции, он должен, наоборот, вполне признать верховную власть Национального Собрания", — так усовещивал Париж один из его депутатов и мэров, господин... Клемансо, теперешний „тигр". А социалистический предок Каутского, Луи-Блан, сказал представителям Коммуны: „Вы бунтуете против Собрания, выбранного наиболее свободным образом". А г. Тьер заявлял: „Правительство предало бы Собрание, Францию и цивилизацию, если бы потерпело рядом с законной, опирающейся на всеобщее избирательное право властью образование коммунистических и революционных наслоений". Господин Каутский начисто утаивает всю эту принципиальную контроверзу, в которой не только контр-революцио-

неры, как Тьер, но и буржуазные радикалы и социалисты, как Луи-Блан и Милье, упрекали Коммуну в том, что она изменяет демократии. Коммунары защищались, указывая на то, что Национальное Собрание на имеет права существовать после подписания мира, ибо было только для этого выбрано. Но этот полемический довод бил мимо цели, ибо Коммуна возмутилась, ведь, не для проведения новых выборов, а для завоевания особых коммунально-государственных прав Парижу (выборы собственных чиновников, национальная гвардия и т. д.), чтобы спасти Париж и другие крупные города от версальской реакции, опиравшейся именно на всеобщее избирательное право. Потому-то один из членов Коммуны и возражал на вышеприведенные замечания Клемансо так: „Что до Франции, то мы вовсе и не думаем о том, чтобы предписывать ей законы,—мы достаточно долго стонали под ее законодательством,—но мы не хотим больше терпеть комедию народных голосований, инсценируемую землевладельческими зубрами. Дело, видите ли, вовсе не в том, чтобы обсуждать, чей мандат (т.-е. коммунаров или депутатов Национального Собрания) более законен. Мы говорим вам: у нас революция, но мы не узурпаторы. Мы хотим призвать Париж к назначению своего собственного представительства". Каутский, предварительно стыдливо утаивший подлинный характер Коммуны, как восстания против „демократического" Национального Собрания, изображает всеобщие выборы в Коммуну манифестацией ее демократического характера, источником ее силы. А на самом деле этот поклон Коммуны в сторону демократии в Париже, после того, как она возмутилась против „демократии" зубров в обще-государственном масштабе, лишен всякого принципиального значения.

Тактический маневр Коммуны был совершенно ясен.

Реакция, против которой восстала Коммуна, рекрутировала свое большинство не в Париже, не в больших городах, а в сельских местностях. В Париже, где пролетариат и радикальная мелкая буржуазия обладали большинством, в Париже, откуда контр-революционеры удирали,

признание всеобщего равного избирательного права не имело ничего общего с демократией „вообще". Оно означало союз с пролетарски-мелко-буржуазными народными массами, на которые Коммуна опиралась.

Из того обстоятельства, что Парижская Коммуна не имела на своей собственной почве врагов,—контр-революционеры и контр-революционные войска сбежали в Версаль,—вытекала возможность избежать применения насилия в пределах Парижа. Недаром Каутский сам говорит, что враг, который становился для Коммуны опасным, стоял вне стен ее общины и был недосягаем методам терроризма (стр. 79). Выходит, стало-быть, что добродетель Коммуны заключалась в том, что она подражала добрым нюренбергцам, которые, как известно, никого не вешали, если не изловили его предварительно. Товарищ Дзержинский, столь презираемый руководитель Московской Чрезвычайной Комиссии, несомненно, не расстрелял никого из опаснейших врагов Советской России, поскольку они находились вне пределов советского государства и не были досягаемы методам терроризма. Коммуна оборонялась не с помощью терроризма, а при посредстве войны с версальцами. Эту войну вела Коммуна таким образом, что сама на многие месяцы ускорила свое падение. Армии контр-революции существовали только в качестве рассеянных остатков разбитых и деморализованных наполеоновских войск. В военном отношении все преимущества были на стороне Коммуны: что до человеческого материала, снаряжения, народного воодушевления, то на ее стороне был рабочий класс всех крупных городов Франции. Она не использовала этих сил, распылила их, не искала встречи с дрожащим и еще только собиравшим свои силы врагом, а, напротив, дала ему возможность напасть на себя врасплох, стремясь к смертной схватке, а не к организации войны. Даже Каутский не решится утверждать, что этим она дала пример пролетарской диктатуры, заслуживающий подражания.

В чем же причины этого полного крушения Коммуны? У нее было достаточно офицеров, добровольно предложив-

ших ей свои услуги. В лице поляка Домбровского она обладала великолепным военачальником. Народные массы были исполнены самопожертвования, что они и доказали своей безнадежной борьбой с версальцами, когда те ворвались в город.

Причиною того отсутствия наступательного настроения в Коммуне, без которого невозможна энергия самозащиты, являлось отсутствие у Коммуны ясных целей. А это в свою очередь было результатом того обстоятельства, что Коммуна могла стать только преходящим историческим эпизодом. Франко-прусская война закончила эпоху буржуазных революций и открыла период „спокойного" развития консолидированных государств Западной и Срединной Европы. В соответствии с низкой ступенью промышленного раввития не только рабочий класс представлял собою повсюду меньшинство народонаселения, но и сама промышленность не была ни централизована, ни концентрирована. Хозяйственной незрелости капитализма соответствовала разрозненность, духовная незрелость пролетариата, который питался социалистическими настроениями, но ни в одной стране не обладал сколько-нибудь значительной частью, способной указать пути социалистического освобождения. Передовые ряды пролетариата были расколоты на две части. Одна стремилась к социальной эмансипации с помощью мирной организации за спиной капиталистического общества, другая надеялась достигнуть того же захватом политической власти, не представляя себе, однако, конкретно социальных форм этого захвата.

Когда 18 марта Париж восстал против правительства, он не задавался широкими целями: рабочие и пролетарии защищали свои пушки, правильно почувствовав, что Тьер хочет украсть их для того, чтобы разоружить Париж, эту республиканскую крепость, и открыть ворота перед социальной и политической реакцией. Правительство удрало. Пролетарии и мелкая буржуазия Парижа радовались совместно со всеми „партиями" тому, что могут теперь выбрать свою коммуну, и даже не догадывались о том, что бегство правительства было равносильно объявлению войны не на живот, а на смерть. Они могли бы разгромить Версаль, но не сделали

этого, ибо вне Парижа у них не было цели, к которой они стремились бы. Они хотели свободно устроить свою жизнь, избавить бедноту от квартирной платы, от задолженности ростовщикам и казенным ломбардам и надеялись, что провинция сама последует благородному примеру Парижа. Но они даже не развили никакой агитации в провинции. Когда началась версальская осада, то и тут они не сумели приступить к политике более общего характера—за отсутствием всеобъемлющих целей [1]). В области социальных мер не только недостаток времени—Коммуна просуществовала всего 72 дня—мешал им приступить к дальновидной политике творческого перехода от капитализма к социализму,—и не одни только потребности самозащиты. В виду того, что переход к социализму был невозможен при распыленном, мелкобуржуазном характере парижской промышленности, социализм Коммуны должен был ограничиться социально-реформаторскими мероприятиями, вообще остался социализмом бедноты. Если Каутский заявляет, что марксов метод социализации, столь похожий на метод Коммуны, и по сегодня является жизненным, то по этому поводу остается сказать только одно: даже под центрофугальным прессом ученая мумия достопочтенного пророка марксизма не могла бы объяснить нам, в чем именно заключается этот марксов метод социализации.

Быть может, он имеет в виду предложенные Марксом в 1848 г. переходные мероприятия, но они имеют такое же отношение к политике Коммуны и к 1919 году, как ублю-

---

[1]) Не мешает припомнить в этой связи то, что Маркс писал 12 апреля 1871 г. Кугельману. Выразив свое восхищение Коммуной („История не знает еще другого примера подобного героизма!"), он прибавляет: „И если они падут, то виновно будет в этом только их „добродушие". Нужно было сейчас же итти на Версаль, после того как Винуа, а затем реакционные части парижской гвардии сами очистили поле. Настоящий момент был упущен благодаря нашей скрупулезности. Не захотели начать гражданскую войну, как будто этот злобный выродок Тьер не начал уже сам этой войны своей попыткой обезоружить Париж". Итак, то, что в глазах Маркса в 1871 г. было непоправимой ошибкой Коммуны, превращается под пером „марксиста" Каутского в образец ее добродетелей. Недурной поворот. Это—не ревизионизм. Это—хуже ревизионизма!

дочное выражение „социализация“ к проблемам социалистической революции. Марксов метод социализма существует, это—марксизм, но рецептов для конкретных экономических мероприятий во всех ситуациях социальной революции Маркс и не думал намечать. Восхищение Каутского перед „методом социализации“ Коммуны оказывается расшаркиванием перед пустым местом. И точно таким же местом является собственная „социализация“ г. Каутского, которую он измышлял совместно со своим выучеником Гильфердингом по распоряжению Эберта и Шейдемана, пока не заметил, что работает для сорной корзины. Каутский открыл в Коммуне следующие добродетели: она не повесила ни одного контр-революционера, не пойманного ею, не социализировала и, в-третьих, обнаружила терпимость, не подавляла одну пролетарскую фракцию ради другой, в противоположность злым большевикам. Но чувствительный старец забывает об одном: прудонисты, бланкисты, интернационалисты очень ожесточенно боролись друг с другом во время Коммуны, при чем их воззрения, как это теперь вполне очевидно, представляли собою различные разновидности одной и той же путаницы понятий. Но все они проливали свою кровь р а д и К о м м у н ы, ради господства пролетариата. Когда накануне поражения Верморель, принадлежавший к меньшинству Коммуны, встретил, транспортируя обоз со снарядами, перед ратушей Ферре, представителя большинства, он заметил ему с улыбкой: „Ну что же, Ферре, и члены меньшинства сражаются“.—„Члены большинства исполнят свой долг“, ответил Ферре. И коммунар Лиссагарэ прибавляет: „Какое великодушное состязание обоих этих мужей, столь преданных народу, обреченных на столь благородную смерть!“ А социалисты, которые, подобно Луи-Блану, оставались в Версали с зубрами и не пикнули даже, когда коммунаров расстреливали у них на глазах, вошли в историю,—как предатели пролетариата. Недурно говорит один социалистический историк о Луи-Блане: „Выбранный в Париже в Национальное Собрание, он остался в Версали, когда Национальное Собрание объявило Парижу войну. Он поддерживал борьбу правительства против Коммуны. Его иллюзии относительно возможности совместной работы с более благородными и передовыми частями буржуазии

окончились совместной работой с наиболее свирепыми, наиболее реакционными юнкерами ради удушения пролетариата. При этом его воззрения и симпатии мало изменились. Но классовые противоречия сильнее благочестивых пожеланий. Кто, приходя от буржуазии, не обладает достаточным мужеством и самопожертвованием для того, чтобы без оговорок примкнуть к борющемуся пролетариату и сжечь свои корабли, тот при всех своих симпатиях к пролетариату станет в решительную минуту на сторону его противников". Эти слова принадлежат Карлу Каутскому, который как бы предвидел свою собственную карьеру. Спокойный, тепленький кабинет ученого—вот мост, соединяющий его с буржуазией, у него не было мужества вступить на мученический путь Розы Люксембург,— и вот мы видим его теперь в Версале в качестве преемника Луи-Блана. И если он прославляет, как величайшую добродетель Коммуны, то, что социалисты в ней не преследовали социалистов, то мы можем сказать ему: эти похвалы являются в равной степени оскорбительными как для большинства, так и для меньшинства Коммуны, которая состояла из соратников по борьбе, не имевших нужды преследовать друг друга. Но вы напрасно извращаете историю; если в Германии победит пролетарская революция, то вам, г. Каутский, нечего бояться, хотя объективно вы и являетесь предателем, как бы хороши ни были ваши намерения. Вы настолько безвредны, что революция может позволить себе роскошь и обеспечить вас необходимым пайком гусениц и неоперившихся птенцов, дабы Вы и впредь могли питаться по способу наших отдаленных предков; вы получите даже сколько нужно бумаги и чернил. Но все-таки мы отомстим: мы заставим ваших почитателей Шейдемана, Гильфердинга и пр. читать ваши произведения, которые теперь только делают вид, что их читают.

4. Демократия, облагораживающая нравы.

Как это обыкновенно делается в просветительных фильмах, г. Каутский приводит в поучение немецким читателям два примера: якобинскую диктатуру насилия, которая должна была кончиться поражением, потому что с помощью насилия стремилась осуществить иллюзии и, таким образом, вводила пролетариат в заблуждение, в одичание; этой темной картине он противопоставляет светлый пример моральной диктатуры, демократической диктатуры Коммуны 1871 года, „глубоко вкоренившейся в сердцах всех, жаждущих для человечества освобождения, в значительной степени потому, что она была исполнена тем духом гуманизма, который воодушевлял рабочий класс XIX столетия". Мы показали уже, что просветительная фильма Каутского является по-просту фокусничеством. Парижская коммуна 1793 г. представляла собою не пролетарскую, а буржуазную диктатуру, она не „разбилась" о невозможность осуществить пролетарские иллюзии, а, напротив, выполнила свою грандиозную историческую задачу: разгром феодализма. Наоборот, пролетарская Коммуна 1871 года разбилась уже после двух месяцев своего существования о путаницу своих вождей, преисполненных иллюзий и не понимавших и не сумевших вынести борьбу за пределы городских стен Парижа. То, что Каутский, называет духом гуманности, являлось в действительности слабостью руководителей Коммуны, свидетельствовало об их нерешимости по отношению к ожесточенному врагу. В противоположности между Коммуной 1793 и 1871 годов сказывается не противоположность между насилием и демократией,—ибо теоретически Коммуна 1793 г. точно так же стояла на почве демократии, как и Коммуна 1871 г., а эта последняя точно так же сошла с нее практически, как и Коммуна 1793 г.,— а противоположность заключается в упорной борьбе класса, время которого пришло, господство которого является исторической необходимостью,—а такой именно характер и носило господство якобинской буржуазии в 1793 г., — и в путанице и бессилии класса, еще неспособного к господству

и не решающегося бороться за него всеми средствами: таково было положение рабочего класса во Франции в 1871 году.

Если Каутский утверждает, что Коммуна 1871 г., благодаря своей гуманности, глубоко внедрилась в сердца всех, жаждущих освобождения человечества, то этот старец смешивает свое обабившееся сердце с железным сердцем пролетариата. Она сделалась символом пролетарских стремлений не вследствие своих слабостей, которые он называет гуманностью, а вследствие того, что представляла собою первую попытку пролетариата захватить власть.

Что представляет собою этот дух „гуманности", который будто бы господствовал в Коммуне и столь дорог сердцу Каутского, он стремится выяснить с помощью своих пресловутых безжизненных абстракций, показывая, как человечество становится с одной стороны все более диким, с другой—все более мягким и как то дикость, то мягкость попеременно побеждают. Нам нет надобности останавливаться на всех этих ужимках школьной премудрости, потому что Каутский не выходит из рамок лубочных картинок, на которых набили себе руку всевозможные „гуманитарные философы культуры", не проливая, однако, ни малейшего света на действительное течение исторических событий всеми этими рассуждениями о мягкости, которую они расхваливают, и дикости, которая сама в себе носит свое наказание. Каутский становится конкретнее, когда утверждает, что демократия, ясно выявляющая соотношение классовых сил, удерживает классы от слепого стремления к конфликтам, и что марксизм действует на пролетариат в таком же точно направлении; так как пролетариат, благодаря марксистской точке зрения, научился понимать, что его победа может быть только результатом медленного, постепенного развития, то социалисты постоянно имели в виду, что в каждую данную минуту нужно приступать только к таким задачам, которые разрешимы при данном соотношении сил и при данных материальных условиях. И, действуя таким образом с полным знанием дела, социалисты избегали крушения своих предприятий или попадания в безвыходное положение, способное толкнуть их к кровавому терроризму, противоречащему духу пролетариата

и социализма. „И, действительно, с тех пор как марксизм господствует в социалистическом движении, это последнее вплоть до мировой войны почти не знало сколько-нибудь значительных поражений, и мысль о необходимости террористических методов совершенно исчезла из его рядов" (стр. 100). Вот рассуждения типичного профессора. Вплоть до мировой войны демократия и марксизм давали такие прекрасные плоды. Но почему демократия, обнаруживающая подлинное соотношение сил и облагораживающая нравы, не предотвратила войны, этого наиболее дикого способа взаимного уничтожения? Мы убеждены, что г. Каутский торжественно возразит, что это произошло потому, что Гогенцоллерны, Габсбурги и Романовы в недостаточной дозе приняли его демократическое лечебное средство. Но, не говоря уже о том, что, не взирая на все дипломатические документы, содержащие необыкновенно тяжелый обличительный материал о роли этих династий в возникновении мировой катастрофы 1914 г., марксист не имеет права забывать всю социально-политическую историю возникновения войны,—не подлежит, ведь, сомнению и то обстоятельство, что и у демократии должно же было существовать твердое намерение всеми, даже самыми зверскими, средствами защищать интересы капитала Антанты против разбойничьих поползновений германского империализма, если Габсбургам и Гогенцоллернам удалось вызвать войну. И неужели Каутский ничего не знает о постыдной войне западных демократий против Советской России и Советской Венгрии? Больше того: выясняется, что этот своеобразный марксист даже летом 1919 г. был еще преисполнен всяческих иллюзий относительно решимости капитала бороться всеми насильственными способами против освободительных стремлений пролетариата. Он цитирует из моего предисловия к бухаринской работе следующее место: „Чем сильнее развит капитализм в какой-нибудь стране, тем ожесточеннее будет его самозащита, тем более кровавым путем пойдет пролетарская революция и тем беспощаднее будут те мероприятия, с помощью которых победивший рабочий класс покорит побежденный класс капиталистов". Этому г. Каутский противопоставляет сначала то замечание, что я превращаю по-

луторалетнюю практику большевизма" во всеобщий закон развития и что я напрасно мотивирую эту практику „беспощадностью и озверелостью капиталистической самозащиты". „Такого рода озверелость не замечалась в ноябре 1917 г. ни в Ленинграде, ни в Москве, и еще менее недавно в Будапеште". Эти замечания бесплатного агента буржуазии показывают только, что он не замечает того, что неудобно для него и для капитализма. Он не заметил гекатомб жертв, павших во время любезного его сердцу режима Керенского, демократических меньшевиков и социалистов-революционеров только из-за того, что русский капитализм ни перед чем не останавливался, лишь бы задержать победу пролетариата. Он ничего не слышал о ноябрьском восстании в Москве 1917 г., когда нужно было в многодневных тяжелых боях сломить сопротивление капиталистической гвардии. Он ничего не слышал о тридцати тысячах жертв белых в Финляндии, ничего не слышал о лесе виселиц на Украйне, воздвигнутых при громких рукоплесканиях буржуазии всей России, ничего не слышал о десятках тысяч убитых пролетариев на Кубани и Дону, ничего не слышал о колчаковском режиме, ужас которого описывает теперь представитель американского правительства Джошуа Розетт, ничего не слышал обо всех контр-революционных заговорах, оплаченных Антантой и старавшихся парализовать положительное строительство Советской России. Он не слышал о пятнадцати тысячах мертвецов, которых г. Носке успел уложить в теперешней подготовительной стадии германской революции в честь германского капитала. Он ничего не слышал о циркулярах г. Черчилля, „демократического" военного министра Англии, свидетельствующих о том, что английская олигархия ни на одну минуту не остановится перед тем, чтобы подавить в крови всякую попытку английского пролетариата к восстанию, подобно тому, как она, чего г. Карл Каутский не заметил, теперь, во время заседаний мирной конференции и образования союза народов, расстреляла в Каире 1.000 (тысячу!) человек в ответ на демонстрации туземцев, а в Индии так расправляется с движением в пользу независимости, что Рабиндранат Тагор, несомненно отнюдь не дикий большевик, отказывается от пожалованного ему английским

королем рыцарскаго звания и поясняет этот свой шаг тем, что „тяжесть наказаний, налагаемых на несчастный народ, и способ их выполнения не имеет ничего подобного в истории цивилизованных народов, если не считать далекие, давно прошедшие времена". Это было напечатано в номере „Manchester Guardian" от 7 июня, т.-е. в то время, когда г. Каутский как раз закончил свое изучение терроризма. Г. Каутский точно также еще не заметил кровавой расправы г. Клемансо с парижскими рабочими, воспользовавшимися 1 мая своим „демократическим правом" демонстрировать в честь Советской России. И мы уверены, что когда выйдет второе издание его последней брошюры, после широковещательного распространения ее Союзом борьбы против большевизма, то мы найдем в ней собрание всех ужасов, распространяемых капиталистической прессой по поводу Советской Венгрии, но десяти тысяч пролетариев, которых венгерские магнаты с помощью Антанты отправили на тот свет в священной борьбе за капитал и демократию, г. Каутский так-таки и там не заметит.

За всей его теорией о „демократии, облагораживающей нравы", скрывается одно очень простое обстоятельство: в период от 1871 до 1918 гг. европейский пролетариат нигде, за исключением России, не делал попытки свергнуть буржуазию. Пролетариат подчинился господству капитализма, старался улучшить свое положение в рамках капитализма. Вот почему буржуазия могла отказаться от применения грубых методов насилия против пролетариата, если, разумеется, не считать небольших побоищ, в которых отводили себе душу капиталистические прихвостни во Франции и Италии, Австрии и Северной Америке. В колониях, где пролетаризированные крестьяне по своему незнанию кастрированного марксизма все-таки осмеливались восставать, с ними расправлялись по всем правилам военного искусства. Смягчение нравов заключалось в том, что буржуазия не убивала пролетариев, потом которых она жила, ибо это не только не было ей нужно, но даже определенно вредило интересам ее прибыли.

Марксизм выражал только практический опыт рабочего

класса, предостерегая его от „бунтарства". То, что в данном случае решающую роль сыграло его собственное сознание своей слабости, а вовсе не влияние марксизма, лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что даже в странах, где влияние марксизма было очень слабо, как в Италии, Франции и Англии, не происходило за последнее десятилетие никаких бунтов. Если рабочий класс до войны нигде не пытался захватить власть, если он нигде не сталкивался на практике с вопросом о применении насилия и о границах этого насилия, то это было результатом объективного соотношения сил, образовавшегося после 1871, а еще больше после 1890 года, в период укрепления капиталистических государств и их экономического распространения.

Марксизму совершенно не приходилось сталкиваться с вопросом о насилии на практике, и если г. Каутский расхваливает его, как тормоз рабочего движения, то эти похвалы расточаются им добродетели, существующей только в его фантазии. Хотя, с другой стороны, надобно признать, что марксизм его собственной масти действительно очень боялся насилия, постоянно руководился в своей политике принципом: „товарищи, не поддавайтесь на провокацию!" — и действительно стал таким образом тормозящим фактором во время последних десятилетий, когда империалистическая политика поставила рабочий класс перед проблемами насилия. Мировая война сделала эти проблемы насущными вопросами рабочего движения. Но наш пророк Второго Интернационала служит наглядным доказательством того, что у этого поколения, выросшего в период „спокойного развития" капитализма, нет ни малейшего реального исторического чутья бурной революционной эпохи. Мы видели это на примере изложения Каутским величайшей буржуазной и первой пролетарской революций и эпохи так называемой „демократии", мы увидим это в особенно отталкивающей форме на его отношении к великой русской рабочей революции.

5. Русские Содом и Гоморра.

Начнем с непреложных фактов. В период от марта до ноября 1917 г. господство русской буржуазии день за днем подтачивалось обстоятельствами. Буржуазия хотела продолжать войну, рабочие и крестьянские массы хотели во что бы то ни стало закончить ее [1]).

Крестьяне хотели завладеть феодальным землевладением. Буржуазия, совместно с помещиками, противодействовала

---

[1]) Если г. Каутский даже теперь, после немецкого опыта ноября 1918 г., бросает большевикам следующий упрек: „Они всеми мерами добивались развала армии, не заботясь о том, как это отразится на вожделениях германской военной автократии", то он упрекает большевиков только в том, в чем немецкие генералы упрекают его собственную партию. „Если она (военная автократия) не победила, то виною тому по-истине не они (большевики)", — другими словами, г. Каутский считает отцом германской революции маршала Фоша. Этот единственный марксист чувствует себя в германской революции приблизительно так, как человек, попавший в дикую драку, и только по недостатку мужества не решается назвать ее несчастием. Поэтому мы видим в его утверждении, что русская революция не оказала никакого благотворного влияния на возникновение германской, только трогательное доказательство того, что г. Каутского временами одолевают христианские чувства и он стремится избавить даже большевиков от геенны огненной. Так да здравствуют же Фош и Вильсон, отцы германской революции, освобождающей народы, и ее пророк Каутский! Но шутки в сторону. Установив на стр. 111 непричастность большевиков к германской революции, Каутский пишет на стр. 158: „Как бы ни относиться к большевизму, но то обстоятельство, что пролетарское правительство смогло не только стать у власти в великодержавном государстве, но и почти в течение двух лет удержать ее при необыкновенно трудных условиях, подымает самосознание пролетариев всех стран. Для действительной мировой революции большевики сделали этим чрезвычайно много, гораздо больше, чем их эмиссары, которые больше повредили делу рабочего класса, чем содействовали революции". Какой, с божьей помощью, оборот! Подарим Каутскому его выпад против большевистских „эмиссаров", с деятельностью которых он имел возможность знакомиться только из полицейских рапортов, и заметим его признание, что господство большевиков в России сделало чрезвычайно много для действительной мировой революции. Это противоречие объясняется тем, что короткая память точно так же является признаком старческой дряхлости, как и желчное злопыхательство.

этому. Рабочие не хотели переносить дольше господство буржуазии, разрушившей страну и неспособной снова восстановить ее. Все оружия буржуазного насилия оказались бессильными перед лицом пролетарски-крестьянского большинства армии. К тому же в промышленных и правительственных центрах рабочий класс был хозяином положения. В ноябре 1917 г. дело буржуазии было окончательно проиграно. Что было делать марксистам, представителям рабочего класса, в этом процессе распада капиталистической власти? Друзья Каутского, русские меньшевики, считающие себя марксистами,— впрочем, и Каутский выдает их за таковых,— в подавляющем большинстве говорили: Русский пролетариат слишком слаб для того, чтобы взять власть в свои руки, он должен итти совместно с буржуазией, поддерживая его господство; а так как русская буржуазия не хотела отказаться от войны, то они требовали, чтобы пролетариат верно служил знамени антантовского капитала.

Г. Каутский никогда не спорил против этой политики, он видел в Церетели представителя марксизма. Но русские крестьяне и рабочие прогнали и Церетели и Керенского к чорту. И, делая это, они являлись громадным большинством народа. Ни одно демократическое правительство не опиралось на столь сплоченные массы, как большевики от ноября 1917 г. до марта 1918 г. Ни один историк не сможет отрицать того обстоятельства, что большевиков вынесло к власти громадное большинство населения. Противоположное впечатление создавалось отчасти благодаря тому, что небольшая часть буржуазии и интеллигенции имела в своем распоряжении всю прессу, отчасти благодаря тому, что Учредительное Собрание, вследствие отсутствия соответствующего политического аппарата в деревнях, неумения мужиков членораздельно выражать свою волю, представляло извращенную картину действительного положения дела. Но только тот, кто примет во внимание, что большевики взяли власть в качестве представителей решающего большинства народных масс, поймет, каким образом они продержались до образования Красной армии почти без всякой вооруженной силы в феврале и марте 1918 года, и почему разгон Учредительного Собрания нигде не вызвал движения против большевиков.

Власть перешла таким образом к рабочим и крестьянам в силу стихийного исторического процесса, сломившего господство буржуазии и ее меньшевистских пособников. Крестьяне не имели собственного партийного представительства (левые социалисты-революционеры хотели им быть, но не были им: они представляли только часть интеллигенции с очень незначительными связями в крестьянстве). Пролетариат, господствовавший над путями сообщения и городом, обладавший органами власти в лице профсоюзов, советов, партии большевиков, был политически хозяином положения. Что было ему делать? Г. Каутский, враждебно относившийся к захвату власти русским пролетариатом, — он, впрочем, умалчивает об этом в своей книге,—мирится с этим фактом, как с неизбежностью, и дает русскому пролетариату следующий совет:

„Ни один класс не отказывается добровольно от завоеванной власти, при каких бы условиях он ни пришел к рулю. Было бы нелепо требовать такого отказа от венгерского или русского пролетариата, вследствие отсталости этих стран. Но партия, действующая в духе подлинного марксизма, приспособила бы задачи, открывающиеся перед победившим пролетариатом, к тем материальным и психологическим условиям, которые ей даны, не потребовала бы без всяких оговорок (ohne Weiteres) немедленно полной социализации (Voll-sozialisierung) в стране со столь неразвитой капиталистической промышленностью, как Россия" (стр. 106). Со стороны Каутского очень любезно признать, наконец, что русский пролетариат не мог отказаться от власти. Его прошлогодняя брошюра о „Демократии и диктатуре", напротив, рекомендовала русскому пролетариату снова восстановить „демократию". Прошло больше года со времени появления этой брошюры, и война Антанты и русской контр-революции, повидимому, научила Каутского тому, что падение советской диктатуры привело бы к диктатуре антантовской контр-революции, во главе с царскими генералами. Исходя из этого, он говорит: вы пришли к власти, чорт бы вас побрал, хоть это и не произошло демократическим путем, ну так, по крайней

мере, раз этого нельзя уж изменить, пользуйтесь же властью с толком: приспособляйтесь к условиям, не делайте невозможных прыжков, не увлекайтесь „полной социализацией", невозможной в такой капиталистически-неразвитой стране, как Россия,

Что такое полная социализация? Если это слово имеет какой-нибудь смысл, то оно может означать только немедленный переход всех средств производства в собственность и управление всего общества, попытку одним ударом отменить капитализм. Утверждать, что программа коммунистической партии требовала такого рода полной социализации, что русское рабочее правительство из доктринерства стремилось осуществить ее, значит совершенно не знать действительного развития русской революции.

Во время керенщины коммунистическая партия добивалась контроля фабрично-заводских комитетов над промышленностью, прекрасно понимая именно то, что пролетариат должен ознакомиться с управлением, научиться пользоваться им, чтобы постепенно взяться за руководство промышленностью. Если Каутский говорит: „Пролетариат должен предварительно выработать в себе качества, необходимые для управления производством, а потом уже брать его в свои руки" (стр. 117), то это есть не что иное, как педантически упрощенное понимание в высшей степени сложного исторического процесса. Разумеется, нельзя руководить делом, которого не понимаешь. В капиталистическом обществе не только масса рядовых фабричных рабочих, но даже и умственные пролетарии (техники, инженеры) лишены способности управлять промышленностью. Они все — только участники, колесики сложного механизма. Управление сосредоточено в руках двух-трех директоров, тщательно оберегающих свои секреты (рыночные условия, соотношения сил). Пока господствует капитал, он стремится всеми силами отстранить пролетариат от управления производством. Но когда пролетариат берет власть, то ему, даже лишенному способностей управлять промышленностью, все-таки приходится браться за такого рода управление. Не только потому, что борьба за власть воспитала в нем волю к самостоятельному распоряжению свой судьбой, но и потому, что в этой борьбе за

власть капиталисты всемерно вредят промышленности, саботируют ее для того, чтобы таким образом затруднить положение рабочего класса. Как же выйти из этого положения? Г.г. Каутские, Гильфердинги, Бауэры предполагали, что выход—в ученых комиссиях, в которых не было ни одного пролетария и которые изучали „вопросы социализации". Там они намеревались совместно с представителями капитала и учеными професорами по порядку обсудить, как можно поочереди социализировать уголь и сельди, не вредя этим „производству". И пришли к тому выводу, что нужно не дать повода капиталистам для саботажа и гражданской войны, отвесив им солидное возваграждение. Потом, когда все образуется, можно будет помаленьку отобрать у них вознаграждение. Одновременно с постепенной национализацией наиболее концентрированных индустрий, всего легче поддающихся государственному управлению, предполагалось превратить их правление из чисто капиталистического в смешанное: на-ряду с капиталистами в них должны были быть представлены: государство, потребители, рабочие. Таким образом были бы достигнуты две цели: рабочие мало-помалу познакомятся с порядком управления, и вместе с тем обеспечивается непрерывность производства.

Прежде чем обратиться к вопросу о развитии революции в России, мы позволим себе спросить: оправдалась ли эта точка зрения в Германии и немецкой Австрии? По известному выражению, карась любит, чтобы его жарили в сметане. Точно так же и Каутский с компанией были убеждены в том, что буржуазия любит, чтобы ее помаленьку экспроприировали. Но они должны были убедиться в том, что буржуазия предпочитает совсем не подвергаться экспроприации. Она предоставила г. Каутскому с прочими профессорами в Берлине, г. Бауэру в Вене „изучать" вопрос, а тем временем восстанавливала свое потрясенное в ноябре могущество, после чего песенка социализации оказалась спетой. Если теперь правительство в своем законодательстве о фабрично-заводских советах хочет предоставить рабочим одно место в заводских правлениях,— против этого все промышленники подняли бучу, и судьба правительственного законопроекта еще не решена,—то это только декорация: рабочие знако-

мятся с условиями и задачами управления не по „бумагам" предприятия, а из ежедневного участия в управлении предприятием. А это показывает, что метод Каутского выходить сухим из воды является чистейшей утопией. Действительное развитие, как оно шло в России и как оно в основных чертах своих будет повторяться и в других странах, порядком затрудняет пролетариату знакомство с управлением промышленностью и делает процесс перехода от капитализма к социализму очень болезненным. Как же он происходил в России?

Рабочие требовали контроля фабрично-заводских комитетов над промышленностью. Они требовали этого не из доктринерства, не только под влиянием коммунистической пропаганды, а под давлением необходимости. Капиталисты часто хотели закрывать фабрики, потому что рост цен на сырье, на машины, на рабочую силу угрожал их военным прибылям. Выгоднее было спасти эти прибыли и парализовать на время промышленность. В других случаях капиталисты стремились к параличу промышленности, чтобы принудить рабочих к сокращению своих требований. Иногда, наконец, потому, что действительно не в состоянии были получить необходимое сырье. Во всех подобных случаях рабочие старались избежать безработицы, бурно требуя контроля над промышленностью, дабы иметь возможность убедиться в том, действительно ли неизбежно прекращение производства, действительно ли требования рабочих невыполнимы и т. д. Контроль над производством был в различных местностях России в разной степени завоеван, повсюду он был объектом ожесточенной борьбы, и часто рабочие были вынуждены вывозить на тачках своих господ директоров из завода, чтобы вообще проникнуть в контору. Что на этой ступени развития не интересы всего общества, всего рабочего класса выступали на первый план, что рабочие каждой фабрики боролись, главным образом, за свои частные интересы, что в этой борьбе было разрушено много ценностей,— все это не подлежит сомнению. Если, однако, Каутский считает нужным поучать в своей брошюре „Демократия и диктатура" о том, что захват рабочими какой-нибудь фабрики не есть еще социализм, то это свидетельствует только о тупоумии

господина профессора. Пока нет органа, представляющего интересы целого, пока начинают образовываться только органы отдельных борющихся групп пролетариата, до тех пор объект этой борьбы не может быть всеобщим. Советскому правительству, взявшему власть в ноябре (октябре по ст. стилю) 1917 года, пришлось иметь дело и с борьбой отдельных групп пролетариата против своих собственных эксплоататоров и с индивидуалистическими тенденциями к смягчению своего отдельного, группового положения. Что было ему делать при таких условиях? какие задачи развертывались перед ним?

Прежде всего ему приходилось опасаться того, что капиталисты попробуют спасти то, что можно спасти, стараясь ликвидировать свои текущие счета и сбыть запасы товаров спекулянтам. Необходимо было, стало-быть, овладеть банками, объявить фабрики с находившимися в них запасами собственностью нации и передать фабрично-заводским комитетам контроль над ними. После этого предстояло предупредить продажу рабочими отдельных фабрик сырья и запасов продуктов в свою пользу. Наконец, пришлось приступить не только к продолжению производства вообще, но и к управлению им в интересах общества, т.-е. к производству того, в чем общество нуждалось больше всего. Каутский не имеет ни малейшего представления о той колоссальной работе, которая выполнялась в этой области с первого же дня ноябрьской революции, несмотря на то, что борьба за мир, германское нападение, борьба с немедленно объявившимися покушениями военной контр-революции, стихийная демобилизация, строительство примитивных органов государственной власти, ставили пролетариат и его партию перед задачами, о которых этакий профессор, привыкший к своему ученому кабинету с размеренными рядами книжных полок, не имеет ни малейшего представления. Но из речи Ленина о задачах Советской власти, вышедшей в апреле 1918 года на пятый месяц революции, каждый мыслящий человек может увидеть, что дело здесь шло не о высосанных из пальца размышлениях олимпийца, а об отношении великого пролетарского вождя к вопросам, с которыми тогда уже, в первые недели революции, приходилось считаться на практике всей

Советской России. Брошюра Ленина—произведение насквозь полемическое. Она направлена против левого крыла Российской Коммунистической Партии, группировавшегося тогда вокруг журнал „Коммунист", выходившего в Москве под редакцией Бухарина, Радека, Осинского, Ломова и Смирнова. Вся партия была согласна с тем, что вопрос об организации производства играет решающую роль в революции. Оба крыла сходились на том же самом, что Каутский преподносит теперь коммунистам в качестве самоновейшей премудрости: что „без участия интеллигенции социализм неосуществим на нынешней ступени производства" (стр. 127).

Русские коммунисты никогда не внушали рабочим, что они могут управлять производством без специальных познаний или что эти специальные познания могут быть быстро приобретены ими, что они смогут пренебречь духовным капиталом общества, интеллигенцией. Если бы они придерживались такого мнения, то они, ведь, попросту не обращали бы никакого внимания на саботаж мелко-буржуазной интеллигенции. Противоречия возникали по совершенно другим поводам. Ленин исходил из того, что с разгромом Каледина окончился период открытого контр-революционного сопротивления буржуазии, что можно купить ее наилучших, испытанных руководителей промышленности, чтобы с их помощью развить производство. „Мы, коммунисты и рабочий класс, никогда не управляли фабриками, мы должны еще научиться этому и можем научиться только у организаторов трестов. Плату, которую мы заплатим им за эту выучку, мы сторицей вернем себе",—заявлял Ленин. И его заявления были только отголоском серьезных переговоров с целым рядом крупных промышленников об образовании больших смешанных предприятий на Урале, в прибылях которых должны были участвовать промышленники, а управление которыми должно было сосредоточиться в руках промышленников и представителей государства и рабочих. Самоновейшая мудрость Каутского была таким образом знакома русским коммунистам, а левое крыло их точно так же не считало этих опытов Ленина прегрешениями против принципов, никто не утверждал, что коммунизм нужно провести с одного маху, что возможно немедленно устра-

нить капиталистические элементы в коммунистическом обществе. Принципиально можно было вполне согласиться с предложенным Лениным путем, но левые коммунисты считали его план практически неосуществимым. Они указывали на то, что сопротивление контр-революции нельзя считать окончательно сломленным. А если буржуазия не отказалась от него, то невозможно привлечь ее руководителей к работе, даже делая им в переходное время всякого рода уступки. Либо они совершенно отклонят всякое сотрудничество с Советской властью, надеясь на ее близкое падение под давлением европейской контр-революции и стараясь ускорить это падение, либо они заключат только притворный компромисс с советским правительством для того, чтобы превратить предоставленные им позиции в бастион против рабочей революции. Напротив, левые коммунисты совершенно соглашались с Лениным в том, что умственных рабочих, техников, инженеров и т. д. нужно поставить в возможно более выгодные условия, чтобы приобрести сотрудничество этих элементов, по своему материальному положению не контр-революционных. История, оправдавшая внешнюю политику Ленина, политику уклонения от немедленного столкновения с германским империализмом, показала, что попытка развить производство, привлекая к нему капиталистов, была по тому времени невыполнимой. Передышка, которую дала революции его внешняя политика, позволив ей организоваться, была вместе с тем передышкой и для контр-революции, организовавшейся под крылышком германского империализма на Украине, под защитой Антанты в Сибири для все более ожесточенных нападений на Советскую Россию. Вместо того, чтобы заключить компромисс с матадорами капитала для поднятия промышленности, пролетарское государство было вынуждено бороться против них всеми мерами террора, дабы защитить власть рабочего класса, эту фундаментальную предпосылку всякой социализации. А это предписало определенные методы социализации. Приходилось считаться с непреложными фактами, с железной необходимостью, а не с абстрактными комбинациями.

Война отрезала Советскую Россию от железа и угля Донецкого бассейна и Кавказа, от бакинской нефти; со времени

чехо-словацкого восстания—от уральских металлов, от туркестанского хлопка. Такое положение вынуждало к учету каждого атома сырья. Приходилось по-просту останавливать фабрики, неспособные работать полным ходом, передавать их машины и сырье предпрнятиям, способным выполнить работу полностью, пришлось остановить производство всех излишних и даже многих необходимых продуктов и подчинить промышленность интересам самозащиты революции. Пролетарское государство должно было твердо сконцентрировать в своих руках все предприятия. „Полная социализация" — за исключением ремесл и т. п. — не была результатом коммунистической доктрины. Она явилась результатом оборонительной войны революции.

Это обстоятельство требовало применения новых методов в области управления промышленностью. За долгие месяцы революции русские рабочие очень многому научились в сфере экономических отношений. Буржуазные корреспонденты, являющиеся сплошь врагами социализма, различные Олберги, которые вкрались в доверие Советской власти под маской друзей, чтобы иметь возможность в течение нескольких недель под маской объективности рассылать свои „живые картинки Советской России, не имеют, разумеется, никакого понятия о той работе, которая была совершена русским пролетариатом при самых неблагоприятным условиях. Кто в противовес этому ссылается на речи советских вождей, на статьи советской прессы, тот забывает о целях и задачах того пессимизма, который зачастую господствует в советской прессе. Советская Россия борется не на живот, а на смерть. Она сможет победить только в том случае, если напряжет все свои силы, продержится несмотря ни на что и во что бы то ни стало. И советским вождям точно так же, как и советской прессе, приходится указывать на каждую слабость, чтобы призывать к новому напряжению сил. Даже там, где в осечках виноваты объективные трудности, необходимо все-таки во что бы то ни стало пришпоривать массы. В то время, как буржуазная и социал-демократическая пресса Германии стремится скрыть и замолчать каждый случай разложения государственного организма, советская пресса бесстрашно

вскрывает все недостатки своей государственной машины. Она беспощадно нападает на советских чиновников, разоблачает все слабые места советского механизма, но вместе с тем нападает и на рабочие массы, когда они оказываются не на высоте положения. Все-таки Осинский, один из лучших знатоков экономической политики советского правительства, был совершенно прав, указывая свыше года тому назад на то, что производительность труда зависит в первую очередь от объективных условий и является результатом длительного трудового процесса. Там, где работа постоянно прерывается недостатком угля и сырья, производительность труда на голову и в час падает. К этому надобно еще присоединить, что массы недостаточно питаются, чего нельзя избегнуть, потому что приходится в первую очередь производить для военных надобностей, а для обмена товаров на продукты питания только в очень ограниченном количестве. Наконец, наиболее энергичные пролетарии, выучившиеся управлению промышленностью, находятся на фронте, они— душа Красной армии. При таких обстоятельствах невозможно дожидаться, пока пролетариат понемногу разовьет свои способности руководителя производством. В этом процессе укрепления коллективной самодеятельности, коллективного чувства ответственности приходится действовать очень резко и грубо, приходится зачастую предоставлять более интеллигентным физическим умственным рабочим прямо-таки диктаторские полномочия. Каутские видят в этом банкротство коммунизма, отказ от советской идеи. В действительности же, такого рода преходящие диктаторские эпизоды являются только результатом войны, не позволяющей советскому строю преодолеть свои детские болезни, усилить самодеятельность масс. И эти диктаторские эпизоды ведут к преодолению заминок только потому, что за ними стоят Советы, пользующиеся доверием масс и выясняющие этим последним смысл и необходимость таких мероприятий.

Мы видим таким образом из этого описания внутреннего развития Советской республики, какие трудности ей приходится преодолевать, не только вследствие молодости русского пролетариата, не только вследствие преимущественно аграрного характера России, но в первую линию благодаря тому,

что русская революция возникла прежде, чем восстал пролетариат капиталистических стран. Ей приходилось бороться не только с собственной контр-революцией, но и с мировым капиталом, который сначала пытался подавить ее для того, чтобы снова получить необходимое для него пушечное мясо, а теперь неистовствует против нее, как против очага мировой революции. Натиск контр-революционных армий мирового капитала, заговоры, устраиваемые им на русской почве, помощь, которую он постоянно сызнова оказывает русскому капиталу,—все это питает его новыми надеждами на возможность победы над русским рабочим классом. Все это неизбежно должно было в высшей степени обострить характер борьбы русской революции. Когда русский рабочий класс достиг власти, он стремился избегать всяких жестокостей, не взирая на те дикие преследования, которые ему приходилось претерпевать во времена керенщины. Революционные рабочие защищали собственными телами арестованных министров Керенского, они прощали контр-революционных генералов; пройдя школу коммунистической партии, они понимали, что дело идет не об уничтожении отдельных личностей, а о преобразовании социальных условий. Если и были случаи дикого самосуда, то их виновниками оказывались одетые в солдатскую форму крестьянские парни, а не организованные рабочие. За исключением московских боев, октябрьская революция победила почти безболезненно. Политический террор развился в полной мере только тогда, когда русская буржуазия под прикрытием немецких штыков на Украине ополчилась огнем и мечом против рабочих, когда она весною 1918 г. спряталась в центральной России позади германского правительства и стала с помощью чиновников этого последнего переправлять в Германию значительные доли достояния обедневшего русского народа, когда она начала на английское и французское золото устраивать заговоры, организовывать покушения на вождей русского пролетариата и, наконец, вооружать в Сибири и на Кавказе целые армии наемников против Советской России. Здесь не место входить во все подробности одичалого террора белых, о котором

можно прочитать в донесениях Джошуа Розетта, представителя американского Красного Креста в Сибири. Каутский заявляет, что вожди контр-революции, обращаясь к террористическим средствам, не изменяют себе, потому что они слишком дешево ценят человеческую жизнь, которая является в их глазах только средством для их собственных эгоистических целей. „Противники не нарушают своих принципов, бросаясь человеческими жизнями для того, чтобы сохранить свою власть, а большевики, поступая так, неминуемо изменяют своим принципам о святости человеческой жизни, которые они сами провозгласили и оправдали“ (стр. 139). Вслед за учителем и г. Гильфердинг, младший представитель фирмы под названием „кастрированный марксизм“, твердит теперь, что терроризм абсолютно безнравственен, а бравый Георг Ледебур витийствует с пеной у рта по поводу безнравственности большевистского террора. Георг Ледебур может в свое оправдание сослаться на то, что во время керенщины он на стокгольмской конференции циммервальдовцев с большой энергией выступал против терроризма правительства Керенского. Но гг. Каутский и К° не могут даже сослаться на гуманитарную расхлябанность, как на смягчающее их вину обстоятельство. Они молчали, когда русских солдат, мужиков и рабочих с помощью самого дикого террора гнали на войну в интересах капитала Антанты. Они молчали, когда правительство Керенского бросало в темницы революционных крестьян, организовавшихся для того, чтобы отобрать землю у помещиков, когда оно рассылало против этих крестьян карательные экспедиции на защиту помещиков, когда оно строжайшим образом преследовало тысячи рабочих за большевистскую пропаганду. Абсолютную безнравственность терроризма эти апостолы нравственности разглядели только тогда, когда возник вопрос о том, должен ли пролетариат зубами и когтями защищать свою власть, возможность своего освобождения. Тут-то эти марксисты, которые до сих пор проповедывали пролетариату, что абсолютных истин, абсолютных нравственных законов вообще не существует, впервые надумали, что пролетариат только имеет право на победу, когда он может победить без чело-

веческих жертв. Если они так заботятся о человеческих жизнях, то почему они видят только жертвы чрезвычайных комиссий, а не замечают тех масс, которые должны голодать из-за того, что русская буржуазия с помощью капитала Антанты взрывает железнодорожные мосты, чтобы дезорганизовать транспорт, ибо русская буржуазия предпринимает наступления на Советскую Россию даже в том случае, если они совершенно безнадежны в военном отношении, только для того, чтобы уничтожить посевы и принудить голодом народные массы к капитуляции. Но если обвинения в безнравственности, которые бросают „нравственные" Каутские, Гильфердинги, Ледебуры молодому, борющемуся рабочему классу, бессмысленны, то это еще не исчерпывает проблемы терроризма, его перспектив и целей.

Не подлежит сомнению, что даже сильнейший террор не мог бы надолго спасти русскую революцию, если бы капитализм победоносно преодолел военный кризис и укрепился. Тогда контр-революция могла бы добиться своего, по-просту заставляя Советскую Россию производить только на военные надобности. Если Советская республика в более или менее близком будущем не переведет свою промышленность на мирное положение, чтобы получить от крестьян продовольствие в обмен на товары, то ясно, что слабый слой рабочего класса, в конце-концов, исчезнет и изойдет кровью даже в победоносных походах. Но эта возможность должна была бы для каждого западного социалиста, для которого слово „социализм" не является пустым звуком, стать стимулом величайшего напряжения своих усилий, дабы встряхнуть европейский рабочий класс и повести его на борьбу против капитализма, а вовсе не привести к тому, чтобы требовать от русских революционеров сдачи контр-революции оружия во имя человеческих прав. Ибо если Каутский еще в своей прошлогодней брошюре о „Демократии и диктатуре" высказывал надежду, что демократия сменит в России большевистскую диктатуру, то теперь не только русским меньшевикам, но даже их тупым европейским товарищам, тем же самым Каутским и Рудольфам Гильфердингам, стало ясно, что если русская рабочая диктатура со своим террором будет сломлена, то на ее место придет не демократия, а белый

террор Колчака и Деникина. Вынужденные выбирать между пролетарской диктатурой с терроризмом и голым терроризмом белой диктатуры, они умоляют пролетариат: будь кроток, услужлив и добр,—и обещают поставить русскому пролетариату надгробный памятник, на котором будет значиться: „Пал, предательски умерщвленный белым террором, потому что был благороден и следовал голосу человечности, питался преимущественно растительной пищей, которую изредка дополнял мелкими животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неоперившимися птенцами. Он не умертвил ни одного млекопитающего, чтобы пожрать его. Он остался верен нашим отдаленным предкам, обезьянам. Слава его памяти!"

Но русский пролетариат не послушается этих советов,—и единственная их хорошая сторона заключается в том, что благодаря им пролетариат в последнем Гильфердинге и Ледебуре научится распознавать Шейдемана.

6. Или—или.

Какое значение имеет вопрос о терроризме для западноевропейского рабочего класса? Каутский, Отто Бауэр, Гильфердинг стремятся объяснить терроризм, который они замечают только в русской рабочей революции, тем обстоятельством, что рабочий класс в России является в процентном отношении только очень незначительной частью населения. Только поэтому, говорят они, ему приходится держаться насильственными мерами. А европейскому пролетариату не пришлось бы прибегать к таким мерам, потому что он представляет большинство населения. Выступают же против большевистского террора они только потому, что взяли на себя обязательство омыть социалистический щит от всей той крови, которою его запятнал большевизм; но усердие, проявляемое всеми этими Каутскими, Штребелями, Гильфердингами и Ледебурами в этом вопросе, показывает, что здесь речь идет не только о том, могут ли эти великие представители социализма взять на себя ответственность за бедную, маленькую русскую революцию. Когда русская рабочая революция

победила в ноябре 1917 года, когда перед пролетариями всего мира от Берлина и Вены до Нью-Йорка и Сан Франциско взвилось советское знамя, как знамя их будущей борьбы и победы, тогда первый бой колеблющихся элементов социализма был дан идее пролетарской диктатуры. Штребели и Каутские на перегонку с открытыми лакеями буржуазии стремились уговорить пролетариат, что Маркс понимал под диктатурой не что иное, как господство пролетариата, начавшееся после того, как он нотариальным порядком установил, что большинство населения стоит на стороне социализма. И то только после того, как он взял на себя юридическое обязательство вознаграждать бравую буржуазию до второго поколения за то, что у нее было отнято прирожденное право на эксплоатацию, и не иначе, как обеспечив ей, кроме пожизненной ренты, еще приятную возможность организовываться под знаменем демократии против пролетариата. Но всетаки идея рабочей диктатуры овладела рабочим классом Западной Европы, завоевала все большие массы пролетариата, не только благодаря влиянию борьбы русской Советской республики, к которой стремились сердца пролетариев всего мира, но в первую линию благодаря тому опыту, который рабочий класс всех стран проделал с буржуазной диктатурой. После того, как германские рабочие в ноябре 1918 г. позволили провести себя за нос Гаазе, Штребелям, Гильфердингам, Дитманам, Каутским, которые выдали доставшуюся им власть буржуазии, они быстро познали буржуазных демократов по делам их. Между Национальным Собранием и Советами не существует принципиального противоречия,—утверждал вожак независимых Гаазе на первом конгрессе Советов, и защищал созыв Национального Собрания. Буржуазия показала пролетариату, что ему приходится выбирать между „или—или“. Чтобы получить в свои руки действительную власть, чтобы превратить Национальное Собрание в увенчание действительно буржуазной власти, буржуазия приступила немедленно после конгресса к удушению рабочих, лишению рабочих советов прав, разоружению пролетариата. В период от января до марта вера пролетариата в чудотворную силу демократии и Национального Собрания разлетелась, как дым, и он начал бурно высказы-

ваться в пользу диктатуры и советской власти. С величайшим трудом Гаазе и Гильфердингу удалось на мартовском съезде независимой германской социал-демократии уверить рабочих о том, что с помощью давления на буржуазию в буржуазном Национальном Собрании можно будет если не добиться Советской власти, то, по крайней мере, участием рабочих в правительстве обеспечить им политическую инициативу. Принципиальные противники советов не решались уже показываться в рядах независимой социал-демократии. Только в буржуазных газетах и в книгах, издаваемых буржуазными издателями, Каутские и Штребели осмеливаются выступать против идеи пролетарской диктатуры. Но с каждым днем положение в партии становилось для них все безнадежнее, и врагам пролетарской диктатуры ничего другого не осталось, как отступить на другие позиции, концентрироваться на лозунге диктатуры, которая вовсе не есть диктатура!

Сигнал подал Рудольф Гильфердинг, старый „советчик" Шейдемана—Эберта, радикал в теории, вышедший из австрийской школы компромиссов, человек половинчатых истин и законченной лжи. Он высказался на сентябрьской конференции независимых за диктатуру, но за такую диктатуру, которая и пальцем не тронет буржуазии, которая является лезвием без клинка, одним словом он высказался за диктатуру, принципиально отвергающую террор. Он объявил, что терроризм не только должен быть отвергнут с этической точки зрения, но и вовсе излишен в Западной Европе, где рабочий класс является большинством и может достигнуть власти и укрепить ее без всякого насилия. Все темные оппортунистические элементы уцепились за эту лазейку. Она стала якорем спасения для тех слоев независимой партии, которые благодаря своему социальному положению не в состоянии окончательно разорвать с буржуазией, отчасти же привыкли уже к безмятежному житию парламентского вождя, протестующего и демонстрирующего, но не подвергающего себя риску. За этот якорь уцепились все те элементы, которые пришли к социализму вследствие банкротства буржуазной демократии. Лозунг диктатуры без терроризма стал одновременно лозунгом политиче-

ских дельцов и гуманитарно-демократических иллюзионистов. Никто из них не мог без оговорок стать на точку зрения пролетариата и участвовать в его борьбе, считаясь только с требованиями положения, не ставя истории никаких условий, не переругиваясь с ней, не убеждая ее в том, что она должна позволить пролетариату пройти сквозь море капиталистической грязи и крови, оставшись притом чистым и незапятнанным, как Антигона. Лозунг „диктатуры без терроризма" есть последнее прибежище буржуазии.

Прежде всего: каким образом мы придем к государственной власти? Сможем ли мы точно установить, что за нас — большинство населения, даже в том случае, если оно будет за нас? Несомненно, что это нам не удастся; когда для пролетариата приходит время объявить свое господство, то это выражается в обостренных революционных битвах, в которых и буржуазия и пролетариат разрушают демократическую форму, напрягая все силы в борьбе. Приходу пролетарской диктатуры буржуазия противопоставит белый террор. Она закроет рабочую печать, распустит рабочие организации, попытается вызвать пролетариат на преждевременные выступления, чтобы раздавить его. Почти невероятно, чтобы можно было с помощью каких-нибудь выборов установить, на чьей стороне большинство. Точно так же очень сомнительно, чтобы сознательно стремящийся к власти пролетариат когда-либо до захвата власти имел позади себя большинство населения. Пока существует капитализм, рабочие находятся под влиянием не только буржуазной печати и школы, под влиянием привитых предрассудков, но и под влиянием и гипнозом буржуазной мощи. Наиболее угнетенные или духовно наименее развитые элементы рабочего класса освобождаются от этого влияния только в процессе революции. Значительному большинству пролетариата вера в свои способности к власти, в свои силы приходит только с первыми действиями революционного рабочего правительства, вырастает из их собственной борьбы, собственного опыта. Но даже если бы вокруг коммунистического авангарда и собралось большинство, которое можно было бы установить

математически, то и тогда не пришлось бы надеяться на то, что буржуазия подчинится большинству. Буржуазия вообще не подчинится, ее надо подчинить. Пока на-ряду с социалистическими будут существовать капиталистические государства, буржуазия будет постоянно обольщать себя надеждой еще раз победить пролетариат; однажды разбитая, она будет сызнова организовывать сопротивление. Пока процесс революции не закончен, пока социалистический порядок не заступил место капиталистического разложения, пока наглядные примеры не убедили массы в благотворности новой власти, буржуазия будет находить в колеблющихся частях пролетариата и мелкой буржуазии элементы, которые можно уговорить в том, что под господством буржуазии они избавятся от всех тягот и суровостей периода борьбы. На Западе, в капиталистически развитых странах, где буржуазия лучше всего организована, где она имеет в рабочей аристократии гораздо более широкую опору, чем в России, бои за власть примут, вероятно, гораздо более ожесточенный характер, чем в России; гораздо более значительной мощи буржуазии пролетариат с своей стороны должен будет противопоставить гораздо более значительную силу.

При таких обстоятельствах болтать о диктатуре без терроризма значит только усыплять массы. Это поведет единственно к тому, что они пойдут в бой, не сознавая опасности, и тем легче падут жертвой буржуазии. Нельзя утешать себя тем, что рабочая масса не сантиментальна и сумеет ответить на суровые факты столь же непреложными фактами. Рабочий класс, как всякий класс, стремящийся вперед, представляющий будущее и олицетворяющий стремление ко всему великому и прекрасному, от природы великодушен, его легко усыпить, в особенности если сонный порошок ему преподносят люди, пользующиеся его доверием, выдающие себя за сторонников диктатуры. Рабочему классу угрожает опасность, что он достигнет власти через махинации людей, которые никоим образом не сожгли своих кораблей, которые ослеплены честными и доброде-

тельными чувствами и которые будут некоторое время воздерживаться от применения насилия даже там, где оно необходимо. И тогда рабочему классу придется наверстывать потерянное с несравненно большими жертвами.

Да, пролетариату угрожает опасность даже больших временных неудач, вызванных махинациями различных ненадежных вождей. Кто знает историю венгерского, а также мюнхенского советского правительства, тот знает, какую роковую роль сыграли в их падении лирические юноши (юноши независимо от различия в возрасте); и поэтому влияние, оказываемое книгой Каутского на некоторую часть независимых вождей, является предостерегающим сигналом. Оно предостерегает пролетариат от доверия бумажным заверениям в преданности. Независимые рабочие массы знают, что недостаточно вырвать у вождей признание диктатуры: необходимо на узловых пунктах пролетарской железнодорожной сети расставить представителей революционного пролетариата, взор которых не ошибется, рука которых не задрожит. Советская диктатура с вождями, которые внутренне не окончательно порвали с капиталистическим миром, не готовы сделать все, чего потребует необходимость, такая диктатура будет только призрачной диктатурой, т.-е. верным поражением. Пролетариат не жаждет крови, он знает из исторического опыта, что насилие и террор нигде и никогда не создавали новых производственных отношений, если почва для них не расчищена экономическим развитием. Пролетариат знает, что насилие не добывает ни угля, ни хлеба, не строит железных дорог, что для этого нужен добровольный труд миллионов людей; но вместе с тем пролетариат знает, что если он хочет спуститься в шахты, чтобы извлечь оттуда уголь для своих жилищ и заводов, то он должен предварительно отвоевать их в тяжелой революционной борьбе, стоять перед ними на страже с мечом в руке, чтобы их не разрушили белогвардейские банды. Пролетариат знает, что он не заставит насилием крестьян возделывать свои поля, что это случится только тогда, когда крестьянин убедится в том, что при

господстве пролетариата ему лучше живется, чем при господстве буржуазии. Но сначала нужно разгромом буржуазии показать крестьянам, что не она одна только способна господствовать. А чтобы добиться этого, придется зачастую воевать не только с буржуазией, но и с зажиточным крестьянством. Кто изучал историю революции не по книгам Каутского, а по первоисточникам,—пусть даже реакционным и буржуазным,—тот без оговорок согласится с Ранке, замечающим в своей истории английской революции, что великое свершается только с помощью непреклонной воли. Роль терроризма и насилия в революции заключалась в том, что революционный класс даже в часы величайшей опасности ни перед чем не останавливался, дабы осуществить свою волю и удержаться вопреки всем штурмующим ветрам.

Эту волю рабочий класс приобретает только после длительного опыта, многочисленных битв, после поражений и побед. Как подчиненный класс, происходящий от угнетенных народных слоев докапиталистического периода истории, как класс, в чьих жилах течет кровь людей, веками подчинявшихся чужой воле, рабочий класс не обладает еще той железной решимостью к власти, которая в столь значительной степени характеризует, напр., прусских юнкеров или английскую буржуазию.

Тем острее нужно бороться против всех элементов, которые разлагают и пугают его энергию своими колебаниями. Диктатура с терроризмом не есть для пролетариата, стремящегося к всеобщему равенству людей, влечение сердца, не есть свободно выбранная тактика. Он откажется от нее, как только это позволят обстоятельства. В процессе социалистической революции ему постоянно сызнова придется задаваться вопросом: нельзя ли привлечь к власти ту или иную часть буржуазии, нельзя ли расширить круг равноправных граждан, и он встретит радостным колокольным звоном тот день, когда упадут все цепи, когда можно будет положить конец всякому угнетению, когда будет позабыто позорное пятно порабощения человека человеком. И этот новый день свободного равноправного общества братьев придет тем скорее, чем большим будет теперь круг интеллигентов, по-

нимающих, что господства буржуазии уже нельзя спасти, что надобно решительно стать на сторону новой жизни. Чем большую помощь рабочие массы получат от умственных работников, тем легче пойдет организация новой жизни, тем труднее будет бороться с нею контр-революционным силам, тем незначительнеее будет необходимость в террористических мерах против них. Колеблющаяся политика пролетариата только усилит эту необходимость. Политика пролетариата в этом вопросе предвосхищена известным изречением чартистов: мы идем к нашей цели мирно, если это возможно,—насильственно, если это необходимо. Исторический опыт говорит пролетариату, что насилие будет необходимо; от буржуазии зависит теперь показать, что этот опыт нуждается в поправках.

Ноябрь 1919 г.

III. История одной бунтарской попытки.

(К кризису коммунистической партии в Немецкой Австрии).

1. „Разоблачения" Беттельгейма.

Для каждого, кто наблюдал за ходом коммунистического движения в Немецкой Австрии за последние несколько месяцев (даже если ему приходилось ограничиваться одними только сообщениями газет), должно было быть ясно, что движение это переживает серьезный кризис. Уже с первых дней венгерской пролетарской революции делались в Вене попытки вызвать бунтарскую вспышку, при чем инициаторы этого плана исходили из того глубоко-ошибочного предположения, что этим может быть оказана поддержка Венгерской Советской республике. Для достижения своей цели они направо и налево разбрасывали громадные денежные суммы, что действовало, конечно, лишь разлагающе на австрийское коммунистическое движение. Эта тактика неизбежно вела к тому, что от движения отходили все товарищи, не желавшие ни в каком случае нести ответственность за разложение партии и в то же время считавшие невозможным, в виду затруднительного положения Советской республики в Венгрии, открыто выступить против ее агентов. В результате в коммунистическом движении Немецкой Австрии, после крушения Венгерской Советской республики, создалась тяжелая атмосфера взаимных обвинений, политического и чисто-личного характера, вызвавшая уход из партии еще целого ряда товарищей и тормозившая работу остальных. Благодаря стараниям руководящих деятелей и вмешательству других организаций Коммунистического Интернационала, удалось очи-

стить атмосферу настолько, что отныне можно было надеяться на возможность совместной работы представителей различных течений в австрийской партии. Дальнейшие трудности возникли, однако, вследствие невозможности открытого обсуждения того, что удалось выяснить в интимном кругу; приходилось, кроме того, считаться с теми венгерскими товарищами, которые, подобно д-ру Беттельгейму, играли во время кризиса выдающуюся роль и затем были арестованы в Вене. Эти трудности в настоящее время устранены. Д-р Фридрих Адлер опубликовал в венском „Kampf"'е от 4 октября взятую у Беттельгейма при аресте рукопись, в которой излагается ход этих событий; этим он желал, по его словам, бросить луч света на „болото, именующее себя коммунистической партией". Мы можем быть только благодарны Фридриху Адлеру за этот шаг, хотя ему, некогда изобличавшему подлость и продажность, господствовавшие в австрийской социал-демократии (см., например, его обвинительную речь в редактированном им берлинском издании протоколов его процесса), более подобало бы заняться тем „болотом", в котором теперь, после коалиции с антисемитами, без сомнения еще глубже, чем в 1916 г., погрязла австрийская социал-демократия. Но, как уже сказано, мы можем быть только благодарны Беттельгейму и Адлеру за то, что они сделали возможным открытое обсуждение вопроса. Эту возможность мы и намерены использовать теперь.

2. Возникновение коммунистической партии в Немецкой Австрии.

Чтобы как следует понять кризис, с полной ясностью обнаружившийся в мае—августе, необходимо иметь в виду, что австрийская коммунистическая партия значительно слабее германской. В Германии еще до войны существовало в социал-демократии левое, радикальное направление, выработавшее в борьбе против явного и тайного оппортунизма (направление Каутского-Гаазе) принципиальные основы для будущей германской коммунистической партии. Во время войны это направление углубило свою идеологию, при-

обрело среди исключительных трудностей и с величайшими жертвами целые кадры новых приверженцев и создало нелегальные организации, которые после войны стали легальными и быстро охватили широкие массы. Раскол в германской социал-демократии, происшедший в 1917 г., облегчил эту работу. Основание самостоятельной коммунистической партии в Германии в декабре 1918 г. явилось результатом восьмилетней идейной и четырехлетней организационной деятельности многих сотен выдающихся товарищей. Между тем, в Немецкой Австрии до войны вообще не существовало марксистской оппозиции в социал-демократии. За исключением Иосифа Штрассера, все австрийские марксисты с Отто Бауэром и Фридрихом Адлером во главе считали своей задачей не борьбу с оппортунизмом, а теоретическое объяснение его. То обстоятельство, что в Немецкой Австрии партии не пришлось голосовать за военные кредиты, так как австрийский парламент вообще не был созван, дало заправилам австрийской социал-демократической партии,—имевшим в лице Виктора Адлера вождя с большим и вполне заслуженным моральным авторитетом, а в лице Реннера искусного политического руководителя,—возможность затушевать и спутать существовавшие в партии противоречия. Насколько слабою чувствовала себя возникшая во время войны в австрийской партии умеренная оппозиция — это лучше всего обнаружило покушение Фрица Адлера, схватившегося за револьвер только потому, что он знал, что за ним не стоят широкие массы, и чувствовал себя неспособным к политическому выступлению. Возникшая во время войны и сгруппировавшаяся вокруг товарища Франца Коричонера левая радикальная оппозиция насчитывала только нескольких последователей.

Когда разразилась революция, элементы, объединившиеся вскоре в коммунистическую партию Немецкой Австрии, составляли очень незначительную группу очень юных интеллигентов, которые под влиянием войны прониклись революционно-пролетарскими тенденциями, но были при этом чужды какого бы то ни было политического опыта; к ним присоединились вернувшиеся из России военнопленные, которые, разумеется, были весьма

плохо осведомлены о положении дел в Австрии. Ясно, что партия, составившаяся из таких элементов и не выросшая органически, не могла в течение короткого времени сделаться центром революционных стремлений, возникших в пролетариате тогда, когда австрийская социал-демократия во главе с Реннером и Зейтцом и при содействии Фрица Адлера (во время революции он оказался самым мирным мелким буржуа, только в 1916 г., под влиянием войны, потерявшим самообладание) заключила союз с буржуазией. Молодая австрийская коммунистическая партия неизбежно должна была наделать много ошибок, прежде чем найти верный путь в борьбе. Коммунистическая политика—не простое применение изобретенных и патентованных в Москве принципов; она состоит в руководстве революционной массовой борьбой, условия которой во многом различны в различных странах. Только обогатившись опытом своей стихийной борьбы и научившись делать правильные выводы из этого опыта, рабочие массы могут проложить себе путь к коммунизму. Чем образованнее и опытнее передовые борцы пролетариата, тем скорее они учитывают значение этого опыта и тем успешнее помогают они пролетариату ориентироваться в нем. Коммунистическая партия в Немецкой Австрии—при молодости личного состава ее вождей—могла в первые месяцы своего существования сделать только первые робкие шаги по пути пропаганды и организации. Она не могла предвидеть, как длинен будет путь к цели и как он будет извилист. Бурный характер движения в Германии в течение времени с января по апрель, забастовки в Англии,—все это казалось им несомненным признаком скорой победы мировой революции; с настроением, созданным этими надеждами, совпало также провозглашение Венгерской и вскоре затем и Мюнхенской Советской республики.

3. Венгерская бунтарская тактика в Вене.

Революционные рабочие Вены—не только коммунисты, но и социал-демократы—были весьма наэлектризованы событиями в Венгрии и в Баварии. Вожди коммунистов считали себя обязанными вести самую энергичную агитацию в пользу

провозглашения Советской республики. Они были совершенно правы, возражая социал-демократам, что установление Советской республики в Вене расширит поле борьбы и тем самым даст возможность справиться с принявшими тогда весьма серьезный характер продовольственными затруднениями в Вене, которые служили для Адлера и его последователей главным доводом против учреждения Советской республики в Немецкой Австрии. Провозглашение Немецко-Австрийской Советской республики означало бы вовсе не одну только необходимость прокормить большее количество людей, о чем кричали социал-демократы, но присоединило бы к пылкому венгерскому пролетариату сотни тысяч прошедших организационную выучку австрийских рабочих; это, конечно, значительно увеличило бы военную силу союзных советских республик и дало бы им возможность занять богатые хлебом территории Венгрии. Победа венгерского и немецкого пролетариата Австрии, несомненно, вызвала бы отклики в среде чешских рабочих и отрезвляющее подействовала бы на Антанту, совершенно изменив то положение, которое получилось при изолированности Будапешта. Поэтому коммунисты Немецкой Австрии только исполняли свой долг, напрягая все усилия к тому, чтобы побудить австрийский пролетариат к провозглашению диктатуры советов.

„Реалисты" во главе с Фрицем Адлером и Бауэром, всячески предостерегавшие пролетариат от этого „эксперимента", на деле предавали пролетариат и помогали Реннерам и Элленбогенам головой выдать его буржуазии; и если теперь пролетариат окончательно продан буржуазии теми же Реннерами и Элленбогенами,—то это результат их тактики уклонения от всякой борьбы. Их—Реннера и Элленбогена—постигла та же судьба, что и Гаазе, и Дитмана,—их родных братьев по духу. Но агитация за советскую диктатуру казалась части венгерских товарищей слишком недостаточной помощью со стороны австрийского пролетариата. Надо иметь в виду, что и в Венгрии коммунистическая партия располагала лишь весьма небольшим кадром опытных и образованных вождей, что после ее легкой победы ей пришлось заместить многие важные посты совершенно неопыт-

ными товарищами,—не говоря уже о том, что в ней было много авантюристских элементов, которые присоединились к ней лишь потому, что она оказалась победительницей. Весьма трудно теперь установить, в какой мере в иностранной пропаганде Венгерской Советской республики принимали участие люди неопытные, авантюристы и те шакалы, которые всегда рыскают на полях битв после сражения. Факт тот, что эти элементы вели в Вене деятельную агитацию, толкая молодую австрийскую коммунистическую партию на бунтарское выступление. В середине мая в Вену прибыл в качестве венгерского эмиссара д-р Беттельгейм. Он разыгрывал из себя уполномоченного Третьего Интернационала, который якобы поручил ему возможно скорее провозгласить в Немецкой Австрии советскую республику. В действительности же Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала знал о Беттельгейме—человеке до тех пор совершенно чуждом движению—столько же, сколько Беттельгейм знал о Коммунистическом Интернационале, т.-е. ровно ничего. Нам неизвестно, сам ли д-р Беттельгейм изобрел басню об этом фантастическом поручении, с тем чтобы легче воздействовать на неопытных венских товарищей, или же какое-либо из учреждений Венгерской Советской республики сознательно ввело его в заблуждение, желая придать ему больше смелости для выполнения задуманного в Венгрии плана [1]). Во всяком случае „московские мандаты" д-ра Беттельгейма,—продукт фантазии молодого товарища, не имеющего никакого представления о коммунизме, или же мошеннический маневр авантюриста. Никогда русская коммунистическая партия—ни до основания Коммунистического Интернационала ни после него—не давала ни одному товарищу мандата отправиться в определенную страну и там в определенный момент

---

[1]) Теперь известно, что т. Беттельгейм очень неопытный, но честный молодой коммунист был введен в заблуждение на счет мандата Коминтерна командировавшим его в Вену руководителем пропаганды Венгерского совправительства.

провозгласить советскую республику. Если русские товарищи, долго работавшие в других странах, или же товарищи из этих стран, проживавшие в России в качестве военнопленных, отправлялись из России для революционной работы в Австрию, Германию, Францию или какую-либо другую страну, то русская коммунистическая партия, разумеется, поддерживала их материально,—эта поддержка бывала обычно весьма скромной,—как не отказывала она в помощи и иностранным социалистическим группам и партиям, которые обращались к ней за такой помощью. Единственная сама собою разумевшаяся компенсация со стороны этих товарищей состояла в распространении коммунистических идей и правильных сведений о ходе русской революции. Русская коммунистическая партия и руководимый ею Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала никогда не обольщались мыслью, будто они из Москвы могут руководить конкретной политикой заграничных коммунистических партий, работающих в водовороте своего собственного, заграничного движения. Пишущий эти строки, до декабря 1918 года руководивший иностранной пропагандой большевиков—в своих переговорах с германскими, венгерскими, чешскими и юго-славянскими коммунистами, нелегально посетившими в октябре 1918 года, между прочим, и Австро-Венгрию, от имени русской коммунистической партии категорически предостерегал их от простого копирования русских образцов в начальной стадии австро-венгерской революции; даже отношение к Национальному Собранию он советовал видоизменять в зависимости от условий места и времени, и от той стадии, которой достигло уже движение.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, руководимый такими осторожными тактиками, как Ленин, Зиновьев и Троцкий, последовательными марксистами, работающими в партии долгие годы, и не мог, конечно, рекомендовать никакой иной политики. Русская коммунистическая партия знает, что окончательная победа русской революции возможна только в случае победы революции мировой. Мировая же революция может развиться только как движение, которое в каждой стране творят ее собственные пролетарские массы, а не какие-либо „эмиссары“. Если пролетарская рево-

люция за границей в более или менее близком будущем не разовьется настолько, чтобы победить империализм Антанты, то советская республика в России может истечь кровью; ибо оборонительная война против Антанты парализует все ее силы, направленные на экономическую реорганизацию общества. Такая именно участь постигла Советскую Венгрию с ее слишком узким базисом. Но сознание этой опасности не мешает нам отдавать себе отчет в том, что угрожаемым советским республикам может помочь только развитие пролетарской революции, а не искусственно вызванные бунтарские вспышки; такие вспышки только ослабляют движение в других странах, а стало быть и в Советской России и других революционных центрах, и компрометируют идею коммунизма вообще. Если бы в Немецкой Австрии пролетариат в большинстве своем воспринял и осуществил идею диктатуры Советов, это усилило бы советскую республику в Венгрии. Но если бы австрийская коммунистическая партия, путем бунтарской вспышки, захватила „власть,"—что при слабости правительства в Австрии отнюдь не было невозможно,—не имея за собою при этом большинства пролетариата, то эта „победа" только ослабила бы советскую республику в Венгрии. Австрийская советская республика вовсе и не была бы в таком случае советской, ибо Советы были против ее провозглашения. Против нее были и профессиональные союзы,—на кого же она могла бы опереться? Вынужденная прибегнуть к содействию случайно-набранной красной гвардии и вести борьбу против большинства рабочего класса,—откуда она могла бы почерпнуть силы еще и для помощи Советской Венгрии? Это простое соображение должно было с достаточной убедительностью доказать все безумие бунтарской тактики всем тем, кто знает о советской республике не только по наслышке. Но именно с таким печальным незнанием мы имеем здесь дело,—Мессия будапештского бюро пропаганды не имеет ни малейшего представления о коммунизме; это доказывает каждое слово в его нападках на коммунистическую партию Немецкой Австрии.

4. Бунтарская вспышка 15-го июня.

Вот что сообщает Беттельгейм о силе коммунистической партии в середине мая, когда он со своим фантастическим мандатом в кармане прибыл в Вену. Центральный Комитет Партии не мог сослаться ни на одно сколько-нибудь значительное выступление—ниже мы увидим, что этот наивный человек понимает под словом „выступление“,—не мог похвастать ни одним мало-мальски крупным успехом. Комитет не знал состава партии, числа работающих в отдельных предприятиях товарищей, не мог созвать уполномоченных от отдельных предприятий. В организации совершенно не было агитаторов, и систематическая партийная работа не велась. Огромная масса безработных оставалась вне всякой организации, связи с деревней были запущены. Из этого положения вещей всякий здравомыслящий человек мог бы сделать только один, весьма простой вывод.—It is a long way to Tipperary. Вся работа еще впереди: необходимо организовать партию, проникнуть в предприятия и положить в них начало организации, установить связи с деревней, энергично повести дело пропаганды, использовать всякое явление социально-политической жизни для выступлений, которые мобилизовали бы рабочий класс, организовали его и постепенно вывели бы его на поле битвы. Но мессии и пророки, как известно, не пашут и не сеют, у них есть волшебная палочка, которой они творят чудеса. Правда, д-р Беттельгейм, бывший только лжепророком, мог творить только лже-чудеса. Вместо того, чтобы организовать партию, он дезорганизует ее, распуская ее руководящий центр и назначая „директорию“. Как подобает чудотворцу, он хочет жать там, где не сеял, и решает именно 15 июня—стало-быть ровно по истечении месяца своего столь обильного успехами пребывания в Вене—освободить пролетариат от капиталистического ига, провозгласив советскую республику. С чем-нибудь более скромным он никак не мог примириться, ибо—„под выступлением я понимаю провозглашение советской республики“,—пишет он дословно в своем воистину замечательном труде. Пока-что д-р Беттельгейм сделал только

одно: вытеснил из руководящего центра партии Иосифа Штрассера, самого дельного австрийского коммуниста, и назначил „директорию". Этого, однако, было достаточно. Дело стало быстро подвигаться вперед. „В предприятиях стали возникать организации; в казармах начались крупные волнения; безработные, мобилизованные солдаты, инвалиды стали устраивать демонстрации. Сила пролетарской революции прорвалась наружу, как по волшебству, и в Вене и в деревне с такой силой, что вполне можно было рассчитывать на успешное провозглашение советской республики только 15 июня". „Как велика была сила пролетарской революции", — это мы сейчас увидим. То поистине чудесное явление, что доктор Беттельгейм мог заранее предвидеть день революции, — легко объяснимо: как он сам сообщает, она была попросту назначена именно на этот день, и даже были установлены все подробности задуманной революции. Словом, 15 июня должна была произойти форменная бунтарская вспышка. Не было ничего сверхъестественного и в тех чудотворных средствах, благодаря которым перед назначенным выступлением вдруг проявилась организованность, начались многочисленные волнения и проч. Д-р Беттельгейм наводнил Вену целым отрядом агитаторов, широко разбрасывавших деньги и по всем правилам искусства подготовлявших „выступление". Последнее было назначено на 15-е, но накануне этого дня, 14-го июня, директория была арестована. (Беттельгейм утверждает,—совершенно впрочем голословно,—что она была арестована по собственной просьбе).

В тот же день безработные и демобилизованные солдаты устроили демонстрацию, требуя освобождения вождей. Были при этом и убитые. Почему же „пролетарская революция" не победила? Пролетариат освобождает своих вождей и требует, чтобы они фактически осуществили революцию. „Вызванная, как по волшебству" пролетарская революция предъявляет своим вождям требование: „Вы меня вызвали, вы же должны довести дело до конца". Революция должна быть осуществлена Томаном, Коричонером,—иначе ничего не выйдет. Старое воззрение, что рабочий класс может только сам себя освободить, превращено новоиспеченными

„коммунистами“ в лозунг: „пролетариат может быть освобожден и спасен только своими вождями“. Здесь с полной очевидностью выясняется близость Беттельгеймов к антиподам Реннерам; последние „спасают“ пролетариат, как нищие выпрашивая хлеб для голодающих; — Беттельгеймы спасают его, „провозглашая“ республику. В первом случае пролетарии должны оставаться спокойными, во-втором — действовать по команде руководителей, но и в том и в другом случае они—статисты. Спасители—только вожди. Но здесь начинается совершенная оперетка: „вожди“, избранные Беттельгеймом для спасения пролетариата, отказываются выступить. Вожди обещали осуществить революцию, но сами себе не доверяли до такой степени, что не решались даже появиться перед массой. У них пропало всякое желание освободить пролетариат. Вот уже поистине гадкие люди — могли освободить пролетариат и не захотели. Но в Вене пребывал 15-го д-р Беттельгейм, посланный, по его собственному утверждению, Интернационалом в Вену с миссией проложить путь господству пролетариата. Почему же он не выполнил своей миссии и не освободил пролетариат? Чтобы он не доверял своим собственным силам,—этого никак нельзя предположить: этот отважный деятель до нелепости верил в свои силы. Он „воздержался, правда, от освобождения пролетариата“ из опасения, что деятели венской революции, которые не знают, что революция вызвана „по волшебству“, могут заявить ему: „Простите, г-н Беттельгейм, мы вас не знаем, и вы нас освободить не можете“. Эти „разоблачения“ Беттельгейма были бы поистине смехотворны, если бы затеянная им история не потребовала человеческих жертв. Сам Беттельгейм отчасти, впрочем, искупил свою вину, сочинив свои разоблачения и тем—против своей воли—разъяснив для всякого здравомыслящего рабочего всю беспочвенность и бессмысленность тактики бунтарских вспышек. Сам он, однако, и после опыта 15-го июня не уяснил себе недопустимости такой тактики,—и надо думать, что мы имеем дело с неизлечимо больным Ринальдо Ринальдини. Но рабочие-коммунисты, ведь, не душевно-больные, и, благодаря разоблачениям Беттельгейма, они, без сомнения, проникнутся самым глубоким недоверием к гнилому бунтар-

скому чудотворчеству. Составлявшие передовой отряд австрийского пролетариата коммунисты поставили в июньские дни крест над беттельгеймовской тактикой бунтарских вспышек. Они не позволили увлечь себя на путь авантюры „провозглашения" Советской Республики. Теперь их задача состоит в том, чтобы не только уяснить себе недопустимость бунтарских вспышек, но и на практике искоренить самую тенденцию к таким вспышкам.

5. Тактика коммунизма и социал-демократическая борьба.

Ясно, однако, что с кризисами в движении следует бороться не историческими изысканиями, как бы плодотворны они ни были сами по себе, а активными выступлениями пролетариата. Речь идет, конечно, не о беттельгеймовских „провозглашениях", а об упорной организационной работе, о создании соответственных объединений и о повседневной массовой борьбе против все растущей нужды,—борьбе, которая будет содействовать накоплению скрытой энергии в австрийском пролетариате до наступления того дня, когда провозглашение Советской Республики будет уже не бунтарской вспышкой, а действительным выражением того, что создала сама жизнь. Адлер, бьющийся в сетях Реннера, хорошо знает, почему он выступает теперь против „болота" коммунистической партии. Он очутился теперь, после первого года революции, перед „разбитым корытом" своей политики, которая, впрочем, является не его политикой, а политикой его друзей, но за которую он также несет ответственность. Демократия, т.-е. „народовластие", оказалась на деле безудержным господством капитала Антанты. Законодательная „социализация" закончилась продажей итальянским капиталистам всего имущества альпийского горнозаводского о-ва, каковую сделку г-н Бауэр посыпал легким слоем социализации. Эту сделку можно было бы занести в архив Второго Интернационала с надписью: „Демократическая социализация народного достояния в Немецкой Австрии, или передача его капиталистам Антанты". Советам Рабочих Депутатов, которым Макс Адлер пел восторженные

гимны, готовится безболезненная смерть. А где причины всего этого? Ужасная нужда, которую эти господа предсказывали, как неизбежное последствие диктатуры Советов, и которой они хотели избежать путем коалиции с буржуазией,—имеется сейчас налицо, будучи результатом их жалкого страха перед всякой борьбой. Но рабочие массы не могут уклониться от борьбы. Им приходится терпеть голод и холод, и они непременно спросят: „Неужели же мы должны погибать без всякого сопротивления"? Массы будут бороться, они пойдут по нашему пути. Это знает и запутавшийся в сетях Адлер, и так как он чувствует себя не в силах выбраться из собственного болота, он принимается за разоблачение коммунистического болота. Но коммунистическая партия ничего не скрывала и ничего не будет скрывать. Она могла делать политические ошибки, так как она молода, и ей приходится искать новых путей. В ее блужданиях на нее могли попасть и отдельные брызги грязи. Но она сумеет смыть эту грязь,—ей принадлежит будущее, ибо она вступила на путь той борьбы, которая диктуется требованиями исторического момента. Болото—это застоявшаяся вода; мы же будем итти вперед вместе с бурным потоком пролетарской революции. Д-р Адлер бросил в нас бомбу с отравленными газами, от которых кое-кому может и не поздоровиться. Но мы, быстро перешагнув через эту отравленную волну, перейдем в наступление, и за нами последуют массы.

Сентябрь 1919 г.

IV. Чему нас учит венгерская революция.

Товарищ Бела-Шанто, один из народных комиссаров Венгрии, в своей брошюре рассказывает краткую историю захвата власти венгерским рабочим классом и историю ее падения. Эта первая аутентичная история заслуживает глубочайшего внимания с тем, чтобы все завоевания, сделанные венгерским пролетариатом в ожесточенной борьбе и искупленные величайшими страданиями, не пропали даром для пролетариата других стран. Одержанные им победы и понесенные им поражения имеют крупное значение не только для венгерского, но и для мирного пролетариата. Венгерская революция дает нам в первую очередь два существенных урока: она бросает свет на вопрос захвата власти и освещает вопрос наших взаимоотношений с другими рабочими партиями, которые, не будучи приверженцами коммунизма, силой обстоятельств будут вынуждены вместе с коммунистической партией захватить власть в свои руки.

Когда 21-го марта 1919 г. телеграф принес весть о захвате власти венгерским пролетариатом, некоторым западным коммунистам показалось, что венгерское советское правительство есть искусственный продукт соглашения коммунистической партии с социал-демократической, без борьбы пролетариата против буржуазии и, что рожденная без мук Советская Венгрия обречена на гибель, ибо лишь в борьбе пролетариат может развернуть свои силы, необходимые для поддержания Советского правительства. Этого взгляда придерживалась часть и немецкой коммунистической прессы, и когда венгерская республика была низвергнута, известные партийные круги усмотрели в этом подтверждение правильности

высказанных ими в марте опасений. Они ссылались при этом на одну фразу составленной Розы Люксембург программы Союза Спартаковцев, в которой говорится, что коммунистическая партия не должна захватить власть лишь по той причине, что шейдемановское правительство обанкротилось. Этот взгляд на происхождение венгерской Советской республики противоречил тем фактам, которые были известны уже в первые дни после ее рождения. Даже лица, не владеющие венгерским языком, как и пишущий эти строки, не будучи в состоянии проследить все фазисы борьбы в Венгрии, были обязаны знать, что захвату власти в Венгрии предшествовал период все более и более обостряющейся борьбы рабочего класса против социал-демократически-буржуазной коалиции. Это было подтверждено статьей Варга в „Венской Рабочей Газете", которая появилась сейчас же после установления Советской республики в Венгрии. И уже Кароли с своей стороны свидетельствует, что социал-демократически-буржуазное правительство вышло в отставку только по той причине, что оно стояло на пороге падения не только извне, но и изнутри. Брошюра Шанто дает детальную картину разложения буржуазной с.-д. коалиции и роста давления рабочего класса. Смешно смотреть на венгерское Советское правительство, как на простой результат партийного компромисса. Оно было результатом революционной классовой борьбы пролетариата. Кто на основании вышеупомянутых фактов возьмет на себя смелость утверждать, что создание советского правительства Венгрии есть лишь устрашающий пример, тот тупо повторяет фразу из брошюры: „Что хочет союз спартаковцев", в которой говорится, что коммунистическая партия не намеревается захватить власть только потому, что правительство Эберта-Шейдемана попало в тупик или изжилось. Эта фраза имела основание в декабре 1919 г., когда некоторые авантюристские элементы мечтали о быстром захвате власти, тогда как большинство рабочего класса оставалось в лагере шейдемановцев. Но врожденный диалектик Роза Люксембург, без сомнения, не пожелала бы, чтобы коммунисты повторяли эту фразу, как стих Корана.

Мысль о простом распаде буржуазно-социал-демократиче-

ской коалиции, мысль о положении, в котором процесс распада буржуазного строя не шел бы параллельно развитию пролетарских сил,—такая мысль лишена исторического основания. Капиталистический строй рушится, когда он перестает отвечать задачам капиталистического производства настолько, что с обнищанием масс растет и их революционность. Если при таких обстоятельствах коммунистическая партия не в состоянии духовно повлиять на массы, не в состоянии их спаять, не в состоянии сделать из них фактор для нового строительства, то это означало бы только, что коммунистическая партия, на самом деле, не существует. Если взять дословно фразу Розы Люксембург, то это будет только обозначать, что коммунистическая партия не может захватить власти даже при крушении капиталистического строя, если она не существует. Но для таких глубоко уходящих мыслей голова Розы Люксембург была слишком хороша. Цитированная фраза была только предостережением от попытки пожать, не посеяв, и отнюдь не исторический анализ, не историческая перспектива. Венгерские коммунисты сеяли, они боролись, организовывали, пропагандировали, и тот факт, что венгерская социал-демократия, когда она очутилась в безвыходном положени, вынуждена была обратиться к коммунистам, доказывает, что коммунисты представляли собой силу. Что же было делать коммунистам, когда распад буржуазно-социал-демократической коалиции был уже очевиден и когда буржуазные элементы вышли из коалиции, и социал-демократия обратилась к коммунистам с предложением образовать Советское правительство. Колоссальные трудности, которых венгерское Советское правительство ожидало извне и изнутри, были вполне ясны для венгерских коммунистов. Венгерские источники сырья, венгерские продовольственные склады находились в чужих руках, и венгерские коммунисты прекрасно знали, что им предстоит иметь дело с массой врагов. Бела Кун в своем письме к Игнатию Богар от 11-го марта 1919 г. пишет: „Как мне быть? Я с известным недоверием отношусь к событиям. Настоящее состояние международного рабочего движения принуждает меня к этому". Но если, несмотря на все это, венгерские коммунисты не бездейство-

вали, а взяли оружие в руки, то только потому, что они не были политическими резонерами, а революционерами. Марксистский анализ показывал им неимоверные трудности, которые их ожидали. Но тот же анализ говорил им, что вся Европа в полном разложении, что неизвестно, что даст им завтрашний день.

В статье, которую я писал в тюрьме при получении сообщения о падении советского строя в Венгрии, я цитировал газету „Таймс" от 10-го июля, которая в следующих словах охарактеризовала мировое положение: „Дух беспокойства господствует во всем мире от Америки до Китая, от Черного до Балтийского моря, ни одно общество, ни одна цивилизация не настолько прочны, ни одна конституция не так демократична, чтобы не поддаваться этому зловредному влиянию. Всюду есть примеры, что основные узы общества разорваны и распались от долгого напряжения". Таково было истинное положение вещей, и отказаться в этом положении от борьбы, которой нельзя было избежать, так как массы к ней стремились, явилось бы дезертирством, означало оставить рабочие массы на произвол судьбы. Ибо эти массы сражались бы и без этого, но без руководства положили бы больше жертв и достигли бы меньших целей. Слава венгерским коммунистам за то, что они в этих тяжелых условиях взялись за борьбу, и не подлежит сомнению, что эта борьба имела гораздо более серьезные последствия, чем предполагают наивные критики венгерской революции. Борьба эта явилась не только выражением стремления венгерского рабочего класса к освобождению, она усилила и углубила это стремление. И если в данный момент единственным результатом является поражение венгерского рабочего класса, то настанет пора, когда из сравнения красной и белой диктатуры венгерский пролетариат будет черпать железную волю к борьбе до окончательной победы. Венгерская революция сильно способствовала революционированию рабочих всех других стран. И, ставя в течение трех месяцев спицы в колеса контр-революции, она поставила в более благоприятные условия сопротивление русской Советской республики, первой цитадели мировой революции, и облегчила ее победу над Колчаком. Кто рассматривает мировую революцию, как целое, как развитие,

тот не будет говорить о венгерской революции, как о примере плохой революционной политики, а, напротив, как об ожесточенной борьбе, о революционном авангарде на передовом редуте.

Павшие в этой борьбе будут занесены в книгу истории, не только как мученики пролетарского дела, но и как смелые, храбрые и серьезные борцы. И уроки, которые дают нам их раны, их мученичество, нам, являющимся противниками попытки захвата власти незначительным меньшинством, заключаются в том, что мы обязаны быть там, где приходится бороться рабочему классу, там, где он вступает в борьбу, независимо от того, побеждаем ли мы или терпим поражение.

Этот урок венгерской революции является также и уроком второй мюнхенской Советской республики, история которой недавно была красноречиво изложена Павлом Вернером. И Бела-Кун точно так же, как Левинэ, войдет в историю пролетарской борьбы не как революционный авантюрист, но как революционный вождь, как вождь в том смысле, в котором понимал роль вождя в революции Карл Маркс, как вождь, которому марксизм показывает все затруднения борьбы, но не превращает его в резонера, который полагает, что он смеет бороться только тогда, когда история нотариальным порядком гарантирует ему победу.

С той же решительностью, с которой Шанто описывает историю крушения режима Кароли, он описывает борьбу и поражение Советского правительства и вскрывает, как главную причину этого поражения, тактическую ошибку, совершенную Бела-Куном и его друзьями. Он рассказывает, что в разговоре с коммунистами на другой день после образования Советского правительства Бела-Кун сказал: „Дело обошлось слишком гладко, я не мог спать. Всю ночь я думал о том, в чем заключается наша ошибка, ибо в чем-нибудь должна заключаться ошибка. Все шло слишком гладко. Мы узнаем, в чем дело, но я боюсь—слишком поздно". Теперь совершенно ясно, в чем эта ошибка заключается. Венгерская социал-демократия, одна из наиболее политически развращенных ветвей II Интернационала, обанкротилась. Массы ускользнули из-под ее руководства. Левые элементы партии решились на образование Советской рес-

публики. Часть правых вождей удалилась. Но масса мелких профессиональных и партийных бюрократов пошла за левыми вождями, когда они обратились к коммунистической партии с предложением совместно образовать правительство. Чтобы не бросить массы на произвол судьбы, коммунистическая партия должна была пойти на компромисс, установив Советское правительство совместно с социал-демократами. Но ошибка началась тем, что коммунисты старались скрыть то, что было, они представили, как факт банкротства социал-демократии, — факт ее перехода к коммунизму. Но не становишься коммунистом тем, что принимаешь коммунистическую программу. Вельтнеры, Кунфи и прочие вожди социал-демократии, быть-может, были намерены честно провести коммунистическую программу, но ясно, что они в один день не могли проникнуться той революционной энергией, тем революционным пониманием, которые составляют сущность коммунизма. И поэтому было необходимо сохранить в массах сознание, что вожди социал-демократии, лишь под принуждением ставшие на платформу коммунизма, пойдут на борьбу только под давлением событий и масс. Коммунистическая партия не должна была распустить свою самостоятельную организацию. Она не должна была отказаться от функции дубины, которая в любой момент могла бы быть применена против Гарбаев, Вельтнеров и Кунфи. Коалиция социал-демократов была необходимостью, но коммунисты рядом с правительственным зданием должны были поставить виселицу, чтобы продемонстрировать своим милым союзникам, что конкретно означает пролетарская диктатура. Коммунисты упустили из виду эту необходимую предосторожность и поэтому выдали себя головой колеблющимся элементам социал-демократии. Поэтому именно судьбы Советского правительства Венгрии имеют такое большое значение для западно-европейского пролетариата. Везде на Западе, где коммунистическая партия находится в стадии зарождения, социал-демократия все чаще вынуждена становиться на почву коммунизма. Везде события могут принудить коммунистов войти в коалицию; давление пролетар-

ских масс, жаждущих единства, толкает их не только к коалиции, но к слиянию с социал-демократией. Но тут-то венгерский опыт нас учит: сливаться можно лишь с коммунистами, и коммунист не тот, который только на бумаге признает пролетарскую диктатуру, а тот, который боролся уже бок-о-бок с коммунистами, только тот, с которым мы, коммунисты, делили страдания в тюрьме, только тот, который на деле докажет, что рука его не дрогнет, что нога его не задрожит, когда дело дойдет до борьбы на жизнь и смерть.

Что касается венгерской социал-демократии, которая теперь прикрывает правительство Хорти и с которой Кунфи и Вельтнеры не порвали сношений перед глазами всего мира, то мы знаем, что венгерский пролетариат раз навсегда излечился от иллюзий, которых он был преисполнен относительно венгерских социал-демократов. Теперь венгерский пролетариат сознает, что существует только одна партия, которая готова бороться до последней капли крови,— и это есть партия коммунистов. И так же, как и ошибка венгерских коммунистов послужит для распространения урока, данного нам венгерской революцией, далеко за пределами Венгрии, урока о том, что новая эпоха, в которой придется не парламентировать, не дискутировать, а на деле проявлять свою энергию, что эта эпоха требует замкнутых коммунистических партий, которые во всякое время сумеют противостоять натиску со стороны врагов,—книга Шанто не только будет рассказывать пролетариату всего мира историю венгерской революции, она благодаря откровенности своего изложения послужит им советником. Откровенность в расследовании причин падения Советской Венгрии является продолжением борьбы наших венгерских товарищей с оружием в руках. Она не менее ценна, чем храбрость борцов, которые пали жертвой венгерской революции. И борющийся мировой пролетариат будет в такой же степени благодарить венгерский пролетариат за эту самокритику, как и за его мужество.

Братский привет Бела-Куну и всем венгерским коммунистам.

Январь 1920 г. Берлин.

(Вступление к „Истории венгерской революции" Бела-Шанто).

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

I. Коммунистический Интернационал и профессиональное движение.

Речь, произнесенная 3-го августа 1920 г. на 2 конгрессе Коммунистического Интернационала.

Товарищи! Вопрос об отношении Коммунистического Интернационала к профессиональным союзам — важнейший и серьезнейший вопрос нашего движения. Профессиональные союзы—самые большие массовые организации пролетариата, они играют решающую роль в экономической борьбе, этом главнейшем элементе разложения капитализма. После победы революции именно профессиональные союзы будут массовыми организациями, призванными в первую очередь работать в области хозяйственного строительства социализма. Уже один факт значения профсоюзов при все обостряющейся экономической борьбе и при строительстве социализма не позволяет подходить к этому вопросу иначе, как путем строжайшей проверки фактов, если мы хотим не увлекаться нашими желаниями, а исходить из реальной оценки возможностей дальнейшего развития.

В начале войны многие из нас считали, что профессиональное движение сделало свое дело. Многие придерживались мнения, что в виду того, что профсоюзы до войны боролись с капиталистами главным образом при помощи своих касс, они по окончании войны потерпят крах перед лицом тех великих задач, которые им будут поставлены. И такой крупный вождь, как Роза Люксембург, считала, что роль профсоюзов сыграна. Весьма характерно, что на учредительном съезде германской коммунистической партии этот вопрос не играл никакой роли даже в прениях.

Если мы проследим развитие профсоюзов в главнейших странах за время до войны, во время войны и во время революции, то получим приблизительно следующие цифры. В Германии до начала войны в профсоюзах было $2^1/_4$ миллиона членов. Во время войны кривая заметно упала, и цифра была меньше. После войны, с декабря 1918 года, когда союзы не насчитывали и $^4/_7$ прежнего числа своих членов, число их членов поднялось до 8 миллионов. В Англии число членов союзов поднялось с $4^1/_2$ миллионов в начале войны до $6^1/_2$ миллионов. Во Франции число организованных рабочих возросло с 400.000 до 2 миллионов; в Италии с 450.000—до 2 миллионов. Даже в Америке число членов профсоюзов возросло с 2 миллионов в начале войны до 4 миллионов. Один из вождей германской коммунистической рабочей партии Шредер в своей брошюре о промышленных советах заявил по поводу этих цифр: они являются показателем не здорового роста, а лишь уродливого распухания. Если бы все дело было в том, чтобы выдавать скверные аттестаты не понравившимся нам историческим явлениям, тогда можно было бы удовлетвориться тем, чтобы рассматривать профсоюзы как опухоли на трупе капитализма. Но так как дело не в этом, то нужно признать факты фактами.

Рабочая масса, правда, во время войны убедилась в предательстве вождей профсоюзов и по большей части полна озлобления против профсоюзной бюрократии, но, с другой стороны, война приучила рабочую массу выступать организованно, батальонами и корпусами, и теперь, когда ей предстоят величайшие экономические битвы, когда на нее надвигаются невероятное повышение цен, все тяготы жилищного вопроса, хозяйственный развал, — она старается в борьбе создать и усилить свою мощь. Для этого у нее нет другого пути, как итти в профсоюзы и сделать из них широкую массовую организацию. И по этому пути идет рабочая масса. Характерно, что ни в одной стране мы не видим особенного роста так-называемых революционных профсоюзов. I. W. W. в Америке организационно очень слабы, чего нельзя объяснить одними преследованиями со стороны правительства; число синдикалистов в Германии, правда, воз-

росло, но в весьма ограниченном размере; рабочая масса идет прямо в большие профессиональные союзы. Конечно, этим не разрешается вопрос о том, что такое эти профсоюзы, каковы их функции. При оценке нашего отношения к профсоюзам мы должны исходить из анализа возможностей и путей коммунистической борьбы, и нам нужно ответить на вопрос: есть ли другой путь для освобождения рабочего класса кроме того, каким шли профессиональные союзы, при чем последним придется лишь усилить свои прежние приемы борьбы? Или, упрощая формулу, можно сказать: в чем могла бы состоять задача революционных профсоюзов? Мы часто встречаем противопоставление революционных профсоюзов профсоюзам вообще. Спросим же себя: в чем состоит распад капитала, каковы средства борьбы рабочего класса, и что могут дать профессиональные союзы в этой борьбе? Прежде всего мы знаем, что союзная бюрократия, сообразно со своими контр-революционными стремлениями, ведет политику полной ликвидации экономической борьбы. Германские профсоюзы начали со времени победы революции строить промышленные советы, т.-е. организации длительного сглаживания противоречий между рабочими и капиталистами, при чем, конечно, рабочий класс явится побежденной стороной. В Англии стали расти Joint Industrial Councils, т.-е. объединенные промышленные советы, которые вполне соответствуют идее сотрудничества труда и капитала. Эта тактика вождей профсоюзов является тактикой отказа от классовой борьбы, и мне здесь незачем распространяться о том, что мы не можем иметь с ней ничего общего и, наоборот, должны вести против нее самую ожесточенную борьбу. Но эта борьба не должна вестись во имя лозунга какой-то новой тактики в отношении профессионального движения, так как новое здесь как-раз вносится профессионалистами. Когда подымается вопрос о новой тактике профессиональных союзов, о возможности существования особо-революционной профессиональной тактики, мы должны сказать следующее: процесс распада капитализма состоит в нарушении непрерывности хозяйственного процесса. То, что англо-саксонский капитал стремится изъять из хозяйственного процесса половину европейского континента, ту половину,

которая поставляет на мировой рынок большую часть сырья и промышленных изделий, и обратить эти страны в своих рабов, приведет к перерыву процесса разделения труда во всем мировом хозяйстве, а эта попытка, в свою очередь, в конечном счете, приведет к краху капиталистической системы и в Англии, и в Америке. Нарушение непрерывности производства должно вызвать громадную безработицу в этих странах и все они идут навстречу страшному экономическому кризису.

В американской литературе есть исследования, например, книга Спарджа: „Дело России—дело Америки", в которых доказывается, что Америка стоит перед страшным кризисом. Этот перерыв хозяйственного процесса в мировом масштабе одновременно вызывает сумасшедшее повышение цен. Мы пережили колоссальный рост цен на мировом рынке, еще увеличившийся благодаря разнице валюты в побежденных и победивших странах. Теперь мы начинаем переживать падение цен. В то время как головокружительный рост цен вызывал своего рода неустойчивое равновесие, с другой стороны, падение цен, на-ряду с полнейшим обессилением центральных держав, приведет к новому производственному кризису. Повсеместное положение рабочего класса таково, что всякая мысль о возможности реформистской тактики, о постепенном повышении реальной заработной платы рабочего класса, его standard of life, превращается в совершенно оппортунистическую иллюзию. Возможность постепенного улучшения положения рабочего класса—реакционная утопия. Это становится вполне понятным, если посмотреть на статистические данные, которые приводит Кучинский: он приходит к заключению, что в Германии семье из 4 человек нужно при самом низком жизненном уровне, ниже чем до войны, 16.000 марок в год, при чем он считает, что едва ли 10% населения получают такую заработную плату. С другой стороны, если взять цифры для Америки, которая рядом с высоко развитой капиталистически побежденной Германией являет нам пример военного триумфатора, то в одной статье: „The high cost of labour" („Высокая цена на труд"), которую цитирует вашингтонская „Nation" от 19-го июня 1920 года, мы находим такие цифры: по статистическим вычислениям

за 1919 год прожиточный минимум для семьи из мужа, жены и троих детей составляет $2^1/_2$ тысячи долларов, причем указывается, что это не есть американский standart of life, но такой жизненный уровень, при котором семье грозит опасность физического и нравственного вырождения. Другие статистики, мнение которых приводится в статье, указывают цифру в 2.180 долларов. Газета высчитывает заработную плату для 103 профессий и приходит к выводу, что только 10% металлистов получают заработную плату в 6,50—8,50 долларов, которая соответствует этому годовому бюджету, так что, по расчету „Nation", во всяком случае 90% живут в таком положении, что, по мнению американских статистиков, им грозит опасность физического и нравственного вырождения. И буржуазная газета признает, что во всяком случае четверть рабочего класса страдает от действительного, заметного недоедания и недостатка одежды. Таково положение в Америке до начала кризиса. При таких обстоятельствах ясно, что тактика профессиональных союзов и задачи коммунистической борьбы должны состоять не в ремонте капиталистического здания, а в сознательной работе, направленной к свержению капитала. Каким путем можем мы повести эту борьбу? На левом крыле коммунизма мы встречаемся с таким мнением: в виду того, что повышением заработной платы нельзя улучшить положение рабочего класса, бесполезно за такое повышение бороться. Экономическая борьба бесполезна, нужно подождать, пока возмущение накопится до того, что рабочий класс одним ударом покончит с капитализмом. С другой стороны, мы встречаемся с пропагандой саботажа промышленного труда, как кратчайшего пути к скорейшему краху капитала. И то, и другое мнение неправильно. Если рабочий класс и не может спастись путем повышения заработной платы, то не подлежит никакому сомнению, что если, напр., берлинские металлисты не повысят своей заработной платы соответственно росту цен, их положение будет хуже в марте, чем оно было в январе. Если повышение заработной платы не может разрешить вопроса, оно все же явится средством поддержать рабочих и сделать их способными к борьбе. Во-вторых, вообще нельзя себе представить, чтобы крах капитала в один прекрасный день

наступил механически, как разваливается дом, из которого вынуты балки. Капитализм мог бы еще просуществовать в течение долгих лет, если бы процесс его распада не освобождал враждебных ему сил. Рабочий класс может убедиться в безвыходности положения капитализма только в том случае, если, под влиянием нужды, он вступит в борьбу и в этой борьбе убедится в невозможности спастись на почве капитализма. Борьба за повышение заработной платы имеет то большое значение, что она мобилизует широкие рабочие массы для революционной борьбы.

С другой стороны, лозунг саботажа, поскольку дело идет о саботаже технических приспособлений, является прямо контр-революционным лозунгом. Мы и так получим достаточно небольшое наследство, так как гражданская война неизбежно приносит с собой страшное разрушение ценностей и средств производства, и, во всяком случае, уничтожать технические средства может стать задачей рабочего класса только в случаях крайней необходимости. Саботаж работы, пассивное сопротивление не является боевым лозунгом. Конечно, не наше дело говорить рабочим, чтобы они особенно напрягались для капиталистов. Но пассивное сопротивление не является средством вызвать крах капитализма, так как буржуазия ответит на нее предложением примирительных ставок. Средства борьбы рабочего класса—активные средства: расширение боевого фронта, привлечение миллионов борющихся рабочих, обострение и продление борьбы и единение борющихся масс.

Задача—в том, чтобы безрезультатные бои, в конце-концов, привели ко всеобщему нападению рабочих масс на капитализм. В этой борьбе нет новых средств. Если мы в этих больших массовых организациях—в профессиональных союзах уничтожим контр-революционные тенденции бюрократии, тогда эти массовые пролетарские организации явятся органами, наиболее приспособленными вести борьбу пролетариата широким фронтом. Теперь мы переходим к вопросу о практической возможности изменения реакционных профсоюзов. В наших тезисах, розданных членам Конгресса, мы указываем общее правило для коммунистов: вхождение в профессиональные союзы, борьбу в крупных профсоюзах

и завоевание их. Но, указывая это общее правило, мы не хотели закрывать глаза на те трудности, которые стали мне особенно ясными во время бесконечных совещаний нашей комиссии. Затруднения состоят в том, что мы при разработке тезисов имели в виду главным образом русский и немецкий опыт. Немецкие профсоюзы с их 8 миллионами организованных рабочих охватывают огромную массу германского пролетариата—его добрую половину и поэтому уже не являются организациями рабочей аристократии. Мы имеем в Германии до 600.000 организованных сельскохозяйственных рабочих, что открывает перед нами лучшие перспективы. Но если принять во внимание, что в Америке только 4 миллиона профессионально-организованных рабочих, что эти рабочие раздроблены на узкие цеховые объединения, то в Америке мы станем перед фактом, что, во-первых, организованный рабочий класс представляет рабочую аристократию, что во-вторых, эта аристократия герметически закупоривается от широких рабочих масс, что, в-третьих, даже эта рабочая аристократия разделена на массу мелких организаций. В Америке и в Англии существуют профессиональные организации, где профессиональная бюрократия избирается на всю жизнь. Принимая это во внимание, мы должны согласиться с общей тенденцией американских коммунистов создавать новые профсоюзы. Перед нами простой факт: рабочая аристократия в большинстве профессий отказывается от организации неквалифицированных рабочих. Если остановиться на этом примере, на притеснении неквалифицированных рабочих профсоюзной бюрократией, единственным выходом из которого является организация новых союзов, мы должны сказать американским коммунистам: ваша обязанность взять на себя инициативу по организации неквалифицированных рабочих. Мы имеем в лице I. W. W. организацию, которая берет на себя эту задачу. Эта организация еще полна романтических бредней, но все же на нее обрушились все скорпионы капитализма, и, начиная с 1914 года, она является самой преследуемой. Мы открыто заявляем, что не будем выступать против революционной романтики I. W. W., но будем поддерживать их всеми силами в их попытках организовать массовое движение. Мы, в противоположность

I. W. W., утверждаем, что стремления коммунистов организовать широкие рабочие массы не должны привести к изоляции американской „Федерации труда“ в англо-американском движении. Мы должны не только штурмовать капитализм с помощью новых организаций, но должны итти и в „Федерацию труда“. Они нам на это отвечают, что уже в течение десятилетий они пытались переделать эту „Федерацию труда“. Но едва ли этот аргумент убедителен. Что касается американской „Федерации труда“, то рабочие шли в профсоюзы с благим намерением сразу же взяться за оружие, но, ведь, там были не одни революционные элементы. Кроме того, нельзя упускать из виду, что все эти попытки предпринимались в эпоху мирного развития, когда рабочие Англии и Америки даже думать не могли о революции. Сейчас „Федерация труда“ сама переживает процесс перерождения. У меня в пользу этого есть такие компетентные свидетели, как лондонский „Times“, который в прошлогоднем юбилейном № писал: „В течение войны и, повидимому, как следствие ее, профессиональное движение сильно разрослось. Стачки стали гораздо более частыми, чем в обычное время, и недовольство г. Гомперсом если и не формально, и не публично, то, во всяком случае, частным образом громко высказывалось... Существование сильной социалистической группы внутри „Федерации“ обнаружилось уже давно и выразилось в неоднократных попытках сместить Гомперса с председательского поста. По мнению опытных наблюдателей, эта группа гораздо сильнее, чем это кажется, судя по действиям конгресса, его резолюциям или его голосованию при выборах президента и исполнительного комитета. Далее, был целый ряд случаев, когда испытанные и способные председатели отдельных союзов терпели поражение на выборах и заменялись людьми крайних социалистических убеждений“. Это было написано 4-го июля прошлого года. Я читал отчет о последнем конгрессе „Федерации труда“, который происходил в январе 1920 г. В этом отчете, который появился в органе Сиднея Вебба „New Statesman“, говорится, что конгресс не только принял большинством 29.000 против 8.000 голосов проект огосударствления американских жел. дорог, но и выставил революционное требование, чтобы передача

дорог происходила под контролем смешанной комиссии из рабочих и представителей администрации,—проект, сам по себе, конечно, реформистский, но все же он знаменует перелом в идеологии американских профессиональных союзов: „New Statesman“ пишет об исходе прений на конгрессе. Г. Гомперс был переизбран в председатели. В первый раз за все время своей карьеры он высказал желание отказаться от скипетра. Он чувствует, что его трон шатается, и что врѣмя его прошло. Радикалы разъехались с ликованием. Они одержали свою первую решительную победу на конференции американской „Федерации труда“ и, как выразился один из делегатов, показали, как вставляют палки в колеса“.

Я не могу согласиться с этим оптимистическим суждением. Очень возможно, что развитие примет другое направление, но, во всяком случае, факты показывают, что „Федерация Труда“ уже не является монолитом. В ней появились трещины, и долгом американских коммунистов является расширение этих трещин. Если американские коммунисты спросят меня, какими средствами можно, по крайней мере, обезвредить, если не свергнуть бюрократию „Федерации Труда“, я скажу им следующее: если коммунисты пойдут в „Федерацию труда“ с заранее принятым лозунгом ее разрушения, то они разрушат свою собственную работу. Но если в результате их работы обнаружится, что необходимо разрушить „Федерацию“, тогда они должны это сделать. Во всяком случае, никакие фактические соображения не заставляют нас упорствовать в том, чтобы не итти в „Федерацию“. Наша задача состоит в том, чтобы работать внутри „Федерации“ и действовать там в качестве фактора, объединяющего волны, притекающие извне, со штабом английских и американских рабочих, организованных в „Федерации“, аристократическая спесь которых будет сломлена всеми теми страданиями, которые разрушающийся капитализм принесет им также и в Америке.

Таким образом, в качестве общего правила мы выставляем борьбу за завсевание профсоюзов. Другой вопрос, который надо разрешить,—это вопрос о разных самопроизвольных организациях, которые в процессе борьбы во время войны

и теперь начинают возникать из самых различных источников. Эти новообразования требуют величайшего внимания с нашей стороны. Это такие организации, как цеховые старосты и фабричные комитеты в Англии, как фабрично-заводские комитеты в Германии; в своей первоначальной стадии они представляют в организационном смысле хаос, но хаос, из которого возникает новая жизнь. Нужно быть закостенелым немецким профессионалистом, чтобы не видеть новой жизни в этом движении. Мы видели, как возникли цеховые старосты, когда английская профессиональная бюрократия отказалась во время войны от стачек: рабочие сами организовали комитеты для руководства стачками. Мы видели даже, как после войны эти фабричные комитеты становятся центром наиболее активной части английского рабочего класса, как они снова, помимо профессиональной бюрократии, организуют стачки, как они, наконец, сознательно ставят себе задачей обезвредить профессиональную бюрократию, отстранить ее, и как они превращаются таким образом в организацию, призванную обновить английскую профессиональную жизнь. Чем больше развивается борьба, и чем больше это движение принимает сознательно революционный характер, тем более цеховые старосты начинают смотреть на себя, как на руководителей политической революционной деятельности. Они становятся центром „прямого действия“ масс в Англии. Переходя к Германии, мы видим, что фабрично-заводские комитеты возникают в большинстве случаев в результате разочарования в профессиональных союзах. В то время, как новые неорганизованные массы притекают к профсоюзам, от них отходит ядро рабочих, которые понимают, чувствуют, что профсоюзы их не удовлетворяют, потому что они управляются контр-революционной бюрократией, потому что они остаются исключительно профессиональными организациями, потому что они разъединяют, раздробляют массы. Мы видим, как эти фабрично-заводские комитеты пытаются под ярмом капитализма, при господстве Носке, создать основы будущего социалистического хозяйственного порядка.

Теперь мы стоим перед принципиальной задачей обсудить и взвесить те возможности, которые открываются в капита-

листических странах благодаря работе профсоюзов. Нам нечего подчеркивать, что мы обязаны поддерживать всякую вновь возникающую фабричную организацию пролетариата, которая поставит себе целью сломить профессиональную бюрократию не только в Англии, но и в Германии, и во Франции, и во всех других странах. Когда мы рассматриваем взаимоотношения фабрично-заводских комитетов с профсоюзами в Германии, и когда мы видим, что не только Легины, но и правые независимые—Дитманы и др. стараются втиснуть эти организации в профессиональный аппарат, обосновывая это необходимостью экономии революционных сил (нужно-де вести борьбу объединенно), то мы слишком хорошо знаем эти фокусы, чтобы их не разглядеть. Если бы дело обстояло так, что Легины и Дитманы были бы вождями революционной борьбы пролетариата, мы сказали бы фабрично-заводским комитетам: становитесь в ряды! Но вопрос стоит совсем не так: Легины—вожди германской контр-революции, а если посмотреть на работу правых независимцев в профессиональных союзах, если посмотреть на работу Дитмана в союзе металлистов, то не окажется ни малейшей разницы между их политикой и политикой Легина. В виду этого стремление вводить фабрично-заводские комитеты в аппарат профессиональных союзов значило бы просто разрушать эти революционные организации, которые в момент борьбы могут выступить как органы революции. Что же касается стремления создать из них систематическую организацию, которая была бы в состоянии облегчить переход к социализму, то это, конечно, иллюзия, и я думаю, что товарищи, которые вели работу в этом направлении, должны будут признать это. Невозможно под палкой капитализма и осадного положения построить организацию, которая могла бы представлять из себя аппарат для будущего социалистического хозяйства. Верно лишь то, что движение в силу разных причин растет, охватывает наиболее активные части пролетариата, борется против свинцового гнета профессиональной бюрократии и, чем дальше, тем все больше будет превращаться в организацию борьбы и контроля над производством.

Когда процесс распада капитализма достаточно продви-

нется вперед, не только перед наиболее сознательным, но и перед самым последним рабочим каждой фабрики встанет вопрос: откуда достать уголь, сырье и т. д.? Из всех этих обстоятельств возникает борьба, которая проникает в производство, и носителем которой становится масса. Профсоюзы не могут вести этой борьбы, они не охватывают всей массы рабочих, занятых в производстве, они еще остаются цеховыми организациями. Здесь необходима революционная организация, выступающая как революционная сила, которая в этом случае ставит себе главной задачей—привести массы в движение, повести их в бой. Если мы говорили, что коммунисты должны итти во главе профессиональных союзов, не довольствоваться одной коммунистической пропагандой, но пытаться стать руководящей частью движения, то само сабой разумеется, что в деятельности фабрично-заводских комитетов, фабричных старост и т. д. инициатива всецело должна находиться в руках коммунистов. Если нам поставят вопрос: надо ли создавать рядом с профессиональными союзами новые организации, и каковы будут взаимоотношения этих новых организаций с профессиональными союзами?—мы ответим: пока бюрократия господствует в профсоюзах, эти новые организации будут нашими опорными пунктами против нее. Когда коммунисты станут во главе профессионального движения, тогда придет время слить оба течения в одно и превратить фабрично-заводские комитеты в органы профсоюза.

Всякая попытка уже теперь отдать фабрично-заводские комитеты профсоюзам есть контр-революционная попытка.

Есть еще один вопрос, к которому мы должны определить свое отношение,—это вопрос об индустриализме и о производственных союзах. Когда мы слышим, как индустриализм пропагандируется с разных сторон, нам думается, что мы имеем дело с новым фетишем. Утверждают, что профсоюзы, как цеховые организации, уже не могут служить революции; производственные союзы—вот самое высшее и самое совершенное. Это чисто-метафизическая постановка вопроса. Уже доказано на практике, что возможен и реакционный индустриализм. Если рабочий класс организуется в производственные союзы, чтобы войти в соглашение с капита-

листами, то здесь, по существу, нет ничего революционного, в то же время вполне возможно, что профессиональные организации, еще более отсталые, чем цеховые профсоюзы, объединятся в революционной борьбе, когда они будут исполнены революционного духа. Идеология производственных союзов реально может быть сведена к очень простому утверждению, а именно, что лучше организовывать рабочих по производствам, чем по профессиями. Тенденция к организации производственных союзов—прогрессивна. Мы будем ее поддерживать, но мы не должны делать из нее кумира, так как иначе мы не только не воспрепятствуем разъединению рабочих масс, но рядом с 20 профсоюзами создадим 21-й производственный союз, в который включим еще сотую часть массы. Путь к производственным союзам должен проходить через нашу борьбу в профессиональных союзах. Если необходимо итти через раздробление профессиональных союзов, чтобы создать производственный союз, то результат будет отнюдь не тот, какой нам желателен. Это мы видим на примере Америки, где профессиональные союзы и после возникновения рабочих производственных союзов, поставивших себе целью объединение рабочего класса, остались такими же раздробленными, какими они были раньше. Вопрос об индустриализме стоит в связи с вопросом о синдикализме. И если часть наших товарищей все время возвращается к нему, то я вижу в этом стремление опереться на синдикалистское движение, которое идет против пролетарского государста, против пролетарской диктатуры. Борьба с этим направлением особенно трудна в англо-саксонских странах, где рабочие никогда не видели ни действительно революционной партии, ни революционной борьбы. Не следует делать эту борьбу еще труднее, примыкая к синдикалистской идеологии.

Отношение Коммунистического Интернационала к синдикалистским течениям ясно из постановления конгресса о допущении синдикалистских организаций в Интернационал. Коммунистический Интернационал этим показал, что он совершенно чужд старому духу социал-демократии. Так как мы видим в синдикализме лишь болезнь переходного времени у революционных рабочих, то мы стараемся подойти

к ним, вступить с ними в союз и, когда это возможно, сражаться вместе с ними плечо к плечу. Но в то же время мы должны указывать им на все неясности их точки зрения, а в отношении профессионального движения должны помнить, что широкие рабочие массы находятся не в синдикалистском лагере. Мы должны с этим считаться и организационно должны наши стремления направлять так, чтобы подойти к массам.

Мы подходим к концу. Задача коммунизма в отношении к профсоюзам одновременно и очень трудна, и очень благодарна. Здесь, в профессиональных союзах, мы видим стечение миллионов рабочих, призванных историей стать главной армией социальной революции. Они идут сюда со всеми своими предрассудками, со всей своей подвижностью и быстрыми сменами настроений, и все же эти массы вступят в решительные битвы. И по этой причине задача коммунистов видеть в них на переднем плане не только Легинов, но не упускать из виду самых этих масс и работать в профсоюзах до тех пор, пока это будет необходимо. Товарищи скажут: да, если бы мы могли поработать пару лет, мы завоевали бы эти организации. Но никто не может определить, сколько времени потребуется до тех пор, пока победоносная нога социальной революции наступит на горло капитализму. И если необходимо завоевать массы для идей коммунизма, то для этого нужно не меньше времени, чем для завоевания профсоюзов. Есть только один путь: не бояться никаких трудностей, входить в организации и вести в них борьбу. Я говорю немецким товарищам по партии: вы до сих пор не основали даже профессионального еженедельника, который вел бы систематическую борьбу. Где в профсоюзах сплоченные фракции коммунистов и независимых? Где попытки снизу сломить организацию профессиональной бюрократии? Мы стоим лишь в начале нашей систематической борьбы, и мы не имеем права жаловаться на незначительность ее результатов. Относительно же условий в англо-саксонских странах мы должны сказать: поменьше сомнений, побольше коммунистического оптимизма,—это послужит вам на пользу.

В заключение: пресса независимой социал-демократической

партии стояла на той же точке зрения по отношению к профсоюзной бюрократии, которую мы отстаиваем теперь. Здесь мы подходим к последнему вопросу профессионального движения, который является и вопросом коммунизма. Между нами и независимой социал-демократической партией в этом вопросе целая пропасть не столько по форме, сколько на деле. Дело не в том, пойдем ли мы в профсоюзы, или нет, а в том, что мы будем в этих профсоюзах делать. Независимцы в профессиональных союзах добились только того, что вместо Шлике поставили Дитмана. Дело не только в том, чтобы пойти в профессиональные союзы, но в том, чтобы, даже с опасностью раскола, которого мы не боимся, если он произойдет в борьбе, повести борьбу со старой профсоюзной бюрократией и со всем ее духом. Если члены независимой социал-демократической партии довольствуются победой на съезде металлистов и тотчас же снова взваливают себе на плечи бремя пропорциональных выборов, чтобы оставить доступ в правление старой профсоюзной бюрократии, если они, в качестве членов всеобщего профессионального союза, практически связаны с политикой промышленных советов, если они при каждом шаге оглядываются назад, то это, разумеется, не завоевание профсоюзов; это обозначает только то, что место Легина заняла независимая партия, которая продолжает проводить его политику. Мы стоим за то, чтобы итти в парламенты, и независимцы также за это. Мы идем туда для того, чтобы вести там революционную пропаганду и агитацию, чтобы создавать столкновения и даже, если нужно, входить в комиссии, в которых лучше всего получать нужные матерьялы. Укажу пример. Во время войны тов. Гаазе входил в комиссию по иностранным делам, но он боялся вскрывать в парламенте тайны этой комиссии, даже когда они были направлены против германского народа. Он считал очень важным сохранение государственных тайн. Я думаю, что когда наши товарищи войдут в комиссии, они поставят себе другие цели. Так же стоит и вопрос о профессиональных союзах. Мы идем в профсоюзы для того, что свергнуть бюрократию и, если нужно, расколоть профсоюзы. Мы идем туда, чтобы превратить профсоюзы в орудие борьбы, а ре-

зультат первого года работы независимых в профсоюзах—тот, что они хотят фабрично-заводские комитеты, революционные организации пролетариата, поставить под ярмо профсоюзной бюрократии. Разница в самом духе, в воле к действию и к борьбе, в воле сделать из профсоюзов орудие революции. Коммунистическая партия строит свою политику, пользуясь теми элементами, которые остаются от буржуазного общества. Мы постараемся превратить профессиональные союзы в органы борьбы. Если же сопротивление профсоюзной бюрократии окажется сильнее, чем мы думаем, мы не поколеблемся разрушить их, так как мы понимаем, что важна не форма, а сама рабочая организация, важны организационные способности рабочих и их воля к революционной борьбе. Мы пойдем в профсоюзы, приложим все силы к завоеванию их, в то же время ничем не связывая себя. Мы не позволим профсоюзной бюрократии обойти нас, и там, где она в процессе борьбы попытается сузить возможности нашей революционной борьбы, мы станем во главе масс и выбросим ее из профсоюзов. Мы идем в профсоюзы не для сохранения их, а для создания той сплоченности рабочего класса, на основе которой уже смогут возникнуть большие производственные союзы социальной революции. Самое важное—соединить две вещи: быть вместе с массами и в то же время итти впереди этих масс, а не плестись за ними в хвосте. Такова линия коммунистической политики в профсоюзах. В фабрично-заводских комитетах мы видим самопроизвольные организации пролетариата, и, поскольку профсоюзы отказываются служить революции, поскольку профсоюзная бюрократия встает против нее стеной, постольку мы будем отстаивать самостоятельность комитетов, помогать им, чтобы вместе с ними вести массы в бой. Вот все, что я имел сказать.

II. Коммунистический Интернационал и колониальная политика.

Речь, произнесенная 26-го июля 1920 г. на 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала.

На всех конгрессах II Интернационала поднимались протесты против хозяйничанья империалистических правительств в колониальных странах; теперь мы тоже видим, как на конференциях II Интернационала подробно обсуждается колониальный вопрос и Гюйсман, Гендерсон и К° направо и налево раздают автономии народам, даже тогда, когда последние совсем этого не требуют. Если бы дело было только в выступлении перед всем миром с трубными звуками протеста против империалистической политики и в „признании" независимости колониальных народов, то наша задача была бы очень простой. Но мы вступаем на совершенно новую почву в области практической борьбы в колониальных странах. Нужно не только набросать основы коммунистической политики, и притом не высосать их из пальца, а разработать на основании конкретного изучения колониальных условий. Весь вопрос в действительной, практической поддержке движения в колониях. Тов. Ленин цитировал слова т. Квелча, который заявил в колониальной комиссии: если бы в Индии вспыхнуло восстание, то джингоистской печати удалось бы повлиять на большую часть рабочих в том направлении, чтобы они приняли участие в подавлении восстания. Если тов. Квелч указывает только на то, что в английских рабочих кругах существует сильное империалистическое течение, то это—факт несомненный. Но если бы это указание должно было повести к тому, что наши английские товарищи в слу-

чае колониального восстания должны были бы остаться пассивными, что они считали бы, что против этого настроения нельзя бороться иначе, как путем вынесения резолюций протеста,—тогда можно было бы сказать, что Коммунистическому Интернационалу нужно еще преподавать своим членам азбуку коммунистической политики. Если английские рабочие, вместо того, чтоб выступить против буржуазных предрассудков, поддерживают или относятся пассивно к действиям английского империализма, то они работают для подавления всякого революционного движения в самой Англии. Английский пролетариат не сможет освободиться от ярма капитализма, если он не поддержит колониального революционного движения. Когда настанет время, и английские рабочие восстанут против собственных капиталистов, они очутятся перед тем фактом, что Англия сможет в лучшем случае покрыть только 30% своих потребностей в предметах потребления продуктами собственного производства. Они окажутся в таком положении, когда Америка постарается блокировать пролетарскую Англию, так как, даже если суда американских капиталистов и не будут иметь возможности отрезать подвоз жизненных припасов в пролетарскую Европу (потому что американцы должны же их куда-нибудь продавать), то весьма возможно, что английский капитал будет в состоянии в течение года или двух скупать американский хлеб, чтобы не пропускать его в Англию. В этом случае судьбы английской революции будут в большей степени зависеть от того, будут ли крестьяне и рабочие Ирландии, Индии, Египта и т. д. рассматривать английских рабочих, как своих защитников, или они привыкнут видеть в английском рабочем классе пособников английского империализма. Рабочий конгресс в Скарборо принял важную резолюцию, в которой он требует независимости Индии и Египта. И ни один коммунист не поднялся, чтобы сказать конгрессу, что Макдональды поддерживают буржуазию тем, что одурачивают английских рабочих, говоря о „независимости“ Ирландии, Индии и Египта. Ведь это—прямое лицемерие и мошенничество, когда те самые люди, которые по поводу резни в Амритсаре не могли подняться до характеристики генерала Дейерса, как обыкновенного убийцы, выступают в качестве за-

щитников независимости колоний. Мы очень жалеем, что наши партийные товарищи из „рабочей партии“ не сорвали масок с этих мошенников. Интернационал будет судить английских коммунистов не по статьям, которые они пишут в „Call“ и „Workers Dreadnought“, он будет судить их по числу товарищей, брошенных в тюрьмы за агитацию в колониях. Мы указываем английским товарищам, что их долгом является всеми силами поддерживать ирландское движение, вести агитацию среди английских войск, всеми средствами противодействовать политике транспортного и железнодорожного союзов, которые допускают перевозку войск в Ирландию. В Англии теперь очень легко говорить против интервенции в русские дела, когда против нее выступает даже буржуазная левая. Английским товарищам гораздо труднее бороться за независимость Ирландии против милитаризма. Но мы имеем право требовать от английских товарищей выполнения этой трудной работы.

Нам придется еще говорить по этому вопросу и по вопросу о парламентаризме, но уже сегодня важно указать английским товарищам из „фабричных старост“, которые хотят поддерживать коммунистическое движение, как по-детски они поступают, когда выпускают из рук одно из орудий борьбы, не принимая участия в парламентской деятельности. Крестьяне Индии не могут знать, что наши „фабричные старосты“ борются против их подавления; но если бы один из них в парламенте назвал вещи их именами, конечно, председатель выставил бы его из зала заседания. Но Рейтер не преминул бы оповестить весь свет о том, что в английском парламенте нашелся „предатель“, который назвал убийство убийством. Английский капитал опирается на сильную буржуазию, его нельзя свергнуть только в Лондоне, Шеффильде, Манчестере и Глазго,—его нужно разбить в колониях. Там—его Ахиллесова пята. И долгом английских коммунистов является пойти в колонии и там сражаться во главе восстающих народов и поддерживать их. В истории старого Интернационала мы не знаем почти ни одного случая, когда социал-демократическая партия явилась бы передовым бойцом за освобождение народов. Когда несчастных гереро тысячами погнали в пустыни, германские социалисты

воздержались от голосования, при чем объявили, что они не знают причин восстания и не могут иметь суждения по этому вопросу. Коммунистический Интернационал должен служить путеводной звездой для восставших народов в Азии и Африке. Коммунистический Интернационал должен бить мировой капитализм с помощью не только европейских, но и азиатских народных масс. Капитализм будет опираться не только на экономическую, но и на военную силу колоний. Социальной революции в Европе придется еще иметь дело с чернокожими войсками. Коммунистический Интернационал должен перейти к действиям. Российская Советская республика уже вступила на этот путь, и если в Англии рассматривают нашу трудную работу на Востоке, нашу сознательную агитацию с целью образования советских организаций в Туркестане и на Кавказе, протягивание наших первых щупальцев в Персию и Турцию, как шаги Советской республики, направленные к подготовке осложнений для англичан, то это является полным непониманием иностранной политики Советского правительства. Это—выполнение программы Коммунистического Интернационала, это выполнение своего долга Советской Россией, как частью Интернационала. Мы смотрели на восточную агитацию не как на вспомогательное средство в борьбе с европейским капиталом, мы смотрим на нее, как на выполнение долга, к которому нас обязывают постоянные интересы европейского пролетариата. Помощь не должна обязательно состоять в том, чтобы искусственно организовывать коммунистические партии там, где нет никакой почвы для коммунизма. Нет, она может состоять в непосредственном содействии освободительной борьбе этих народов. Тов. Ленин указал на то, что нет никаких теоретических оснований для того, чтобы все народы прошли через капитализм. Не все ныне капиталистические государства пришли к капитализму через мануфактурный период. Япония перешла прямо от феодализма к империалистической культуре. Если пролетарским массам Германии, Франции и Англии удастся завоевать социализм, мы понесем колониальным народам не только все современные способы производства, оставленные нам капитализмом, но и новые методы производства, которые создаст социализм. Мы им

поможем найти прямой путь от феодального варварства к такому производству, при котором они сумеют применять современную технику, не проходя стадий ремесла и мануфактуры. Мы стоим в начале новой эпохи. Европейский капитализм боится пробуждения восточных народов, он рассказывает о „желтой опасности“, и можно сказать, что если капитализм продержится и дальше, действительно возникнет желтая опасность. Пролетаризированный крестьянин Китая или Турции, с которого сдирают три шкуры, должен будет эмигрировать, чтобы искать работы, и он в целях самозащиты сможет начать новое великое переселение народов. Но коммунизму нечего бояться „желтой опасности“: он может протянуть руку всем угнетенным народам, так как он несет им не эксплоатацию, а братскую помощь.

III. Международное положение и задачи трудящихся масс на Востоке.

Речь, произнесенная 2-го сентября 1920 г. на 1-м съезде народов Востока.

Товарищи, вчера мы были свидетелями сцены, которая заслуживает в полном значении этого слова названия исторической. Когда собравшиеся здесь представители трудовых масс Ближнего Востока выслушали от представителей восставших рабочих Европы известие о том, что европейский пролетариат готов вести борьбу не на жизнь, а на смерть против капиталистов всего мира, которые до этого времени угнетали не только европейских рабочих, но и народные массы Востока,—здесь представители этих масс, поднятые общим чувством, встали и дали клятву о священной войне рука-об-руку с европейскими рабочими против угнетателей трудового мира. Но, товарищи, в этой войне, которая нам предстоит, недостаточно воодушевления, в этой войне недостаточно ненависти к угнетателям. Народные массы Востока должны хорошо знать направление мировой политики, должны отчетливо представлять себе силы противника, должны знать его слабые стороны, должны уметь использовать всякую трещину в рядах противника, чтобы вести борьбу против него в его же лагере. Международный пролетариат зорко следит за изменениями международной политики. Именно знакомство с международным положением оказывает ему громадную услугу в этой развивающейся войне пролетариата против капитала. Трудовые массы Ближнего Востока должны в этой области находиться на

том же самом уровне, что и рабочие массы Европы. Они должны зорко следить за противником, уметь выбирать момент выступления. И поэтому мы, не довольствуясь общим вашим стремлением к борьбе против мирового капитала, поставили в порядок дня реферат о международном положении и о задачах, которые стоят перед вами.

Седой Восток, о котором со скорбью говорил тов. Нариманов, страдает от гнета капиталистов Европы не один десяток лет. Больше ста лет народы Востока являются предметом политического гнета, являются предметом войны капиталистических держав, капиталистических грабителей. До этого времени они были именно только предметом, до этого времени они не сумели собственными силами дать отпор вожделениям мировых грабителей. Вся история XIX столетия полна борьбы между английским капитализмом и помещичье-капиталистическим царским правительством России за обладание Турцией и Персией, за обладание Средней Азией. Русский царизм стремился к захвату Персии, к захвату Турции. Он хотел захватить и поработить крестьян Турции, найти выход к Средиземному морю, дабы тут помериться силами с английским капиталом. Он шел в Персию, шел на порабощение персидских крестьян для того, чтобы через Персию пробраться к Индии, к этому столпу господства английского капитала, к той сказочной Индии, которая кровью индусских крестьян кормит английских капиталистов, кормит биржу Лондона, которая создает возможность младшим сынам английской буржуазии наживать миллионы и при помощи этих миллионов устраивать затем у себя на родине жизнь паразитов. В этой борьбе английский „гуманный" капитализм, английские владыки вполне стоили варварского русского царизма. Когда это было удобно английским капиталистам, они выступали на защиту Турции и Персии против царизма. Тогда они выдвигали знамя гуманности и человеческого обращения с народами Востока и бросали царизму упрек, что он хочет поглотить эти народы, чтобы их насиловать и эксплоатировать. Но достаточно было английскому капитализму сговориться с царизмом,—и он выдвинул лозунг уничтожения Турции, выдвинул старый лозунг английского министра Гладстона—растерзать

тело Турции! Я вспоминаю, товарищи, только тот факт, что англо-русская борьба за Персию, борьба между царизмом и английским капитализмом кончилась в 1907 году полюбовным договором о разделе Персии, после чего английские капиталисты спокойно смотрели, как царский казачий генерал Ляхов уничтожал молодую свободу в Персии, как казачьи бригады разгоняли меджилис, вешали на улицах Тегерана и Тавриза представителей революционного персидского народа. Английские капиталисты умывали руки, заявляя, что они здесь не при чем. Но, несмотря на то, что английские капиталисты держали в своих руках царизм, ибо русский царизм был в полной финансовой зависимости от английского капитала, они не пошевелили и пальцем в защиту персидского народа. Мало того, английский министр иностранных дел лорд Грей дал приказ Бьюкенену, английскому послу в Петрограде, заявить царскому правительству, что Англия не будет противодействовать русскому нажиму, если только царизм не двинет своих войск за пределы северной Персии. Разбойники-конкуренты сошлись на разделе Персии на две части. Северная Персия была отдана палачам Ляхова, а южная должна была находиться в руках англичан и быть барьером против вторжения русских в Индию.

Англо-русская борьба за народы Востока сменилась в последние десять лет другой мировой борьбой—борьбой между антантовской группой, между капиталом Англии и Франции, с которым рука-об-руку шел царизм, и группой, возглавляемой Германией. И мы снова видим, что в то время, как, с одной стороны, англичане, а с другой,—германские капиталисты говорят, что они идут на Ближний Восток для того, чтобы внести туда цивилизацию, для того, чтобы учить людей грамоте, для того, чтобы учить людей пользоваться машинами, на деле эта борьба есть борьба за захват народных богатств Турции и Персии,—борьба обыкновенных грабителей. Англичане решили разбить, разделить Турцию прежде, чем она сумеет окрепнуть после младотурецкого восстания. Увидев, что младотурецкое правительство пытается создать армию, пытается создать прогрессивную налоговую систему и администрацию, английские капиталисты решили по возможности скорей разбить на куски Турцию, ибо Тур-

ция имела для них громадное значение. Английская мировая держава разбросана по всему пространству мира. Английский капитал господствует в Африке, он держит в своих руках рудники Южной Африки, как и богатые поля Египта. В то же время второй столп мирового господства Англии находится в Индии, где более 300 миллионов крестьян работали на английских капиталистов. Между Индией и африканскими владениями английского капитализма находилась Турция, и поэтому она должна быть уничтожена, дабы английские капиталисты могли соединить железной дорогой, идущей через Аравию и Мессопотамию, владения в Африке с владениями в Египте и в Индии, дабы английский капитал, господствующий над сотнями миллионов африканских и азиатских народностей, мог свободно перебрасывать свои войска из одной части мира в другую и беспощадно подавлять малейшие попытки сопротивления со стороны народов Востока. Английский капитал вынес смертный приговор Турции для того, чтобы иметь возможность свободно задавить начавшееся революционное движение в Индии. С другой стороны, германский капитал, который выступал, как освободитель, как защитник народных масс, потому только отказывался от открытого раздела Турции, что ему трудно было добраться к вам с Северного моря. Германский капитализм не хотел терзать на куски Персию, ибо он не имел свободного пути к ней; он стремился захватить экономически в свои руки всю Турцию и всю Персию и под прикрытием младотурецкого и персидского правительства эксплоатировать эти народы.

Мировая война 1914 года, приведшая к гибели десятки миллионов рабочих и крестьян, из которых вышли миллионы калек и остались десятки миллионов вдов и сирот, эта мировая война разразилась для того, чтобы определить, какая группа—англо-французская или германская—будет владыкой мира, будет иметь возможность сделать своими рабами сотни миллионов рабочих и крестьян народов Азии. Эта война велась с обеих сторон под лозунгом освобождения угнетенных наций. Английские капиталисты, которые в 1908 году приветствовали появление младотурок, ожидая, что будут итти с ними рука-об-руку, теперь вдруг нашли в своем сердце громадную ненависть к младотуркам и заявляют, что надо

уничтожить турецкое правительство и разорвать на куски турецкий народ, что надо освободить культурные народы Востока—арабов, сирийцев и армян. Война велась во имя уничтожения султанского и младотурецкого абсолютизма и во имя освобождения культурных народов Востока! Чем эта война кончилась? Товарищи, она кончилась разгромом германского капитализма, о котором никакой рабочий и крестьянин Востока не должен проливать слез. Но она кончилась одновременно и победой английского империализма. Что означает эта победа? Это уже узнали народы Востока. Она означает, что английский военный флот занял Константинополь и держит проливы. Эта победа означает, что английский экспедиционный корпус занял Аравию и Месопотамию, что французские войска заняли Сирию, греческие войска заняли западную часть Малой Азии со Смирной. Это означает, что французские и итальянские войска заняли южную Анатолию и заняли не на один момент, не на время ликвидации абсолютизма султана, а заняли Турцию для того, чтобы там оставаться, чтобы разорвать Турцию на куски под видом создания свободных независимых государств Сирии, Мессопотамии и Аравии. Как эта свобода выглядит, об этом, товарищи, мы имеем самые лучшие свидетельства французской и английской печати. Франция обещала создать свободную Сирию и нашла своего наймита в лице эмира Фейзала. Но, как только он перестал танцовать под дудку французских капиталистов, французские войска заняли Дамаск, прогнали Фейзала и держат в своих руках совершенно открыто Сирию, вывозят оттуда все, что нравится французским капиталистам, и диктуют сирийскому народу свои законы. Англичане говорили о независимости Месопотамии, и мы видим удивительное зрелище. Чтобы создать независимое государство с двумя с половиной миллионов людей, английский капитал израсходовал в один год четверть миллиарда фунтов стерлингов. Вопрос был в том, откуда эта английская добродетель. Распри между французским и английским капиталом показали, в чем тут дело. Когда в английском парламенте спросили Ллойд-Джорджа, английского премьер-министра, берет ли Англия в свои руки богатства Мессопотамии, и имеет ли английский капитал какие-либо

концессии в Мессопотамии, которые толкали бы английское правительство на расходование громадных сумм,—Ллойд-Джордж ответил, что Англия не имеет никаких концессий, ничего не требует от мессопотамцев, а сохраняет за собою только те концессии, которые уже были даны английским капиталистам султанским правительством. Но когда расшифровали, что это значит,—а сделал это не кто другой, как французский министр иностранных дел господин Пишон, то оказалось, что английские капиталисты имеют в своих руках всю нефть, находящуюся в Мессопотамии,—единственное богатство мессопотамских арабов. Эта нефть находилась в руках германских капиталистов и турецкого правительства. Теперь англичане оставили 25 проц. нефти французам, а 75 процентов остались в их руках. Народы Востока известны тем, что очень вежливы, и поэтому на съезде народов Востока я не скажу, что господин Ллойд-Джордж—лжец и обманщик, но только,—что он не считает долгом государственного мужа восстановлять истину, когда она означает, что английский капитализм захватил Мессопотамию не для того, чтобы освободить арабов от турецкого засилья, а для того, чтобы освободить арабов от нефти, которая могла бы сделать их богатой национальностью на Востоке. (Аплодисменты). Если, товарищи, мы спросим, как освободили англичане, французы и американцы несчастных армян, которых столько десятков лет они беспрерывно толкали на борьбу с турками и курдами, которым обещали свободу и культурное развитие, если мы спросим, как отстояли они права Армении, то для ответа я могу сослаться на официальный американский орган армян, который самым авторитетным образом рассказывает историю этого освобождения. Этот орган—„Новая Армения",—издаваемый в Нью-Йорке, сообщает, что французы уговорили армян послать своих добровольцев в Мараж защищать совместно с французами эту область против турок, обещая им за это Александретту. Но когда дело дошло до решительных боев, тогда французский экспедиционный корпус ушел из Маража и 20 тысяч армян были оставлены армии Кемаля-Паши, который, видя в них противников Турции, сражающихся на стороне Франции, не оставил из них никого в живых. Америка в последнее время начала

играть роль спасителя Армении и подталкивала армян на борьбу против всех народов, жить среди которых история обрекла армян. Время-от-времени американцы посылали в Армению корабль с хлебом, который не мог спасти армян от голода и холода. Вы знаете, что Армянская Республика, полная ненависти к большевизму Советской России, руководимая буржуазными политиканами Антанты, эта Армянская Республика вынуждена теперь на мир с Советской Россией, ибо она понимает, что Антанте нет спасения. Почему же англичане, которые держат 80 тысяч солдат в Мессопотамии, дабы освободить арабов от нефти, почему они не посылают своих войск в Армению? Руководящая английская газета „Манчестер Гардеан" в статье от 12-го мая открыто высказалась об этом. Она говорит, что в Армении нет нефти, не от чего „освободить" армян; невозможно ограбить армян, поэтому можно оставить их на ограбление. И она говорит, что если сравнить точку зрения английского правительства на мессопотамскую нефть с точкой зрения армян на армянскую кровь, то это сравнение покрывает английское правительство срамом и стыдом. Так говорит буржуазная английская газета,—не газета восставших английских рабочих, а газета, которая, несмотря на весь свой критицизм, близка к Ллойд-Джорджу.

Как освобождают английские капиталисты Персию после того, как уничтожен был, несмотря на все усилия союзников, русский царизм и русский капитализм руками русских рабочих и крестьян? Английские капиталисты всегда говорили, что их задача по отношению к Персии состоит только в освобождении Персии. И теперешний министр иностранных дел Англии, лорд Керзон, в своей книге о Персии, изданной 30 лет назад, говорит: задача английской политики по отношению к Персии есть независимость и свобода Персии. Англо-персидский договор с августа прошлого года показывает, какую свободу английский капитализм хочет ввести в Персии. За два миллиона фунтов стерлингов золотом английское капиталистическое правительство купило у персидского правительства, т.-е. у своих лакеев, всю Персию. За эти два с половиной миллиона золотом англичане берут в свои руки контроль над персидскими финансами, таможню,

устройство персидской армии. И по вопросу об этой политике я могу снова призвать очень авторитетного свидетеля: французская правительственная газета „Тан" от 17-го августа прошлого года заявляет следующее: „С момента, когда персидское правительство вручает свою армию руководству британских офицеров и свои финансы—британским специалистам, оно не имеет никакой особой свободной силы или особого свободного средства, при помощи которых оно могло бы проявлять суверенитет своей политики". Это—слова французской правительственной газеты.

Товарищи, что все это означает? Это означает не меньше и не больше, как то, что антантовский капитал, с Францией во главе, разбив германского конкурента, германского разбойника, взял в свои руки сотни миллионов народов Востока, чтобы сделать их своими рабами. Для крестьянина на Востоке это означает, что если раньше он должен был платить подати для того, чтобы содержать султанскую клику, всякого рода шахов, эмиров и ханов, то теперь он должен будет платить вдвойне: платить своим собственным эксплоататорам и оплачивать штыки французских и английских войск, которые будут защищать эксплоатацию туземных эксплоататоров. Это означает, что если в Турции находятся природные богатства, развивая которые турецкий народ мог бы получить, вместо своих деревянных плугов, плуги железные и паровые, мог бы иметь свои школы, то теперь, когда английские и французские капиталисты захватывают богатства Ближнего Востока, богатства Турции и Персии, они будут эксплоатировать их не для развития культуры народов Востока, а для своей наживы, для того, чтобы банкиры Лондона и Парижа нажили еще более крупные барыши, чем они имеют благодаря эксплоатации европейских рабочих. (Аплодисменты). Товарищи, результатом победы Антанты является опасность полного порабощения сотен миллионов народов Востока. Но страшен сон, да милостив бог. Эта опасность минует, как дурной сон, если трудящиеся массы Востока восстанут совместно с рабочими массами Европы, ибо победители в мировой войне сами покрыты ранами, от которых погибнут.

Товарищи, если вы посмотрите на положение победо-

носного капитала, если вы посмотрите на экономическое положение главных победителей в этой войне, то вы увидите, что они, чтобы победить германский капитал, взяли на свои плечи и спину такие громадные тяжести, что под этими тяжестями и у них должен треснуть хребет. (Аплодисменты). У меня под рукою цифры, показывающие, какой большой государственный долг имеют страны победителей. Французское правительство сделало во время войны 200 миллиардов франков долгу. Английское правительство сделало 160 миллиардов. Итальянское правительство сделало долгу 200 миллиардов. Это означает, что все победоносные капиталистические страны, за исключением Америки, потеряли в этой войне, расстреляли в ней в воздух от половины до трех четвертей всего народного состояния этих богатейших стран. Это означает, что ни одно из этих правительств не может найти средств, как бы спастись от финансового банкротства. Если бы эти правительства захотели уплатить свои долги, им пришлось бы конфисковать до двух третей богатств, находящихся в их странах. Это значит — оставить народным массам в этих странах для жизни только одну треть того, что эти массы имели до этого времени. Это — невозможная вещь. И мы видим, как между этими победителями годами идет спор о том, как спастись. Самые слабые из победителей — итальянское и французское правительства—призывают английских и американских капиталистов собрать все долги в одну кучу и совместно уплатить, чтобы тот, кто имеет больше богатств, платил в первую очередь. Но английские и американские капиталисты отказываются платить долги за итальянских или французских капиталистов,—они и своих собственных долгов уплатить не могут. Английские и американские капиталисты очень охотно проливали чужую кровь, приказывали русским крестьянам, французским крестьянам и итальянским рабочим погибать на войне за дело английских капиталистов, но когда дело идет об уплате долгов, они говорят теперь: дружба дружбой, но конторская книга особо, и уплати то, что ты должен. (Аплодисменты). И мы видим, товарищи, как благодаря тому факту, что победоносные капиталисты пытаются раздавить Россию,

которая до этого времени была главным рынком их сбыта и доставляла им громадное количество сырья, благодаря тому, что они пытаются уничтожить самую технически развитую нацию Европы — Германию, они вырывают корни своего существования. Мы знаем, что английские и американские капиталисты стоят перед фактом: миллионы народов Востока жаждут всяких товаров, жаждут мануфактуры, машин, а английские и американские капиталисты ищут рынков сбыта, но не в состоянии продавать им, ибо этим народам нечем платить. В результате оказывается, что весь мировой империализм задыхается в процессе громадного кризиса, охваченного страшными судорогами. В то время, когда сотни миллионов людей не могут купить штанов и сапог, в Америке и Англии накопляется продукт, и Америка и Англия стоят перед опасностью закрытия своих фабрик.

И рабочие массы, которые все это видят, рабочие массы, которых гнали в продолжение четырех лет на войну, говоря им: в этой войне вы уничтожите абсолютизм германского кайзера и турецкого султана, вы получите право, хлеб и свободу, — народные массы видят теперь перед собою опасность голода и холода. Эти народные массы восстают и ставят свои требования. И никогда за все свое долгое существование Англия не видела такой громадной волны забастовок, мощных рабочих демонстраций, свидетелями которых мы теперь являемся. И не кто другой, как английский премьер-министр, самый умный из буржуазных политиков, Ллойд-Джордж, в своей апрельской речи открыто заявлял в английском парламенте, что Англия стоит перед опасностью социальной революции. Это — не утверждение английских коммунистов, сердце которых жаждет этой революции. Это — предостережение английского премьер-министра, который в своем предостережении призывал буржуазию соединиться против рабочих. В Америке мы также видим волну забастовок. Мы видим в Италии, в одной из стран союзников, не только нарастающую борьбу, но видим Италию буквально в преддверии революции. Итальянское правительство держится только силою своих штыков, ему приходится ежедневно расстреливать рабочих на улицах

своих городов. Господин Клемансо после победы над германским абсолютизмом сказал, что большевизм не опасен Франции, ибо она вышла победительницей из войны, а большевизм — болезнь только побежденных народов. А теперь мы видим, как французское правительство наполнило тюрьмы французскими коммунистами. Мы видим, как французское правительство расстреливает своих матросов, дабы ужасом смерти удержать своих солдат от выступления, от революции. И в то время, когда пролетарии Европы и Америки восстают во имя низвержения капитализма, во имя утверждения царства свободы, братства и труда, в то же время, товарищи, мы видим, под носом английского империализма, в Ирландии, в Египте и в Индии нарастающее движение революционной борьбы народов, порабощенных Англией.

Товарищи, Ирландия представляет собою завоеванную страну. В Ирландии английское правительство принуждено создавать крепости против ирландского народа. В Ирландии ежедневно на улицах городов убивают десятки английских полицейских и солдат из экспедиционного корпуса. В Египте не только профессиональные работники мысли, не только студенты, не только чиновники выходят на улицу,— демонстрации привели к забастовкам фелахов, которых англичане употребляли, как вьючный скот во время войны, к забастовкам железнодорожников и телеграфных рабочих. А Индия видит не только террористическую борьбу, не только громадную агитацию интеллигентов, но и громадные стачки 300 тысяч человек, стачки индусских рабочих, которые соединяют борьбу за свое освобождение от гнета капитала с борьбою за свое национальное освобождение.

Товарищи, в книге, которая является чем-то в роде корана английского империализма, в книге профессора Зили, изданной много лет назад, на которой воспитываются английские офицеры, когда их посылают в Индию, на которой воспитываются английские губернаторы,—в этой книге Зили, ученый проповедник английского империализма, разбирает вопрос: каким образом маленькая кучка англичан может держать под своей пятой сотни миллионов индусов? И он отвечает: здесь нет никакого чуда. В Индии одна часть

населения борется против другой за господство английского капитала. Если восстание вспыхнет на севере, мы мобилизуем индусских крестьян на юге, сделаем их солдатами и при их помощи подавим восстание на севере. Если восстанут индусы на западе, мы бросаем индусов с востока и, таким образом,—используя одних индусов против других, держим всех в своих руках. И когда, продолжает этот проповедник английского империализма, нам говорят, что в Индии должна быть революция, ибо индусы умирают с голоду, я отвечаю: это совсем неубедительно. „Если они не могут жить, то они умрут, но из этого не следует, что будет революция. Всякому в Англии предоставлена свобода умереть с голоду, и если он этого не хочет, это не означает, что будет революция".

Для революции нужно, чтобы народ смотрел вперед, чтобы народ имел надежду на освобождение и чтобы он чувствовал свою силу. Товарищи, мы убеждены, что приходит момент, когда народы Востока докажут английским капиталистам, английским вампирам, что они не хотят умирать, и что они имеют надежду и чувствуют свои силы. Товарищи, до этого времени всякий восстающий народ чувствовал свою слабость, ибо никто еще не видел, чтобы рабочие и крестьяне побеждали своих эксплоататоров, ибо никто еще не видел, чтобы рабочие и крестьяне ставили на грудь мощного английского империализма свою ногу. Но, товарищи, вы видите, что можно победить и английский империализм.

Когда восстали рабочие и крестьяне России, когда они сбросили власть царя, когда сбросили власть буржуазии и помещиков, когда создали рабоче-крестьянское правительство, буржуа всех стран были убеждены, что они раздавят Советскую Россию, что они снова наложат иго на русских рабочих и крестьян. Они стали подкупать русских офицеров подкупать русских капиталистов, подкупать русских помещиков, посылать им обмундирование, снаряжение, военных руководителей и начали один поход за другим против Советской России. Вы помните, как они купили обманутых чехословацких солдат и бросили 50 тысяч их против Советской России. Вы помните, как они послали против Советской России Каледина, Корнилова, как они послали против Со-

ветской России Колчака, Юденича, Деникина. При помощи английских танков, при помощи английских газовых бомб, при помощи английских снарядов Деникин и Колчак создали полумиллионную армию и пошли походом против Советской России. На Колчака смотрела вся капиталистическая Европа, она помогала ему всеми силами. Россия была отрезана, она не могла получить из-за границы ни одного снаряда, она не могла получить даже медикаментов, чтобы лечить своих искалеченных сынов. Несмотря на это, рабочие и крестьяне России восстали с оружием в руках и создали победоносную Красную армию. (Аплодисменты). Они разбили Юденича, Колчака и Деникина. Я помню день, когда в германской тюрьме, в Берлине, я прочел в газете: завтра во вторник, в церкви бывшего русского посольства будет отслужен торжественный молебен в честь генерала Юденича, который вошел в Петроград. Но Юденич был бит под Петроградом, Деникин был бит под Орлом. Рабоче-крестьянская армия прогнала их. Сейчас нет ни Колчака, ни Деникина, ни Юденича. И сейчас рабоче-крестьянская власть кончает с последними отрядами—Врангелем и белой Польшей. И этим дан громадный пример восстающим народам Востока.

Если рабочие и крестьяне Востока захотят быть свободными от эксплоатации, то и они могут победить, ибо их противник разлагается, ибо их противник переживает экономический крах, ибо их противник бит красной рабоче-крестьянской Советской Россией. Только от сознания, только от воли рабочих и крестьян Ближнего Востока зависит их победа. Никакой враг вам не будет страшен, никто не удержит потока рабочих и крестьян Персии, Турции и Индии, если они соединятся с Советской Россией. Советская Россия была окружена врагами, но сейчас она может производить оружие, которым можем вооружить своих рабочих и крестьян, но которым она вооружит индусов, персидских крестьян, анатолийских крестьян, всех угнетенных и поведет их к совместной борьбе и совместной победе. (Аплодисменты).

Когда капиталисты шли на Восток, чтобы эксплоатировать народные массы, они говорили им об освобождении, и поэтому мы понимаем, что среди крестьян и рабочих Во-

стока, которые учились на тяжелом опыте обмана, существует известное недоверие. Они спрашивают себя: искрення ли заповедь Советской России, исполнит ли она то, что обещает? Товарищи, на такие вопросы незачем отвечать уверениями, надо ответить аргументами разума. Советская Россия восстала для того, чтобы не было больше рабов и господ, чтобы не было больше богатых и бедняков. Советская Россия представляет собою громадную, богатую страну, которая может сама себя кормить, прогнав вшей, паразитов, вампиров, сосавших кровь русских крестьян и рабочих. Она может собственными силами развить русский народ до небывалой высоты. Русскому крестьянину и русскому рабочему незачем искать хлеба в других странах, ибо его земля производит его достаточно, ему незачем итти искать металлов, ибо его земля скрывает в своих недрах неслыханные их сокровища. Русский рабочий и крестьянин жаждет своего освобождения, ему не нужно порабощения других народов. Русский рабочий и крестьянин великолепно знает, что или он будет разбит, или будет разбит мировой капитал, что невозможно, чтобы долгое время существовали бок-о-бок Советская рабоче-крестьянская Россия и капиталистические страны. Русские рабочие и крестьяне знают, что если они не задавят английских капиталистов, если не разобьют французских капиталистов, то их разобьют. Русский рабочий может на-время искать с ними мира и согласия, может искать передышки, во время которой сильнее будет расти революция в других странах, но постоянного мира между страной труда и между странами эксплоатации быть не может. И поэтому восточная политика Советского правительства не есть дипломатический маневр, не есть бросание народов Востока в огонь, чтобы русская Советская Республика могла, продавая их, получить для себя выгоду. Мы жертвовали собственными рабочими, когда в Брест-Литовске вооруженный с ног до головы германский империализм диктовал нам свои условия, и когда мы не могли защищаться. Рабочие и крестьяне Востока, могут быть такие моменты, когда мы сами посоветуем вам не итти на разгром, а лучше дать кусок этому зверю, который хочет разорвать вас. Такие моменты могут быть и у нас, но мы связаны с вами судьбой: или мы со-

единимся с народами Востока и ускорим победу западноевропейского пролетариата, или мы погибнем, и вы будете рабами. Поэтому здесь, товарищи, дело идет не о союзе, который заключают люди, могущие завтра разойтись и сделаться врагами, а дело идет о совместной борьбе не на жизнь, а на смерть. В этом вчера вы дали клятву. Совместными усилиями мы должны победить. Товарищи, для этой совместной победы нужны совместные жертвы. Рабочие массы России голодают три года, ожидая победы над мировым капиталом. И потому, когда вы приветствуете Красную армию, когда вы приветствуете ее победы, думаете ли вы о том, что ее победы и ее оружие выкованы кровью и потом миллионов русских рабочих и крестьян, жертвовавших последнее? Поймите, что ваша победа не обойдется без жертв. Придется много голодать, проливать свою кровь. Вам придется смотреть на Советскую Россию и на ваши восстающие страны, как на одну армию, которая должна совместно укрепляться, совместно вооружаться, совместно нести жертвы для совместного дела. И кто говорит, что существует „империализм" большевистский, что мы идем на Восток для захватных целей и для того, чтобы покорить вашу армию, тот заведомо сеет ложь между рабочими и крестьянами, чтобы разъединить их, чтобы владыки мира могли разбить их по частям. У нас совместные жертвы, совместные тяжести, и совместной будет победа. Это будет победой не одного народа над другим, это будет победой трудовых масс всех народов над той кучкой, которая до этого времени эксплоатировала весь мир.

Товарищи, бросая клич священной войны против Антанты и в первую очередь против английского капитала, мы знаем, что не победим сегодня, что нам придется еще долго бороться, именно потому, что народные массы Востока развиваются медленно. Известия о победах Красной армии, о борьбе английского, французского, итальянского пролетариата должны долгое время бродить по равнинам и пустынным горам, пока они попадут к крестьянину в Индии и Египте и скажут ему: вставай, подымайся, рабочий народ! Идя на эту тяжелую борьбу, мы делаем усилия, чтобы дать этим громадным странам, этим народам возможность развить

свои силы, развить свои способности для совместного труда над воссозданием нового свободного человечества, где не будет людей разной кожи, разных прав и обязанностей, где все люди будут иметь одинаковые права и обязанности. Капиталисты всего мира говорят об опасности с Востока, говорят, что, когда восстанут 300 миллионов индусов, 400 миллионов китайских крестьян, то тогда придет момент гибели человеческой культуры. Мы видели эту культуру, мы видели ее в огне шрапнелей, на полях сражений, мы видели ее в развалинах домов и городов. Культура капиталистическая означает смерть всякой культуры. Капитализм не в состоянии обеспечить нам даже участи животного, которое кормят. И чем скорее эта культура погибнет, тем лучше. (Аплодисменты). И когда мы, товарищи, вручаем вам знамя совместной борьбы против совместного врага, мы великолепно знаем, что вместе с вами создадим во сто раз лучшую культуру, чем создали рабовладельцы Запада. Восток, придавленный гнетом капиталистов и собственников, создал философию терпения. Мы апеллируем, товарищи, к чувствам борьбы, которые когда-то воодушевляли народы Востока, когда эти народы под руководством своих великих завоевателей шли на Европу. Мы знаем, товарищи, что наши противники скажут, что мы апеллируем к памяти Чингис-хана, к памяти завоевателей великих калифов ислама. Но мы убеждены, что вы обнажили вчера свои кинжалы и револьверы не для завоевательных целей, не для того, чтоб из Европы сделать кладбище,—вы подняли их для того, чтобы совместно с рабочими всего мира создать новую культуру—культуру свободного труженика. И потому, когда капиталисты Европы говорят, что угрожает новая волна варварства, новая волна гуннов, мы отвечаем им: „Да здравствует красный Восток, который совместно с рабочими Европы создаст новую культуру под знаменем коммунизма!“ (Бурные аплодисменты).

IV. Польский вопрос и Интернационал.

Польша — авангард европейской революции, борющейся против царской России! Освобождение Польши — задача международного пролетариата! Польша—авангард капиталистической контр-революции, борющейся против российской рабочей революции—очага мировой пролетарской революции! Разгром буржуазной Польши—задача международного пролетариата! Иосиф Пилсудский, один из вождей польской социалистической партии, входящей во II Интернационал,— глава белогвардейской Польши!

Этот ряд положений звучит парадоксально. Но это не парадоксы, а стадии исторического развития, этапы развития борьбы пролетариата за свое освобождение; ничто не представит яснее перед нашими глазами этапы этого развития, как сопоставление ролей польского вопроса в три разные эпохи рабочего движения, из которых две принадлежат прошлому, третья же представляет период нашей работы и нашей жизни.

Судя по речам и статьям, которые были опубликованы по польскому вопросу Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом с 1845 г. до работы Энгельса о внешней политике царизма, вышедшей в 1890 г., можно их точку зрения в этом вопросе, несмотря на все неизбежные колебания, свести к следующему: в Западной Европе пролетариат боролся в первых рядах буржуазной революции за демократию, которую пролетариат должен был сделать своим трамплином для прыжка в пролетарскую революцию. В своей борьбе он натолкнулся, главным образом, на двух могучих врагов: английский капитализм, деспотически царивший на мировом

рынке, и самодержавную Россию. Без преодоления английского капитализма всякая революция в Европе потерпела бы аварию, ибо Англия являлась важнейшей капиталистической державой. Вместе с тем, всякая победа в Западной Европе находилась под угрозой со стороны могучей реакционной державы на востоке. Этой державой была царско-феодальная Россия, которая, несмотря на то, что уже тогда под влиянием капиталистического развития начинала разлагаться и черпала свою силу, главным образом, из соперничества капиталистических держав, все же имела еще в своем распоряжении миллионы забитых крестьян, которые она могла посылать в Европу для подавления революционного движения. Всякое возмущение в Европе могло, таким образом, быть затоплено в крови войсками царя; демократия как буржуазная, так и возникавшая пролетарская, сознавала, что Европа „будет либо республиканской, либо казачьей", по выражению Вильгельма Либкнехта; она понимала, что между европейской революцией и царистской реакцией может быть борьба лишь на жизнь и на смерть. Эта борьба, с точки зрения европейской и — особенно — германской революции, была безусловно необходима. Раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией превратил обоих последних участников грабежа в вассалов главного разбойника. Из боязни потерять добычу, оба германских государства отдались царской дипломатии, стали сатрапами царизма. Всякая попытка германских демократов свергнуть своих собственных феодалов наталкивалась с первых шагов на противодействие царской дипломатии. Германская дипломатия была наперед вынуждена строго считаться с русской опасностью, ибо преодоление последней было условием борьбы против ее собственной страны. Поэтому для Маркса и Энгельса могла быть только одна политика: борьба с царизмом на жизнь и на смерть. Для борьбы они искали союзников. Единственным народом, ведшим борьбу против царизма, была Польша. Ее борьба за освобождение не прекращалась с момента раздела. „Поляки всегда подготовляют заговор",—писал Мохнацкин, блестящий историк восстания 1831 г. „Когда им плохо, они восстают против гнета нужды,—восстают, ибо иначе жить не могут. Когда им хорошо, они восстают, ибо могут восстать. Они восстают во всех случаях".

На деле восставали не поляки, а восставал лишь недовольный слой дворянства, прежнего господствующего класса Польши, который не мог примириться с потерей независимости своей страны и командующей роли своего класса. Этот слой был очень раздроблен. Под знамя борьбы за независимость Польши стекались аристократические элементы, рассчитывавшие, так же, как и мелкое дворянство, в большей степени на поддержку дипломатических кругов капиталистической Европы, чем на тех европейских революционеров, которые желали соединить историю Польши с буржуазной революцией в остальной еще полуфеодальной Европе. Под этим же знаменем боролись и честные революционные элементы, сжившиеся за границей с социалистическими течениями и пытавшиеся превратить свою борьбу за независимость Польши в борьбу за социализм. Маркс и Энгельс заявили в Коммунистическом Манифесте, что они будут поддерживать всякую фракцию польских повстанцев, которая решится начертать на своем знамени лозунг аграрной революции. Такая фракция была, но она отнюдь не представляла самую могучую часть польских патриотических сил, хотя было ясно, что мобилизация Польшей достаточных сил против царизма возможна лишь при том условии, что польские имущие классы, и в первую очередь польское поземельное дворянство, откажутся от своих феодальных привилегий, освободят крестьянина и заинтересуют его в борьбе за независимость Польши.

Поддерживая эту фракцию польского дворянства, Маркс и Энгельс надеялись поднять против царской России действительно революционную силу. Независимость Польши была для них конкретным требованием, вызванным исторической ситуацией, была целью борьбы, за которую международному пролетариату надлежало выступить не из одного только увлечения угнетенными народами, а из конкретного интереса создать на востоке оплот против царской России, вызвать к жизни силу, которая будет вынуждена постоянно охранять европейскую революцию от варварского востока. Все попытки восстания в 1846, 1848, 1863 годах, имевшие место при жизни Маркса, погибали не столько вследствие военного превосходства царской России, сколько благодаря

тому факту, что расчеты на восстание крестьян против России не оправдывались. Большинство дворянства ничуть не думало об отказе от своих привилегий.

Трагикомедия истории заключалась в том, что наиболее демократические слои дворянства—круги мелкого дворянства—меньше всего были в состоянии отказаться от эксплоатации крестьян, ибо они менее всего были в состоянии заменить феодальную эксплоатацию капиталистической. Всякая попытка основательной аграрной реформы кончалась слишком запоздалыми обещаниями, никогда не приводя к конкретным действиям, поэтому ни одна из этих попыток не могла разбудить национальное чувство крестьян или хотя бы пошатнуть глубоко вкоренившееся у крестьян недоверие к их мучителям—панам. Все польские восстания кончались мелкими вспышками, партизанскими выступлениями незначительного меньшинства, которые царизм подавлял без особенного усилия. И несмотря на это, Маркс и Энгельс оставались верны своему лозунгу. После подавления восстания 1863 года, они постоянно поднимали этот вопрос на конгрессах I Интернационала, делали все новые попытки к тому, чтобы европейский рабочий класс стал передовым борцом за польскую назависимость, и они не переставали делать это, несмотря на сильное противодействие со стороны французского рабочего класса.

Борьба в рядах I Интернационала за независимость Польши бросает крайне интересный свет на постановку проблемы Марксом и Энгельсом. Французские прудонисты были против лозунга независимости Польши, против поддержки этого лозунга рабочим классом по той простой причине, что они были прудонистами. Они были противниками завоевания политической власти рабочим классом, они отвергали всякое государство, а не только капиталистическое, социализм они себе представляли как победу рабочего класса, который, организовавшись в производительные ассоциации, превратит капиталистическое общество в ряд производительных общин и товариществ, а эти товарищества, связанные друг с другом свободным товарным обменом, устранят капитализм. Будучи противниками борьбы за пролетарское государство, они были, понятно, противниками поддержки борьбы за не-

зависимость Польши, борьбы, которая к тому же еще велась польским дворянством. С другой стороны, Маркс и Энгельс столкнулись с тем фактом, что Наполеон III начертал на своем знамени ло зунгосвобождения национальностей. Маркс и Энгельс могли опасаться, как бы поддержка ими Польши не облегчила проникновение в рабочий класс лживой бонапартистской идеологии. Но Маркс и Энгельс сумели блестяще выполнить свою задачу и избежать угрожавшей опасности. Против прудонистов они защищали не только необходимость диктатуры пролетариата, т.-е. пролетарского государства, как средства сломить сопротивление капиталистов, но и временную необходимость буржуазной демократии, как почвы, на которой рабочий класс в национальных рамках организуется для борьбы с капитализмом, не имея иной возможности немедленно овладеть властью; кроме того, они сумели в самой резкой форме провести границу между своей точкой зрения и точкой зрения Наполеона III, которая была лишь игрою в освобождение малых национальностей.

Это сделал прежде всего Фридрих Энгельс в своей статье в „Commonwealth“ в 1863 г., в которой указывалось, что вопрос вовсе не заключается в том, чтоб пробуждать к государственной жизни все мелкие отложения всевозможных народностей, исторически сложившихся в рамках больших государств, не в том, чтоб превращать их в независимые государства. Эту тенденцию он назвал реакционной. Ибо она преследует цель раздробления крупных капиталистических государств, являющихся носителями современной культуры, и ослабления их перед лицом русского царизма, который может строить свою игру на натравливании отсталых реакционных племен и народностей. Энгельс указывал, что европейский пролетариат заинтересован в образовании польского государства, как оплота против царской России, и что пролетариат должен поэтому поддерживать образование этого государства в границах 1772 г., несмотря на то, что поляки составляют меньшинство в указанных пределах. Энгельс хочет дать Польше даже Ригу и Одессу, чтобы превратить ее в могущественный фактор.

Этой политике наступил конец после 1871 г. Этим годом кончается период буржуазных революций в Западной Ев-

ропе. После образования германской империи и свободной Италии всякие надежды на крупные перевороты в отдельных странах в ближайшем будущем стали сомнительными. Буржуазия, став консервативной, не помышляет нигде о борьбе с Россией. Буржуазная демократия отмирает. Революционен один только рабочий класс, да и то лишь небольшие слои его. Развитие английских колоний, удешевление хлеба в Европе, благодаря конкуренции американского рынка, привели к полному обуржуазению рабочего класса Англии. Французский рабочий класс лишь медленно оправляется от поражения 1871 г., и лишь к 90-м годам он снова появляется на арене истории в качестве политического фактора, направляя все свое внимание на вопросы внутренней, а не внешней политики. В Германии и в Австрии растет социал-демократическое движение, подавляемое господствующим классом; оно дышит живым революционным духом, оно старается следовать традициям Интернационала, сосредоточиться на великих мировых вопросах, и вот Вильгельм Либкнехт один из первых снова поднимает вопрос о независимости Польши. Фридрих Энгельс посвящает этому вопросу крупное исследование, трактующее о внешней политике царизма. Но на этот раз в позиции Фридриха Энгельса и Либкнехта замечается уже большое изменение. Им приходится теперь считаться прежде всего с тем фактом, что Россия перестала быть однородной контр-революционной силой. Россия 70-х и 80-х годов представляет собою очаг революционного движения. Последствия аграрной реформы, последствия русско-турецкой войны 1878 г., успехи капиталистического развития России привели к образованию „Народной Воли", к борьбе русской интеллигенции с царизмом под знаменем народничества. Эта борьба принимает такие размеры, что временами кажется, что русской интеллигенции удастся нанести царизму смертельный удар. Кроме того, все с большей ясностью обнаруживается, что поляки умеют не только устраивать заговоры и подготовлять восстания,—в своем огромном большинстве они даже разучились делать это; но зато они прекрасно научились гнать водку и производить текстильные товары, вывоз которых в Россию примиряет их с принадлежностью к Российской империи. Одно-

временно и в Польше возникает рабочее движение, и оно имеет своим лозунгом не завоевание независимости Польши, а борьбу за социализм. И снова Маркс и Энгельс в своем адресе от 27 ноября 1880 г., обращенном к представителям польского социализма, собравшимся в Женеве по поводу пятидесятилетия польского восстания 1830 г., заявляют, что польский пролетариат борется не за то, за что боролось польское дворянство. Мы видим, как Маркс и Энгельс, отдавая в этом письме должное огромным заслугам польских революционеров из дворянского лагеря, отнюдь не выставляют лозунга борьбы за государственную независимость Польши. Когда в 1889 г. образовался II Интернационал, традиционная точка зрения в польском вопросе выразилась прежде всего в разрешении образовать особую национальную секцию из польских делегатов всех трех частей Польши, т.-е. из австрийской, русской и прусской. В следующие затем годы раскол в польском рабочем движении намечается именно по вопросу об отношении к лозунгу независимости Польши; при этом весьма интересно отношение к этим принципиальным и тактическим разногласиям со стороны различных польских социалистических фракций и со стороны II Интернационала.

Польское рабочее движение получило с 1886 г. характер классового движения. Волна крупных стачек пробудила пролетариат к участию в общественной жизни, и перед социалистами встал вопрос о ближайших целях этой борьбы. Польский социализм возник под знаком отрицания национального вопроса вообще. В своей борьбе против всех форм буржуазной идеологии он был вынужден резко высказаться против идеологии буржуазного патриотизма, против патриотического фетишизма, и вначале пропаганда первых идеологов польского социализма была в значительной мере направлена на обличение польских патриотов. Эта чисто-отрицательная точка зрения по отношению к патриотизму соответствовала тому факту, что польский социализм, возникший под гнетом царизма, как нелегальное движение интеллигенции, в своем первоначальном фазисе развития так же, как и русский социализм, не различал этапов в борьбе за конечную цель рабочего движения. Конечную цель пер-

вые борцы социалистической мысли в Польше представляли себе как результат краткого периода организации и революционной борьбы. Революция чудом должна была перенести пролетариат из ада царизма в социалистический рай. Этапы казались поэтому первым польским социалистам излишними, и борьбу за создание буржуазного государства они считали изменой интересам пролетариата. Эта точка зрения отжила свой век, когда уроки массового движения польских рабочих показали, что пролетариат на пути к революции нуждается в периоде организации, политического формирования, как класс, и что он не может ни организоваться, ни вести борьбу, не завоевав политических свобод.

Социалисты стояли перед вопросом о программе-минимум, программе, признающей неизбежность этапов, и им надлежало решать вопрос этот в конкретной политической обстановке. Отличительной чертой этой исторической ситуации было совпадение времени подъема польского движения с временем упадка российского революционного движения. Короче говоря, это было время, последовавшее за крупным поражением Народной Воли, русского народничества, и предшествовавшее возникновению в России массового рабочего движения, начавшегося массовыми забастовками московских текстильных рабочих в 1896 г. Одновременно с этим, политическая жизнь оживилась в Польше. В то время как после поражения 1863 г. польское дворянство и польская буржуазия отдались погоне за барышами, отказываясь от всякой политической борьбы и восхваляя эту погоню за барышами как „органическую работу",—в 90-х годах мы присутствуем при возрождении патриотических и социал-реформистских течений в части польской буржуазии. Именно мелкая буржуазия, ряды которой пополнились разоренными дворянскими элементами, появилась на политической сцене, стремясь отстоять свое существование, которому угрожала пролетаризующая деятельность капитала. Мелкая буржуазия, все более мельчавшая под влиянием капитализма и все сильнее чувствовавшая на себе тяжесть колеса истории, обратила свои взоры к тому прошлому, когда капитализм был слаб и когда она вела еще сравнительно спокойный образ жизни. Таким прошлым была независимая Польша. Обратив свои

взоры к прошлому, мелкая буржуазия не могла не задуматься над вопросом о причинах падения Польщи и невозможности ее возрождения. Она сваливала всю вину за это на польское дворянство; противопоставляя аристократической политике польской шляхты политику демократии—политику социальных реформ. Будучи многочисленным, социально угнетенным классом, она была заинтересована в этих реформах и, таким образом, соединила стремление к восстановлению Польши со стремлением к социальным реформам,— к мелкобуржуазному социализму. Так как буржуазия в Польше была большей частью еврейской или немецкой, так как дворянство, по мнению мелкобуржуазных историков, измерявших историю своим „моральным" аршином, сыграло в польской истории предательскую роль, то польская мелкая буржуазия выставила требование конфискации имущества дворян, передачи фабрик рабочим, чем создавалась внешность социалистической политики. Часть польских социалистов не видела за социалистическими лозунгами этих элементов их мелкобуржуазного националистического характера и приветствовала в них новых союзников в борьбе за освобождение пролетариата, которые должны были заменить собой русских соратников, русских революционеров. Но если русская революция действительно умерла, как утверждали эти польские социалисты, то ясно, что борьба за создание таких условий, при которых пролетариат был бы в состоянии подготовиться к борьбе за социализм, отнюдь не могла вестись совместно с русской революцией. Наоборот, она могла рассчитывать на успех, лишь будучи обособленной борьбой польского рабочего класса и польской мелкой буржуазии с царизмом. При подобном же положении вещей было ясно, что целью борьбы может быть лишь независимость Польши, а отнюдь не свержение царизма, ибо завоевание демократии в России казалось представителям этой части польских социалистов полной утопией. Они заявляли, что в случае, если царизм будет вынужден приступить к кое-каким реформам, то речь будет итти об очень узких либеральных реформах, которые даже не дадут гарантии того, что прекратится национальное угнетение. Те из польских социалистов, которые стояли на почве борьбы за независимость Польши, образовали Польскую Социалистическую Партию.

Другая часть польских социалистов ответила на такую постановку вопроса, при которой указывалось на мертвую тишину в России, что если революция в России действительно невозможна в сколько-нибудь близком будущем, то нечего также рассчитывать и на завоевание польской независимости, ибо мертвая тишина в России даст царизму достаточно сил для подавления революционного движения в Польше. Эта часть социалистов ссылалась на общее положение в Европе, в доказательство невероятности каких бы то ни было крупных изменений на карте Европы, покуда эти изменения не будут сделаны победоносным пролетариатом соответственно своим интересам.

Это время предшествовало появлению империалистических стремлений у буржуазии. Европейская буржуазия казалась неспособной рискнуть войною на полях Европы ради изменения географической карты. Еще нельзя было предвидеть, что из колониальных центров поднимается буря. Польская социал-демократия, отвергавшая лозунг независимости Польши в качестве программного требования пролетариата, не только отвергала его в качестве пролетарского лозунга, но также верила в неизменность современного соотношения сил держав вплоть до социальной революции. Лозунгу независимости Польши она противопоставила лозунг борьбы всероссийского пролетариата за демократию, она высмеивала, как интеллигентское политиканство, программу Польской Социалистической Партии, мечтавшей о непосредственном переходе от царизма к диктатуре пролетариата. Она клала в основу своей политики единение русского и польского пролетариата и старалась убедить польский пролетариат в том, что раз нет в России массового пролетарского движения, то задача польского пролетариата состоит в том, чтобы своей борьбой ускорить пробуждение русского пролетариата. Эта, эмпирическим путем сложившаяся, точка зрения была теоретически обоснована Розой Люксембург, поставившей общий вопрос об отношении пролетариата к национальному государству и ответившей, затем на этот вопрос конкретно, с точки зрения развития Польши. Роза Люксембург заявляла, что задача буржуазии состоит в превращении буржуазного государства в

орудие своего господства, историческая же задача пролетариата состоит в преодолении, а отнюдь не в создании капиталистического государства. Там, где пролетариат существует как массовая сила, его существование служит доказательством того, что в этой конкретной области буржуазия ничуть не нуждается в особом национальном государстве для эксплоатации и обуздания пролетариата, как класса. Существование пролетариата и буржуазии, этих двух крупных классов современного общества, на территории, которая не образует национального государства, несмотря на свои национальные особенности, привело ее к постановке конкретного вопроса: почему польская буржуазия отказалась от борьбы за национализм? В ряде блестящих исторических работ Роза Люксембург показала, как польская буржуазия, образовавшаяся под крылышком царизма, нашла в последнем орудие не только для господства над польским пролетариатом, но и для расширения сферы своего экономического влияния за пределами страны. Зависимость польской промышленности от российских рынков оказалась, как это раскрыла в своем анализе Роза Люксембург, той веревкой, которая задушила в польской буржуазии всякую склонность к борьбе за национальное государство.

В борьбе обеих тенденций в польском рабочем движении, приведшей к образованию столь популярного во время великой войны термина „социал-патриот", обе фракции польского коммунизма старались привлечь на свою сторону Интернационал. С одной стороны, представители польской социалистической партии старались вызвать к новой жизни старое традиционное отношение Карла Маркса и Фр. Энгельса к польскому вопросу, находя поддержку в первую очередь у блюстителя этих традиций, Вильгельма Либкнехта.

С другой стороны, Роза Люксембург своими статьями в наиболее важных органах европейского социализма старалась вызвать понимание тех изменений как в международной обстановке, так и в польской ситуации, которые делали невозможным безоговорочное признание точки зрения Маркса. Стремление превратить Польшу в оплот против России было признаком недоверия к революционной мощи пробуждающегося российского пролетариата, непониманием

того факта, что царизм за последнее десятилетие прошлого века из носителя мировой реакции превратился в наемного бандита на службе у французского финансового капитала.

Второй Интернационал старался, прикрываясь общими фразами (и в этом сказался его оппортунистический характер), увильнуть от определения своей позиции в этом спорном вопросе. По поводу резолюции, предложенной Польской Социалистической Партией и представлявшей завоевание независимости Польши, согласно марксовой традиции, как непосредственную задачу европейского пролетариата, лондонский конгресс II Интернационала в 1896 г. заявил, что он стоит за полное право всех наций на самоопределение и что он симпатизирует рабочим любой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, социального или иного деспотизма. Он призывает рабочих всех таких стран вступить в ряды сознательных пролетариев всего мира и совместно с ними бороться за преодоление международного капитала и осуществление целей международной социал-демократии. II Интернационал в этой резолюции ни одним словом не обмолвился насчет своей позиции в конкретных спорных вопросах польского социализма. Он не рискнул высказаться за независимость Польши как за конкретную политическую цель. Он не сделал этого уже по той причине, что германская социал-демократия уже тогда никоим образом не желала открыто отказаться от защиты той польской добычи, которая выпала на долю прусского орла. Уже тогда точка зрения германской социал-демократии в вопросе об угнетенных национальных меньшинствах Германии была оппортунистической точкой зрения, прикрывавшейся общими местами о симпатии к угнетенным народам. Если в то же время II Интернационал и указал на необходимость солидарности пролетариата в его общей борьбе за социализм, то он из этого указания отнюдь не сделал вывода о недопустимости прорыва этого единого пролетарского фронта путем составления различных политических программ в рамках одного государства. Он не только терпел дезорганизаторскую работу Польской Социалистической Партии, старавшейся и в русской Польше, и в Германии отделить поляков от их классовых братьев, но и вела ожесточенную травлю против гер-

манской и российской социал-демократии, обвинявшей ее в шовинизме. Германская социал-демократия, игравшая первенствующую роль во II Интернационале, не могла вести последовательной борьбы с польским национализмом, ибо она прекрасно понимала, что польский социал-патриотизм всегда сможет ей доказать, что она на деле нисколько не лучше его. Таким образом, II Интернационал совершенно пассивно относился к борьбе указанных выше тенденций внутри польского рабочего класса, даже не пытаясь выработать собственную точку зрения в спорном вопросе. Одна только российская социал-демократия сделала попытку занять определенную позицию, что нашло свое выражение в статье тов. Ленина в „Искре" от 15-го июля 1903 г., центральном органе революционной в то время российской социал-демократии.

В этой статье русская социал-демократия устами Ленина совершенно определенно заявила, что долг рабочего класса противодействовать насильственному вдвиганию наций в рамки чуждого государства. Без обиняков она признала право каждой нации на отделение от своих угнетателей, заявляя в то же время, что из этого отнюдь не следует, что рабочие партии обязаны при любом положении в любой стране поддерживать сепаратистские течения. Отказываясь от поддержки буржуазии в ее стремлении к сохранению существования рвзбойничьих государств, они лишь тогда обязаны деятельно поддерживать стремление народа к независимости, если это отвечает интересам рабочего класса. Во всяком случае, долг рабочих — как угнетающей, так и угнетаемой нации — стремиться к созданию единого фронта в борьбе с капитализмом, ибо лишь рабочий класс, объединенный, без различия национальности, в борьбе против капитализма, может рассчитывать на победу, которая ему даст как национальную свободу, так и социальное освобождение. Говоря о польском вопросе, автор указанной статьи заявляет, что польский господствующий класс все более примиряется с царизмом и отказывается от борьбы за независимость. Вместе с тем статья соглашалась с теми, кто указывал на изменившееся значение польского вопроса с того момента, как российский рабочий класс стал серьезно угро-

жать царизму. Но в то же время автор заявляет, что может создаться такая международная ситуация, при которой польская буржуазия выставит лозунг независимости Польши, и тогда отношение рабочего класса к этому вопросу будет зависеть от конкретной обстановки. Эта точка зрения дала российской социал-демократии возможность поддерживать со своей стороны самую резкую оппозицию против царской политики угнетения народов и приобрести таким путем доверие польских рабочих. Ни в одной стране отношения между социал-демократией господствующей нации и рабочими массами угнетенного народа не были столь близкими и интимными, как в России, где не только польские марксисты (социал-демократия Царства Польского) входили в общую российскую партию, но где даже рабочие, зараженные национализмом Польской Социалистической Партии, сплачивались во все решительные моменты в единый фронт с русским рабочим классом. Но, как мы уже выше указали, такая позиция была неприемлема для II Интернационала в целом, ибо она требовала беспощадного разрыва с буржуазией, чего не мог себе позволить разъеденный оппортунизмом II Интернационал. Российская социал-демократия могла так поступать, так как она в своем большинстве была революционной партией, и характерно, что вышеприведенная статья „Искры" вышла из-под пера Ленина.

Спорный вопрос польского движения подвергся критике оружия: и критике оружия революции, и критике оружия империалистской войны 1914 года. Первая российская революция, революция 1905 г., показала реальное соотношение сил в Польше: польский рабочий класс в целом примкнул к русскому рабочему классу и бросил на произвол судьбы Польскую Социалистическую Партию. Это выразилось не только в том, что значительная часть польских рабочих боролась за демократическую республику в России, открыто став под знамя социал-демократии Царства Польского, входившей в российскую социал-демократию, но и в том, что массы, стоявшие за Польской Социалистической Партией в своем инстинктивном стремлении к объединению с русским рабочим классом, все более толкали партию влево и привели ее большинство к отказу от лозунга независимости Польши.

Часть Польской Социалистической Партии, сохранившая этот лозунг, представляла собой маленькую группу офицеров без армии. Сорганизовавшись в самостоятельную партию, она доказала, что не рассчитывает больше на пролетариат тем, что на место массовой революции, как пути к независимости Польши, поставила образование небольших революционно-военных организаций, которые должны были в случае мировой войны вести борьбу за независимость Польши на стороне германского и австрийского империализма. Банкротство польского социал-патриотизма в период первой революции привело к образованию стрелковых организаций Пилсудского, теперешнего маршала польских войск. Это банкротство польского социал-патриотизма было, конечно, следствием того факта, что процесс капиталистического развития спаял польское хозяйство с русским, что он из польской буржуазии сделал часть российской буржуазии и из польского рабочего класса — часть российского рабочего класса. Благодаря этому факту, в Польше к началу войны не оказалось ни одной партии, начертавшей на своем знамени независимость Польши. Польский имущий класс в Австрии и в Германии стремился к ниспровержению русского царизма и к воссоединению польских земель либо под скипетром Габсбургов, либо в виде части Срединной Европы, т.-е., попросту говоря, германского капиталистического треста. Вожди польской буржуазии в России также определенно заявили, что поляки заинтересованы в том, чтобы, оставаясь в более или менее тесном объединении с российским государством, собрать в рамках этого государства польские земли. В полном сознании международной ситуации они заявили, что прошло время образования маленьких независимых государств, что последнее вовсе не в интересах буржуазии этих маленьких народностей. Ясно, что буржуазия была более заинтересована в том, чтобы принять участие в расширении области господства победоносного капитала, чем в том, чтобы оказаться запертой в маленьком государстве, не имеющем прямого доступа к мировым путям. Рабочий класс, с своей стороны, занял в промышленных центрах Польши решительную антивоенную позицию. Он протестовал против войны, он пытался в Варшаве еще в первые дни

войны выйти на улицу и демонстрировать против войны. Польская Социалистическая Партия, перешедшая якобы от имени польских рабочих масс на сторону германского империализма, нашла отклик у польской интеллигенции, но не у польских рабочих масс. Она потерпела в этой войне решительное поражение: германский империализм, использовав ее до конца, отшвырнул ее и посадил в тюрьму ее национального героя-вождя польских легионов, Пилсудского. Авантюристская попытка Польской Социалистической Партии завоевать независимость Польши при помощи германского империализма закончилась германской оккупацией Польши, полным порабощением польского народа германским империализмом, который должен был его освободить. „Социалисты"-авантюристы, бросившиеся в объятия германского империализма, сделали из этого один вывод: они бросились в объятия французского и английского империализма, которого они на третий год войны прославляли как будущего спасителя польского народа с таким же усердием, с каким они в первые два года войны восхваляли германский империализм. Победа российской революции, также как и вспышка германской, разбила цепи, в течение целого столетия сковывавшие Польшу.

Польша стала независимой. Создалась историческая обстановка, на возможность которой Ленин указывал в своей статье 1903 г., и при которой у польской буржуазии снова пробудился интерес к вопросу о независимости Польши. Российская революция создала угрозу для польской буржуазии, и защитить свои интересы последняя могла лишь в рамках независимого государства при поддержке победоносного капитала Антанты. При этом она не отказывалась от российского империализма, от эксплоатации подвластного ему народа. Российский империализм умер. Польской буржуазии не приходилось поэтому отказываться от него. Создавая свою независимость, она представляла интересы капитала, которые она до сих пор защищала в рамках российского капиталистического государства. Теперь она старалась стать паразитом империализма Антанты. Империалистская Франция, которая, при помощи своих союзников победив Германию, решила и на будущее время обессилить ее и поэтому

нуждалась в союзнике против Германии, который имел бы общую границу с Германией и помог бы французскому капиталу держать германский народ в повиновении. Эта роль возложена теперь на Польшу, и польская буржуазия продает французскому капиталу своих рабочих и солдат на пушечное мясо для будущей войны с Германией, как это прежде делал русский царизм. Она получает за это, правда, не займы, а пушки и снаряжение для своей армии, которая должна служить для угнетения польского пролетариата. Если при образовании польского государства можно было слышать в некоторых кругах рассуждения о том, что политика польской социал-демократии, никогда не желавшей выставить лозунг независимости Польши, оказалась неправильной, то теперь польская буржуазия ежедневно доказывает своей политикой пролетариату, насколько была права польская социал-демократия, когда она ему говорила, что он нисколько не заинтересован в том, чтобы бороться за буржуазную независимую польскую республику, которая может быть лишь орудием его эксплоатации.

Но этой позицией польской социал-демократии ни в коем случае не исчерпывается вопрос о позиции III Интернационала по отношению к Польше. Что польский рабочий класс должен всеми своими силами бороться против своего капиталистического правительства, и что международный рабочий класс должен бороться с Польшей, поднявшей оружие против Советской России,—в этом не может быть сомнения. Вопрос, стоящий перед нами, это—вопрос об отношении Коммунистического Интернационала к независимости Польши в момент победы польского рабочего класса или в момент разгрома белогвардейской Польши Красной армией Советской России, которой Польша навязала войну своим разбойническим нападением. Но и этот вопрос не может вызвать разногласий в рядах Коммунистического Интернационала.

Польский народ, свыше ста лет терпевший национальное угнетение, исполнен недоверия ко всякому чуждому господству. Уже по одному этому III Интернационал должен высказаться определенно и ясно за независимость Польши. Польский рабочий класс должен теперь выступить на защиту своего собственного господства в Польше, а не от-

стаивать принадлежность ее к какому бы то ни было иному государству. Ни одно пролетарское государство (будь то Советская Россия или будущая пролетарская Германия) не заинтересовано в том, чтобы навязать польскому народу свое господство. Наоборот, всякое такое государство заинтересовано в том, чтобы укрепить положение польского рабочего класса, когда он добьется победы; поэтому оно заинтересовано в том, чтобы исчезло всякое националистическое недоверие среди польских мелкобуржуазных масс. По этой причине Советская Республика открыто признает независимость Польши, по той же причине должен и Интернационал открыто стать на почву независимости Польши. Советская Республика возвестила, что она в случае разгрома белогвардейской Польши отнюдь не помышляет о завоевании Польши, что она в полном объеме признает независимость Советской Польши. Независимой Польше будет самой предоставлено решить вопрос об урегулировании своих отношений к Советской России и к Советской Германии, если таковая будет существовать к тому времени. Само собою разумеется, что как польская буржуазия ищет помощи и поддержки у победоносной западно-европейской буржуазии, так и польский пролетариат будет искать помощи и поддержки в теснейшем союзе с победоносными пролетарскими государствами, и чем сильнее будет опасность, угрожающая пролетариату, чем сильнее разруха, которую оставит ему в наследство капитализм, тем больше они будут искать друг у друга помощи и поддержки. Поведение польского рабочего класса в течение долгих лет борьбы за освобождение от царизма и капитализма, героическая борьба польского пролетариата под игом царской и германской военной оккупации, его борьба против польской буржуазии в рамках независимого польского государства,—все это показывает, что, как бы ни были велики затруднения, которые его ожидают в случае достижения власти, узкий национализм не будет угрожать и препятствовать совместной работе польского и мирового пролетариата.

Интернационал выступил некогда в защиту независимости Польши, имея в виду независимую Польшу, как оплот против русского царизма. Теперь центр Интернационала нахо-

дится на территории революционной России, теперь Советская Россия—сердце пролетарской революции во всем мире, и для Интернационала Польша имеет теперь значение не оплота против России, а моста, соединяющего Советскую Россию с пролетарской Германией. Польская независимость имеет теперь, благодаря изменению международной ситуации только для мирового капитала значение оплота против России, страны Революции. Между эпохой I Интернационала, видевшего в Польше стену, защищающую буржуазную революцию от орд царизма, и эпохой III Интернационала, орудия мировой революции, соединяющего через Польшу свои авангарды с организующимися армиями западно-европейского пролетариата, находится эпоха II Интернационала эпоха радикальных фраз и отсутствия всякого действия, эпоха борьбы с национальным угнетением на словах и коалиции с буржуазией, олицетворяющей это национальное угнетение. Коммунистический Интернационал ничего не имеет общего с этой эпохой, и если он хочет вспомнить, каков был II Интернационал, ему стоит только взглянуть на истекающую кровью Польшу, где во главе армии, борющейся против России за интересы мировой контр-революции, стоит Иосиф Пилсудский, один из вождей и идеологов Польской Социалистической Партии, олицетворяющей полнее всякой другой партии сущность II Интернационала. Что эпоха II Интернационала близится к концу, что ей суждено отойти в область преданий, мы лучше всего видим из той политики, которую ведет Польская Социалистическая Партия. Хотя белогвардейская Польша ведет войну против Советской России, под руководством теперешнего вождя Польской Социалистической Партии, которая поддерживает его во все решительные моменты и которого она ни одним словом не решается критиковать; хотя польская белогвардейская армия держится в первую очередь на „Пилсудских"—на молодом штабе Пилсудского, состоящем из членов Польской Социалистической Партии,—тем не менее эта партия не решается открыто поддерживать политику своего вождя. Она ему помогает за кулисами: помогает ему при парламентских голосованиях, она помогает ему затушевывать действительное положение вещей,—но перед рабочими массами она вынуж-

дена волей-неволей бороться с его политикой и на уличных демонстрациях выступать с требованием мира.

II Интернационал умер, казаться живым он может лишь ценою обыкновенных мошеннических проделок, которые до поры до времени могут создавать видимость жизни, но ничто не в состоянии вернуть ему настоящую жизнь. III Интернационал выполняет свой долг не только своими воззваниями, не только резолюциями; он выполняет свой долг в борьбе русских рабочих, в военных подвигах Красной армии, в каждом выступлении английских, французских, австрийских, итальянских, немецких рабочих, в блокаде ими белой Польши; а позиция этих рабочих в польском вопросе отнюдь не будет теоретической позицией,—она уже в ближайшее время будет иметь огромнейшее практическое значение. Коммунистический Интернационал является пока еще, сегодня, нелегальной революционной организацией—завтра он будет союзом пролетарских государств, и Польша—Польша городских и сельских рабочих, Польша, соединенная с Советской Россией и с мировым пролетариатом,—будет членом этого революционного Интернационала, союза революционных государств.

Апрель 1920 г.

V. Гласный ответ Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала на вопросы Независимой Рабочей Партии Англии.

Председатель Независимой Рабочей Партии Англии, тов. Р. С. Уоллхэд, и член Национального Совета этой партии, тов. Клиффорд Эллен, обратились к нам 25 мая 1920 г. со следующим письмом:

Независимая Рабочая Партия — Третьему Интернационалу.

На последнем ежегодном съезде Н. Р. П. были приняты следующие резолюции об отношении к Интернационалу:

1) Съезд предписывает Национальному Административному Совету выйти из Второго Интернационала.

2) Съезд подтверждает решение Национального Административного Совета пригласить Швейцарскую Партию устроить совещание по вопросу о возможности восстановления единого, всеобъемлющего Интернационала. Целью совещания должна быть выработка основы Интернационала, который, совершенно определенно выступая за наши социалистические цели, позволял бы национальным секциям приспособлять их политику к своеобразным политическим и экономическим условиям каждой отдельной страны. Конгресс постановляет, что, когда ответ будет получен и совещания закончатся, необходимо будет созвать специальный съезд для рассмотрения доклада Исполнительного органа.

Н. Р. П. порвала свою связь со Вторым Интернационалом и решила изучить программу и условия вступления в Московский Интернационал; далее она пригласила Швейцарскую Социалистическую Партию устроить совещание из представителей левого крыла

социалистических партий. Когда эти расследования будут закончены, будет созван специальный съезд для решения вопроса о вступлении в Московский Интернационал.

Н. Р. П. желает знать, есть ли у III Интернационала какая-нибудь официальная конституция, которую должны подписать партии, желающие вступить в него. Если таковая имеется, делегаты очень хотели бы получить ее. Во всяком случае, мы просим III Интернационал представить нам в письменной форме ответы на следующие вопросы:

1) На сколько строги требования, предъявляемые III Интернационалом к каждой отдельной стране в смысле точного следования методам, намеченным в программе?

2) Угодно ли III Интернационалу высказать, как он понимает теорию диктатуры пролетариата в применении к Великобритании?

3) В какой мере признает III Интернационал методы парламентаризма?

4) Как относится III Интернационал к тому, что НРП входит в состав Рабочей Партии?

5) Есть ли советская форма власти основной принцип III Интернационала?

6) В какой мере признает III Интернационал возможность различных форм советской власти в различных странах?

7) Должны ли партии, принадлежащие к III Интернационалу, признавать, что коммунизм и диктатура пролетариата могут быть установлены только вооруженною силою, или допускаются в III Интернационал и такие партии, которые оставляют этот вопрос открытым?

8) Чем отличается, по мнению III Интернационала, коммунизм от остальных форм социализма?

9) Обязательно-ли для вступающих в III Интернационал признание того понимания коммунизма, которое выразилось в ответе на 8-й вопрос?

10) Намерен ли III Интернационал делегировать своих представителей на предполагаемый швейцарский съезд представителей левого крыла социалистических партий?

11) Согласен-ли III Интернационал созвать международный съезд для обсуждения его программы, методов и конституции?

12) Какова была бы, в таком случае, норма представительства на съезде и каковы были бы полномочия его?

Председатель *Р. С. Уоллхэд.*
Чл. Нац. Сов. *Клиффорд Эллен.*

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, после информационных заседаний совместно с названными товарищами, решил обратиться к рабочим, организованным в Независимую Рабочую Партию Англии со следующим письмом, которое отвечает на поставленные ему вопросы в их логическом порядке [1].

1. Коммунизм и другие течения в рабочем движении.

Восьмой вопрос английских товарищей касается различия между коммунизмом и другими формами социализма. На этот вопрос мы можем ответить только тем, что напомним английским рабочим краткую историю современного социализма от его зарождения вплоть до его кризиса в империалистической войне и до наших дней, дней борьбы за осуществление основ социализма.

Социализм возник как стремление рабочего класса низвергнуть капиталистический строй путем революционной борьбы, искоренить частную собственность на главные средства производства путем диктатуры пролетариата, ввести коллективное владение средствами производства и развить их на благо всего трудящегося общества. Таков был социализм Маркса и Энгельса, как он выражен в „Коммунистическом Манифесте“ и всех других сочинениях великих творцов пролетарского социализма. Эти сочинения не представляли собой вымысла теоретиков научного социализма, они определяли цели рабочего движения на основании опыта буржуазных революций, на основании изучения капитализма и опыта первого великого революционного движения пролетариата, а именно чартистского движения английских рабочих. Но одновремено с этим пролетарским революционным социализмом существовали разного рода мелкобуржуазные, филантропи-

[1] Я печатаю этот написанный мною официнальный документ ИККИ, хотя вообще отказываюсь от включения в это издание других офиц. документов, составленных мною. Отступаю от правила в этот раз по двум причинам: документ был принят И. К. К. И. без всякой обработки и содержит в вопросе о диктатуре пролетариата в Англии и об возможности сов. системы в Англии некоторые—как думаю—новые мысли К. Р.

ческие и даже феодальные направления в социализме, т.-е. целый ряд стремлений привлечь пролетариат под влияние других классов общества, оттянуть его от революционной борьбы, обманывая его именем социализма. Маркс и Энгельс боролись с самого начала против всех этих фальсификаций социализма, показывая, что кроется под фальшивым флагом.

Когда после краха революции 48-го года капитализм вошел в период дальнейшего развития, расширялся и усиливался с каждым днем; когда мысль о непосредственном захвате власти оказалась нереальной,—Маркс и Энгельс, смотря действительности прямо в глаза, намечали путь для подготовления рабочего класса к его будущим решающим, революционным битвам за власть. Они указывали ему, что капитализм дает ему возможность организоваться, соединиться, что он дает возможность передовому слою рабочего класса влиять на отсталые его слои, наполнять их сознанием классовой солидарности всех угнетаемых; они требовали от сознательных рабочих, чтобы те, не ожидая дня последнего и решительного боя, использовали всякую возможность, которую капиталисты вынуждены были оставить им для создания легальных, открытых рабочих партий, для организации профессиональных союзов, ибо чем сплоченнее, организованнее и сознательнее рабочий класс, тем легче он сумеет использовать для победы всякий кризис капитализма. Они призывали рабочих бороться за право всеобщего голосования, за демократию для того, чтобы рабочие могли с далеко видной трибуны парламента срывать маску со всякого капиталистического обмана, указывать массам, что все сделки между разными частями капитала делаются на счет рабочего класса. Они призывали рабочих использовать всякие конфликты между различными частями капиталистического класса для того, чтобы добиться от него экономических и социальных реформ, которые облегчали бы положение рабочего класса, усиливали его, позволяли ему тем лучше бороться против капитализма. Они призывали рабочие массы для непосредственного вмешательства в политику, для непосредственного давления на буржуазию. Они призывали рабочий класс никогда не забывать, что вся эта борьба за демократию, вся эта борьба за реформы является только

подготовительной борьбой, имеющей целью усилить организацию и сознание рабочего класса для эпохи решающих столкновений, решающих схваток, когда капитализм, раздираемый внутренними противоречиями, не сумеет больше держать в спокойствии народные массы, а, наоборот, вызовет против себя их революционное воспитание.

Но длительность мирной эпохи капитализма привела к забвению цели нашей предварительной борьбы, организаторского периода этой борьбы, и сделала ее в глазах большинства вождей рабочего класса, в значительной его части, самоцелью. Развиваясь и обогащаясь на счет не только пролетарских масс Европы, но и крестьянских масс всего мира, Азии, Африки и Америки, современный капитализм пытался удержать рабочие массы от революционных стремлений тем, что подкупал самые развитые, самые интеллигентные части пролетариата. Квалифицированные рабочие—наилучше организованная часть пролетариата, наиболее необходимая капитализму—добились в продолжение последних 30 лет перед мировой войной значительного улучшения своего положения. Среди них начало царствовать убеждение, что они могут в капиталистическом обществе, не ниспровергая его, добиться человеческой жизни. Борьба за улучшение этой жизни сделалась для них не средством для революционной борьбы, а самоцелью; поэтому и самый социализм они не могли себе представить иначе, чем как накопление этих частичных реформ. Эти иллюзии рабочей аристократии, которая не видала ни громадной нищеты миллионов необученных рабочих, ни разорения сотен миллионов крестьянских масс всего мира акулами международного капитализма, усиливали в большинстве своем рабочие парламентские представители и вожди профессиональных союзов. Занятые ежедневной работой в затхлой атмосфере парламента, будучи свидетелями грязных закулисных сделок, ведя переговоры от имени профессиональных союзов о мелких уступках, эти вожди потеряли из виду и широкие массы неквалифицированных рабочих-бедняков, и весь рост капиталистической эксплоатации, и революционные цели пролетариата. Ведь, с ними капиталисты обращались, как с равными, как с партнерами в сделке, и это казалось им началом

равноправия рабочего класса с капиталом. Находясь сами в лучшем положении, обеспеченные социально, они видели весь мир через розовые очки своей спокойной мещанской жизни. Так как всякое революционное стремление среди пролетариата мешало их спокойному торгашеству с представителями буржуазии, то они являлись убежденными врагами революционных стремлений пролетариата. Они начали эти стремления осмеивать в глазах рабочего класса, как детскую болезнь его истории. II Интернационал, созданный ими в эту мирную эпоху капитализма, в эту эпоху перерождения пролетарского революционного социализма в соглашательский,—реформистский социализм рабочей аристократии,—стал в большинстве своем практически на эту точку зрения, хотя на словах считался с популярностью революционных фраз, унаследованных от прошлого, прикрывая эту политику сделки с буржуазией разными громкими революционными словами.

Против этой политики реформизма, представляемой в Англии фабианцами, Рамзаем Макдональдом, Сноуденом, во Франции Мильераном, Жоресом, в Италии Тревесом, Турати, в Германии ревизионистами с Бернштейном во главе, в Австрии Виктором Адлером, в Швеции Брантингом, в Дании Стаунингом,—боролись два напрлвления. Одно, возглавленное Карлом Каутским, боролось против него на словах, отстаивало в резолюциях принцип классовой борьбы, обостряющейся с каждым днем, протестуя против поддержки буржуазии и ее разбойничьей империалистской политики. Но когда дело доходило до решения, Каутский и его европейские друзья находили всегда задние двери, которые позволяли реформистам провести их политику. Так, например, в момент борьбы против первого открытого акта изменнической политики, сделки с буржуазией, подчинения пролетариата буржуазии, в момент вхождения Мильерана в буржуазное правительство Вальдека Руссо, Каутский выступил против этой политики пагубной для пролетариата коалиции, но согласился на эту политику на случай национальной опасности, т.-е. в случае войны, войны, которая представляет самую концентрированную, самую высшую форму использования пролетариата буржуазией для ее преступных целей.

Эта международная группа „центра“ II Интернационала с каждым годом обостряющегося международного положения скатывалась все ниже. Когда после двух марокканских кризисов и после балканского кризиса 1908 года, который чуть не привел к международной войне, надо было открыто сказать пролетариату, что приближается момент решительной борьбы, что он должен усиливать свою активность, применять с каждым днем все больше методы всеобщих забастовок для создания противовеса волне империалистической опасности и для подготовки силы, которая сумеет противопоставить пролетариат капитализму в случае опасности международной войны, центр II Интернационала с Каутским во главе начал обманывать пролетариат возможностью разоружения империализма путем сделки с либеральной буржуазией. Будучи на словах приверженцем революционных методов борьбы, этот центр на деле боролся с пропагандой и агитацией за всеобщие забастовки, противопоставляя им победу при помощи выборного бюллетеня и коалиции с буржуазией.

Второе направление, самое слабое во II Интернационале, представляемое левыми радикалами в Германии и большевиками в России, пыталось в годы, предшествовавшие международной войне, указать пролетариату на неслыханную опасность, которой угрожает ему империализм, пыталось мобилизовать пролетариат для борьбы революционными методами.

Чем отличается коммунизм от других направлений в рабочем движении,—это показала война с полной наглядностью. Правое крыло Интернационала с его председателем Вандервельдом во главе, с Гендерсоном в Англии, Реноделем во Франции, Шейдеманом, Эбертом, Легиным в Германии, Бисолати в Италии, Виктором Адлером и Реннером в Австрии, меньшевиками в России,—это правое крыло пошло на службу к буржуазии, оно заявило пролетариату, что лозунг: „пролетарии всех стран, соединяйтесь“, на время войны отменен и заменен лозунгом: „пролетарии всех стран, перерезывайте друг другу горло во имя интересов отечества“. Защитой же отечества представители правого крыла II Интернационала называли помощь капиталистам в их стране победить капи-

талистов другой страны, дабы их ограбить. Представители этого правого крыла сделались в момент истребления международного пролетариата капиталом в кровавой бойне любимцами буржуазии своих стран, они вступали в буржуазные министерства или помогали из передних министерств и министерских канцелярий уговаривать рабочих работать на войну с большим напряжением сил и до издыхания бороться на полях сражения за победу „своих" капиталистов, обещая, что эти капиталисты вознаградят за это пролетариат после войны всеми благами демократических социальных реформ. Они помогали капиталистам отнять у рабочих все завоевания в области социального законодательства, в области свободы коалиции, свободы забастовок, считая классовую борьбу пролетариата во время войны преступлением перед отечеством. Они оказались частью капиталистического государства, капиталистического аппарата эксплоатации пролетариата, эксплоатации не только его пота, но и его крови. На них падает вина за то, что эта война могла так долго продолжаться, что она стоила пролетариату неслыханных жертв, что капитализм пока еще держится на ногах.

Центр Второго Интернационала, во главе которого во время войны стали в Англии Макдональд и Филипп Сноуден, во Франции — Жан Лонге, в Германии — Каутский и Гаазе, в Италии — Модильяни, Турати, Тревес, в России — Аксельрод, Мартов, — на словах протестовал против войны, на словах выражал свое недовольство тем, что пролетариям приходится убивать друг друга, но на деле он не вел агитации за то, чтобы пролетариат боролся против своих угнетателей, не вел агитации за то, чтобы пролетарий обратил свое оружие против тех, которые принуждают его убивать своих братьев, пролетариев других национальностей. Он не создавал нелегельных организаций пролетариата, не призывал его на демонстрации, не звал его к забастовкам; он был „лойяльной оппозицией" по отношению к шайке мировых убийц и грабителей, он играл в этой войне роль Понтия Пилата, умывал руки, уверяя в своей невиновности. Поэтому буржуазия, хотя и недовольная этими людьми, оставляла их без преследования, считала, что их протесты могут быть даже полезны, ибо они являются клапанами для недовольства масс.

Третье направление, которое в Англии представлял Мак Лейн и его друзья, во Франции—Лорио, в Германии—Карл Либкнехт и Роза Люксембург, в России — большевики, это третье направление клеймило политику реформистских социалистов, помощников буржуазии, как предательство, как измену рабочему классу. Оно клеймило пилатовскую политику центровиков, как политику, которая распыляет энергию пролетариата; оно строило нелегальные организации; оно звало рабочих на уличные демонстрации, оно звало их на революционную борьбу, оно звало их к гражданской войне против империалистской войны. Представителей этого третьего, коммунистического течения, буржуазия травила, как изменников отечества, сажала их в тюрьмы и ссылала на каторгу, понимая великолепно, что это течение, хотя вначале слабое, представляет смертельного врага буржуазии.

Чем же отличался во время войны коммунизм от других „форм социализма"? Первая „форма социализма" — реформисты—продавали пролетарскую кровь буржуазии, помогали буржуазии бросить мир в эту нищету, в этот хаос, в котором теперь, после четырех лет империалистической войны, он находится. Вторая часть протестовала на словах против политики империализма, но избегала разрыва с предателями и сама противопоставляла политике предательства и измены только слова и слезы, избегая всяких жертв, всякого дела. Коммунисты жертвовали своей безопасностью, часто своей жизнью для того, чтобы в кровавом тумане войны нести перед рабочим классом факел революционной борьбы за освобождение, чтобы организовать рабочий класс для этой борьбы. Они были единственными защитниками рабочего класса и социализма на деле.

Чем эти три „формы социализма" отличаются теперь? Первая из них—реформисты, соглашатели соединились открыто с буржуазией против пролетариата, где только буржуазия нуждается в этой их помощи, где она только допускает их к министерским столам. Меньшевики и так называемые социалисты-революционеры в России в продолжение семи месяцев, совместно с представителями русских помещиков и капиталистов, защищали грудью частную собственность в России, защищали интересы французской и английской бир-

жи против рабочих и крестьян России, расстреливали во имя капиталистической прибыли рабочих и крестьян. Германские реформисты с Эбертом, Шейдеманом и Легиным во главе в прододжение полутора года защищают капитализм совместно с буржуазными партиями; они реставрировали разбитую в войне германскую армию кайзера для того, чтобы только иметь оружие против рабочих, против которых они борются пулеметами и минометами, не менее, чем наглым обманом, утверждая, что эта диктатура капиталистической контр-революции является господством „демократии" и что палачи пролетариата являются защитниками народной воли против революционного меньшинства, которое хочет эту волю насиловать. В Англии это правое крыло с Гендерсоном во главе в любой статье готово вернуться к буржуазии, если только будет возможным сожительство с более умной частью буржуазии, с независимыми либералами. Если они не сидят в правительстве совместно с дикими джинго, с которыми сидели в правительстве во время войны, то только потому, что Бонар Лоу, Керзон и Черчилль не хотят позволить им мешать своей работе фразами, без которых теперь, под давлением рабочих масс, господа Гендерсоны не могут обойтись. Господа Гендерсоны, которые теперь говорят о рабочем правительстве, ждут дня, в который, получив большинство в парламенте, они смогут пригласить к власти бывшего министра войны Эльдена, начальника флота Фишера и господина Асквита, старую лисицу английского либерализма, ибо они в глубине души, так же, как и Черчилль, убеждены, что рабочий класс сам не может управлять страной, ибо они так же. как и лорд Фишер, хотят при помощи рабочего правительства, спасти английский капитализм от революции. Во Франции Альберт Тома, который во время войны будучи спрошен представителем черносотенного „Нового Времени" о задачах рабочего класса, заявил: „пушки, пушки, еще раз пушки: вот что нужно",—этот Альберт Тома и друг его Ренодель ничего больше не желают, как сделки с радикальной буржуазией; они ненавидят правительство дикой реакции, потому что оно создает почву для революции. Перед лицом бандитского нападения союзников на рабочую республику правые во Франции и в Англии не шли ни на

шаг дальше, чем это делали либеральные органы в роде „Дейли Ньюс“ и „Манчестр Гардиен“, и их задача состояла в том, чтобы под видом протеста против интервенции удержать рабочих от единственной действительной формы протеста—от забастовок. Они помешали даже забастовке протеста 21 июля 1919 г., когда за деньги английской, французской и американской буржуазии орды Деникина, Юденича и Колчака наступали на Россию рабочих и крестьян. Германская социал-демократия также организовала открытый поход против Советской России, посылала свои бандитские отряды в Латвию для борьбы с латышским пролетариатом. Вся политика бывшего правого крыла II Интернационала после войны состоит в открытой организации кровавого похода капитализма против рабочего класса. Для этой цели это правое крыло в Германии не постеснялось прибегнуть к убийствам вождей революции — Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Левине; и если Ренодель и Гендерсон от времени до времени показывают свое недовольство таким образом действий, то зато они одновременно защищают II Интернационал, т.-е. сожительство с кровавыми Носке, Шейдеманами; они доказывают, что готовы завтра у себя дома сделать то же самое.

Что же делает центр II Интернационала после войны? Он в Англии в лице Макдональда, Сноудена, большинства Независимой Рабочей Партии, помогает правому крылу, уговаривая рабочих, что социализма можно достигнуть конституционным путем, т.-е. пользуясь только теми правами, которые буржуазия оставила рабочему классу в то время, когда в руках буржуазии находилась реальная власть. Он протестует против кровавой расправы английского империализма над ирландскими, египетскими и индийскими рабочими и крестьянами, но он не ведет агитации между английскими солдатами и матросами, являющимися оружием лорда Френча и генерала Дайера. Он пытается удержать рабочих от всякого непосредственного давления на капиталистов и, таким образом, является главным тормозом революции. Во Франции он в лице Лонге пытается также удержать рабочих от революционных действий, считая, что достаточно потрясений воздуха революционными фразами. В Германии „центр“ в

начале революции прямо, открыто, совместно с шейдемановцами помогал капиталистам реставрировать свою власть, не уничтожая (когда его представители были в правительстве) старого бюрократического и армейского аппарата, украв, при помощи своих обманчивых демократических слов, власть у рабочих советов, не допустив до сношения с Советской Россией. Вышедши из правительства, под давлением своих собственных членов, независимая социал-демократия Германии в лице своих вождей во всякий момент революционного напора масс пытается удержать эти массы, выдвигая половинчатые, обманчивые лозунги, как, например, лозунг соединения власти советов с властью буржуазного парламента, а позже лозунг „рабочего правительства", в котором рабочие должны быть, совместно с господами Криспинами, представлены матерым торговцем кровью рабочего класса, главой профессиональной бюрократии — Легиным. В Италии вожди этого центра, как Тревес, Турати, Модильяни, — остаются в Итальянской Социалистической Партии, которая является на деле партией коммунистической, только для того, чтобы во всякий решительный момент удерживать рабочих от действий, чтобы фальсифицировать в парламенте их ясную, определенную, революционную волю. В Австрии эти вожди центра, с Отто Бауэром и Фридрихом Адлером во главе, рука-об-руку с Карлом Реннером, самым ловким соглашательским дельцом, поддерживают коалицию с реакционной, антисемитской, так-называемой христианской „демократией"; там они продавали оружие чешской белой гвардии против Советской Венгрии, теперь продают оружие польским белогвардейцам против Советской России. Эту свою предательскую политику они объясняют тем, что в положении Австрии нет места для классовой борьбы, ибо надо стоять у порога капиталистов Антанты, как нищим, с шапкой в руках, и просить о куске хлеба. Они заменили боевое знамя социализма лохмотьями нищих.

В то же самое время коммунисты сумели своей беззаветной, энергичной защитой интересов пролетариата и беднейшего крестьянства стать во главе стомиллионной России, вырвать власть из рук буржуазии и ее лакеев, создать первое рабочее государство, защищать его в продолжение двух

с половиной лет мечом созданной ими Красной армии против наступления капиталистов всего мира и одновременно, несмотря на неслыханные мучения народных масс, заложить основу коммунистического хозяйства. Коммунисты Германии сумели в это время организовать передовой отряд пролетариата, наполнить этот отряд духом борьбы на жизнь и на смерть, сумели погибать в тюрьмах, жертвовать своей жизнью в открытом бою, падать от пуль капиталистических наемных убийц и соглашателей, прикрывать знамя коммунизма своим телом и создавать в рабочих массах Германии, глубоко разочарованных вождями социал-демократии, новую волю к борьбе, волю к победе, решительную волю к спасению 70 миллионов германского народа, приговоренного политикой кайзера, германским капитализмом и бандитской политикой союзного капитала к голодной смерти, к спасению их путем пролетарской революции, в соединении с пролетарской Россией, под общим знаменем диктатуры пролетариата. Коммунисты в Венгрии, партия молодая и решительная, посмели взять на свои плечи защиту трудовых масс Венгрии в тот момент, когда оставалось или пойти на борьбу на жизнь и на смерть, или класть шею в петлю антантовского капитала. Они в неслыханно трудных условиях дали первый пример социалистического аграрного строительства, они в неслыханных условиях защищались три месяца, и если погибли от обмана, от пуль румынских бояр, вооруженных против них союзниками и английскими палачами, в роде Хорти, от интриг предательских соглашателей,—то не подлежит сомнению, что их жертвы, их страдания, что их борьба посеяли глубоко в сердцах венгерского пролетариата веру в возможность борьбы. Кровавая баня венгерских магнатов, поддерживаемых международным капиталом, докончит только дело обучения венгерского пролетариата, усилит в нем грозную волю победить под знаменем Советской Венгрии. Коммунисты Польши в неслыханно трудных экономических условиях, в стране, бесконечно разоренной войной, беспрерывными выступлениями, мешают войне польских белогвардейцев против Советской России в тот момент, когда „Польская Социалистическая Партия", принадлежащая ко II Интернационалу, в лице Пилсудского, в интересах международного капитала,

пытается добиться того, чего не смогли добиться белые генералы царя — крушения Советской России. В Болгарии коммунисты решительной своей борьбой против войны, решительной своей защитой интересов пролетариев, собрали вокруг себя все революционные элементы страны и стоят теперь у порога самых решительных боев за власть. Рука об руку с ними идут коммунисты Сербии, те самые, которые вначале войны имели мужество быть единственной партией, которая, совместно с русскими большевиками, открыто с парламентской трибуны протестовала против войны. Они развивают параллельную работу, дабы совместными с болгарскими коммунистами усилиями взять решение балканского вопроса в свои руки и отнять у международного капитала возможность пользоваться борьбой национальностей на Балканах для вызывания новых международных войн. Коммунисты в Италии ведут во главе растущих с каждым днем миллионных масс наступление на основы и твердыни капитализма. Растущей волной забастовок они расшатывают эти твердыни, растущей волной демонстраций они объединяют рабочие массы для восстания. Своей пропагандой советов и их устройством они подготовляют победу Советской Италии. Коммунисты Франции борются в рядах французской партии против обманчивой политики Лонге, подготовляют передовые отряды французского пролетариата к руководящей роли, для того момента, когда французские народные массы поймут, как обманули их вожаки буржуазии своими криками о победе, когда эти раззоренные массы предъявят буржуазии счет. Коммунисты Америки доказывают сотнями лет тюрьмы, которой наказывает их буржуазия за пропаганду и агитацию коммунизма, что означает на деле капиталистическая „демократия“; они срывают с нее маску и обнаруживают ее, как господство трестовых королей, спекулянтов и как безмолвие народных масс. И во всех концах мира, в Южной Африке, как и в Мексике, в Австралии, как и в китайских портовых городах, коммунизм является душой тех частей рабочего класса, которые хотят бороться за освобождение. Не всюду это освобождение близко, не всюду коммунисты будут в состоянии взять в скором будущем власть в свои руки, но всюду коммунизм является путеводной звездой борьбы про-

тив капитализма. Если представители Английской Независимой Рабочей Партии спрашивают нас, чем отличается коммунизм от других форм социализма, то мы отвечаем: нет других форм социализма, есть только коммунизм. Все другое, что выступает, как социализм, есть либо заведомый обман лакеев буржуазии, либо самообман людей и групп, которые не решились выбрать между борьбой на жизнь и смерть и ролью помощников гибнущей буржуазии.

2. Диктатура пролетариата и английский пролетариат.

Второй вопрос представителей Английской Независимой Партии требует от Коммунистического Интернационала объяснения, как по его понятиям должна быть применена теория диктатуры пролетариата в Великобритании. Мы считаем, что ни в какой стране теория диктатуры пролетариата не может быть лучше и непосредственнее применена, чем в Великобритании.

Капиталистическая система, господствующая в Британии, была создана путем самой беспощадной диктатуры капитала. Английский капитал отобрал насильно землю у крестьян. Начиная с XVI столетия, он выгонял насильно крестьян с их земель, дабы создать капиталистическое землевладение. Пролетаризованных крестьян и ремесленников он путем диктаторских методов превратил в своих наемных рабочих и отрезывал им уши, вырезывал ноздри, если они не хотели для него работать. Он гнал их в рабочие дома, которые были домами голода и смерти, отрывал мужа от жены, ребенка от матери, дабы принудить их работать без устали для него. Он вешал рабочих, когда они, разоряемые капиталистическими фабриками, пытались уничтожать машины, не понимая, что зло не в машинах, а в том, что эти машины принадлежат капиталистам. Он расстреливал, как это имело место в 1817 г. в Петерлоо, рабочих, собирающихся мирно демонстрировать свое недовольство. Он сгноил в тюрьмах сотни самых лучших представителей английского рабочего класса, когда они во время чартистского движения пытались поднять английский пролетариат на борьбу за осво-

бождение. От времен Кромвеля, Клайва и Уоррена Гастингса до времен Дайера, Алленби и Френча он с оружием в руках держал под железной своей пятой крестьянские массы Ирландии, Индии и Египта, бросал одну их часть на другую для усиления своего господства, или топил в крови всякую попытку их к восстанию. Нет в мире капитализма, который бы такой беспощадной, такой кровавой диктатурой пришел к власти и держал эту власть в своих руках. Если лживые либеральные историки английской буржуазии могут уговорить значительную часть английских рабочих, что господство английской буржуазии является мирным господством, народным господством, что Англия не знает революции, что в Англии народ имеет конституционную возможность провести в жизнь всякую реформу, которую захочет его большинство,—то эта наглая ложь может иметь влияние только потому, что в продолжение более 50 лет английский рабочий класс в верхних слоях, привилегированных слоях, сумел забыть всю революционную историю английского капитализма и английских народных масс. Господствующая клика в первый момент, когда это большинство английского народа обратится против нее, отбросит парламент в мусорную яму и заведет в Англии ту же самую диктатуру Френча и Черчилля, которую они завели в Ирландии. Эта клика уже приготовляется к отбрасыванию парламентской декорации, к политике железа и крови. Когда Черчилль говорит, что рабочий класс, что рабочая партия не в состоянии руководить Англией, то это означает, что он готов всякий парламент с рабочим большинством, если бы он на деле захотел бороться с буржуазией, разогнать при помощи своих экспедиционных войск и белой гвардии буржуазии. Такой парламент он объявит „неспособным управлять Англией". Циркуляр Черчилля от февраля 1919 года, в котором он подготовлял употребление военной силы против рабочих при забастовках, показывает, что английская военная клика ни на один момент не думает делать различия между своими английскими и своими египетскими, индусскими или ирландскими рабами. Кто говорит английскому рабочему, что он может победить диктатуру капитала, ныне царствующую в английской империи, иначе, чем созданием диктатуры пролетариата, т.-е. собрав

всю полноту фактической власти в руках рабочего класса, отняв политические права у всех групп и классов, защищающих капиталистическую эксплоатацию, организовав красную рабочую армию,—тот обманывает себя, других, а может-быть, и себя, и других. Возможно допустить, что рабочий класс в Англии может получить власть формально даже без революции, при помощи победы при парламентских выборах. Мировая революция знает разные этапы: ведь, венгерские рабочие получили власть без восстания, без вооруженных столкновений, путем капитуляции правительства Карольи. Русские рабочие взяли власть не столько путем применения вооруженной силы, как благодаря тому, что вооруженная сила стала на их сторону. Но когда дело идет о диктатуре пролетариата, то не важно, каким формальным путем пролетариат получит власть, — важно то, что он эту власть не может защитить и удержать без того, чтобы обезоружить капиталистический класс, чтобы отнять у него, впредь до заключения его в ряды трудовой нации, политические права, без сосредоточения всех источников силы в своих руках и без беспощадного применения этой силы для защиты своей власти. Если бы английским рабочим власть досталась путем парламентских выборов, путем так-называемой демократии, что мы считаем, при сосредоточении всех средств обработки общественного мнения в руках буржуазии, очень неправдоподобным,—то это ни на иоту не освобождает коммунистов от обязанности говорить рабочим: 1) что очень неправдоподобно, чтобы буржуазия Англии, самая энергичная, самая умелая покровительница народных движений, самая богатая буржуазия в мире, буржуазия-властительница не только миллионов английских рабочих, но сотен миллионов крестьян и рабочих в своих колониях, сдала власть без боя, покорилась бумажной воле парламента; 2) что поэтому рабочим надо готовиться не к легкой парламентской победе, а к победе в тяжелой гражданской войне; 3) что если бы рабочим удалось взять власть без этой гражданской войны, это означало бы лишь, что необходимость гражданской войны стоит перед рабочим классом после того, как он захочет проводить в жизнь свою волю, защищаться от капиталистической эксплоатации и спекуляции, когда он захочет

освободить народные массы в колониях, ныне угнетаемые английским милитаризмом.

Диктатура пролетариата в Англии тем более применима, что пролетариат является громадным большинством населения, что он находится на высоком уровне технического и формального образования, что он организован в громадные профессиональные союзы. Ему нужна только решительная революционная воля и создание решительной революционной партии, которая эту волю сумеет выражать и проводить, распространять среди миллионных народных масс.

Этим мы дадим ответ не только на второй, но и на седьмой вопрос английских товарищей, вопрос о том, может ли диктатура пролетариата быть введена не только при помощи вооруженной силы.

3. Советы и парламент.

Английские товарищи спрашивают нас, является ли советская система обязательной для III Интернационала. На этот вопрос мы хотим ответить сначала экскурсией в историю английской буржуазной революции, когда во время английской революции индепенденты, представляя самую богатую буржуазию и капиталистических помещиков, стали консервативной силой, сопротивляющейся дальнейшим реформам, требуемым Народной Армией. Кромвель в 1653 году под давлением армейских масс заявляет: „Время прошло, я должен действовать". Он говорит парламенту речь, правду о злодейской политике клики власть имущих; ему заявляют, что это не конституционная речь. На это Кромвель ответил: „Вы думаете, что это не парламентский язык, я хочу положить конец вашим парламентским разговорам, я вам заявляю: вы уже не парламент. Введите их". И он вводит своих солдат-революционеров и разгоняет индепендентов. Революция является борьбой классовой, является тем более борьбой острой, чем более противоположны интересы классов. Будучи борьбой не на живот, а на смерть, будучи гражданской борьбой, будучи борьбой с оружием в руках, революция не выносит обманчивых учреждений, в которых речи и разговоры должны закрыть перед глазами масс происходящие

чействия; она тем сильнее, чем яснее становится массам, о чем идет речь, чему служит дело революционного правительства. Поэтому она не нуждается в лживых учреждениях, заглушающих словесными разговорами задачу борьбы классов. Больше того, она не может разговаривать, она принуждена действовать и скоро действовать. Поэтому Кромвель принужден был разогнать парламент индепендентов. Он создал себе малый парламент из ремесленников, малоземельных собственников, купцов. Этот малый парламент, являвшийся представителем главной силы революции, мелкой революционной буржуазии, оружием масс, этот малый парламент был не чем иным, как советом представителей составных частей армии английской революции. И именно потому, что Кромвель был связан с буржуазией, с частью помещичьего класса, с генералитетом, он должен был и этот парламент после разогнать, объяснив это тем, что этот парламент нарушил свободу и собственность Если у кого было 12 коров, то этот конвент думал, что он должен этими коровами поделиться с соседями, не имеющими коров, никто не оставался бы при своей собственности, если бы эти люди дальше так хозяйничали. Поэтому и этот парламент должен был быть распущен. Революция, как и контр-революция, как и всякая действующая в революции определенная социальная группа, не может разговаривать, она должна действовать. Во время французской революции якобинцы победили под знаменем демократии. Конституция 93 года была демократической, одной из самых демократических, но для того, чтобы защитить народные массы от контр-революционной буржуазии помещиков, от европейской контр-революции, якобинцы должны были выгнать из парламента жирондистов и отнять у контр-революционных классов всякие выборные права. Они не делали этого на бумаге, они сделали это в действительности.

Рабочая революция, само собою разумеется, не копирует буржуазных революций, и содержание ее и формы отличны от буржуазных революций. Но рабочая революция принуждена не менее, а более решительно действовать, чем действовала буржуазная революция, ибо рабочая революция представляет собой в 10 раз более глубокий переворот, чем

все буржуазные революции. Буржуазная революция ставила на место одной формы частной собственности другую форму, пролетарская революция уничтожает частную собственность, она вызывает в 10 раз более ненависти, злобы, сопротивления. При теперешних средствах передвижения и сообщения, против рабочей революции всякой страны немедленно собираются все контр-революционные силы мира, и всякое промедление дела смерти подобно. Рабочая революция принуждена поэтому скоро и решительно действовать, и она не может позволить себе роскоши ведения длинных разговоров с контр-революцией. Контр-революция, как это показал финский, русский, венгерский и германский опыт, не менее деловито настроена, она с революционными рабочими не говорит, а пытается их удушить петлей голода и дождем железа, и поэтому, если английские рабочие, даже пришедши к власти, не отняли бы немедленно политических прав у буржуазии и не выгнали бы ее из парламента, то не подлежит сомнению, что им пришлось бы это сделать скоро, если бы они вообще хотели пользоваться своей властью для своего освобождения. Если же они выгнали бы буржуазию из парламента, муниципалитетов и т. д., то и парламент, и муниципалитет остались бы как органы рабочих. А если дело обстояло бы так, то перед нами стал бы вопрос о методе выборов, вопрос о том, лучше ли выбирать рабочий парламент и рабочий муниципалитет на основании территориальном и на основании производственном. Основание территориальное — выборы от населения округа, это самый выгодный метод выборов для буржуазии, ибо, если парламент в целом должен создавать впечатление, что он представляет всю нацию, то тогда выборы должны производиться от территориального округа, территориальной части нации, без различия классов. Но рабочий парламент, рабочий муниципалитет не хочет вызывать никаких ложных представлений, он хочет, чтобы население определенно знало, кто в нем кого представляет, и поэтому выборы от разных отраслей производства, выборы от фабрик, заводов, от коллективов промышленных служащих, от коллективов трудовой интеллигенции и батраков, работающих на коллективных началах, и есть принцип выборов, наиболее соответ-

ствующий рабочей демократии. Рабочие депутаты должны быть связаны с определенной производственной группой, они должны находиться под ее беспрерывным влиянием, и массы должны иметь возможность их отозвать во всякий момент. Диктатура пролетариата связана в эпоху концентрированного капитализма с советской системой, ибо капитализм концентрировал рабочих в крупных отраслях промышленности, и эта концентрация, являющаяся источником революционной энергии, требует себе выражения в системе выборов. Буржуазная демократия хотела противопоставить парламентской клике аморфную, безличную массу избирателей. Рабочая демократия основана на ближайшем контакте рабочих представителей с делегирующими их массами, на праве отзыва депутата, если его политика больше не отвечает взглядам избирателей. Рабочая демократия требует советской системы выборов от фабрик, заводов и отраслей производства. В России коммунисты, выставляя лозунг: „Вся власть советам", еще не знали, будет ли эта форма формой диктатуры пролетариата в других странах. Революция в Германии, в Венгрии, в Польше показывает, что рабочие всюду стремятся к основанию своей диктатуры на советской системе, как наиболее отвечающей их интересам; всюду глубокое недоверие к буржуазному парламентаризму, недоверие к социал-демократии, предавшей массы, выражается в стремлении масс к тому, чтобы через своих с ними связанных представителей взять власть непосредственно в свои руки и беспрерывно ее контролировать. Насколько возможны разные формы советского правительства в разных странах, о чем английские товарищи нас спрашивают в шестом вопросе, мы ничего определенного сказать не можем. Теоретически надо допустить возможность различных вариаций типа в зависимости от разной хозяйственной структуры разных стран, охватываемых поочереди революцией. Но опыт развития мировой революции до последнего времени не дает нам никаких указаний насчет того, насколько эта теоретическая возможность будет проявляться в жизни. Коммунистический Интернационал не считает, что он должен учить революцию, в какой форме она должна развиваться. Лозунги его, само собой понятно, основанные на опыте только-что достигну-

того уровня мировой революции, не являются предписанием религии и должны меняться в зависимости от нового опыта мировой революции. Важно только, чтобы массы понимали то, что без низвержения буржуазии, ее разоружения, ее экономического искоренения, победа социализма невозможна, что для этого дела низвержения и искоренения нужна рабочая власть, власть класса, который революцию проводит, что эта власть должна выражаться в организации, в центре и на местах, полновластных рабочих коллективов, вполне зависящих от рабочей массы, ею в любой момент сменяемых.

4. Слово и дело в Коммунистическом Интернационале.

Целый ряд вопросов английских товарищей, как, например, вопрос первый, седьмой, девятый касается того, насколько строго требует Коммунистический Интернационал от партий, к нему примкнувших, проведения в жизнь коммунистической программы, коммунистических взглядов. На эти вопросы мы можем дать ясный, короткий ответ. Программа коммунизма является формулировкой общих условий развития мировой революции в капиталистических странах. Ни в какой капиталистической стране невозможно победить буржуазию без гражданской войны, невозможно вести гражданскую войну победоносно без организации пролетариата, как гегемона страны, это значит—без организации диктатуры пролетариата; и всюду диктатура пролетариата должна базироваться на рабочих органах власти — советах. Так как программа коммунизма является не выдумкой основателей III Интернационала, а методом борьбы, отвечающим общим условиям развития мировой революции, то само собой понятно, что членом Коммунистического Интернационала может быть только партия, которая намерена всю свою агитацию, всю свою пропаганду, всю свою политику пропитать духом этой решительности в борьбе, этим сознанием условий борьбы, которое находит свое выражение в программе Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал не допускает расхождения между словом и делом Это было признаком гнилости II Интернационала, что он до

пускал в свои ряды партии, которые на деле ничего не имели общего с социализмом, как это имело место с Рабочей Партией Англии, которая была основана, как блок партии и тред-юнионов для совершенно конкретных политических целей, не для борьбы за социализм; что он допускал в свои ряды партии, практика которых заведомо шла вразрез с интересами социализма. Только потому, что по существу большинство партий II Интернационала было реформистским и, следовательно, только на словах боролось за социализм, только потому была возможна там никого ни к чему не обязывающая терпимость. Тут надо еще принять во внимание тот факт, что так как борьба II Интернационала была в главных своих областях борьбой в парламенте и борьбой за столом переговоров между вождями профессиональных союзов и вождями капиталистических трестов, то эта борьба должна была считаться с большим различием социальных группировок. По мере того, как развертывается мировая революция во всех капиталистически развитых странах, класс собственников сплачивается в одну контр-революционную массу, различия между разными группами капиталистов исчезают. Центр борьбы переносится на прямые схватки между трудом и капиталом. Это значит, что условия этой борьбы нивеллируются, делаются с каждым шагом мировой революции более похожими во всех странах. Это дает возможность унификации рабочей революционой тактики. Этот факт создает основание для твердой, общей принципиальной политики всех партий, входящих добросовестно в III Интернационал. Но есть вожди разных партий, которые под давлением масс своих членов должны считаться с возможностью, что они будут принуждены войти в III Интернационал. Эти вожди сами являются противниками революционных методов Коммунистического Интернационала, они бросают III Интернационалу упрек, что он хочет из Москвы навязывать рабочим других стран свою революционную политику, определенные методы действий. На деле они боятся, что их собственные рабочие навяжут им эти революционные методы, и эти вожди, принужденные считаться с возможностью необходимости вхождения в III Интернационал, пытаются получить паспорт для своих оппортунистических проделок, апеллируя к Коммунистическому

Интернационалу, чтобы он, считаясь с разным соотношением сил, позволял им на словах высказаться за III Интернационал, а на деле вести политику нерешительную, политику качания между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией. Коммунистический Интернационал не только не может, но определеннейшим образом отказывается брать на свой корабль представителей партии, доверяющих еще людям, способным на такое расхождение между словом и делом. Он говорит совершенно откровенно рабочим, стремящимся в его ряды: вы в состоянии проводить политику Коммунистического Интернационала только постольку, поскольку вы в состоянии порвать решительно с вождями, которые или вас сознательно обманывают, или, больные внутренним противоречием, обманывают и вас, и самих себя. Только по мере освобождения от этих вождей, рабочие массы в состоянии на деле проводить политику III Интернационала. И насколько такие рабочие представляют в данной партии только часть членов, меньшинство, мы им говорим открыто: мы приветствуем вас, как наших братьев, но мы призываем вас бороться за соединение вашей партии с Коммунистическим Интернационалом не путем вымаливания у правых вождей согласия на вступление в III Интернационал, а путем решительной агитации, решительной борьбы внутри собственной партии за устранение правых оппортунистических вождей. Коммунистический Интернационал, как организация борьбы, хочет определенно знать, на какие силы он может полагаться, какие партии представляют на деле его отряды. Он совершенно не стремится к созданию фиктивного впечатления силы, он сознательно отклоняет допущение в свои ряды партий, внутренняя структура которых такова, что у руля партий революционно настроенных рабочих стоят оппортунисты, могущие в решительный момент обмануть массы и повернуть этот руль в фарватер сделки с буржуазией.

5. Коммунистический Интернационал и использование парламента.

На вопрос английских товарищей о том, в каких размерах Коммунистический Интернационал допускает использование парламентских методов (5-й вопрос), Коммунистический Интернационал дал ответ уже в целом ряде документов. Коммунистический Интернационал не видит в парламенте органа, который мог бы быть употреблен в качестве органа диктатуры пролетариата, в качестве его органа и аппарата власти. Коммунистический Интернационал не считает, чтобы можно было обеспечить победу пролетариата тем, что рабочие получат большинство при парламентских выборах, хотя не подлежит сомнению, что получение такого большинства, как показатель того, что на стороне коммунизма стоит большинство народа, могло бы агитационно и политически очень помочь победе пролетариата. Но в стране, в которой рабочий класс только еще ведет борьбу за власть, Коммунистический Интернационал считает не только допустимым, но желательным, и в общем обязательным, использование предвыборной агитации и парламента для коммунистической агитации и коммунистической организации. Где рабочие еще не захватили власть, где пресса их бедна, где она доходит только до части пролетариата, где коммунистические организации часто бывают загнаны в подполье, там сравнительная свобода при выборах,—если ее рабочие получают,—там парламентская трибуна может оказать громадную услугу делу революционной агитации и организации. Политика большевистской фракции в III Думе, политика большевиков в „демократическом совещании“ показала пользу парламентской трибуны для коммунистической агитации, как это доказала точно так же практика Карла Либкнехта в германском рейхстаге в самые черные дни германской реакции. Но революционные методы использования парламентаризма отличны от оппортунистических методов. Оппортунистические рабочие вожди идут в парламент, чтобы там путем сделок с буржуазией добиваться улучшения положения рабочей аристократии. Революционные коммунисты,

если идут в парламент, ставят себе задачей разоблачение буржуазии перед глазами рабочих масс всеми средствами, начиная с речей, кончая парламентскими столкновениями, обращающими внимание рабочих масс на предмет борьбы. Они ставят себе задачей принудить буржуазную прессу своими резкими выступлениями сообщать то, чего хотят коммунисты, широчайшим массам рабочей бедноты, не читающей коммунистической прессы. Они ставят себе задачей помогать рабочим массам организоваться, создавать легальные, и если нужно, нелегальные организации, и потому работа их представляет только подсобный орган коммунистической массовой работы. Их агитация должна быть направлена на вызывание массовых движений, на поддержку этих массовых движений, на защиту их перед всем миром и с парламентской трибуны. Поэтому парламентская фракция коммунистов должна быть подчинена вполне коммунистической партии, органу, руководящему массовой революционной борьбой и Центральному Комитету партии, как руководителю последней. Тот факт, что рабочие массы Европы и Америки знают только реакционное, оппортунистическое использование парламента, а не видели своими глазами примера революционного использования парламента, тот факт, что они видели коррупцию парламентариев и видели мало примеров таких парламентариев, которые погибали на баррикадах, этот факт делает очень трудным проведение в жизнь политики Коммунистического Интернационала в этой области. Но мы твердо уверены, что рабочие массы, которые от парламентского кретинизма оппортунистических вождей бывают иногда отброшены в лагерь наивного антипарламентского кретинизма, поймут правильность политики Коммунистического Интернационала.

6. Коммунистический Интернационал и Рабочая Партия.

Четвертый вопрос наших товарищей требует от нас ответа на то, как мы относимся к принадлежности Независимой Рабочей Партии к английской Рабочей Партии. Этот вопрос стоит не только перед Независимой Рабочей Пар-

тией, но также и перед Британской Социалистической Партией, принадлежащей к III Интернационалу и одновременно к Рабочей Партии. Ответ на этот вопрос очень труден, ибо он требует не только детального знакомства с конкретной механикой английской политики, но и учета будущего Рабочей Партии. Мы пытались собрать все материалы, касающиеся этого вопроса, и на основании их пришли к следующему взгляду.

Рабочая Партия была основана не как политическая партия, а как блок партий, профессиональных союзов и других рабочих организаций с целью создания при выборах рабочего представительства в парламенте, которое отстаивало бы интересы профессионально-организованных английских рабочих против попыток английского капитала обуздать профессиональное движение. Большинство делегатов Рабочей Партии состояло из либеральных рабочих политиков. Рабочая Партия во время правительства Кэмпбеля-Баннермана—Асквита плелась, по существу, в хвосте либеральной партии. С тех пор социалистические стремления усилились в английском рабочем классе, и таким образом усилился социалистический элемент в Рабочей Партии. При слабости английских социалистических партий, центральным вопросом их жизни и смерти был вопрос об их связи с рабочими массами и с их профессиональной организацией. Насколько они не хотели оторваться от этих масс, они были принуждены принадлежать к Рабочей Партии. Тот факт, что эта Рабочая Партия не была политической партией с определенной программой, с определенной, обязательной для ее членов, тактикой, что она не имела местных организаций и прессы, проводящей ежедневно ее политику, облегчало социалистическим партиям принадлежность к Рабочей Партии. В данный момент намечается тенденция оппортунистических вождей сделать из Рабочей Партии настоящую партию с местными организациями и с программой. Это стремление имеет целью создание большой оппортунистической партии, чтобы тем самым задержать революционное развитие масс. Насколько эта тенденция победила бы, Рабочая Партия не оставила бы входящим в нее социалистическим организациям права на собственную коммунистическую политику, на про-

паганду революционной борьбы. Она связала бы их свободу действий по рукам и по ногам. Тогда само собой понятно, что никакая организация, которая хотела бы проводить коммунистическую политику, не могла бы принадлежать к Рабочей Партии. Тогда надо было бы, после самой энергичной борьбы против этого стремления, выйти из Рабочей Партии и пытаться поддерживать связь с рабочими массами путем усиления коммунистической деятельности в профессиональных союзах, путем откалывания этих профессиональных союзов от рабочей оппортунистической партии и перехода их на почву коммунизма. Но поскольку Рабочая Партия еще является только блоком организаций, позволяющим этим организациям вести массовую агитацию в духе их программы, постольку мы считаем допустимым вхождение в Рабочую Партию. Принадлежность к ней должна состоять не в механическом использовании ее, как почвы, на которой собираются массы, для поддержания контакта с этими массами, а должна служить средством вырывания этих масс из-под влияния оппортунистического большинства вождей Рабочей Партии. Мы считаем недопустимой такую политику, какую вела Независимая Рабочая Партия по отношению к Рабочей Партии во время войны и выборной агитации в декабре 1918 г. Независимая Рабочая Партия была во время войны против поддержки английского империализма, но не пропагандировала своей идеи, не доказывала рабочим массам, что вожди Рабочей Партии их предают. Принадлежность к Рабочей Партии была сожительством с оппортунизмом под одной кровлей, а не борьбой с ним. Во время выборов кандидаты Независимой Рабочей Партии, в зависимости от своих взглядов и темперамента, более или менее остро боролись с военной политикой правительства, но Независимая Рабочая Партия, как целое, не указывала рабочим массам, что Рабочая Партия, как целое, ответственна за эту войну, за поддержку правительства, что она так же виновата, как империалистическое правительство. Партиям, входящим в III Интернационал и входящим одновременно в Рабочую Партию, мы ставим примером следующее: когда русские коммунисты, будучи меньшинством, входили в советы с меньшевистским большинством и даже были принуждены

в своих действиях считаться с решениями этого большинства, они ни на один момент не отказывались от самой энергичной борьбы с политикой этого большинства, начиная от беспощадного разоблачения этой политики перед рабочими классами, как политики измены пролетариату. Такую политику по отношению к Рабочей Партии мы считаем условием для вхождения в III Интернационал.

7. Коммунистический Интернационал и элементы центра.

Три последние вопроса английских товарищей касаются нашего отношения к попыткам соглашения с элементами, которые ушли из II Интернационала, но не вошли в III Интернационал. Эти элементы не представляют собой однородной массы. Для правых вождей швейцарской партии, которые путем референдума саботировали решения партийного съезда о вступлении в коммунистическую партию, дело идет о том, что они против не только диктатуры пролетариата, не только советской системы, но и революции вообще. Они считают, что в такой „демократии", как швейцарская, рабочий класс победит парламентским путем. Они не довольствуются участием в парламенте, не довольствуются даже оппортунистической тактикой в парламенте, они принимают даже руководящие места в местных исполнительных органах буржуазной власти, принимают даже посты полицейских директоров, на которых ложится обязанность подавлять силой революционное движение рабочего класса. Германская независимая социал-демократия в громадном большинстве своем стоит на почве диктатуры пролетариата и советской системы. Под давлением с каждым днем все более левеющих рабочих масс даже правые вожди германской независимой социал-демократии, которая еще вначале 1919 г. была против советской системы, принуждены были принять эту программу. Если эти вожди не исполняют определенного решения своего съезда, который приказал им вступить в Коммунистический Интернационал без оттяжки, если переговоры с другими партиями затянулись, то это потому, что такие вожди сознательно саботируют решение съезда, сознательно про-

тивопоставляют себя воле германских рабочих. Эти вожди отписались от решения своего же съезда таким образом, что послали Коммунистическому Интернационалу запрос о том, готов ли он с ними совещаться. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала дал им на это письменный ответ. Этот ответ вожди независимой социал-демократии спрятали от своих масс. Никакого другого шага для выяснения своего отношения к Коммунистическому Интернационалу они не делали, и на днях только нам пришлось посылать им письмо, напоминающее им волю громадного большинства членов их собственной партии. Всякая конференция, на которую они идут, всякое совещание, которое они устраивают с другими партиями, имеют только одну цель—выиграть время, ибо, как говорил их политический руководитель, Рудольф Гильфердинг, надо подождать, не надо связываться с кораблем, который, может быть, погибнет. Этим кораблем осенью прошлого года, в момент наступления Деникина и Юденича, господин Гильфердинг считал Советскую Россию, этот стержень Коммунистического Интернационала. Вождь независимой социал-демократии Германии ставил ставку на гибель Советской России. Советская Россия не погибла, Коммунистический Интернационал усилился. Но так же, как Ллойд Джордж и Черчилль теперь затягивают начатые мирные переговоры с Россией, чтобы подождать—не удастся ли польским белогвардейцам то, что не удалось Деникину, Юденичу,—так же и господа Гильфердинги не прочь подождать, не спасет ли их член II Интернационала, маршал польских белогвардейских войск, Иосиф Пилсудский, от III Интернационала. Французские лонгетисты на словах за диктатуру пролетариата и за Советы в России, но они не верят в революцию и не делают ничего для ее ускорения; они тоже совещаются и „ждут" создания нового Интернационала из Коммунистического Интернационала и таких „прекрасных" революционных элементов, как они сами.

Наконец, партия, от имени которой к нам обратились тт. Уоллхед и Эллен Клиффорд, только на одну четверть состоит из последовательных открытых приверженцев Коммунистического Интернационала. Вторая часть ее считает вопрос еще неясным, третья, которая составляет наверное

половину партии, в которой сидят самые влиятельные старые вожди Независимой Партии, представляет собою политику оппортунизма, сделки с буржуазией, политику плаксивого пацифизма, политику всякой мещанской идеологии. Эта часть является сознательным противником коммунистической политики. Конференция этих групп для „изучения вопроса" есть маневр вождей, желающих получить еще одну отсрочку своего собственного краха. Само собою понятно, что Коммунистический Интернационал знал великолепно, что соединение с революционным пролетариатом, насколько он еще к несчастью стоит за этими партиями, может состояться только путем развития революции, укрепления революционной сознательности в рабочих массах, а не путем конференций и сделок обманывающих эти массы вождей. Коммунистическому Интернационалу не приходится бояться таких конференций, при условии полной их гласности, при условии дебатирования вопросов Коммунистического Интернационала органами печати этих партий, при условии обязательства этих партий отказаться от тайной дипломатии, от бесстыдного скрывания документов III Интернационала. Но требовать от Коммунистического Интернационала представителей, которые являются предметом гонения во всем мире, чтобы они отправились для просвещения господ оппортунистов в Швейцарию, является для нас доказательством, что эти господа сознательные саботанты воли рабочих. Ибо если революционные рабочие, не имеющие никаких материальных средств, могли для того, чтобы узнать, что такое Коммунистический Интернационал, чтобы увидать собственными глазами Советскую Россию, приезжать к нам даже из Австралии и Америки, пробираться через 10 фронтов к нам, то наверное представители влиятельных, сильных политических партий могут добиться разрешения от своих правительств на приезд в Москву или пробраться к нам нелегально, не идя при этом на риск расстрелов. Их ценную жизнь отстоят во всяком случае их правительства. Мы приглашаем всякого в отдельности и всех совместно приехать для переговоров с нами в Москву и тут в Москве дать деловую картину нашей политики, наших принципов. Мы гарантируем им, что всякое их слово будет спасено для будущего путем стенографирования и будет пре-

дано гласности, дабы их рабочие могли узнать, чем отличается политика этих оппортунистических вождей от политики Коммунистического Интернационала, и мы убеждены, что эта поездка послужит очень делу распространения коммунистических идей.

8. К коммунистам Независимой Рабочей Партии Англии.

Коммунистический Интернационал следит с глубоким вниманием за развитием классовой борьбы в Англии. Он приветствует с глубокой радостью всякое проявление пробуждения революционного сознания в массах английских рабочих, всякое проявление их революционной энергии. Маркс когда-то писал, что мировая революция является бурей в стакане воды, пока не встанет английский рабочий класс и не низвергнет английский капитализм, этот самый сильный капитализм мира. Теперь английский капитализм не самый сильный, он имеет много конкурентов и он сам находится под ударами колониальных рабов. Возможно, что революционный пролетариат Европы, скинув с себя цепи своих капиталистических правительств, наткнувшись на сопротивление англо-саксонского капитала, на влияние американского и английского капитала, которые захотят его блокировать, что этот революционный пролетариат Европы в союзе с восстающими народами Востока добьет английский капитализм в революционной схватке, местом которой будет весь мир. От английских рабочих зависит, чтобы честь покончить со своими поработителями принадлежала им, чтобы они, первый рабочий класс, который в славном чартистском движении показал путь рабочим всех стран, чтобы этот рабочий класс не был предметом освобождения, а сам был застрельщиком мировой революции. Для этого ему неслыханно много дано, у него есть мощные профессиональные союзы, имеющие свыше 6 миллионов рабочих, у него есть привычка к организованному действию, у него есть значительно высокий уровень образования, у него пробуждается теперь революционное сознание и революционная энергия. Ему, чтобы быть застрельщиком мировой революции, недостает только одного—освободиться от тра-

диций либеральной рабочей политики своих вождей, стать на почву революционного действия и организовать для него мощную коммунистическую партию, которая бы руководила его борьбой, которая бы наполняла своим духом его массовые организации, которая бы взяла на себя инициативу создания новых, объединяющих организаций—рабочих советов. Но революционные силы, находящиеся в Англии, атомизированы, разбиты, они находятся в Британской Социалистической Партии, они находятся в Социалистической Рабочей Партии, они находятся в организациях Южного Уэльса и Шотландии, они находятся в левом крыле Независимой Рабочей Партии и в коммунистических группах. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала призывает всех рабочих-коммунистов Англии соединиться в одну партию. Эта партия с единой гранитной программой Коммунистического Интернационала должна во всей развертывающейся революционной, но еще недостаточно сознательной борьбе английских рабочих сыграть роль руководителя, указывающего массам не только общие лозунги, но и конкретный путь, ведущий к освобождению. Она должна связать эту массу с народным движением Ирландии, Индии, Египта, чтобы революционные массы английских колоний освободились при помощи английских рабочих, а не против них или даже не при их пассивных протестах. Ибо от этого будет зависеть, какое будет отношение этих колоний к английскому пролетариату в момент для него самый тяжелый, когда придется проводить революцию в стране, которая громадное большинство своих средств пропитания получает из колонии. Коммунистическая Партия Англии выдвигая молодое знамя коммунизма, должна помнить, что можно привести это знамя к победе не исключительным путем пропаганды и даже не путем агитации, а только путем активного участия в борьбе пролетариата, в его массовых организациях, доказывая рабочим массам на деле, что коммунисты лучше, чем кто либо умеют вести борьбу, борьбу, которая началась с борьбы за всякое, хотя бы и маленькое улучшение, что коммунистическая партия раздвигает и развертывает свои силы в борьбе за ниспровержение капитализма. Сильному, громадному английскому капитализму не противопоставлена сильная ком-

мунистическая партия Англии. Он поэтому в состоянии разбивать английское движение по частям, удалять кризис, делать его гнойным, еще более опасным для рабочего класса, более болезненным. От соединения коммунистических элементов Англии в одну коммунистическую партию зависит освобождение английского рабочего класса и всего мира, и поэтому английским коммунистам, призывающим международный пролетариат к объединению вокруг Коммунистического Интернационала, мы отвечаем:

Коммунисты Англии, объединяйтесь!

Исполнительный Комитет Третьего Коммунистического Интернационала.

Москва.

VI. Раскол итальянской социалистической партии и Коминтерн.

1. Роль итяльянского реформиста.

Раскол итальянской социалистической партии, вызванный отказом большинства ее членов, слывших до той поры за сочувствующих коммунизму, принять безоговорочно резолюции II конгресса Коминтерна, является, несомненно, одним из наиболее крупных событий в истории Коминтерна. Определить свое отношение к этому расколу должен не только Исполком Коминтерна, но и все его партии. Вот почему, раньше чем вынести свое суждение по этому вопросу, необходимо сопоставить и тщательно проанализировать факты.

Реформизм в Италии насчитывает уже свыше двух десятков лет. Турати и Тревес играли в Италии ту же роль, что Бернштейн и Давид в Германии, о чем свидетельствует и факт их сотрудничества в „Социалистическом Ежемесячнике“ [1]). В Италии, как и всюду в Европе, реформизм подразделялся на два течения: одно из них, империалистическое, отстаивавшее покровительственные пошлины, вело к национализму, другое, гуманно-демократическое, к пацифизму. И тому и другому течению была свойственна идея союза с радикальной буржуазией. Благодаря слабому промышленному развитию Италии националистическое крыло реформизма было слабее пацифистского. Вот почему, когда во время Триполитанской войны националистическое крыло осмелилось открыто поддерживать это разбойничье предприятие, его исключили из партии, что дало возможность

[1]) Орган германских реформистов.

партии, когда началась всемирная война, вместе с реформистами-пацифистами Турати и Модильяни утверждать, что она не перекочевывала в лагерь буржуазии. Но во время Триполитанской войны реформизм еще не потерпел окончательного крушения. В партии оставались не только Турати, Тревес и Модильяни, но и сотни других явных и тайных реформистов. Они составляли большинство в парламентской фракции, в муниципалитетах, заполняли ряды профсоюзной бюрократии. Коротко говоря, будучи меньшинством в партии, они—благодаря своей эрудиции—занимали ответственнейшие посты в рабочем движении.

Разумеется, они использовали свое положение, согласно своему мировоззрению. В период войны они, хотя и протестовали против войны, но остерегались содействовать повышению революционной активности в массах. Они постоянно имели в виду грядущую возможность коалиции с демократическим крылом буржуазии и в качестве реформистов были противниками революции. Благодаря им партия не только не использовала великого замешательства, наступившего после поражения у Карфрайт, но и не развернула революционного действия во время демобилизации, когда оружие было еще в руках у рабочих, а буржуазия совсем потеряла голову. В последние два года роль реформистов сводилась к парализации всякого возникавшего революционного массового движения. Примером может служить хотя бы поведение реформистской профсоюзной бюрократии во время захвата фабрик в 1920 г. Подлинный смысл этого поведения виден из слов итальянского премьер-министра Джиолити, заявившего 26 сентября в сенате следующее:

„Произошел захват фабрик. Те, кому угодно критиковать деятельность правительства, скажут, что я или должен был этому воспрепятствовать, или, если уже время для этого было упущено, силой очистить фабрики. Воспрепятствовать? Ведь дело касалось 600 металлопромышленных предприятий. Чтобы помешать их захвату, я должен был бы—допустим, что я действовал бы молниеносно и опередил бы захват—расквартировать по предприятиям целый гарнизон так, чтобы на мелкие

предприятия пришлось около сотни, на крупные несколько тысяч солдат. Чтобы занять фабрики, я должен был бы целиком использовать имеющуюся у меня в распоряжении вооруженную силу. Ну, а кто же оберегал бы нас от 500.000 рабочих, оставшихся за пределами фабрик? Кто оберегал бы общественную безопасность? Итак, от меня требуют или невозможной предусмотрительности, или же такого рода действий, которые поставили бы вооруженные силы государства в положение осаждаемых, лишив их свободы передвижения. Итак, от этого я считал своим долгом отказаться. Теперь посмотрим, целесообразно ли было очищать фабрики вооруженной силой? Ясно, что этим самым я ввязался бы в открытую битву, одним словом, начал бы гражданскую войну. И это после того, как Всеобщая Конфедерация Труда торжественно заявила, что она отвергает самую мысль о возможности придания движению политического характера, и считает, что движение должно оставаться исключительно в рамках экономической борьбы. Всеобщая Конфедерация Труда, которой я тогда верил, показала себя этого доверия достойной, так как широкая масса рабочих ее предложения приняла. Ну, а если бы я пустил в ход силу и в борьбе с 500.000 рабочих прибег к помощи войска, двинув на них королевские отряды и карабинеров, отдают ли себе отчет критики, к чему бы это привело страну?!"

Наихитрейший вождь итальянской буржуазии таким образом признал, что итальянское правительство в сентябре было совершенно бессильно и отдал должное итальянским реформистам в деле спасения буржуазии.

Орган германских независимцев „Фрайхайт", разумеется, не желает считаться с этими фактами. Он благословляет Тревеса, Турати, Модильяни и им присных в качестве геройских борцов против буржуазии и именует Зиновьева клеветником за то, что он называет итальянских реформистов со-

циал-предателями. Товарищ Леви в передовице, помещенной им в номере „Роте-Фане“ от 23 января, признает, что реформисты — социал-предатели и что их нужно исключить из итальянской партии, дабы она стала дееспособной. Ну, а Серрати это признает? Тов. Леви говорит, что группа Серрати считает „исключение реформистов, так сказать, преждевременным, в виду того, что в период войны они были ее противниками и вообще строго соблюдали партийную дисциплину. Они заявляют, что положение должно назреть политически настолько, чтобы масса лучше теперешнего поняла необходимость исключения реформистов“. Итак, тов. Леви признает, что Серрати и его группа против немедленного исключения саботажников революции.

Позднее мы еще остановимся на том, какую цену имеет обещание Серрати — исключить реформистов впоследствии. Спрашивается: что же было делать коммунистам, если Серрати не соглашался на исключение реформистов на данной стадии развития? Им только и оставалось, что, это ясно каждому коммунисту, самым резким образом восстать против Серрати и его группы. Кто же поверит, чтобы рабочие, будучи свободны от реформистских иллюзий и имея позади себя двадцатилетнюю историю итальянского реформизма, после предательства Биссолати и роли, которую реформисты играли у них на глазах в последние два года, все еще считали бы их исключение преждевременным? Если эти рабочие все еще в путах реформистских иллюзий, ясно, что они не могут принадлежать к коммунистической партии, потому что коммунизм начинается там, где кончаются реформистские иллюзии. Тов. Леви отказывается сделать этот вывод, он сожалеет о непримиримой позиции итальянских коммунистов по отношению к группе Серрати. Он полагает, что не занимай они этой позиции, реформисты были бы исключены еще в Ливорно. Непримиримая позиция коммунистов по адресу Серрати вызвана дружественной позицией Серрати по адресу реформистов. Это—прямой результат политики Серрати. Нам неведомы те чудодейственные способы, при помощи которых тов. Леви рассчитывает убедить Серрати. Во всяком случае, ясно, что эти чудодейственные способы неведомы были ни Исполкому Коминтерна, ни

II конгрессу Коминтерна, ни тем 50.000 итальянских рабочих, от которых отмежевался Серрати, чтобы не порвать с Тревесом, Турати, Модильяни и Дарагона. Нам остается пожалеть, что тов. Леви, неделями пребывавший в Москве вместе с тов. Серрати, не пустил тогда в ход этого чудодейственного способа, пожалеть и о том, что он скрыл его от Исполкома. Этот последний наверняка поручил бы ему прибегнуть к этому чудодейственному способу в Ливорно; и, наконец, нам весьма жаль, что он не прибег к нему на свой собственный страх и риск хотя бы и без соответствующего поручения Исполкома. Но шутки в сторону. Сколь бы высокого мнения мы ни были о краснорочии тов. Леви, все же полагаем, что от Серрати и он не добился бы того, чего не добились от него ни авторитетом международного конгресса и Исполкома, ни ссылкой на интересы итальянского рабочего движения: а именно, разрыва с оппортунистами. Чудодейственный способ тов. Леви есть продукт его фантазии,—результат неправильного понимания тов. Леви подлинной сущности фракции Серрати.

2. Роль итальянского центра.

Группа Серрати, нынешнее большинство итальянской социалистической партии, образует в ней фракцию центра. То обстоятельство, что она высказалась за диктатуру пролетариата и советский строй, ничего не меняет в этом факте. Рудольф Гильфердинг, Дитман, Криспин тоже высказались за диктатуру пролетариата и власть Советов. Ничего не меняет и тот факт, что она горячо боролась за Советскую Россию—мы подчеркиваем окончание в слове боролась. Энтузиаста от природы, итальянский пролетариат так сильно влекло к Советской республике, что Серрати вынужден был взять по ее адресу тон более горячего сочувствия, чем это делали Гильфердинги, которые, к слову сказать, и по сей день заявляют, что готовы защищать Советскую республику. Те же, кто следил в последние месяцы за позицией миланского „Аванти“ в отношении России, вынуждены констатировать, что со времени конфликта Серрати с Исполкомом его защита Советской республики

немногим отличается от защиты Дитмана и Гильфердинга. Заявляя же тов. Леви, что он готов в будущем исключать из партии реформистов за каждый факт несоблюдения ими дисциплины и нанесения вреда интересам пролетариата, Серрати лишь повторял то, что неоднократно заявляли в Москве Дитман и Криспин: „К чему нам проскрипционные списки? Всякий, кто станет в будущем нарушать постановления партии, подлежит исключению. Все остальное—суд над еретиками, а не пролетарская политика". Сходство между коммунизмом Серрати и Гильфердинга сквозит и во всех прочих пунктах: наподобие Гильфердингу, Серрати тоже считает оппортунизмом поддержку национальных движений народов востока; как и Гильфердинг, он считает принципиально недопустимой раздачу мелкому крестьянству части помещичьих земель в целях завоевания его на сторону революции или хотя бы нейтрализации. И, наконец, что самое главное: отношение Серрати к проблеме революции, его понимание роли коммунистической партии в революции вполне совпадает со взглядами Гильфердина. Доказательством тому история развития фракции Серрати и его собственное заявление.

Еще на циммервальдской конференции Серрати шел нога в ногу не с тогдашней циммервальдской левой, группировавшей вокруг себя в ту пору наиболее зрелые коммунистические элементы, а—несмотря на его резко отрицательное отношение к позиции Ледебура и Гаазе в парламенте,—нога в ногу с ними—в вопросе об отношении к массовым выступлениям. Циммервальдская левая считала задачей всех международных революционных элементов—использовать каждое стихийное движение пролетариата, будь то вызванное дороговизной волнение, стачка или политическое брожение, чтобы поставить на ноги массы, считая массовое выступление единственным способом революционного преодоления войны. Серрати формулировал свою точку зрения так: вы или опоздаете, или излишне поторопитесь. При этом надо принять во внимание, что дело касалось отнюдь не восстания и даже не массовой стачки, о которой еще недавно рассказывал сказки Мерргейм в вы-

шедшей на французском языке брошюре, которой вторил Эдуард Бернштейн. Дело касалось лишь направления партийной работы, лишь направления нашей агитации и организационного строительства. Куда следует держать курс, — на массовое выступление или на парламентский протест? На этот вопрос Серрати отвечал: следует переждать. И он ждал в течение всей войны. А что делал Серрати в последние два года по окончании войны? В качестве ответа приведем его собственные слова. В одном из писем, адресованных итальянскому товарищу и появившихся на страницах „Коммунизма", говорится:

> „Делать революцию значит не столь подстрекать к решающему насильственному акту, являющемуся, по моему мнению, лишь необходимым выводом из создавшегося положения, а следовательно, самопроизвольно совершаемому почти с роковой неизбежностью, сколь подготавливать элементы, дающие возможность нам, как партии, использовать этот неминуемый акт, и сделать из него все социалистические выводы, возможные в данной среде и при данных обстоятельствах. Не мы делаем революцию, или вернее, не мы производим решающий революционный акт, который насильственно рубит узел между прошлым и будущим, мы лишь пытаемся сознательно использовать эту новую силу в интересах торжества нашей идеологии. Итак, по моему мнению, задача социалистической партии не столько в том, чтобы вывести массы на улицу, как это мыслят романтики баррикад, сколько в том, чтобы подготовить все силы социалистического строя, необходимые для укрепления и окончательного торжества этого нового строя".

Определение революции имеется в одном из писем Серрати к Ленину; письмо это было помещено в брайтшайдском „Социалисте" от 18-го декабря 1920 г.; настоятельно рекомендуем товарищам с ним ознакомиться. Так вот, революция есть, по его мнению, „взаимодействие раз-

личных обстоятельств и многообразных элементов, в процессе взаимодействия приводящих в тот или иной исторический момент к разрешению кризиса, вызванного радикальными и экономическими причинами". Это мистическое взаимодействие разнородных элементов является „почти роковым". Партия агитирует, занимает места в муниципалитете и готовится использовать мистические акты революции. Она не выводит массы на улицу, она не готовится к завоеванию власти при помощи классовых организаций пролетариата. Таков смысл позиции Серрати; его знаменитое „не столько, сколько" есть лишь приукрашение его пассивной фаталистической точки зрения. Пусть не говорят, что это „не столько" свидетельствует о том, что он, хотя и отводит в процессе революции второе место организационным задачам, выдвигая на первый план стихийные события, но все же эти задачи признает. Да, он признает их на словах. На словах он считает долгом партии итти во главе массы, а не ковылять в ее хвосте. На словах он считает долгом создание подпольных организаций, на словах он считает нужным готовиться к неизбежной вооруженной борьбе. Но и пальцем не шевельнет, чтобы все это проделать.

Для Серрати самое главное, чтобы коммунистическая партия овладела массовыми организациями пролетариата. Все остальное само собой приложится. „Революционное выступление невозможно,—пишет он,—если наши организации не сомкнут и не объединят свои силы". Сомкнуть для него означает избежать разрыва с оппортунистической бюрократией, стоящей во главе рабочих организаций. Он ни за что не хочет оторваться от этой бюрократии, потому что не верит, чтобы рабочая масса сумела найти себе новых вождей. В своем письме к Ленину он сетует на недостаток людей, могущих руководить массовыми организациями пролетариата, если отмести в сторону нынешних вождей, лучших на их место не найти. Он указывает Ленину на то, что новые люди, пришедшие в партию в России после октябрьской революции, „несмотря на крайне суровую дисциплину и периодические чистки, не выиграли качеством". Он

утверждает, что заслуга в деле революции принадлежит старой большевистской гвардии. Промахи же и подлости—дело тех, кто именуется „революционными карьеристами". Это они учредили слепую и дикую бюрократию, стремящуюся создать для себя в Советской республике новые привилегии, в то время как терпеливая и покорная масса пролетариата и крестьянства видит все величие революции в борьбе против всякого рода привилегий. Сколь нелеп подход Серрати, явствует из следующего: РКП взяла в свои руки власть в октябре 1917 г., имея 50.000 членов; в последующий же период в ее ряды вошли новые сотни тысяч пролетариев, которые с величайшим самоотвержением выполняют свой долг на всех постах Советской республики. На одном старом поколении Советская республика, разумеется, не могла бы держаться. По сравнению с этими новыми людьми из рядов пролетариата количество „революционных карьеристов" в процентном отношении незначительно. Но Серрати приходится искажать действительность, так как он не верит в творческие силы революционного пролетариата. А так как он в них не верит, то ему приходится обелять старую бюрократию рабочего движения и на-ряду с этим чернить новых революционных вождей пролетариата. Он отрицает, что старые вожди являются реформистами. Рассказывая иностранным коммунистам, как это видно из статьи Леви, что он собирается втихомолку и ловко свернуть шею реформистам—одному за другим—Серрати в своем письме к Ленину говорит:

„Можно ли оставить реформистов в рядах партии? Разрешите мне ответить на этот вопрос вопросом же: кто такие реформисты? Если, как это явствует из вашего письма, реформисты это те, кто добивается сотрудничества классов и хочет разделить власть с буржуазией, иными словами, если это контр-революционеры, могущие, не предрешая вопроса, превратиться в Шейдеманов и Носке нашей страны, то вы правы, и я вместе с вами подаю голос за их исключение.

Но, ведь, этих реформистов мы исключили из партии еще на нашем съезде в Реджио

Эмилиа. Они отошли от нас теперь очень далеко. Нынешние Турати, Тревес, Модильяни и друг., чьей политики я не намерен ни санкционировать, ни отстаивать и с чьими тактическими ошибками я первый всегда упорно боролся, это те, кто защищал в парламенте русскую революцию и настаивал на ее признании. Это те, к кому два месяца назад по поручению вашего правительства обращался ваш представитель в Италии инженер Водовозов, прося их посредничества, чтобы от имени парламентской группы добиться некоторых уступок от Джиолити, при чем никто иной как мы против такой тактики возражали. Это те самые „реформисты", которые еще вчера защищали по просьбе всей группы, в том числе и „чистых" коммунистов, нашу партию от нападок реакции, выступая от ее имени и получив от нее одобрение. Я что-то не помню, чтобы в итальянском парламенте хоть один депутат-коммунист выступал с более резкими речами и предлагал бы резолюции и действия, более сообразные программе III Интернационала, чем те, которые были предложены этими товарищами".

Итак, Серрати считает Турати, Тревеса и Модильяни не реформистами, потому что они защищали русскую революцию и настаивали на ее признании. Вот так блестящее доказательство! Английские либералы из лагеря „Манчестер Гардиан" тоже защищают русскую республику и требуют признания советского правительства. Уж не следует ли и их считать коммунистами? Так значит Модильяни, Турати и Тревес—коммунисты только потому, что они выступили против свирепой реакции. Так может-быть и господин Гарден, нашедший в себе мужество, в январские дни решительнейшим образом выступить против убийцы Либкнехта и Розы Люксембург, тоже коммунист? Краткий смысл всего этого многословия таков: реформисты нам необходимы и должны оставаться в партии. Такова точка зрения Серрати. Если это так, то ясно, что бить реформистов в итальянской партии нельзя, не нанося удара Серрати, ставшему в оборонительную позу для их защиты. Пусть себе сетуют сколько угодно на то, что мы

когда то не создали в Италии широкой объединенной партии, а лишь маленькую коммунистическую. Поведение Серрати доказывает, что крупной и единой коммунистической партии не существовало, то была иллюзия. В составе итальянской партии имелось маленькое влиятельное явно реформистское крыло, центристское большинство, на словах распинающееся за революцию, но не желающее ради нее пошевельнуть и пальцем, а потому отказывающееся порвать с реформистами и, наконец, коммунистическое меньшинство. Это ясно обнаружилось на Ливорнском съезде партии; то обстоятельство, что факт этот не был затушеван—заслуга, а не ошибка. Коминтерн должен смотреть прямо в глаза действительности, потому что иллюзии представляют громаднейшую опасность для подлинной революции. Если Серрати удается уж втирать очки столь опытному революционеру и коммунисту, как Леви, можно себе представить, сколь вредное влияние оказал бы он на менее опытных революционных пролетариев, не будь он вынужден непримиримой позицией коммунистов выявить свою подлинную окраску.

3. Коминтерн и раскол Итальянской партии.

По зрелом обсуждении на II Московском конгрессе Коминтерн потребовал от входящих в него и имеющих войти партий разрыва с реформизмом. Это, несомненно, наиважнейшее решение конгресса, потому что лишь исключение реформистов прокладывает путь для коммунистической работы. Совершенно ясно, что не всюду налицо предпосылки для создания коммунистической партии. Имеются страны, где коммунисты, будучи в незначительном меньшинстве, вынуждены еще вести начальную пропаганду в духе коммунизма, и, будучи слишком слабы, чтобы организоваться в отдельную партию, могут оставаться в центристских партиях, своей неустанной работой подготовляя почву для образования коммунистической партии в будущем. С принципиальной точки зрения это допустимо, и Коминтерн ничего не имеет против такой тактики там, где она обусловлена слабостью коммунистов. Но там, где эти последние достаточно сильны для

образования партии, ясно, что они не должны заранее портить себе дело своей терпимостью в отношении сильных центристских групп, давая им возможность саботировать деятельность партии. Разумеется, дело не в ритуальном акте отсечения реформистов или центристов, а в последовательных выводах и сообразных поступках.

Французские товарищи, готовые принять все условия конгресса, в том числе и исключение группы Лонге, обращали, однако, внимание Исполкома на то обстоятельство, что Лонге не представляет собой цельного течения и, что еще важнее, не имеет за собой никакого определенного слоя. Они надеялись, что он подчинится решениям, принятым относительно реформистов, и со временем пойдет нога в ногу с Коминтерном. Исполком не остался глух к этой возможности. Учитывая ее, он, вынося постановление об исключении, предоставил право в исключительных случаях делать исключения и заявил французским товарищам: если Лонге согласится на исключение реформистов и подчинится партийной дисциплине, Исполком согласен пересмотреть вопрос о его исключении. Это было вполне правильно. Соображения французских коммунистов были оппортунистического свойства, но вполне допустимые: они имели в виду затруднить образование социал-демократической партии в процессе объединения Реноделя с менее его скомпрометированными лонгетистами. Лонге порвать с реформистами не пожелал и таким образом принужден был идти вместе с ними. И все же Коминтерн ничуть не пострадал от своей готовности предоставить Лонге некоторое время для испытания. Но если бы французские товарищи заявили: „нет, мы не хотим рвать с Лонге, который не хочет рвать с Реноделем, они этим бы доказали, что они вовсе не коммунисты. Точно так обстояло дело в Москве и с Серрати. Его доводы были заслушаны. Они были признаны ошибочными, так как влияние реформистов в итальянской партии гораздо сильнее, чем во французской. Было ясно, что если Серрати не подчинится решению конгресса, значит связь между ним и реформистами сильнее, чем между ним и Коминтерном, значит он центрист, а не коммунист. Московские решения были приняты после длительной исчерпывающей дискуссии с пол-

ным учетом всех могущих иметь значение фактов, против них не возражала ни одна организация. Итальянская партия могла ознакомиться с точкой зрения Интернационала по целому ряду документов Исполкома и статей Ленина. Высказываясь за Серрати и против Коминтерна, большинство итальянской партии этим самым доказало, что оно на словах за Коминтерн, на деле же не только за Серрати, но за Тревеса, Турати и Дарагона.

Это исчерпывающий ответ на вопрос, является ли это большинство ядром прошедших социалистическую школу рабочих, как это утверждает тов. Леви. Тов. Леви ссылается на битвы, которые пришлось выдержать этому большинству. Он не прав. Если бы даже идущие за Серрати рабочие и принимали в прошлом участие во всех боевых выступлениях итальянского пролетариата, это еще не доказывает, что они могут составить ядро коммунистической партии. В этих битвах, несомненно, принимали участие и неорганизованные рабочие. И все же никто не станет утверждать, что они образуют ядро коммунистической партии. В январских и мартовских сражениях 1919 года участвовало рабочих-независимцев больше, чем коммунистов, и все же они не образовали ядра коммунистической партии. Они пришли в нее лишь тогда, когда под ударами реакции освободились от всех центристских иллюзий. Точно так обстоит дело и с теми пролетариями, которые идут за Серрати. Им казалось, что можно сочетать принадлежность к Коминтерну с реформистскими и центристскими иллюзиями, выражением которых служит их преданность реформистским и центристским вождям. Коминтерн развеял эту мечту. Поставленные в необходимость сделать выбор, эти рабочие предпочли центристские иллюзии. Ну что ж, очень жаль. Но изменить это можно лишь борясь против этих иллюзий, борясь против Серрати. Ядро итальянского пролетариата оказалось неспособно стать ядром коммунистической партии.

Тов. Леви сомневается, может ли образовать это ядро ушедшее из итальянской партии меньшинство. Он указывает на наличие в нем множества течений. Но ведь гер-

манская коммунистическая партия в момент своего основания была в состоянии еще большего хаоса, чем элементы, ушедшие из итальянской партии. И все же, благодаря тому, что, несмотря на царившую в ней сумятицу, она не питала центристских иллюзий, она в процессе внутренней борьбы выкристаллизовалась в ядровый отряд коммунизма и своей беспощадной критикой левых независимцев помогла им разобраться в уроках германской истории. Не знаем, не предстоит ли выдержать такой внутренней борьбы итальянским коммунистам. Не знаем, как скоро выкристаллизируются они в ядровый отряд коммунизма обладающий притягательной силой для группы Серрати, но одно ясно: история показала, что группа Серрати не составляет ядрового отряда коммунизма, что в Италии имеются элементы, готовые отстаивать тактическую линию Коминтерна против центра, образуемого Серрати. Мог возникнуть вопрос, не целесообразно ли, оставив вне Коминтерна итальянскую партию, после ее отказа исключить реформистов, и признав коммунистическую фракцию единственным представителем Коминтерна в Италии, все же порекомендовать коммунистической фракции оставаться в партии и в рамках ее вести борьбу против Серрати. Итальянская коммунистическая фракция сама разрешила этот вопрос, выйдя из партии. А раз так, то задача Коминтерна и его национальных секций не в том, чтобы служить посредником между Серрати и коммунистами, а в том, чтобы безоговорочно стать на сторону коммунистов, пустив в ход весь авторитет Коминтерна. Это отнюдь не значит, по нашему мнению, что Коминтерн не должен продолжать переговоров с группой Серрати. Если группа Серрати этого хочет, то Исполком, по нашему мнению, должен продолжать с нею переговоры, но ни на один миг не прекращая своей борьбы против нее. Нам нужно установить, кого можно считать в Италии коммунистом, кого следует поддерживать и с чьей политикой бороться. Это нужно выяснить раз навсегда. И мы убеждены, что объединенная германская коммунистическая партия, выкристаллизовавшаяся в процессе борьбы с центризмом, не колеблясь ни минуты, станет на ту сторону, где стоять ей надлежит.

Случившееся в Италии не было актом произвола. А если „Фрайхайт" говорит о „произведенном Москвою расколе итальянской партии", то это лишь хорошо известная нам демагогия Гильфердингов, по мнению которых, как и по мнению полиции, источником революционного духа является только Москва. Исполком провел в жизнь решения конгресса, относительно которых не приходится сомневаться, что они соответствуют мнению Коминтерна. Одна треть итальянской партии сознательно присоединилась к линии Коминтерна, и пролетарская автономия вовсе не в том, чтобы предоставить каждой партии право отмены решений Интернационала, а лишь в том, чтобы дать ей возможность проводить эти решения в жизнь, сообразно условиям данной страны. Серрати же боролся не за приспособление решений Интернационала к итальянским условиям, а за отмену их. Это значит, что Серрати на той же точке зрения, что и Гильфердинги. Он хочет призрачного Интернационала, предоставляющего каждому из своих членов свободу проведения оппортунистической политики. Если бы Исполком ему уступил, чтобы соблюсти видимость пребывания в Интернационале крупной партии, это была бы оппортунистическая политика самого скверного сорта.

Отказавшись это сделать, Исполком оказал крупнейшую услугу итальянскому пролетариату. Раскол, вопреки временному ослаблению, в конечном счете усилит пролетариат, способствуя прояснению его сознания. Поскольку группа Серрати будет предпринимать подлинно революционные выступления, она всегда может рассчитывать на поддержку коммунистов, точно так же, как разрыв с правыми независимцами не помешал объединенной германской коммунистической партии призывать к совместным выступлениям не только правых независимцев, но даже и правых социалистов большинства. Итак, раскол не повредит выступлениям. Если же, как мы в этом убеждены, группа Серрати останется пассивной, в таком случае образование коммунистической партии будет означать первый шаг по пути подготовки пролетарских выступлений в Италии. Разумеется, только лживая фантазия побуждает Гильфердингов утверждать, что раскол

итальянской партии произведен „Москвой", так как Исполком произвольно желает назначить срок итальянской революции. Разумеется, Исполком об этом не думает, и, разумеется, итальянская коммунистическая партия не сможет мановением руки создать революции, но она будет в состоянии эту революцию подготовить—как политически, так и организационно—в духе тезисов II конгресса, взяв в своей политике курс не на выжидание, а на действие, подготавливая к нему массы как идеологически, так и организационно,—стремясь не только не растворить это действие в болоте, но лишь заострить его в моменты кризиса.

То, как преодолеет Коминтерн вызванный расколом итальянской партии кризис, послужит испытанием прочности и серьезности Коминтерна. Независимцы уже кричат о начале конца Коминтерна. Мы же убеждены, что дело здесь не в начале и не в конце, а в одном из актов длительной истории борьбы против гниения центра, истории, часть которой нами уже пройдена. Борьба эта наверно будет доведена до конца и завершится тем, что у части центристов позвоночник окрепнет, у других будет окончательно сломана шея. Что же касается Коминтерна, как объединения революционных рабочих, то он выйдет из этой борьбы только более сильным, чем когда бы то ни было.

Январь 1921 г.
(„Роте Фане", Берлин).

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ

I. Вопросы международной революции в освещении международного меньшевизма.

1. „Новое слово" международного меньшевизма.

Когда русские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года, уничтожив господство буржуазии, взяли власть в собственные руки, это историческое событие оценивалось правыми меньшевиками, социал-патриотами, как преступление, левыми же меньшевиками, интернационалистами типа Мартова,—как политическая авантюра. Под дудку меньшевиков заплясал Карл Каутский, и в брошюре о „диктатуре и демократии", изданной летом 1918 г., бывший теоретик II Интернационала отказал русской революции в признании. С того времени прошло еще два года. Советская власть разбивала впух и впрах одного из своих врагов за другим и сделалась самым важным, самым крупным фактором международной политики. Русский меньшевизм был принужден признать Советскую власть не только как исторический, но и как прогрессивный факт. Во все моменты решительной схватки между Советской властью и контр-революцией меньшевики принуждены призывать своих единомышленников к защите Советской власти, как органа революции. Диктатура пролетариата,—говорили до этого времени меньшевики,—приведет к торжеству помещичьей, капиталистической контр-революции. Теперь Советская власть в их глазах—оплот рабочего класса против капиталистической, помещичьей контр-революции, в то время, как так-называемая демократия и в Германии, и в Австрии приводит к победе контр-революции.

Одновременно растут симпатии международного пролетариата к Советской власти. Она становится его путеводной звездой.

Голое отрицание политики Советской власти, борьба против нее, какую повел Каутский, приводит только к тому, что рабочие покидают ряды меньшевистских партий. Международному меньшевизму уже не под-силу отстаивать позицию Каутского, он покидает ее, чтобы повести борьбу за основную линию меньшевизма более тонко; если отбросить разные литературно-политические оттенки, эта линия сводится к защите реформистской идеи, а именно, идеи о соглашении пролетариата с буржуазией, как пути к социализму.

Отто Бауэр, ученик Каутского, совместно с Рудольфом Гильфердингом, главный теоретик каутскианства, выпустил несколько месяцев назад на немецком языке книгу под заглавием: „Большевизм или социал-демократия", которая представляет собой образчик этой новой формы борьбы против идей русской революции, против идей современного коммунизма. Попытка Бауэра обосновать „по-новому" меньшевистскую тактику, исходя из признания большевизма, как прогрессивного фактора для России, и отрицания его для Европы, кончилась, как увидит читатель, таким же банкротством, как и попытка его учителя Каутского просто „не признать" большевизм.

2. Взгляды О. Бауэра.

После исторического вступления, касающегося вопроса о социальном развитии России, где Бауэр многими цитатами и цифрами доказывает, что он „учился понемногу, чему-нибудь и как-нибудь", он переходит к рассмотрению социального содержания русской революции и приходит к убеждению, что „политическая победа пролетариата помогла крестьянству добиться своих социальных целей".

Крестьянство потому помогло пролетариату уничтожить господство помещиков и капиталистов, что пролетариат помог ему получить помещичью землю и ликвидировать остатки феодализма. Пролетариат в лице коммунистической партии пытался пойти дальше, перейти от частной собственности

на землю к действительной социализации земли путем создания советских хозяйств, но, натолкнувшись на энергичное сопротивление крестьянства, отказался тогда от этой цели, и на этом-то отказе и зиждется Советская власть.

„Русский крестьянин не является еще политически-сознательным существом; только борьба за помещичью землю втянуло его в омут истории. Как только он добыл помещичью землю и закрепил ее за собой, он возвращается к состоянию политического безразличия. Если в деревне Советская власть не трогает его, он не заботится о том, что она делает в городе. Таким образом, крестьянин устраняется с поля исторической борьбы, он вновь замыкается в узкий круг своих чисто-местных интересов,—он возвращается в глубину исторического небытия. На исторической сцене остаются пролетариат с буржуазией одни. Это—основа господства пролетариата в России. И только, когда контр-революция угрожает господству пролетариата, и кажется, что за ее войсками вернется помещик в свои поместья, только тогда поднимается крестьянин, чтобы совместно с пролетариатом отбросить общего врага". (Стр. 42—43).

Советская конституция, по мнению Бауэра, отражает и одновременно закрепляет это положение, давая крестьянину в советах меньше прав, чем рабочим. Но даже эта конституция могла бы при численном перевесе крестьянства сделаться орудием его господства, если бы Советская власть не так основательно уничтожила буржуазию, что она уже не в состоянии стать организующим центром для собственнических движений крестьянства. Последнее же само черезчур мало культурно, чтобы быть в силах преодолеть господство пролетариата.

Но по мере того, как под влиянием работы Советской власти будет расти сознательность крестьянства, оно, опираясь на советскую конституцию, добьется власти и создаст в России демократию. Какова же будет тогда социальная природа этой демократии? На это Бауэр отвечает обычной меньшевистской картиной хода развития рабочего класса при Советской власти. Часть рабочего класса уходит обратно в деревню, часть погибает с оружием в руках, защищая Советскую власть, часть входит в ряды советской бюрокра-

тии. Оставшаяся масса не в состоянии проявить ту энергию и самостоятельность, которая необходима для организации социалистического хозяйства.

Советское правительство создает поэтому систему бюрократического управления промышленностью. „В России создается социалистическое общество, ибо Советская власть отняла у капиталистов средства производства, освободила процесс труда от господства капитала, отняла у капиталистов распоряжение производством и сама организует, распоряжаясь по своему плану средствами производства и рабочей силой, планомерное, непосредственное хозяйство,— планомерное, непосредственное, общественное разделение продукта труда. Но если это—социализм, то особого рода,— деспотический социализм. Ибо социализм в России означает не господство пролетариата над средствами производства, не руководство процессом труда самим пролетариатом, не распределение продукта труда самим пролетариатом. Этот социализм означает, что государственная власть, являющаяся представительницей незначительного меньшинства народа и господствующая над народными массами, распределяет средства производства, продукт труда, рабочую силу и средствами насилия принуждает трудовые массы подчиняться ее рабочему плану, ее трудовой организации". (Стр. 62—63).

Что же? Отрицает ли Бауэр необходимость подобной политики, считает ли ее возвратом к аракчеевщине, как это говорили меньшевики во время дискуссии о трудовых армиях? Нет! С кисло-сладкой миной он объясняет нарисованную им картину низким уровнем культуры молодого русского пролетариата и пишет: „И принципы демократии не являются вечными истинами; демократия представляет собой только продукт исторического развития и его ступень; только на определенной ступени исторического развития средств производства, классовой борьбы, культурной зрелости масс— демократия является возможной. Где нет этих предпосылок, там деспотизм прогрессивного меньшинства представляет собою историческую необходимость переходной эпохи, временно необходимое орудие исторического процесса". (Стр. 63). То, что теперь переживает Россия,—это есть то, чего Маркс в 1847 году ожидал в Германии.

Но что же будет с этим деспотическим социализмом, если поднимется культурный уровень мужика, и он установит, как предсказывает Бауэр, свое господство? Чорт его знает,—отвечает Бауэр,—по всей вероятности, Россия будет представлять смесь частной земельной собственности с частной капиталистической собственностью иностранных владельцев концессий и государственного капитализма, насажденного Советской властью.

Вот новая меньшевистская философия, сводящаяся в основном к старой философии Каутского; как бы Бауэры и Гильфердинги и более мелкие божки меньшевистского Олимпа ни отрекались от Каутского, они во всем основном приняли его взгляд на русскую революцию, как на переходный этап к буржуазному строю. Меньшевистский лозунг, выкинутый с 1918 г.: „возврат к капитализму!",—лозунг, от которого на словах отказывались русские меньшевики, остается вполне в силе у Бауэра. Вся разница между Бауэром и Каутским состоит в том, что после двух с половиною лет победоносной борьбы Советской России с ее врагами господин Бауэр принужден был отказаться рассматривать Советскую Россию, как историческую авантюру, и принужден был выдать ей научный аттестат, признав ее необходимой фазой исторического развития. С исторической точки зрения мы могли бы отказаться от всякой полемики с Бауэром, ибо более высокого аттестата, чем признания деятельности Советской власти единственно возможной революционной политикой, никто не может требовать: невозможной политики, ведь, и вести невозможно. Но так как дело идет не об аттестатах для Советской власти, а о разоблачении меньшевизма, то стоит задержаться на этом образчике непонимания истории главарем европейского меньшевизма.

3. Бауэровская „философия" русской революции.

а) Аграрный вопрос в русской и мировой революции.

Конъюнктура, при которой рабочий класс России взял в свои руки власть, является исключительной. Едва ли еще когда-либо повторится положение, при котором жажда мира и жажда земли вооруженных крестьянских масс слились бы

в одно с борьбой пролетариата за власть. Во всех своих оценках причин медленного развития международной революции мы всегда указывали, что рабочий класс нигде не найдет таких легких условий победы, как в России. Но тут и кончается вся историческая правда в анализе русской революции австрийского меньшевика. В двух центральных вопросах, в вопросе об отношении пролетариата к крестьянству в мировой революции и об экономическом строительстве пролетарской революции, меньшевик Бауэр ничего не понял и должен был, несмотря на свои кисло-сладкие фразы об исторической необходимости „деспотического социализма", оказаться в лагере контр-революции.

Везде в мире крестьянство является еще более консервативной, еще более собственнической, буржуазной массой, чем в России. Что же намерен с этой массой сделать меньшевизм в европейской революции? Даже будучи меньшинством, как это имеет место в Германии, эта масса представляет достаточную силу, чтобы пролетариат не был в состоянии навязать ей социалистический метод производства актом государственного насилия. Поэтому пока что он будет принужден оставить в покое крестьянскую собственность на землю. Когда Бауэр со злорадством спрашивает: где же социализм в русской деревне?—то он бьет не по русской, а по международной революции, ибо она нигде не будет в состоянии в первом своем периоде провести социализацию сельского хозяйства. В мировой литературе социализма нет ни одного серьезного писателя, который не считался бы с этим. Но может ли победоносный пролетариат оставить деревню в покое, оставить товарное производство и свободу торговли продуктами земледелия? Он не может этого сделать под угрозой голодной смерти рабочей революции. Ему придется поэтому, с одной стороны, раскалывать крестьянство, установить диктатуру над капиталистической его частью, попытаться новым наделом земли, где это возможно, перетянуть на свою сторону мелкое крестьянство и опереться на организацию батрацких хозяйств. Политическое неравноправие крестьянско-кулацкой массы будет необходимостью и для мировой революции, ибо отвечает тому факту, что крестьянство всегда

находилось под давлением города. Это неравенство, противоречащее формальной демократии, отвечает не только классовым интересам пролетариата, который не может ради прекрасных глаз демократии позволить крестьянину-буржуа приговаривать рабочих к голодной смерти. Оно отвечает одновременно и интересам исторического прогресса и тем самым, в последнем счете, интересам среднего крестьянства. Капитализм не только не позволяет уже теперь развить и поднять земледелие на технически возможную высоту, но он удерживает на уровне некультурной, „идиотской" жизни даже зажиточного крестьянина. Только уничтожение пропасти между городом и деревней, к которому стремится коммунизм, только оно даст простор человеческому развитию крестьянских масс. Вот историческое право диктатуры пролетариата над его крестьянскими противниками. Сам Бауэр должен признать, что „если бы Россия была демократической республикой, то некультурное русское крестьянство сделалось бы жертвой всякой буржуазной демократии" (стр. 47). А как же обстоит дело с „культурным" тирольским или баварским мужиком? Разве Бауэр смог в своей „демократической Австрии" опереться на крестьянскую массу, разве она не сделалась жертвой буржуазной демагогии антисемитов, которые продают крестьянство европейским капиталистам? Но, отвечает г. Бауэр, ведь, Советская Россия держится только потому, что она оставила кулака в покое, что она отказалась пользоваться своей диктатурой, отказавшись от идеи социализации крестьянского хозяйства. Тот же самый г. Бауэр видит в нашей продовольственной политике проявление рабочей диктатуры над крестьянством, чем она на деле и является. Что же касается того, что мы только медленно развиваем высшие формы аграрного хозяйства, что мы можем на время даже отказаться от специфических форм борьбы с зажиточным крестьянством, то этот отказ представляет собою лишь тактическую меру.

Утверждение Бауэра, что „большевики надеялись, что мелкое капиталистическое хозяйство, победившее крупное феодально-капиталистическое, в скором времени разовьется в крупное социалистическое хозяйство" (стр. 36),—это утверждение есть сплошная фантазия.

О быстром развитии мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое могли думать только эсеры. Бауэр не сумеет назвать ни одного коммунистического писателя, на которого он мог бы сослаться в подтверждение своих слов. Переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному социалистическому будет возможен только по мере укрепления рабочей власти. Только по мере того, как она проведет в жизнь полностью хлебную монополию; только по мере того, как она не только сосредоточит в своих руках все средства промышленного производства, но двинет его вперед настолько, что будет в состоянии дать деревне земледельческие орудия для кооперативного и коллективного их использования,—только тогда пролетарии будут в состоянии приступить к переводу земледелия на социалистические рельсы.

Русская революция еще не была в состоянии это сделать. Будучи первой революцией, окруженной со всех сторон капиталистическими врагами, она была принуждена сосредоточить свои силы против главного врага, бить финансовый европейский капитал, пока более для нее опасный, чем мелкий деревенский капиталист. По мере того, как удастся победить опасность, угрожающую Советской России со стороны финансового капитала, при помощи крестьянства, которое законно видит в Советской власти орудие против феодально-капиталистической контр-революции, перед Советской властью встанет во весь рост вопрос о борьбе за постепенный переход земледелия к социалистическим формам хозяйства. Вся работа Советской власти, поднимая культурный уровень крестьянства, создает эту предпосылку для социализации земледелия.

Но высший уровень крестьянской культуры, заявляет социал-демократ Бауэр, ведь, сделает невозможной диктатуру пролетариата над крестьянством. Мы не будем пока останавливаться на том, что диктатура пролетариата есть одновременно и диктатура одной части крестьянства, именно беднейшего. Здесь интересно следующее: при каких условиях рост сознательности крестьянства мог бы угрожать пролетарской диктатуре? Только при условии укрепления мирового капитализма, только в том случае, если бы мировому капиталу,

укрепившемуся в Западной Европе, удалось ослабить Советскую власть, разрушить ее монополию внешней торговли, снабдить путем контрабанды и частной торговли русского крестьянина промышленными изделиями, восстановить разбитые нами центры буржуазной русской контр-революции,— только тогда культурный подъем русского крестьянства представлял бы рост буржуазной опасности для рабочей диктатуры в России. И нет ничего более характерного для меньшевика Бауэра, как то, что, признавая на словах рост международной революции и ее развитие, он на деле не может себе представить другой обстановки для развития русской революции, как победа капитализма в Западной Европе.

Что Советской России пришлось бы погибнуть в случае победы капитализма в Европе, она великолепно знает и всегда рассматривала себя, как авангард растущей мировой революции, судьба которого связана с современным подходом резерва западно-европейского пролетариата. Господин Бауэр не может себе представить, чтобы такое чудо случилось. Мы оставим ему его меньшевистское неверие, но и он не может отрицать, что все его мудрствования насчет победы кулака над рабочим в России оказались пустыми словами.

Вместо того, чтобы с видом глубокого знатока аграрных отношений, знающего, что лошади едят овес, писать о тенденциях аграрного развития России, он мог бы свести всю свою философию до холопского восклицания: „Зачем вам, русские рабочие, нужно было браться за оружие? Мировой капитализм непобедим, он вас задавит".

Это было убеждением меньшевика Бауэра и в 1917 году, когда в качестве военнопленного он находился в России и в брошюре своей, изданной под псевдонимом Вебер, доказывал невозможность рабочей диктатуры в России. Но рабочая диктатура сделалась фактом. Бауэр принужден считать этот факт даже прогрессивным. Теперь он пытался доказать русским рабочим, что над ними история подшутила, что под видом их диктатуры установилась диктатура коммунистической партии над пролетариатом.

б) Диктатура класса и партии.

Эту песенку о диктатуре коммунистической партии в России над русским пролетариатом „оригинальный" венский мыслитель перенял от Каутского; тот обязан ею русским меньшевикам, а русские меньшевики взяли ее у русской буржуазии, которая, как известно, бросила клич о комиссародержавии, о самодержавии партии коммунистов над всем русским народом.

Философию меньшевика Бауэра мы находим во всех воззваниях и Деникина, и Колчака, с той только разницей, что эти единомышленники венского меньшевистского философа добавляют еще, что партия русских коммунистов, насилующая волю русского народа, состоит сплошь из евреев. Бауэр, который недавно сидел с антисемитами в министерском кабинете пресловутой австрийской демократической республики, живущей за счет милосердия Антанты, по природному благородству не употребляет аргумента о „жидовском" характере советской диктатуры. И в этом—все отличие бауэровской философии от врангелевской философии русской революции. В чем же дело? Откуда это сходство, приводящее часть меньшевиков даже к активной борьбе с оружием в руках против Советской власти? Часть меньшевиков опускается до колчаковщины, потому что, будучи уверенной в невозможности иного строя в России, кроме капиталистического, принуждена,—хочет она этого или нет,—попадать в лагерь буржуазии. Но другая часть меньшевиков отличается тупоумием иного, более „деликатного" рода: она не в состоянии понять роли революционного авангарда по отношению к классу, им возглавляемому. К этой второй категории принадлежит Отто Бауэр.

Когда Врангель вопит о комиссародержавии, то само собой понятно, что это означает не что иное, как желание его царить самодержавно от имени класса помещиков. Когда Отто Бауэр говорит о диктатуре коммунистической партии над пролетариатом, то это означает, что он не понимает ни механизма буржуазной революции, ни логики пролетарской

революции. Разве во французской революции вся масса буржуазии сама вела революционную борьбу, сама ею руководила? Экономически передовая часть буржуазии была связана со старым порядком, была связана с феодализмом настолько, что стремилась только к реформе старого строя, к его приспособлению не к нуждам капиталистического развития, а к собственным групповым интересам банкиров и помещиков. Дело буржуазной революции находилось в руках мелкобуржуазных масс, которые осуществляли цели революции в борьбе против экономически руководящего слоя буржуазии. Но было бы ошибкой думать, что даже мелкая буржуазия, как класс, целиком играла руководящую революционную роль. Достаточно познакомиться с дезертирством,— ведь, с ним приходилось вести отчаянную борьбу революционным властям,—охватывавшим значительную часть того же самого крестьянства, которому революция дала свободу; достаточно познакомиться с позицией, занимаемой мелкобуржуазными слоями, связанными с производством предметов роскоши; достаточно вспомнить о движениях, вызванных дороговизной; достаточно подумать обо всей политике якобинцев и так-называемых „бешеных", чтобы понять, что даже в революциях, задачей которых было именно осуществление демократии, народная масса, в интересах которой и во имя которой развивалась борьба, играла решающую роль во всех великих боях революции под руководством, направлением, под железной диктатурой передовой якобинской партии. В революции решают массы. Только тот класс побеждает, который, представляя тенденцию исторического развития, умеет в решающие моменты собрать вокруг себя сравнительное большинство бойцов. Дело, подчеркиваем, не в формальном арифметическом большинстве, а в сравнительном превосходстве самых активных, самых энергичных, самых подвижных социальных элементов. Эти элементы, руководимые созданной ими же самими партией, подчиняют своей диктатуре не только враждебные классы, но и собственный класс в моменты, когда он, полный нерешительности, колеблется, когда он под влиянием нищеты отчаивается в победе и готов предать свое

собственное дело,—дело своего будущего. Диктатура передовой части революционного класса не только не противоречит диктатуре класса в целом, а является условием этой диктатуры. Только собрав все свои силы в железный кулак якобинской партии, только подчиняясь диктатуре этой партии, могла буржуазия победить феодальный строй.

А как обстоит дело с диктатурой современной буржуазии в период острой борьбы? Разве она господствует, как целое, осуществляет свою диктатуру? Она проводит ее в жизнь в лице наиболее реакционных, наиболее непоколебимых, наиболее решительных элементов, которые для проведения своей политики часто принуждены быть диктаторами даже против воли части своего собственного класса. Что означает борьба левых либеральных элементов Англии против политики Черчилля, Керзона, прикрываемой Ллойд-Джорджем? Она означает то, что часть капиталистического класса Англии, сомневающаяся в возможности открытой диктатуры капитала, оказывает сопротивление необходимым мерам этой диктатуры. Диктатура буржуазии проводится не только, как диктатура над рабочим классом, но и как диктатура более решительных элементов буржуазии над менее решительными.

Может ли отношение передовой части рабочего класса к классу в целом во время революции быть принципиально иным, чем то было в эпохи прежних революций? Мыслима ли диктатура рабочего класса в целом, т.-е. диктатура, проводимая не только в интересах рабочего класса в целом, но проводимая им самим в целом? Достаточно вспомнить такую азбучную истину, что понятие рабочего класса имеет своей основой только известную категорию лиц, играющих определенную роль в производстве капиталистического общества, именно, роль продавцов рабочей силы. Вне этого объединяющего признака мы находим в рабочем классе разные слои с различным уровнем жизни, с различным уровнем культуры, с различными историческими традициями. Процесс экономического развития нивеллирует в значительной мере и экономическое положение, и психологию рабочего класса. Он ставит его большинство в положение массы одновременно куль-

турно развитой, полной политического интереса и материально не обеспеченной. Но этот исторический процесс не устраняет вполне существования привилегированного слоя в этом классе, связанного и выгодами, и традициями с буржуазией, не уничтожает также наличности слоев пролетариата, настолько придавленных и униженных, что они не в состоянии даже думать о борьбе. Каково же должно быть отношение передовых рабочих, рабочего авангарда к аристократическим слоям пролетариата, которые не хотят бороться против буржуазии, и к слоям приниженным, придавленным, которые не в состоянии бороться? Само собой понятно, он должен, во-первых, пытаться агитацией поднять эти массы до своего уровня, до понимания исторических задач в целом, с другой стороны, он должен быть готовым сломить силу сопротивления элементов, связанных с буржуазией, наконец, он должен примером, действием будить веру в победу у отсталых слоев. Диктатура пролетариата в революции до ее окончательной победы будет диктатурой его передовых элементов. От того, насколько сильной будет передовая часть пролетариата по сравнению с целым классом, зависит в значительной мере решение вопроса, приведет ли революция к победе или поражению рабочего класса. Но кто отрицает право передовой части пролетариата осуществлять диктатуру над всем рабочим классом, тот отрицает саму диктатуру пролетариата.

Бауэр может сказать: „Да я, ведь, противник диктатуры пролетариата, я за демократию". Мы ему ответим: вы ошибаетесь, гражданин! Вы Канта почитывали, философией занимались, но ваша философия русской революции не связала концов с концами! Ведь, вы сказали, что Октябрьская революция и созданный ею советский строй являются не только исторической необходимостью, но единственным путем для ликвидации помещичье-феодального строя в России. Мы не будем с вами спорить, является ли он также единственным путем введения социализма в России. Остановимся только на этой исторической задаче, которую вы милостиво признали за русской революцией. И мы спрашиваем: как же можно было ликвидировать помещичий строй в России, не

сломив противодействия той части рабочего класса, которая шла за меньшевистской партией и за эсерами, раз эсеры и меньшевики, держась коалиционной политики, были связаны с помещичьим классом? Вы признаете великим делом Советской власти победу рабочего класса над помещичьей и капиталистической контр-революцией, над Юденичем, Колчаком, Деникиным и над стоящей за ними Антантой? Но как же вы можете тогда бросать передовым частям пролетариата упрек в том, что они, в лице коммунистической партии, навязывают свою политику тем частям пролетариата, которые, отстав от своего авангарда, измученные голодом и холодом, быть-может, не дали бы достаточно энергичного отпора врагу, не боролись бы с достаточной энергией? Говорить об исторической необходимости Октябрьской революции и ее прогрессивном значении и одновременно делать упрек передовым рабочим в установлении диктатуры коммунистической партии—это значит лицемерить или заниматься бессмысленно болтовней.

Если же этот основной упрек неверен, если диктатура коммунистической партии в России есть диктатура российского пролетариата, тогда является праздной болтовней все, что говорит Отто Бауэр о „деспотическом социализме", о победе бюрократии и т. д., и т. д. Советская Россия три года находится в состоянии войны. По меньшей мере, треть коммунистической партии, самые энергичные, самые лучшие представители рабочего класса находятся на фронтах, а гражданин Бауэр, якобы, сочувствующий этой борьбе, спрашивает: „Где же ваши советы?" Советы—это передовая часть пролетариата, лучшие организаторы, лучшие агитаторы русского рабочего класса. Где они? На фронте. Они там руководят всем аппаратом армии. Они—ее душа. Да, война в значительной мере свернула советскую форму диктатуры пролетариата, она сократила все административные рабочие органы. Она вызвала чрезмерное развите бюрократического аппарата, которое, однако, не в состоянии устранить пролетарского характера Советской России, ибо все органы, направляющие ее социальную, экономическую и внешнюю политику, вышли из рабочего класса, связаны с ним, находятся под непосредственным контролем комму-

нистической партии,—партии самой революционной части русского пролетариата.

Что эта партия ставит ставку не на революционную бюрократию, а на организацию рабочего класса, на рабочую демократию,—лучшим доказательством этого является следующий факт: как только начинает казаться, что волна войны отхлынула, коммунистическая партия ставит на очередь вопрос о развертывании органов рабочей диктатуры. Первый вопрос, который она выдвинула весной этого года, когда думала, что дело мира близко, был вопрос о роли профессиональных союзов в экономическом строительстве. Первый лозунг, с которым она обращается к пролетариату в момент разгрома Врангеля,—это вопрос об укреплении и расширении рабочей демократии, о борьбе с бюрократической опасностью путем укрепления органов рабочей демократии. Бауэр указывает на конституцию нашей национализованной промышленности, он утверждает, что она не является самоуправлением рабочего класса. Но если он не принципиальный противник использования в социалистическом производстве буржуазных специалистов-техников,—что не только было бы полным идиотизмом, но противоречило бы всем взглядам Бауэра,—какую же другую форму управления производством может выдумать Бауэр, кроме той, которая в России существует: организация управления в составе представителей рабочего государства и профессиональных союзов? Единственно мыслимая форма, которая отличалась бы от существующей в России,—это передача промышленности в руки профессиональных союзов. Но, ведь, Бауэр—каутскианец, а не синдикалист, и нельзя предположить, что он сделался синдикалистом. Если же дело обстоит так, то что скрывается положительного за его критикой? Ничего, кроме полного непонимания революции, кроме злобы, прикрытой кисло-сладкими фразами о пролетарской революции.

„Ваша пресса полна разоблачений бюрократизма, заедающего экономическое строительство Советской России“,—ответит гражд. Бауэр. Это доказывает, что он научился в России русскому языку, но, к сожалению, не научился мыслить. Знание означает не только знакомство с фактами, но знакомство и с причинами.

Причиной язвы бюрократизма, с которой Советская власть и коммунистическая партия борются, является тот факт, что она принуждена была отдать лучших своих организаторов не на дело экономического строительства, а на дело защиты жизни революции. Кто этого не понял, тот ничего не понял и не хочет понимать.

Гр. Бауэр с внешней стороны сделал шаг вперед по сравнению с Каутским,—признал Советскую республику прогрессивным фактором; на деле он не понял ни ее сущности, ни ее методов и перспектив. На деле он не ушел ни на шаг дальше своего учителя. Он только унаследовал от погибшей императорско-королевской австро-венгерской монархии любезное лицемерие, которым не в состоянии прикрыть свою контр-революционную сущность. И эта контр-революционность прорывается наружу с еще большей ясностью, когда г. Бауэр от анализа русской революции переходит к перспективам мировой революции.

4. Помехи на пути революции на Западе.

Вторая часть его брошюры посвящена вопросам европейской революции. Но на самом деле тема глубокомысленных рассуждений сего революционера совсем другая. Под видом искания не-русских путей для европейской революции, он пытается доказать ни больше, ни меньше, как то, что пролетарская революция в Европе вообще невозможна.

Бауэр начинает с обычного противопоставления соотношения сил в России и Западной Европе. В России крестьянство, стремясь получить землю, шло за рабочими; в Западной Европе оно представляет сплошной фронт, направленный против рабочих. В России, говорит Бауэр, буржуазия была плохо организована, а в Европе она великолепно организована. На Западе интеллигенция в десять раз крепче связана с капитализмом, чем в России, а „без помощи интеллигенции нельзя руководить государством, нельзя управлять фабрикой, невозможно сорганизовать хозяйство". Противодействие интеллигенции г. Бауэр считает самым страшным препятствием пролетарской революции в Европе.

В России, говорит он дальше, рабочие представляют незначительную часть населения, земельный простор громаден, и можно кое-как при помощи реквизиционной политики прокормиться. Иначе складывается положение в Западной Европе; тут всякое потрясение сложного экономического аппарата приведет к голодной катастрофе, в которой погибнет революция. Русская революция в корне уничтожила старый государственный механизм, „но такую насильственную, длительную операцию, которая уничтожит непрерывность работы хозяйственного и государственного аппарата, может вынести только коренастое тело земледельческой страны. Более чувствительный организм промышленной страны погиб бы от такой операции. В Западной и Центральной Европе пролетарская революция должна думать о том, чтобы социальный процесс обмена веществ не был прерван. Поэтому она не может уничтожить капиталистической организации, пока не будет создана на ее месте социалистическая организация, способная выполнять функции первой" (стр. 81).

Но это — только внутренние затруднения революции, есть еще внешние. Как же, спрашивает г. Бауэр, европейские страны могут жить без американского хлопка, без австралийской шерсти, без американского каучука? Им уже теперь трудно получать их, ибо расстроенное хозяйство Европы не доставляет эквивалентов для обмена на эти продукты. Что же было бы еще в случае насильственной революции? Поэтому надо отказаться... вообще от социализма? — спрашиваем мы. Нет, боже сохрани! — отвечает г. Бауэр: надо только сделать такую революцию, которая не причинит боли капиталистам и помещикам. И предлагает ни более, ни менее, как медленную, постепенную национализацию только тех отраслей промышленности, которые вполне подготовлены для нее, при чем в одних случаях капиталист и впредь управляет фабрикой, оставаясь только под общественным контролем, в других—управление переходит к государственным органам, о которых речь будет дальше. Во всяком случае, капиталист получает полное возмещение убытков, право на прибавочную стоимость за ним сохраняется. Само собой понятно, что все ипотеки,

банковские депозиты и все прочее, что дает капиталистам возможность жить без труда,—все это остается нетронутым. Только таким образом можно избегнуть гибели революции от анархии. Перед тем, как ближе присмотреться к „приличной“ революции г. Бауэра, мы хотим остановиться на его предпосылках.

Условием революционной политики всегда является трезвая оценка действительности; поэтому современный коммунизм стремится самым тщательным, самым добросовестным образом изучить особенности положения во всякой стране. Он никогда не закрывает глаз на трудности, ожидающие революцию. Но трезвый учет действительных отношений — дело одно, а другое дело — трусость запуганного международным капиталом мелкого буржуа, который пользуется „марксизмом“ только для того, чтобы убедить и себя, и других в том, что революция невозможна. Но, проделав эту процедуру, он припоминает, что сам он, ведь, за революцию, и тогда начинает плутовать: подсовывает в качестве революции нечто другое, а именно, обыкновенную мещанскую сделку с капитализмом.

Г. Бауэр широко раскрыл один глаз и видит, как сильна в Западной Европе буржуазия, но он определеннейшим образом слеп на второй глаз, которым мог бы увидеть силу пролетариата. И он приходит к следующему чудовищному выводу: существует громадная сила организации капитала, и нет силы пролетариата, хотя всякий, знающий азбуку марксизма, понимает, что невозможна концентрация силы капитала без соответствующей концентрации мощи пролетариата.

Г. Бауэр видит и знает зажиточное крестьянство, сплоченное, консервативное; видит современных капиталистических землевладельцев, но не видит сельского пролетариата, который является à la longue более надежным союзником пролетариата, чем крестьянство. Но и о крестьянстве он высказывается, как книжник и доктринер, огульно исключает возможность наделения землею малоземельных крестьян за счет крупного помещичьего хозяйства. Сей почтенный профессор знает из книг, что хозяйство в больших поместьях более производительно, чем мелкое крестьянское.

Из этого он делает вывод, что во имя прогресса, развития производительных сил и пр. и пр. мы не смеем, под угрозой анафемы, наделять крестьян землею. Такой марксизм не марксизм, ибо последний не состоит в том, чтобы зазубрить положение, притом очень плоское, о том, что помещичье хозяйство экономически выше крестьянского. Марксизм, как наука о классовой борьбе пролетариата, учил и учит подчинению частных интересов пролетариата общим его задачам. И мыслимы тысячи положений, в которых пролетариат вполне сознательно во имя своей победы, этого важнейшего условия поднятия производительных сил человечества вообще, пойдет на политическую сделку, которая в одной известной области на известное время может означать замену более высокой формы хозяйства менее высокой.

Еще хуже обстоит дело с представлениями Бауэра об отношении интеллигенции к международной революции. Его утверждение, что интеллигенция на Западе будет непременно более враждебно относиться к пролетарской революции, чем это имело место в России, ни на чем не основано. Он не учитывает того факта, что в то время, как в России капиталистическое развитие последних десяти лет открыло перед интеллигенцией, до этого времени осужденной на безработицу и нужду, блестящие перспективы привилегированного положения в качестве участников капиталистического управления хозяйством; в то время, как мартовская революция открыла перед ней перспективы овладения государственным аппаратом, — в капиталистической Европе интеллигенция переживает процесс разложения и пролетаризации. Ее экономическое положение ухудшается все больше и больше. Она видит, что капиталистический класс, не сумевший избегнуть войны, не в состоянии заключить мира, который позволил бы воссоздать хозяйство. Сначала этот процесс развала представлялся ей, как последствие „бесконечных“ требований рабочего класса. Но чем более классовая борьба в Западной Европе обостряется под влиянием капиталистического развала и растущей дороговизны, тем лучше буржуазная интеллигенция начинает понимать, что революция есть неизбежный результат краха империализма, что революция есть единственный

выход человечества из растущей нищеты, из растущей дезорганизации, из грядущего социального хаоса. И мы замечаем везде раскол интеллигенции на лагерь феодально-капиталистической контр-революции и лагерь пролетарской революции. Интеллигенция везде переживает идеологический кризис, она находится на распутье, в ней бродят революционные идеи. Понятно, что и ее революционная часть еще не является нашим надежным союзником. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что говорить о ней, как о сплошной контр революционной массе, смешно. Не подлежит сомнению, что если бы, например, пролетариат захватил теперь власть в Германии, значительная часть интеллигенции стала бы на его сторону.

Но если в своих размышлениях о трудностях, ожидающих пролетарскую революцию на Западе, Бауэр только упускает из виду революционные тенденции и в деревне, и среди интеллигенции, то его постановка вопроса о голодной катастрофе, угрожающей западно-европейскому рабочему классу в случае пролетарской революции, является прямо смехотворной. Она вполне напоминает аргументацию гоголевского Хлестакова, который, очутившись в гостинице, с аппетитом, но без денег, требовал от трактирщика обеда во имя того, что иначе, ведь, он совершенно отощает. Стоя перед громадным затруднением, каким, без сомнения, является вопрос о хлебе для западно-европейской революции, Бауэр не ищет разрешения этого вопроса в развертывающихся силах революции, а обращается к капиталистам с заявлением: „господа капиталисты, если мы вступим с вами в открытый бой, то мы совсем отощаем; позвольте нам зарезать вас мирно и постепенно, и из благодарности за наше благородство покормите революцию". Он не противопоставляет голодной катастрофе, угрожающей, по его мнению, революции, уже намечающегося исторического выхода; он противопоставляет ей свою тоску по революции, при которой не пришлось бы голодать. Мы увидим в дальнейшем, что то, в чем Бауэр усматривает спасительное средство от голода во время революции, есть не что иное, как трусливая мечта жалкого интеллигента, который от испуга, несмотря на свою тупость и ограниченность,

становится фантазером и утопистом. Бауэр упускает из виду, что западно-европейский пролетариат, взявши власть в руки, овладев громадными военными и экономическими ресурсами, в союзе с Советской Россией будет иметь в своем распоряжении хлебные районы Балкан, Венгрии, Румынии, Украйны, Кубани, Сибири. Для Бауэра при обозрении перспектив западно-европейской революции не существует земледельческого Востока и Юго-Востока, как при анализе русской революции не существует возможной помощи со стороны европейского пролетариата. Когда он говорит о том, что пролетарской революции в Европе будут нужны торговые сношения с еще существующими капиталистическими государствами, он учитывает только то обстоятельство, что пролетарии революционной Европы ощутят нужду в американском хлопке, австралийской шерсти и так далее, но не замечает оборотной стороны медали: ведь, и капиталисты Америки и Австралии нуждаются в покупателе, если они не хотят остановить свою промышленность и торговлю и ускорить безработицей революцию в своих странах.

Да, западно-европейскому пролетариату придется много страдать, много вынести, прежде чем он избавится от когтей гибнущего капитала, но кто говорит ему только о затруднениях, но умалчивает о его силе, не указывает ему на безысходность положения в случае отказа от революции, тот действует, сознательно или бессознательно, как агент контр-революции, каковым на деле и является Бауэр. Но, позвольте,— ответит он нам,— ведь, у меня есть рецепт мирной, бескровной экспроприации капитала. Рецепт мирной революции.

5. Гильдейский социализм, как спасение.

Присмотримся к этому рецепту. До мировой войны великой лабораторией революционных идей считалась Германия, страна, родившая Маркса и Энгельса. Революционные идеи, которые победили в Европе, были made in Germany. Германия лежит теперь в руинах. Бауэр, который до этого времени изучал марксизм, взялся теперь за распространение

товаров, производимых Англией, ибо ведь, английские товары—самые лучшие в Европе. Бауэр торгует теперь идейными произведениями так-называемого гильдейского социализма. Он должен признать, что сей товар происходит из мелкобуржуазной, мелкой фабрики. Но, как всякий продавец, Бауэр должен делать ему рекламу, и он заявляет, что „гильдейский социализм за последние десятилетия достиг такого развития, что сделался постепенно наиболее крупной идейной силой в английском рабочем движении" (стр. 92). Всякий шарлатан, продающий свое единственно спасающее средство, принужден рассказывать о нем всякие небылицы,—уж ничего не поделаешь, иначе и быть не может, ибо, как же продать обыкновенную водицу вместо жизненного элексира и при этом не прилгнуть... Гильдейский социализм не имеет никакого влияния на английские рабочие массы. Это—просто течение, встречающее сочувствие среди английской социально-либеральной интеллигенции и незначительной части вождей английских трэд-юнионистов, поскольку эти почтенные люди, кроме виски, нуждаются еще и в других средствах укрепления своего духа. Гильдейские социалисты, господа Penti, Cole и вся прочая братия, эти ученики старого фабианского специалиста по рабочему вопросу, Сиднея Уэбба, разочаровавшись в своих надеждах обмануть рабочих обещаниями либеральных реформ, пытаются теперь примазаться к стремлению рабочих к освобождению от капиталистической эксплоатации. Эти мелкие буржуа выдумали следующую комбинацию. Средства производства принадлежат государству; оно платит теперешним владельцам их ренту; всякая отрасль промышленности является национальным достоянием и управляется представителями профессионального союза данной отрасли. Производственный план и цены продуктов определяются профессиональным союзом совместно с представителями государства, органов городского самоуправления и потребителей. Все, вместе взятое,—это и есть „самоуправление промышленностью" рабочими и гарантирует им свободу. В то время, говорит Бауэр, когда в России промышленностью управляет революционная бюрократия, гильдейский социализм отдает управлению промышленностью в руки рабочих организаций. „Большевизм является социализмом

идеологов рабочего класса, для которых массовое движение пролетариата является только орудием осуществления социального идеала; они не боятся никаких личных жертв в революционной борьбе, они хотят провести свой идеал в жизнь, чего бы это ни стоило, даже, если масса при этом должна была бы пройти через пустыню голода, холода, государственного рабства и войны, дабы добраться до обетованной земли. Идея же промышленной демократии выросла среди самого борющегося пролетариата. Когда рабочий класс в своей профессиональной борьбе с каждым днем все больше усиливает свое влияние на промышленность, в нем растет мысль о постоянном усилении контроля над промышленностью, впредь до момента, когда пролетариат сам возьмет в руки эту промышленность. И подобно тому, как рабочий класс усиливает свою профессиональную борьбу политическими действиями партии, в которую объединяются профессиональные союзы, сохраняя свою автономию в промышленных вопросах,—так они представляют себе и социальное государство будущего: как федерацию автономных „национальных гильдий". Это не социализм идеологов, для которых пролетариат является только орудием идеи, это социализм самого рабочего движения, которое создает себе на опыте ежедневной борьбы собственную идею" (стр. 96).

Представив таким образом мелкобуржуазную идею гильдейских социалистов, возникшую в интеллигентском кругу полдюжины писателей, как детище рабочего движения, как выражение его борьбы, Бауэр удаляется в область национальной философии; английский рабочий—говорит он—выросший в старой культурной стране, представляет собой личность, полную стремлений к свободе. Он выдвинул на передний план идею о свободном социализме. Русский пролетарий, сын вчерашнего крепостного, является орудием в руках кучки идеологов,—очень честных людей, жертвующих собой во имя рабочего дела, но—ничего не поделаешь—революционных бюрократов. Эта философия Бауэра имеет две прорехи: во-первых, как мы сказали, гильдейский социализм не является отражением развития английского рабочего движения, а идеей, возникшей в верхних слоях этой массы, среди кучки интеллигентов, абсолютно оторванных от рабо-

чей массы; во-вторых, представлять английского рабочего после эпохи чартизма, как личность, стремящуюся к свободе, значит считать лакея буржуазии, покупающего старые платья и цилиндры своего хозяина, олицетворением свободного человека. Когда-то Каутский в своих статьях о русском и американском рабочем противопоставлял борца за революцию, русского рабочего, английскому холопу, рабочему-аристократу. Другие времена, другие песни... Скатившееся в болото контр революции каутскианство цепляется за мертвую, как мы увидим, утопию презренных полулиберальных английских интеллигентов и, размазывая их духовные экскременты, заявляет: это есть творчество самой свободной части пролетариата, это есть творчество английского пролетария,— этого известного чемпиона свободы. К чести английского революционного пролетариата надо сказать, что он не имеет ничего общего с идеей, которая оставляет капиталистическое государство на старом месте нетронутым, которая оставляет за буржуазным классом в целом право выжимания из рабочего прибавочной стоимости, которая, предоставляя представителям буржуазного правительства право, совместно с другими представителями не уничтоженной буржуазии, определять хозяйственный план и назначать цены, на деле оставляет всю власть буржуазии. Революционный пролетариат Англии обратился бы задом к этой идее, если бы знал ее, ибо это— только свеже-подогретая, старая, пошлая фабианская идея о сохранении капитализма при помощи так называемой конституции на фабрике, т.-е. при помощи предоставления рабочим права говорить об управлении промышленностью в то время, когда управляет ею на деле буржуазия.

Мы оставляем Бауэра смотреть с восторгом на спину английского пролетариата, как на восходящее солнце гильдейского социализма. Ведь, несчастный рыцарь из Ламанча держал в своих объятиях смердящую героиню из конюшни в убеждении, что это прекрасная королевская дочь Дульцинея. Но мы спрашиваем нашего Дон-Кихота гильдейского социализма: где у вас хотя бы малейшие признаки того, что английская буржуазия идет даже на эту маленькую уступку, которую предлагает гильдейский социализм?

Если мы, коммунисты, пытаемся убедить рабочих, что мир пойдет тем путем, который мы предсказываем, то, хорошо ли, плохо ли, указываем на тенденции развития, указываем на факты. Мы указываем на хозяйственный распад капиталистического мира. Мы указываем на неспособность буржуазии совладать с ним. Мы указываем на обострение классовой борьбы, на усиление ее до пределов гражданской войны, на полную неспособность буржуазии перед лицом угрожающей социальной революции образовать международный фронт против пролетариата. Коммунистические горизонты и коммунистические цели не были выражением нашего нетерпения так же, как не были последствием и наших благих пожеланий. Наши цели были обоснованы объективно. Бауэр же идет иным путем; социальная революция по русскому образцу для него сплошной ужас, и потому—да здравствует гильдейский социализм! Можно было бы произвести какое-угодно давление на Бауэра и все же не получить от него никаких данных, могущих указать на то, что развитие хотя бы только в одной Англии идет по направлению его, с позволения сказать, демократического социализма.

Обратимся к обстоятельствам последнего времени вне России. В немецкой Австрии господа социал-демократы были отстранены от власти. Капиталистическая реакция выступила открыто с поднятым забралом и протянула руку венгерскому палачу Хорти. В Германии социал-демократия потерпела на выборах настоящее поражение, благодаря которому она должна была выйти из состава правительства. Германия получила контр-революционное капиталистическое правительство, против которого революционные массы рабочих объединяются в единую большую боевую коммунистическую партию. Центр рабочего движения, независимая социал-демократия, в своем пролетарском большинстве, перешла на сторону коммунизма. Идущему по стопам Бауэра меньшинству представляется выбор: гибель в одиночестве или смерть в объятиях Шейдемана. В Италии борьба между пролетариатом и буржуазией приближается к развязке: Италия стоит перед своей октябрьской революцией. Духовные братья Бауэра, все эти Турати, Тревес, Дарагона, могут лишь продлить этот процесс, но окончательно задержать его не

могут. Во Франции свирепствует капиталистическая диктатура, завоевывающая головы и сердца рабочего люда для идеи пролетарской диктатуры. А как обстоят дела в Англии, где впервые на горизонте появился гильдейский социализм? Летом 1919 года Бауэр издал анонимную брошюру на тему о всемирной революции. (В то время он был немецко австрийским министром иностранных дел и, страшась Антанты, не смел писать под собственным именем). Там он пытался доказать, что английская буржуазия, в силу своей старой и умной политики компромиссов, склонна сделать ряд уступок рабочему классу. Он доказывал, что угольная промышленность будет национализирована, случится многое другое, что постепенно, но верно поведет к устранению английского капитала. С тех пор кануло в бездну полтора года, а ничего из предсказанного Бауэром не осуществилось. Английская буржуазия не сделала пролетариату даже самых незначительных уступок и не признала за ним никакой роли в руководстве промышленностью. Социальные конфликты в Англии растут; буржуазия и пролетариат все решительнее выступают друг против друга.

Кратко формулирую: международное положение принимает все более острый характер, никакой компромисс невозможен,—вопрос разрешим только насильственным путем.

6. Демократический путь, или решето из одних дыр.

Бауэру грезятся ужасы. После всех изображенных им прелестей демократии он заявляет: „Даже тогда, когда пролетариат возьмет власть в свои руки средствами демократии, буржуазия сумеет вернуть себе свое господство. Она восстанет против демократического государства, она не будет повиноваться его законам и будет всячески саботировать государственное управление, как только демократия обратится в демократию пролетарскую. Тогда и демократический парламент принужден будет присвоить себе диктаторскую власть, при чем ему придется подавлять саботаж и могущие последовать активные выступления буржуазии не только путем диктатуры, но и террором, как только подобный парламент

сделается орудием господства рабочего класса" (стр. 113). Извольте видеть, что выйдет из „беспрерывности обмена общественных веществ"... Какие будут результаты голода, который Бауэр считает неизбежным последствием гражданской войны... Ныне эти катастрофы выливаются в потрясение, но это потрясение, по пророчеству Бауэра, не будет столь тяжко, потому что заряженные пушки на стороне демократии; в случае, если рабочий класс придет к власти демократическим путем, т.-е. когда он будет иметь за собой большинство населения, „власть пролетариата произведет насилие не над социальными факторами власти, а над меньшинством, которое идет против него". Что означает эта „социологическая" болтовня? Бауэр говорит, ведь, о тенденциях развития в промышленных странах, в которых пролетариат и примыкающие к нему социальные слои составляют большинство населения. Если даже пролетариат придет к победе путем выборов, то этот факт отнюдь не устранит враждебности буржуазии. Даже если диктатура пролетариата наступит демократическим путем, то и в этом случае она будет преследовать цель установления своей власти насильственным путем.

Пролетариат будет пытаться вырвать у буржуазии орудия производства. Почему в этом случае противодействие буржуазии будет слабее и гражданская война менее тяжка? Почему иностранный капитал не поспешит на помощь своим угнетенным братьям? Разве только потому, что экспроприация буржуазии будет установлена парламентом? Бауэр переносит парламентарский кретинизм с себя на угольных, железных и хлопковых королей, которые воистину не заслужили роли демократических ослов, какими он их обрисовывает перед изумленным светом.

Но Бауэру чудится еще большее несчастье: он предвидит еще один провал. Он пишет: „Конечно, нельзя быть уверенным, что история позволит пролетариату осуществить свою диктатуру после захвата политической власти средствами демократии, т.-е. в форме диктатуры демократического парламента и местных демократических органов самоуправления. Легко может случиться, что развитие классовой борьбы заставит пролетариат прибегнуть к такого рода диктатуре,

в которой он не будет в состоянии господствовать, пользуясь средствами демократии. В период решительной борьбы за власть классовая рознь между буржуазией и пролетариатом, во всяком случае, обострится. Острота классовых противоречий может взорвать демократию. Может наступить положение, когда буржуазия окажется недостаточно сильной, чтобы побороть пролетариат, который, в свою очередь, не будет в состоянии побороть буржуазию средствами демократии; тогда разделение власти между обоими классами еще более подчеркнет остроту классовой розни, примет ли она форму коалиции между буржуазией и пролетарскими партиями по примеру немецкой Австрии, или форму добровольного признания пролетариатом буржуазного господства, как в Италии. Если демократический аппарат не в состоянии больше функционировать, то или буржуазия, или пролетариат должны силой установить свое классовое господство. В таком случае диктатура пролетариата явится единственным средством помешать установлению жестокой контр-революционной диктатуры буржуазии". (Стр. 113—114). Бауэр воображает, что он особенно мудро предусматривает всякие случаи, высказывая и возможность того, что буржуазия ни в коем случае не пожелает спокойно выжидать того момента, когда пролетариат слопает ее под мирным демократическим соусом. В действительности же он этими утверждениями выдает себя головой, ибо пролетарская партия не авгур, наблюдающий за карточной игрой и дающий во всех случаях игры советы игрокам. Она должна быть готова на худший случай, на самые тяжелые и опасные боевые выступления. Если история предоставит ей благоприятные условия борьбы, то тем лучше— она не будет принуждена пустить в ход оружие, но обладать этим оружием она обязана. Мы, коммунисты, никогда не утверждали, что пролетариат каждой страны может достигнуть власти лишь посредством острой гражданской войны. Мы видели, например, что в России пролетариат достиг власти без тяжелой гражданской войны, не говоря уже о Венгрии, где диктатура пролетариата была установлена, так-сказать, легально. Мы считали возможным, что в отдельных полуземледельческих странах, где крестьяне недовольны властью капитала, рабочий класс может достигнуть власти

даже путем победы на выборах. Вопрос состоит в следующем: каким образом рабочий класс может удержать власть? На этот вопрос мы отвечаем: только посредством применения насилия над буржуазией. А какой ответ на этот вопрос дает Бауэр? Он считает захват власти пролетариатом демократическим путем самым вероятным и желательным случаем, допуская, однако, возможность, что потребуется захватить власть насильственным путем. Каким же образом он будет в состоянии удержать ее? Бауэр отвечает: в том и другом случае пролетариат может удержать власть только посредством диктатуры. Этим заявлением Бауэр вынес себе жестокий приговор: он и его присные являются предателями пролетариата. Подумайте только: ученый марксист глубоко убежден, что пролетариат может победить только путем гражданской войны, и с этим сознанием он стремится при помощи своей и международной партии убедить рабочий класс в том, что пропаганда диктатуры, готовность сломить насилие буржуазии насилием пролетариата, короче говоря, вся коммунистическая политика вредит пролетариату. Бауэр обезоруживает пролетариат перед лицом вооруженного врага накануне великих битв. Каждый генерал, поступающий так был бы поставлен к стенке. Бауэр же будет весьма оскорблен, когда мы называем его изменником. Мы не сомневаемся, что он считает себя несправедливо оклеветанной невинностью. Мы уже упоминали вначале, что брошюра Бауэра, несмотря на то, что интернациональная пресса центра приветствовала ее появление, ни на шаг не идет вперед по сравнению с Каутским. Мы теперь должны несколько видоизменить наш приговор. Бауэр привел каутскианство к полному идейному провалу, ибо после того, как на страницах своей брошюры он повторяет каутскианский анализ, он, в конце-концов, чтобы выйти из тупика противоречий, в который попал, делает прыжок, приведший его к признанию не только диктатуры пролетариата, но даже и террора. Этим он доказал, что основная точка зрения, которую он и его

учитель пытались противопоставить коммунизму, не выдерживает критики. Ученик Каутского похоронил своего учителя, лишив его и свои собственные выводы честной политической окраски. Бауэр представил каутскианство в его настоящем виде, т.-е. в виде шарлатанского учения, которого даже самые слепые последователи его не принимают в серьез; поэтому неудивительно, что этот продукт мелкобуржуазного страха перед революцией и контр-революцией кончается там, где ныне находятся самые трусливые и доверчивые элементы немецкой буржуазии.

7. На колени перед Антантой.

Бауэр кончает свою брошюру обращением к немецкому народу. Немецкая буржуазия и немецкий империализм своей насильнической политикой привели немецкий народ к краю пропасти. Немецкие рабочие теперь должны стать рабами немецкого капитала и капитала Антанты. Единственным спасителем немецкого пролетариата является пролетарская революция, которая сбросила бы иго капитализма в Германии и одновременно возбудила бы революцию в странах Антанты. Такое освобождение, конечно, не может осуществиться без крупных жертв. По Бауэру, оно—безумие, так как, по его убеждениям, оно обратило бы Германию в арену борьбы между русскими и французами. Он восстает против союза Людендорфа с Лениным. Мы спрашиваем вчерашнего союзника венских антисемитов: что вы думаете, г. Бауэр, о союзе немецких и русских пролетариев?

Но и от этой идеи Бауэр отбивается руками и ногами. Он поясняет, что совместная освободительная борьба немецких и русских пролетариев досталась бы Германии ценою голода, гражданской войны и нашествия.

Итак, „пролетарии Германии, предоставьте и в дальнейшем вашу судьбу Оргешу, дайте демократическим спекулянтам уморить себя голодом, терпите французское нашествие без ропота,—вот путь, который приведет к гильдийскому социализму и к „мирному“ демократическому развитию. И если этим вы не достигнете демократического социализма, но придете к тому, что Германия станет колонией Антанты, зато

вы сможете утешать себя гордым сознанием, что вы освободились от „суеверия относительно всемогущества насилия и всесилия государства". Новый Фихте проповедует вам культ личности: вы можете сохранить его и тогда, когда капитал Антанты наложит на вас свои оковы.

Бауэр хочет, чтобы ему поставили памятник в Веймаре рядом с Гете, к которому питал большое уважение сокрушитель Германии Наполеон. Последний возил с собою книгу о страданиях бедного Вертера. Мы уверены, что маршал Фош не возит в своем багаже брошюры Бауэра, но если бы прочел ее, то не преминул бы ее одобрить. Немецкий социал-демократ, который перед дважды порабощенным (своей и чужой буржуазией) пролетариатом клеймит мысль о революционном движении, как наследие ост-эльбского и потсдамского духа, может, конечно, заслужить благодарность Антанты. Коленопреклонение перед ней является логическим следствием умственной импотенции бауэровской брошюры, этой книги международного меньшевизма, возникшего на недоверии к силам пролетариата,—книги, ведущей к капитуляции перед буржуазией в национальном и интернациональном масштабе. И даже в последней, заключительной части своей книжки Бауэр показывает себя верным учеником Каутского. Одновременно с пропагандой против диктатуры пролетариата Каутский начал свою пропаганду вильсонизма. После Версальского мира Бауэр, конечно, не может продолжать петь хвалебные гимны храброму паралитику, но может продолжать пропаганду малодушного страха и позорного колебания, которое никого не спасет и не освободит, и будет он делать это до тех пор, пока еще находит слушателей среди пролетариата. Мы надеемся, что это будет продолжаться недолго.

Сентябрь 1920 г.

II. Основание $2^1/_2$ Интернационала.

1. На распутьи двух эпох.

Разгром II Интернационала 4 августа 1914 г. явился выражением того факта, что II Интернационал исторически был подорван и превзойден еще до войны. Тот факт, что в последнее десятилетие перед войной оппортунисты в отдельных социалистических партиях усиливали свое влияние с каждым днем, несмотря на увеличивающееся обострение классовых противоречий; тот факт, что Интернационал оказался бессильным выступить активно против опасностей войны,—все это доказывало, что нужен был лишь внешний повод, чтобы наступил окончательный крах. Несмотря на это, даже среди революционных элементов крепко жила еще вера в возможность реформирования его, и провозглашение смерти Интернационала, объявленное в манифесте Центрального Комитета русских большевиков в ноябре 1914 г., прозвучало как преждевременная надгробная речь у постели хотя и больного, но все же еще подающего надежду на выздоровление человека. Все попытки большевиков убедить польских и голландских марксистов, немецких левых радикалов, участников конференции в Циммервальде, в необходимости основать новый действительно революционный Интернационал, оказались тщетными. До конца войны элементы, ставившие себе целью основание революционного Интернационала, составляли незначительное меньшинство. Даже после того, как стало очевидным, что II Интернационал после трех лет войны оказался не в состоянии выступать на борьбу за мир, даже на Стокгольмской конференции Циммервальдцев влиятельные

части „интернационалистов "считали еще возможным участие в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Более того, еще после победы русской Октябрьской революции, даже через полтора года после ее существования, даже после победы немецкой ноябрьской революции, такие революционные передовые борцы Коммунистического Интернационала, как Роза Люксембург и Лео Иогихес считали еще преждевременным формальное образование III Коммунистического Интернационала. И если просмотреть теперь протоколы первого Конгресса Коммунистического Интернационала, собравшегося в марте 1919 года, то не трудно убедиться, как медленно шло собирание масс для революционной борьбы. А без этого никакой Коммунистический Интернационал был невозможен.

Крах II Интернационала оказался гораздо более значительным, чем это мог предполагать самый большой пессимист. Крах II Интернационала заключался не только в измене вождей, он состоял в том, что перед войной Интернационал в первую голову опирался на квалифицированных, обученных рабочих, на рабочую аристократию. А эта последняя, несмотря на все социалистические фразы, чувствовала себя довольно уютно в капиталистическом государстве, что создавало почву для всяческих демократических и пацифистских иллюзий, которыми социалдемократическая бюрократия так ловко сумела напичкать голову этой части рабочего класса. Война не принесла с собой немедленного изменения в настроении масс, несмотря на огромные жертвы, которые она потребовала от них. Рабочие, воевавшие на фронтах, все еше давали себя убаюкивать социал-демократическим партиям сказкой о том, что этими жертвами и страданиями они завоевывают себе лучшее будущее. Рабочие в тылу были подкуплены высокой заработной платой и выгодами, которые они получали за свой тяжелый труд в военной промышленности. В Западной Европе оппозиция прежде всего нашла доступ в массы женщин-работниц и пролетарской молодежи, и поскольку она пробила себе путь к более широким рабочим массам, она не шла дальше платонических пацифистских протестов против войны и стремления заставить правительства заключить „справедливый" мир, оказывая на них соответствующее давление. Только в

двух странах оппозиции удалось мобилизовать широкие массы против войны: в России и Италии. Это произошло не только потому, что в этих странах империалистический характер войны выступил особенно ярко и резко; не только потому, что буржуазия и ее государственный аппарат в этих странах были особенно слабы и гнилы, но и главным образом потому, что в этих странах слой рабочей аристократии был слаб и неразвит.

Благодаря такому состоянию рабочего движения война кончилась не восстанием международного пролетариата, а победой одного из империалистических лагерей. И в побежденном лагере поражение не явилось результатом открытого восстания одетых в военные мундиры рабочих, но их пассивного отказа, их физического истощения вследствие лишений и потери крови и перевеса сил противного лагеря. Результатом такого положения вещей было то, что в странах-победительницах рабочие массы вернулись домой, отчасти опьяненные патриотизмом, отчасти убежденные, что буржуазия отблагодарит их за труды и страдания и что наступит период демократии и мира. Лозунгом рабочих масс в странах-победительницах была не пролетарская революция, а вильсонизм. В побежденных же странах над всеми остальными чувствами одержала верх жажда мира, жажда покоя: кусок сала стоял выше всех мечтаний об освобождении человечества. Все опасности, угрожавшие этой массе, не существовали для нее. В декабре 1918 г. рабочие массы в крупных городах Германии демонстрировали на улицах радостно возбужденные возможностью пользоваться средствами питания, как бы жалки они ни были. Что означает наступивший мир—об этом они не думали совершенно. Во всех странах буржуазии удалось провести демобилизацию войск без всяких затруднений. А так как после войны производство везде усилилось вследствие огромного недостатка товаров, покупатели платили любую цену, капиталисты не торговались из-за заработной платы, то естественно должны были пройти месяцы, прежде чем социальные конфликты стали обостряться. Знамя, которое развернул Коммунистический Интернационал весной 1919 года, привлекло лишь небольшие группы рабочих в Западной Европе. Не только Независимая Рабочая

Партия Англии, не только французские лонгетисты, завоевавшие незадолго до того большинство в своей партии, но даже немецкие независимцы спокойно отправлялись в Берн, чтобы там совместно с Шейдеманами, Реноделями и Гендерсонами обсуждать вопрос об оживлении II Интернационала.

Два фактора привели к изменению положения. Во всех странах буржуазия быстро оправилась от ужаса, который на нее навеяла Октябрьская революция, и быстро пришла в себя от страха, что рабочие при демобилизации предъявят ей счет. Буржуазия делает пролетариату уступки только тогда, когда она к этому вынуждена. А вынужденной к этому она себя чувствует тогда, когда пролетариат ее хватает за горло. А так как пролетариат ее за горло не схватил, то она постепенно стала его оттеснять и уже во всяком случае перестала думать о том, чтобы делать ему какие либо социальные уступки. В Германии она начала восстанавливать с помощью социал-демократии потерянные ею орудия власти. Она стала отбирать от рабочих и солдатских советов их государственные функции. В Англии она не пожелала больше говорить о национализации горной промышленности. Во Франции она объединила все реакционные элементы под лозунгом борьбы против большевизма. Одновременно с этим обострением положения во всех отдельных странах массы, пропитанные вильсоновскими иллюзиями, убедились в полнейшей неспособности буржуазии создать сколько-нибудь продолжительный, хотя бы и капиталистический мир. Версальский мир показал этим массам, — когда об этом говорили коммунисты, они не верили, — что не только справедливый, но вообще какой бы то ни было мир немыслим, пока политическая власть находится в руках буржуазии. Вместо того, чтобы установить мир, капиталисты Антанты при помощи грабительских пунктов Версальского договора окончательно разорили Среднюю Европу и своей политикой интервенции против Советской России стали угрожать гибелью и Восточной Европе. Эта их политика быстро положила конец периоду хозяйственного процветания, который наступил после заключения мирного договора. И в то время, как становилось все очевиднее, что мировое хозяйство не может быть восста-

новлено, когда половина мира обречена на полное разорение, перед рабочими массами все резче выступал вопрос: кто должен платить издержки войны? Благодаря этим внутренним и внешним обстоятельствам, благодаря все более и более очевидному распаду капиталистического мира, благодаря неспособности последнего восстановить хотя бы капиталистический строй, рабочие массы левеют с часа на час. Даже в странах-победительницах, даже в Соединенных Штатах Америки по всей стране прокатилась волна стачек, которые были организованы профессиональными союзами против воли Гомперса или прошли совсем без организации. В Англии в профессиональном движении появились революционные тенденции. Рабочие не ограничивались больше требованием повышения заработной платы, они потребовали национализации железных дорог и копей. Рабочие массы во Франции стали не только все более открыто проявлять свои симпатии к Советской России, но начали все более определенно занимать враждебную позицию по отношению к буржуазной демократии. Чем больше левели рабочие массы в странах буржуазной демократии, тем более должны были они порывать с ней духовную связь. В Германии демократические иллюзии изживались все быстрее и быстрее. В Италии одна стачка следовала за другой, одно вооруженное столкновение с государственной властью следовало за другим.

При таком положении вещей пролетарские партии не вступившие открыто в коалицию с буржуазией и представлявшие подвижную часть рабочего класса, не могли застыть на своей чисто отрицательной позиции по отношению к Коммунистическому Интернационалу. Чтобы удержать за собою массы, партиям этим пришлось сделать уступки новой идеологии масс, их новой жажде действия. Еще до войны между левым крылом рабочего движения и его оппортунистической частью существовало среднее направление, стоявшее на точке зрения радикальной марксистской теории, но не имевшее смелости сделать из последней практические выводы. Это разделение рабочего движения на три течения особенно ясно проявилось в Германии, которая на-ряду с Россией прошла еще до войны стадию подготовительных боев за Коммунистический

Интернационал, а именно в борьбе между каутскианством и леворадикальным движением в вопросах о массовой стачке и об империализме. И хотя в других странах это разделение на три течения — на открытых реформистов, действительно радикальных марксистов и мнимых радикалов, центристов— теоретически и не так ясно выражалось, все же во всех странах имелись налицо элементы, которые, придерживаясь в теории радикальной программы, не желали применять ее на практике. Эти элементы которые во время войны или открыто стали на сторону реформизма или лишь пассивно протестовали против социалпатриотической политики, остались верны себе и сейчас. Они не могли стать во главе радикального рабочего движения, но и не могли открыто, подобно реформистам, выступить против него. Их политика должна была заключаться в том, чтобы привязать к себе массы, приняв более или менее ясно их новый образ мышления с тем, чтобы удержать их от революционных действий. На кого опирались эти элементы и каковы были основы их политики? Реформисты опирались на два элемента: на рабочую аристократию крупных центров, которая не желала вести революционной борьбы, так как она надеялась обойтись и без такой борьбы, и на распыленную мелкобуржуазную рабочую массу, которая не осмеливалась еще поднять знамя восстания в патриархальной провинциальной среде. Центристы опирались перед войной на те же элементы, что и реформисты. В странах со старыми социалистическими традициями, как Германия и Франция, существовало довольно много рабочих хорошо обеспеченных, но привыкших к социалистическому мировоззрению; для них социалистическая идеология была такой же потребностью, как и хорошая воскресная сигара. С тех пор как во время войны и после войны положение рабочей аристократии все более ухудшалось, значительная часть этой рабочей аристократии также полевела, и центр получил новый социальный базис. Эта рабочая аристократия, обеспеченному положению которой угрожает все большая и большая опасность, начинает проявлять желание бороться, но, конечно, она на каждом шагу оглядывается, со страхом думая о возможных последствиях этой борьбы и стараясь увильнуть в решитель-

ные моменты. Нынешний немецкий коммунист Рихард Мюллюр, честный, сознательный рабочий на своем пути к коммунизму, еще будучи председателем Берлинскаго Рабочего Совета в 1919 году (когда он уже стоял в оппозиции к руководителям немецкаго центра, к руководителям независимой социал-демократии) произнес речь, в которой лучше, чем в каком-либо другом документе нашел себе выражение этот нерешительный переход квалифицированных рабочих к революционному действию. Произнося свою речь, Рихард Мюллер теоретически уже стоял на почве пролетарской диктатуры. И несмотря на это, в решительный момент революционнаго действия он, обуреваемый страхом, воскликнул: если так пойдет дальше, то Германия впадет в еще большую нищету, в нищету, за которую мы не можем нести ответственность и которую не сможем выдержать! И он цеплялся за идею какой-нибудь положительной программы в рамках капитализма. В ясном, как бы специально для историка назначенном образе выступал здесь гнетущий страх даже борца перед необходимыми и неизбежными последствиями борьбы. На минуту он отшатнулся назад, и если к его чести надо сказать, что он сумел преодолеть этот гнетущий страх и вступил в ряды коммунистических борцов, то миллионы пролетариев это развитие проходят медленно и постепенно. И этот медленный процесс перехода прежней рабочей аристократии на почву борьбы образует материальную основу политики центра. Вожди этого среднего слоя рабочего класса несомненно являются сознательными контр-революционерами. Но это или интеллигенты, которые в своем высокомерии ученых людей потеряли веру в творческие действия рабочих масс, или это бюрократы из рабочей аристократии, которые насквозь пропитались буржуазными и реформистскими предрассудками, от которых они не могут освободиться, даже когда они формально принимают идею диктатуры пролетариата и революции. Политика их заключается в том, что они превращают ту самую революцию, которую они теоретически признают на бумаге, в программную фразу, которою пользуются в особо важных и торжественных случаях. Они нисколько не думают о том, чтобы на деле подготовлять революцию при помощи сознательного обострения агитации

и пропаганды, при помощи углубления и расширения классовой борьбы. Их главным доводом в пользу своей политики является указание на международное положение; они ждут всегда революции в другой стране, в которой условия для революционной борьбы более благоприятны, чем у них. Представителей этой политики можно найти во всех странах, наиболее ярко очерченный образ их мы имеем в лице немецкой независимой социал-демократии и французских лонгетистов.

2. Интернациональный центр.

Здесь нет необходимости подробно излагать историю Германской Независимой Социал-Демократической Партии. Напомню лишь несколько дат. Партия эта возникла вследствие раскола стараго радикальнаго крыла немецкой социал-демократии на каутскианцев и левых радикалов. Первыми делами ее, еще когда она находилась в лоне немецкой социал-демократии, было распространение пацифистских иллюзий о возможности реформы империализма, отказ от пропаганды и агитации массовых действий против опасностей войны и растущей капиталистической реакции и поддержка (вместе с Шейдеманом и Эбертом) избирательного блока с либералами в 1921 году. При возникновении войны огромное большинство нынешних независимых социал-демократов стояло на платформе социал-патриотов. Когда независимцы под давлением рабочих перешли впоследствии к борьбе против социал-патриотизма и войны, они ограничились одними протестами. После немецкой революции они образовали совместно с Шейдеманом и Эбертом правительство, первым актом которого явилась декларация о неприкосновенности частной собственности. Они оказали содействие организации первых белогвардейцев в Прибалтике. Они объявили себя сторонниками демократии и противниками диктатуры. Когда они были изгнаны из правительства (что явилось прямым следствием их политики), чтобы очистить место коалиции социал-патриотов с буржуазией; когда борьба рабочего класса до того обострилась, что члены партии, ведущие непосредственную борьбу, расстреливались белой гвардией де-

мократического правительства и начали взывать к диктатуре пролетариата, — тогда вожди Независимой Партии решили поддержать существование своей партии тем, что бросили в массы идею компромисса между буржуазной диктатурой и пролетарской, идею о внесении рабочих Советов в конституцию Носке. Когда же рабочие массы отвергли эту „идею" и твердо и недвусмысленно стали на почву пролетарской диктатуры и советской системы, то правые вожди независимых приняли и эту идею, лишь бы только удержать в своих рядах массы. Но одновременно они решительно высказались на Лейпцигском партейтаге против террора, т.-е. против безоговорочной защиты рабочей диктатуры.

Французские лонгетисты представляли собою во время войны ухудшенное издание немецких независимых. Они не только голосовали за военные кредиты во все время войны, но и самую войну они изображали как оборонительную войну со стороны французов. Они выдавали за цель этой войны защиту демократии и без всякого стеснения содействовали самому грубому пацифизму. За все время войны они ни разу не издали ни единой нелегальной прокламации. За все время войны они ни разу не произнесли ни одной революционной речи в парламенте. Свою оппозицию против политики французской буржуазии и французских социал-патриотов они выражали лишь в слезливых требованиях мирных переговоров с Германией, в протестах против извращений целей войны империалистами. После войны они не переставали распространять веру в Вильсона, в котором они пытались найти опору против французских империалистов. Когда Антанта, с Францией во главе, начала военные действия против Советской России, когда героическая борьба Советской России стала вызывать в рабочих массах все большее сочувствие, когда рабочие массы Франции стали все решительнее высказываться за рабочую диктатуру, — лонгетисты оказались неспособными организовать защиту Советской России. В своих возражениях на клеветнические выходки против Советской России они, естественно, должны были ссылаться на Великую Французскую Революцию, ибо все то, что контр-революция приводила против русской революции, высказывалось уже раньше феодальной контр-революцией против

французской революции. Таким путем Жан Лонге и его сторонники пришли к признанию диктатуры пролетариата. И ясно, что в стране старейшей буржуазной демократии, в стране самаго развращенного буржуазнаго парламентаризма, в стране, где рабочий класс из противоречия к буржуазной демократии и парламентаризму стихийно создал синдикалистскую теорию, согласно которой профессиональные союзы являются органами власти и производства в социальной революции,—в такой стране сам собой напрашивался путь через труп буржуазного парламентаризма. Но хотя лонгетисты и признали диктатуру и советскую систему как возможную перспективу, все же они не думали о том, чтобы сделать идею диктатуры и советов центральным пунктом своей агитации и пропаганды, использовать все рычаги массового движения для осуществления этой идеи, для скорейшаго проведения ее в жизни. Их пресса и их парламентские выступления не служили для пробуждения революционной энергии масс, но в лучшем случае имели целью слабую защиту против усиливающейся буржуазной реакции. И так как Лонге и его товарищи рассматривали революцию, как тему для своих речей или, в лучшем случае, как сентиментальный идеал, то у него не было никаких причин порвать с социал-патриотами и открытыми реформистами. Подобно тому как во время полемики между марксизмом и реформизмом во французском рабочем движении он качался как маятник между обоими противоположными течениями, так и сейсас Лонге проповедывал единство партии и пытался доказать рабочим массам, что невинные ягнята реформизма—Ренодели и Тома—неспособны и воды замутить. Они готовы сохранить дисциплину, как он сохранил ее. Ясно, что, занимая такую позицию, лонгетисты не могли найти доступ к сердцу радикальнаго крыла профессиональнаго движения, которое становилось все более коммунистическим.

Третьим членом европейского центра была Английская Независимая Рабочая Партия. Последняя возникла как оппортунистическая реакция против окаменелого схоластического радикализма Гайндмена, который никогда не умел объединить идею социальной революции с практической борьбой пролетариата. По отношению к Гайндменовскому буквоед-

скому марксизму она явилась выразительницей тупого англосаксонскаго эмпиризма и горячего, окрашенного в религиозный цвет, стремления к борьбе за реформы. Последняя особенность собрала вокруг нее ядро живых жаждущих работы, хотя и не особенно сознательных пролетариев. Пацифизм Независимой Рабочей Партии образовал мост между нею и либеральной торговой буржуазией, которая думала, что доходы ее обеспечиваются миром лучше чем войной. Когда вспыхпула великая империалистическая война, большая часть английских либералов очутилась в недоумении, не зная на что решиться: принять ли участие в войне или выступить против нее. Этим крылом, представленным в кабинете Симоном, Тревельяном и Джоном Берэнсом, был связан вождь Независимой Рабочей Партии Макдональд, и так как он, обращаясь к рабочим массам, должен был, конечно, выражаться гораздо резче и радикальнее, чем либералы, то он не имел возможности после объявления войны переменить направление или удалиться от политики. Партия заняла боевую позицию. Эта позиция на практике обострялась двумя элементами: честными революционными пролетарскими элементами, бывшими против войны, так как это была война капиталистическая, и религиозными квакерскими элементами, бывшими против войны, так как она была грехом против бога и людей. Связанные между собой эти элементы привели во время войны партию даже к принципиальному отверганию защиты капиталистического отечества, против чего Макдональд и Сноуден отмахивались руками и ногами. Приверженцы Независимой Рабочей Партии не только принимали участие в массовых движениях, происходивших в Англии во время войны, но отдельные лица среди них подверглись величайшим преследованиям и все же, повинуясь голосу совести, не принимали участия в войне. После войны, когда на декабрьских выборах 1918 г. либеральная консервативная коалиция одержала решительную победу и среди английских рабочих вновь вспыхнули массовые движения, левое крыло Независимой Рабочей Партии, под руководством Ньюбольда, постепенно перешла к коммунизму, в то время как правое крыло, под руководством Макдональда и Сноудена, расчитывало на будущую победу рабочей партии на выборах и ее коалицию

с левыми либералами типа Асквита. Между этими двумя крайними крылами занимает середину партии группа Уолхеда (Wallhead), агитатора и организатора без всякого положительного направления. Под натиском левого крыла эта группа делает одну уступку за другой идеям революдии; но так как она не хочет порвать со старыми и влиятельнейшими вождями партии, то ей ничего не остается как вести колеблющуюся политику. А в это время Макдональды и Сноудены готовили себя к роли спасителей демократической Англии от пролетарской революции. Независимая же Рабочая Партия служит для них трамплином, чтобы при случае разделить власть с вполне или полулиберальными вождями бюрократии и профессиональных союзов, с Гендерсоном и Тома.

Вокруг этих трех главных групп центра ютятся остатки его в других странах. Таковы вожди большинства швейцарской социал-демократии, которые, как, например, энергичный Роберт Гримм, хорошо чувствуют, что не надо перечить массам главных городов, настроенным радикально, но в то же время не считают возможным порывать со старыми вождями, которые от имени швейцарского пролетариата поставляют швейцарской буржуазии полицейских и финансовых директоров. Таковы вожди австрийской социал-демократии, которые, как например, Фридрих Адлер и Отто Бауэр, еще совсем недавно сидели вместе с Реннерами и Зейцами в одном кабинете с христианскими социалистами, идеей коалиции хотели выклянчить помощь Антанты, ради коалиции предали венгерскую революцию, но которые теперь, после того как коалиция провалилась, после того как нужда пролетариата безмерно возросла, вынуждены бросать этому пролетариату крохи радикальных слов. Это их поведение вполне отвечает их прошлому. До войны они также приспосабливали марксистскую теорию к насквозь пропитанной оппортунизмом политике австрийской социал-демократии. Во время войны Фридрих Адлер осмеливался вести борьбу против открытой и бесстыдной измены пролетариату со стороны императорско-королевской социал-демократии лишь на закрытых партийных собраниях. Гамлетизм его пошел так далеко, что он из политической трусости лично стал героем; он застрелил

Штюрка, но сделал это только потому, что он не осмеливался открыто выступить против собственной партии. После того, как вспыхнула австрийская революция, оба вышеуказанных вождя стали играть жалкую двойную роль. В то время как Фридрих Адлер, в качестве председателя общегосударственного немецко-австрийского Совета Рабочих Депутатов, выступал в роли будущего Марата наступающей австрийской пролетарской революции и различными обнадеживаниями удерживал рабочий класс от активных действий, Отто Бауэр играл роль Талейрана социалдемократически-христианско-социалистического правительства и утешал в анонимных брошюрах голодавших австрийских рабочих разговорами о наступлении мировой революции в странах-победительницах. Теперь, когда социал-демократия ушла из правительства, оба играют роль международных революционеров с парашютом. Отто Бауэр, излагающий в своей брошюре „Большевизм или социалдемократия" теорию центристского Интернационала, и Фридрих Адлер, который еще полгода назад черным по белому доказывал, что об основании Интернационала нельзя и думать, пока не изжиты противоречия, раздирающие ныне рабочий класс, оба стоят теперь во главе тех, кто требует объединения центристских элементов в новый Интернационал.

А чтобы всем было совершенно ясно, что будет представлять собой этот новый Интернационал, среди основателей его выступают русские меньшевики. Во время войны, до русской революции они были разбиты на влиятельную группу „интернационалистов" с Мартовым во главе, принимавшую участие в циммервальдовском движении; на большинство, участвовавшее в военно-промышленных комитетах, и наконец, на парламентскую фракцию, выступавшую посредницей между двумя первыми группами. Когда вспыхнула революция, огромное большинство меньшевиков стояло на точке зрения защиты буржуазной демократии. Оно приняло участие в буржуазном правительстве и помогало последнему сдерживать борьбу пролетариата за власть. Меньшинство же ныло по поводу изменнической политики их партийных товарищей, но не решалось выступить из партии. Когда русский пролетариат прогнал правительство Керенского, обе

группы меньшевиков объединились на лозунге борьбы против рабочего правительства. Некоторые из меньшевиков, как, например, Мартов, вели эту борьбу только на словах, но другие принимали непосредственное участие в выступлениях контр-революции. Меньшевики, во главе с Мартовым, объявили перед пролетариатом Советскую Россию как новый вид царизма. Но в моменты, когда имелась опасность победы контр-революции, они сами себя уличали во лжи и призывали массы к защите Советского правительства и завоеваний революции. Когда русский пролетариат вел борьбу против буржуазного правительства, меньшевики объявили романтикой желание ввести в России социализм. В первые месяцы пролетарской диктатуры меньшевистская пресса требовала возврата к капитализму. Теперь меньшевики требуют „умеренной социализации", не будучи в состоянии объяснить, что означает это замысловатое выражение. Меньшевистская партия, краткую историю которой мы только-что изложили, является излюбленным детищем международного центра. В то время, как буржуазные правительства ее щадят и поддерживают, так как она принимает в них участие, пролетарское правительство вынуждено было подавлять ее, так как она или непосредственно боролась против него или же сеяло панику и неуверенность среди рабочих. Недоверием к пролетарской мировой революции меньшевики объясняли свое участие в буржуазном правительстве, а теперь они выступают, как одни из основателей нового Интернационала, который претендует быть также Интернационалом мировой революции.

3. Попытка компромисса с Коммунистическим Интернационалом.

Центристы всех стран сначала глядели на Коммунистический Интернационал сверху вниз. Он им казался силой, с которой нечего считаться. Основанный в период тягчайших бедствий Советской России, он казался им обреченным на верную смерть, как и сама эта страна пролетарской диктатуры. Еще в сентябре 1919 года вождь немецких независимых Рудольф Гильфердинг заявил, как известно, на сен-

тябрьской партийной конференции, что III Интернационал это и есть Советская Россия, и что необходимо подождать, как вырешится судьба Советской России. Нельзя ведь садиться на гибнущее судно. То, что этот особенно крепкий, особенно щепетильный и особенно циничный представитель центра высказал так открыто, было на уме у всех центристов. Вместе с тем, они были убеждены, что потерянная во время войны невинность II Интернационала может быть восстановлена. Ведь приняли же они все участие в Бернской и в Люцернской конференции Второго Интернационала. Когда же вожди центра увидели, как рабочие, которые с ними еще не порвали и которых они надеялись еще удержать в своих рядах, все выше подымали свой голос за III Интернационал, тогда они решились подойти поближе к Коммунистическому Интернационалу, лишь бы удалось выбить у последнего его вредные зубы.

То, что этим испытанным политиканам казалось особенно опасным в Коммунистическом Интернационале была, конечно, не теория коммунизма. Теория современного коммунизма— это марксова теория общественного развития и общественной борьбы. В течение ряда лет они искажали Маркса. В течение ряда лет они принимали великолепные принципиальные резолюции, не собираясь хоть что-либо изменить в своей оппортунистической партии. Диктатура пролетариата, даже террор, мог быть ими принят с кое какими оговорками; ибо они надеялись, что капиталистическая реставрация освободит их от этих ужасных вещей. Чего они ни при каких обстоятельствах не могли принять, это обязательство предпринять конкретные шаги, которые служили бы для подготовки резолюционной борьбы, и дать согласие на организационные формы III Интернационала, которые делали бы для них невозможным не проводить в жизнь основные положения Коммунистического Интернационала. По старой привычке оппортунистов всех стран они заявили о своем принципиальном согласии с Коммунистическим Интернационалом. Они только хотели бы договориться с ним о формах сосредоточения всех социально-революционных партий. Смысл этих заявлений заключался в том, что интернациональный центр как целое хотел договориться с Коммунистиче-

ским Интернационалом о том, как создать компромисную организацию, которая связала бы коммунистические принципы с центристской тактикой. Эта игра кончилась неудачей. Центристским партиям, как целому, не удалось вступить в переговоры с Коммунистическим Интернационалом. Так как давление рабочих масс в отдельных центристских партиях было не одинаково, то сначала французские центристы вынуждены были вступить в переговоры с Коминтерном. За ними последовали английские независимые, а за ними немецкие. Французские центристы при этих переговорах раскололись на две части. Руководимое Кашеном и Фроссаром большинство французского центра решительно стало на почву условий, предложенных Коммунистическим Интернационалом. Решающую роль сыграли при этом традиции гедизма и не знавшая пределов французская реакция. Английские центристы во главе с Уольхедом не были вынуждены принять немедленное решение. После того, как английское рабочее движение дошло в своем подъеме до решения объявить всеобщую стачку в случае войны Англии против Советской России, оно снова пошло назад после поражения Красной Армии в Польше. Уоллхед и его друзья взяли с собой в Англию ответ Исполнительного Комитета, раскрывавший перед английским рабочим классом игру, которую с ним сыграли путем подчеркивания совершенно различных якобы английских условий английские центристы. И на этом они успокоились. Решительный бой Коммунистическому Интернационалу был дан наиболее крупной массовой партией центра, а именно Независимой Соц.-Дем. Германии.

Криспин и Диттман, которые у себя на родине время от времени выступали с „критическими“ замечаниями о недостатках программы Коммунистического Интернационала, в Москве или молчали как глухонемые или с растерянным видом заявляли о своем согласии с принципиальной линией, „поскольку они могут ее охватить“. Борьба вращалась вокруг вопроса об исключении реформистов из Независимой Социалдемократической Партии Германии. Будучи убеждены совершенно правильно, что речь идет здесь не об одном Каутском и Гильфердинге, а о многих сотнях маленьких реформистских партийных и профессиональных бюрократов, о части

парламентской фракции, которые совершенно не были в состоянии провести условия Коммунистического Интернационала,— они старались всеми средствами спасти Гильфердинга и Каутского. При этом они отрицали оппортунизм первого, а второго пытались изобразить в виде старого лишенного всякого влияния дурака, которому надо предоставить возможность спокойно умереть в добровольно выбранном им венском изгнании. Но гораздо более, чем этот пункт, скрывал в себе опасности для их политики тот факт, что Коммунистический Интернационал строился не как свободная федерация различных партий, а как централизованная международная боевая партия. Этот характер Интернационала лишал их всякой возможности саботировать решения конгрессов Коммунистического Интернационала и Исполнительного Комитета его. Это подрывало весь их план. На конгрессе в Галле они перешли к бешеным принципиальным нападкам на Коммунистический Интернационал, который они изображали как смесь романтического бунтарства с самым беспринципным оппортунизмом, и который был основан лишь для того, что служить органом внешней политики Советской России. Они довели дело до разрыва с революционными рабочими собственной партии, лишь бы сохранить в целости союз с бюрократией профессиональных союзов. Они избрали своим знаменем желтый Амстердамсский Интернационал Профессиональных Союзов, сделав из этого объединения Легина и Гендерсона палладий международной пролетарской борьбы.

После того, как план международной центристской клики взорвать Коммунистический Интернационал извнутри кончился, таким образом, неудачей, они вынуждены были решиться или вступить во II Интернациннал или создать суррогат последнего. Таким суррогатом и является $2^1/_2$ Интернационал, который они теперь и основали.

4. Манифест и основные линии $2^1/_2$ Интернационала.

а) Диктатура пролетариата и международный центр.

Бернский манифест от 10 декабря 1920 года, с которым отцы $2^1/_2$ Интернационала обратились к социалистическим партиям всех стран, характерен столько же тем, что он говорит, как и тем, о чем он умалчивает. Если при нынешнем мировом положении основывается пролетарская партия, особенно если эта партия представляет собой международный союз, то первый вопрос, о котором она должна откровенно высказаться, это вопрос о мировом положении. Речь идет при этом, конечно, не о том, чтобы сказать несколько общих мест о негодности империализма или одной из империалистических групп, но о том, чтобы вынести твердое решение по вопросу, переживаем ли мы эпоху развивающейся мировой революции или нет. Можно резко осуждать империализм, можно в основе быть совершенно согласным с Коммунистическим Интернационалом в принципальной оценке последним империалистической политики, и все же на деле считать необходимым вести политику, совершенно отличную от политики Коммунистического Интернационала. Это будет иметь место в том случае, если расходиться с Коммунистическим Интернационалом в вопросе о том, находимся ли мы в процессе мировой политики или начавшегося с большими надеждами на успех восстановления и укрепления империалистической государственной системы. В первом случае политика пролетарских партий будет направлена на низвержение капиталистического государства при помощи революционных массовых действий, при чем для подготовки этих выступлений должны служить все данные историей политические и организационные средства. Во втором случае придется сознательно уклоняться от столкновения с капиталистической государственной властью и в качестве актуальной цели поставить себе организацию пролетариата с целью улучшения

его положения в рамках капитализма, причем конечная социалистическая цель должна служить лишь для освещения пути пролетариата, дабы он не уклонился в сторону реформизма.

Об этом наиболее важном вопросе манифест $2^1/_2$ Интернационала пытается умолчать. Он ни единым словом не упоминает о мировой революции. Он пишет о революции в России и Средней Европе, об угрожающей ей мировой реакции. Таким образом манифест исходит из фактов, о которых ни один капиталистический политик не осмеливается умолчать, ибо это факты, оспаривать которые может только круглый дурак. Но подобно тому, как Ллойд Джордж хотя и говорит открыто о немецкой и русской революциях, все же сильно остерегается упоминать о развивающейся революции всего капиталистического мира (это происходит от того, что с одной стороны он в качестве мелкого буржуа не решается смотреть фактам прямо в глаза, а с другой потому, что он боится, как бы твердое установление революционного положения не ускорило занятия противоположными классами ясной политической позиции), — так и партии $2^1/_2$ Интернационала боятся прямо высказать свое отношение к мировому положению. Они не осмеливаются сказать то, что многие из них думают, а именно: капиталистическое общество на долгое время спасено, надо оставить все революционные иллюзии! Ибо такое заявление оттолкнуло бы революционных пролетариев. С другой стороны, они не могут сказать: мировая революция, несмотря на поражения, развивается, хотя и не так быстро, как это было бы желательно, и залог ее победы лежит в растущей дезорганизации капиталистического хозяйства. Если бы они это сказали, то они вынуждены были бы, несмотря на различия в степени кипиталистического разложения отдельных стран, везде сосредоточивать, по крайней мере, свою агитацию и пропаганду на том, чтобы доказывать пролетариям необходимость и неизбежность революционной борьбы. Поэтому они ограничиваются заявлением: „эта капиталистическая система, даже в странах-победительницах, становится все более несоединимой с хозяйственными и социальными потребностями пролетарских

масс". Это каутскианское заявление является пустой фразой, ибо империализм всегда был несоединим с жизненными потребностями пролетариата, и ясно, что чем дольше империализм существует, тем несоединимость эта становится сильнее.

Руководящие положения, выработанные 22 января в Инсбруке подготовительной комиссией конгресса $2^1/_2$ Интернационала (Адлер—Гримм—Ледебур—Уоллхед), также не дают прямого ответа на вопрос о „мировой революции или о дальнейшем сохранении капиталистического строя общества".

Гильфердинги, Бауэры и Мартовы, духовные отцы $2^1/_2$ Интернационала, скажут нам: только коммунистическая слепота может отрицать, что в мировом положении перекрещиваются силы революционные и контр-революционные; что рядом с такими силами, которые действуют в сторону разрушения капиталистического хозяйства, действуют и такие, которые стремятся восстановить власть капитализма. Поэтому уже из исторической предосторожности не следует заниматься пророчествами о том, какие силы одержат верх. На эту аргументацию ученых мужей — а другой у них быть не может — мы можем ответить: речь идет не об отрицании исторических возможностей. Коммунистический Интернационал отлично понимает, что при отсутствии крупного революционного движения в странах, где капитализм еще мало потрясен, или в случае поражения этого движения, не исключена возможность капиталистической реставрации. При открытии второго конгресса Коммунистического Интернационала никто другой, как Ленин, сказал: безвыходных положений не бывает; если международный пролетариат не найдет достаточно силы, чтобы сбросить буржуазию, то последняя тем или иным путем найдет средства восстановить капиталистическое общество за счет полного порабощения миллионов. Различие между революционным марксистом Лениным и оппортунистами типа Гильфердинга и Бауэра заключается не в том, что последние видят всякие возможности, а тот ведет страусову политику. Различие заключается в выводах. Революционер Ленин говорит пролетарию: „мировая революция развивается; она питается

все растущими революционными течениями, вытекающими из глубочайших источников общества. Но одновременно работают также силы застоя и контр-революции. Если вы не найдете в себе достаточно силы и решимости для победы, то вы будете побеждены. Поэтому вы должны с величайшей энергией использовать все силы революции, чтобы помочь победе последней". В качестве исходного пункта своей тактики он берет перспективу развивающейся мировой революции и показывает, как нужно конкретно работать для нее. Оппортунист, который играет мыслью о революции, но боится ее, оставляет будущее в мраке, чтобы избежать ясности относительно своих ближайших шагов и ждать, что принесет с собой история. В глубине души своей он вздыхает: господи, да минует меня чаша сия! Но, подстегиваемый собственными приверженцами, он не осмеливается открыто и ясно признать себя сторонником капиталистического „восстановления", как это делают открытые оппортунисты, открыто исходящие из контр-революционных перспектив.

Но никогда история не бывает столь дружественной, чтобы дать политику абсолютно ясные перспективы. Совершенные факты сомнения не вызывают. Но политик обязан, на основании оценки всех действующих в его эпоху сил, установить общее направление, обязан взвесить, какая из борющихся сил должна победить, и сообразно с этим решить, в каком направлении он желал бы развить силы представляемого им класса. Всякой перспективе соответствует определенная политика. Определенной революционной перспективе Коммунистического Интернационала соответствует определенная революционная политика. Определенной контр-революционной перспективе реформистов, которые честно заявляют, что революция в их расчеты не входит, соответствует контр-революционная политика. Так как $2^1/_2$ Интернационал не решается принять ни одной из этих обеих перспектив, то его неопределенной перспективе соответствует неопределенная политика. Это мы знаем не только из практики всех партий $2^1/_2$, но это полностью подтверждается отношением Бернского манифеста к вопросу о диктатуре и советской системе.

б) Вопрос о диктатуре и ее формах и $2^1/_2$ Интернационал.

Вот уже три года, как среди рабочего класса бушует борьба по вопросу о том, какой путь должен избрать себе рабочий класс. Два вопроса занимают сознание международного пролетариата. Первый вопрос гласит: может ли капитализм быть побежден на почве буржуазной демократии и при помощи средств последней, или же для этого необходимо революционное свержение буржуазии и установление пролетарской диктатуры? Второй вопрос касается форм, которые должна принять пролетарская диктатура. Как отвечают на оба эти вопроса вожди $2^1/_2$ Интернационала после трех лет не только международной дискуссии, но, что гораздо важнее, после трех лет опыта, накопленного в русской, финляндской, венгерской, немецкой, австрийской революции и контр-революции и „мирного" развития стран Антанты? На эти вопросы вожди $2^1/_2$ Интернационала дают не один, а два ответа. Один в манифесте 7 декабря, другой—в основных положениях 10 января.

„Как только пролетариат овладеет политической властью, он применит диктаторские средства везде, где буржуазия будет саботировать пролетарскую государственную власть или выступит против нее",— так говорится в манифесте. Мы спрашиваем: разве мыслимо, чтобы буржуазия где-либо не саботировала пролетарской государственной власти или не выступила против нее? Короче говоря: считают ли теоретики $2^1/_2$ Интернационала реальной возможностью надежду на добровольный отказ буржуазии, этот основной взгляд реформистов? Если да, то они представляют собой не что иное, как реформистов, что мы всегда утверждали и что они всегда с негодованием отрицали. Если же они не страдают реформистскими иллюзиями и мы имеем здесь дело с продуктом „тактической хитрости", то эти двухсполовинные люди возбуждают в пролетариате опасные иллюзии, за которые придется расплачиваться поражениями. Величайшая помеха развития рево-

люции заключается в том, что большая часть мирового пролетариата все еще питает надежду на мирное спасение от нужды и нищеты. Именно потому, что многие пролетарии еще верят, что можно еще избежать тяжести гражданской войны, они все еще дают себя обманывать буржуазии и ее реформистским агентам. Задача каждой революционной рабочей партии заключается в том, чтобы на основании всех событий повседневной жизни вбить в голову пролетариата, что третьего выхода не дано, что ему необходимо сделать выбор между диктатурой буржуазии и своей собственной пролетарской диктатурой. Только тогда, когда это станет твердым убеждением пролетариата, он найдет в себе силы для решительной борьбы. Возбуждая в пролетариате надежду на иное разрешение лежащих перед ним задач, чем при помощи пролетарской диктатуры, $2^1/_2$ Интернационал отклоняет пролетариат от революционной борьбы и действует на него как Интернационал путаницы.

Так же действует он и в вопросе о форме диктатуры. „От данных экономических, социальных и политических отношений отдельных стран зависит, какие формы примет диктатура. Если пролетариат завоюет власть средствами демократии, то в случае сопротивления буржуазии к применению диктатуры будет вынуждена и демократическая государственная власть. Если же в период решительных боев за власть обострение классовых противоречий приведет к расколу демократии, то диктатура необходимо должна будет принять форму диктатуры классовых пролетарских организаций. Органами диктатуры могут быть, в зависимости от условий отдельных стран, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, органы местного самоуправления (коммуны) или другие свойственные данной стране классовые организации". В этих словах сказано следующее: во-первых, господство рабочего класса может проводиться и через общие демократические учреждения, как, например, парламенты; во вторых, только в случае сопротивления буржуазии господство пролетариата может проводиться через его классовые организации. Каковы будут эти классовые организации — этого манифест не знает. Это

могут быть Советы, это могут быть коммуны (при чем манифест не требует исключения буржуазии из органов местного самоуправления), наконец это могут быть и другие точнее не определяемые рабочие организации. Как будет организована в этом последнем случае центральная революционная власть — об этом манифест ничего не говорит. Что означает эта позиция? Она означает, что в качестве лозунга борьбы $2^1/_2$ Интернационал выставляет круглое ничто.

В чем заключалось значение лозунга советской системы? Прежде всего в том, что он указывал пролетариату на необходимость образования своих классовых организаций, своего аппарата господства. Далее он указывал пролетариату, что этот аппарат власти должен представлять собой нечто иное, чем прежние классовые организации — политические и профессиональные — рабочего класса. Это должны быть организации, которые охватывали бы пролетариат как класс, независимо от профессий, независимо от политических воззрений. Когда рабочие советы возникли в русской революции, никто не знал, станут ли они формами пролетарской диктатуры в мировой революции. Финляндская, австрийская, немецкая революция показали, что там, где пролетариат борется за власть, он приходит к рабочим советам, как к данной исторической форме своей классовой организации. И везде, в Италии, в Англии, где пролетариат только вступает в революционную борьбу, в нем растет воля к образованию рабочих советов. Контр-революционный характер устранения $2^1/_2$ Интернационалом лозунга советов, как пути мировой революции, вытекает прежде всего из того, что этим у рабочих отнимается лозунг, организующий их в борьбе за власть. Там, где революция дошла до острой стадии, там лозунг советов показывает почву, на которой он может собирать свои силы как класс для того, чтобы противопоставить себя буржуазии. Таким образом, вопрос о советах из вопроса о будущей форме организации диктатуры пролетариата превращается в политический вопрос борьбы за диктатуру.

Возможно, что дальнейшее развитие мировой революции

создаст весьма разнообразные формы организации диктатуры. Так, например, русская революция показала, что в известные стадии особенно обостренной гражданской войны защита власти пролетариата временно должна принять еще более острую форму сплочения сил рабочего класса, чем это допускают широкие организации рабочих советов. Но одно ясно: для периода борьбы за власть рабочие советы являются центральным политически-организующим рабочий класс лозунгом. Отказ от этого лозунга, разжижение его посредством выдумывания всяческих возможностей означает отказ от революционно-организаторской роли Интернационала.

Гильфердинг, Бауэр и Мартов пытаются прикрыть и обосновать этот отказ историческими доводами, заявляя с видом великих ученых: „подобно тому, как буржуазная революция в различных странах приняла совершенно различные формы, так и пролетарская революция в отдельных странах, ибо не все страны достигли одинаковой ступени капиталистического развития, примет самые разнообразные формы". Исторические знания теоретиков $2^1/_2$ Интернационала стоят на одинаковой высоте с их революционной волей. Буржуазные революции прошли везде в форме революционной борьбы за парламент. История буржуазных революций как-раз и доказывает тот факт, что, несмотря на различие в ступенях развития отдельных стран, исторически руководящий класс данной эпохи за одну и ту же цель борется при помощи одних и тех же средств. Пролетарская революция в разных странах произойдет самым различным образом. Но ведомая одним и тем же классом ради одной и той же социальной цели она в основных своих формах представляет собой один и тот же процесс. Упуская это из виду, теоретики $2^1/_2$ Интернационала доказывают лишь, что они теоретически из-за деревьев не видят леса, лишь бы уклониться от обязанности основать действительный Интернационал.

Через месяц после составления манифеста мудрецы $2^1/_2$ Интернационала сами внесли поправки в свои заявления. Они отказались от своих хитроумных мудрствований относительно разнообразных форм диктатуры в отдельных странах и без-

оговорочно признали в своих руководящих положениях о методах и организации классовой борьбы идею диктатуры пролетариата. Последнюю, по их новейшему заявлению, будет необходимо применить для поддержания власти пролетариата, независимо от того, каким путем эта власть будет завоевана. И еще более: в то время, как они в Бернском манифесте заявляли, что „органами диктатуры могли бы быть, в зависимости от условий отдельных стран, советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, местные органы самоуправления (коммуны) или другие свойственные данной стране классовые организации", они теперь пишут: „диктатура пролетариата должна найти себе выражение в форме советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профессиональных и других подобных пролетарских классовых организаций". Таким образом, демократические органы самоуправления за время от 7 декабря до 10 января исчезли как органы диктатуры. И так как других пролетарских организаций кроме рабочих советов и профессиональных союзов не существует, то это означает, что господа из $2^1/_2$ Интернационала в конце-концов убедились, что диктатуру пролетариата можно строить только на рабочих советах и профессиональных союзах. С этим мы их и поздравляем. А когда профессиональные союзы будут перестроены по принципу производственному, а не профессиональному,—а это характерная черта нашего времени, и этого требуют не одни только коммунисты, но и все прогрессивные профессиональные работники,—тогда исчезнет всякое различие между советом рабочих депутатов и советом фабрично-заводских комитетов, этими низшими органами профессиональных союзов. Резолюция знаменует собою шаг вперед и в других отношениях. Она гласит, что в открытой борьбе за завоевание или удержание пролетарской диктатуры „решающее значение имеют не избирательные листки, а экономические и военные силы борющихся классов. Рабочий класс, следовательно, завоюет господство только при помощи прямых массовых действий, массовых стачек и вооруженных восстаний". Каков прогресс! Каков прогресс! Независимая социал-демократическая партия, готовящаяся к вооруженному восстанию! Рудольф Гильфердинг и Артур Криспин на посту у пулеметов!

5. $2^1/_2$ и Коммунистический Интернационал.

Чем же отличается в таком случае $2^1/_2$ Интернационал от III? Он объявляет себя противником шаблонного подражания методам русской рабоче-крестьянской революции. Но если поставить перед пулеметами всех четырех подписавших вышеуказанную резолюцию, Адлера, Гримма, Ледебура и Уоллхеда,—то они вряд-ли могли высказать, какие другие методы предлагает Коммунистический Интернационал, кроме тех, которые изложены в их собственной резолюции. Второе отличие, которым хотят оправдать существование $2^1/_2$ Интернационала, заключается в мнимом отрицании Коммунистическим Интернационалом разнообразия структуры различных стран и вытекающей из этого необходимости применения в них различной тактики. Но опять-таки: можно было бы поставить к стенке всех четырех подписавших резолюцию, и все же они не могли бы указать никакой другой, кроме всеобщей рекомендуемой ими в своей резолюции тактики. Или быть может они думают сказать, что в качестве общей тактики они рекомендуют революционное выступление вплоть до массовой стачки и вооруженного восстания. Но в качестве специальной тактики они допускают коалицию с христианскими социалистами, с которыми партия Фридриха Адлера сидела в одном правительстве. Я полагаю, что именно так они и думают; иначе они не дрожали бы так за судьбу автономии отдельных партий, на которую Москва якобы посягает. Ибо если автономия служит для того, чтобы в отдельных странах проводить общие революционные положения, то она не только не стоит ни в каком противоречии к самой строгой интернациональной централизации, но является сама орудием этой централизации. Что именно для наших четырех пророков важно проводить революционные лозунги на бумаге, а на деле вести реформистскую политику, это становилось ясным из их отношения к вопросу об отделении от реформистов. С видом добродетельных людей они заявляют, что партии меняются и люди меняются. Через ошибки люди становятся

умнее. Не следует изгонять кого-либо из Интернационала только потому, что он был раньше социал-патриотом. Его не следует унижать. Нельзя требовать, чтобы он пошел в Каноссу босиком, в веригах, посыпав голову пеплом. Это очень трогательно и гуманно. Но ведь Коммунистический Интернационал еще ни от одной примкнувшей к нему партии не потребовал, чтобы она заклала в Кремле на алтаре в честь Ленина реформистов, отказавшихся от реформизма. Он требует лишь исключения реформистов и социал-патриотов, оставшихся верными реформизму и социал-патриотизму. С невинным видом вмешиваются здесь Ледебур и Гримм, Адлер и Уоллхед и заявляют: но если такой бедный реформист остается сидеть тихо и спокойно в партии и подчиняется партийной дисциплине, то зачем изгонять его из партийной семьи, как паршивую собаку? Ведь сердце может у него разорваться при этом. Ох, уж эти хитрецы, заявляющие это! Знает же Роберт Гримм, что в свином хлеве, который зовется швейцарской социал-демократией, тон задает не он, а реформистское меньшинство. Аппарат партийной власти находится в руках Густавов Мюллеров, Грейлихов, Жанов Зиггов и толпы окружающих их полицейских и финансовых директоров, сидящих во всех парламентских и общинных фракциях. Они подчиняются дисциплине на партейтаге и плюют на его решения в своей повседневной практике. А как обстоит дело в немецко-австрийской социал-демократии? Много ли будут обращать внимание господа Зейц, Элленбоген, Лейтнер, Реннер на революционные принципы, которые открыл в Иннсбруке Фридрих Адлер? К черту пошлют они эти принципы, ибо раз их оставляют в партии, то ясно, что ради единства партии готовы на все. Жан Лонге соединился теперь со старыми лакеями французской буржуазии, с Реноделем и его кликой, в одну партию, которая должна войти в $2^1/_2$ Интернационал. Кто поверит хоть на секунду, что Ренодель из партийной дисциплины уклонится на практике от защиты отечества, если дело дойдет до того, чего от него требуют Иннсбрукские постановления? Все эти толерантные оговорочки $2^1/_2$ Интернационала превращают его из классовой организации для борьбы против капитализма в общедоступный отель, в ко-

тором каждый может остановиться: одни для того, чтобы добродетельно спать, другие для того, чтобы не добродетельно „бодрствовать".

Отношение к реформистам—это основной пункт всего вопроса о восстановлении Интернационала. Кто не желает отделиться от реформистов, являющихся носителями буржуазной политики в рабочем движении, тот никогда не будет проводить на практике столь громко звучащие революционные принципы. Эти принципы будут служить ему для усыпления революционной массы, а реформисты для связи с буржуазией. Камилл Гюисманс, умный циник, был совершенно прав, когда выразился о мужах из $2^1/_2$ Интернационала: „они мыслят по нашему, но выражаются по московски". Мы можем только прибавить: они не только мыслят как социал-патриоты, но и действуют, как они. Ничто так не освещает сущности $2^1/_2$ Интернационала, как тот факт, что главными основателями его являются те же Криспины и Гильфердинги, которые в самый момент основания ими этого так-называемого революционного Интернационала, который должен вести международный пролетариат на общую борьбу против капитализма, борются против союза с коммунистами, имеющего целью общее выступление, и таким образом объединяются с социал-демократией, т.-е. осуждают себя на полное бездействие. Судить о $2^1/_2$ Интернационале надо по этим его делам, а не по его словам и принципам. Принципы для оппортунистов дешево стоят, если только при их помощи можно удержать пролетариат от революционных действий.

6. Будущее $2^1/_2$ Интернационала.

$2^1/_2$ Интернационал представляет собой организацию без самостоятельных политических идей. Это организация, не желающая проводить в жизнь заимствованные от Коммунистического Интернационала и разжижженные идеи. Это вообще не международная организация пролетариата; это организация, которая сознательно стремится стать междуна-

родной, свободной федерацией национальных центристских партий. Как мало доверяет $2^1/_2$ Интернационал своей собственной способности к жизни и к борьбе,—он доказывает лучше всего тем, как судорожно он цепляется за Желтый Амстердамский Интернационал профессиональных союзов. Тем не менее, было бы ошибкой думать, что $2^1/_2$ Интернационал неспособен существовать. Если революционное движение в западно-европейских странах не начнет развиваться в скором времени более быстрым темпом, если процесс радикализации рабочих масс не сделает больших успехов, то $2^1/_2$ Интернационал сможет удержать от вхождения в III Интернационал рабочие массы, не ставшие еще окончательно революционными. $2^1/_2$ Интернационал станет убежищем для политически бездомных, которые не могут решиться занять определенную позицию, Конечно, существование его будет призрачным. Неспособный к действиям, неспособный стать революционным авангардом мирового пролетариата, он сделается иллюзией арьергарда пролетариата, пока события не выдвинут его на авансцену мировой революции.

Как значительны еще эти массы колеблющихся, лучше всего доказывают недавние события в итальянской социалистической партии. Итальянская социалистическая партия считалась одной из наиболее крупных партий Коммунистического Интернационала. Находящиеся в ее рядах десятки и сотни тысяч рабочих оправдали свою революционнию репутацию в передовых боях итальянской революции. Они активно выразили свои симпатии к Советской России в период величайших опасностей, угрожавших последней. Они высказали себя сторонниками диктатуры пролетариата. Они восприняли идею рабочих советов и попытались даже революционным путем осуществить контроль над производством при посредстве фабрично-заводских комитетов. И несмотря на все это, они были еще связаны с реформизмом прошлым узами, значения которых они сами не понимают, хотя узы эти грозят задушить итальянскую революцию. Именно потому что реформисты в итальянском рабочем движении раскололись еще до войны, так как явно импе-

риалистические элементы были исключены из партии еще до войны, большинство итальянских рабочих не видит опасности, заключающейся в том, что руководящие слои их пропитаны демократически-пацифистскими элементами, являющимися противниками диктатуры пролетариата. И эта масса, которая считала себя передовым отрядом Коммунистического Интернационала, когда ей пришлось сделать окончательный выбор между реформистскими вождями и Комммунистическим Интернационалом, высказалась частично за реформистких вождей против Коммунистического Интернационала. Тот факт, что эти стоящие за Серрати рабочие глубоко убеждены, что они остались верны Коммунистическому Интернационалу, именно этот факт свидетельствует о значительной центристской опасности в международном рабочем движении.

Яд центристских идей глубоко въелся в рабочий класс. Уничтожить этот яд сможет только дальнейшее развитие мировой революции. Действие его не может быть преодолено теоретическими доводами и пропагандой. Оно может быть преодолено только борьбой, которая наполняет массу решительностью, создает в ней убеждение, что всякое колебание в решительный момент смерти подобно. Но тот взгляд, что центристский дух может быть преодолен только в мировой революции и через нее, отнюдь не означает, что Коммунистический Интернационал мог бы воспринять в себя этот дух для того, чтобы в будущем революция одолела его. Само собою разумеется, что если в какую-либо часть организма его проберется центристский яд, то больные члены должны быть немедленно удалены, дабы не заразить всего тела. Пусть себе Гильфердинги издеваются, что мы сектанты, замыкающие себя от рабочей массы, если только последняя не желает принять безоговорочно все наши рецепты. Коммунистический Интернационал представляет собой революционный авангард пролетариата. И чем больше он сознает, что он должен находиться в постоянном контакте с медленно развивающейся рабочей массой, тем больше обязан он следить за тем, чтообы в его рядах, в рядах авангарда царило спокойное и верное сознание своей цели и ведущих к ней путей. Кто желает вести мас-

сы на революционную борьбу, тот должен, конечно, находиться с ними в самом тесном контакте. Он не должен стремиться произвольно определять направление стихийного движения масс. Этого Коммунистический Интернационал не делал никогда. Он определяет свою цель на основе изучения тенденций развития мировой революции. Придерживаться целей Коммунистического Интернационала вовсе не значит докринерски противопоставлять рабочей массе свои собственные желания. Это значит—не забывать в заботах о сегодняшнем дне рабочего класса о задачах его завтрашнего дня. Это значит—в извилинах пути не упускать из виду конечной цели. Это значит—в движении колеблющейся, часто боящейся последствий борьбы, начинающей лишь развиваться революционной массы образовать твердый, стойкий авангард и при его помощи двигать массу вперед и вести ее к победе. Из этого отношения вытекает необходимость связи с колебющейся еще массой, но и обязанность вести самую жестокую борьбу против всех ее колебаний и в первую голову против идеологий центра, его вождей и организаций. Поэтому с $2^1/_2$ Интернационалом Коммунистический Интернационал должен прежде всего бороться.

Чем резче и основательнее будем бороться со всеми обманами, со всеми колебаниями $2^1/_2$ Интернационала, тем крепче сомкнем мы свои ряды, тем сильнее будем мы действовать на стоящие за $2^1/_2$ Интернационалом массы. С этими массами мы желаем сотрудничать везде, где только эти массы вступают в борьбу. С их же вождями мы будем беспощадно бороться везде и всегда, где и когда они вводят массы в заблуждение, где и когда они отказываются от борьбы.

История правых немецких независимцев после раскола в Галле показала, как сильно и скоро они уклоняются вправо, лишь только теряют балласт революционных рабочих. Это раскрытие истиного лица центристских элементов ускорит победу Коммунистического Интернационала. $2^1/_2$ Интернационал является продуктом революционного процесса, который происходит во всем мире. Но он отнюдь не является продуктом, в котором находит себе выражение творческий-

дух мировой революции. Он представляет собой декокт истории, продукт выделения мировой революции. Поэтому $2^1/_2$ Интернационал будет смыт потоком мировой революции, лишь только поток этот начнет двигаться быстрее. До тех же пор нам остается только бороться с ним, как с обременительной традицией, задерживающей пробуждение рабочего класса для революционной борьбы.

Январь 1921 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие. 3

По пути к Коминтерну. 7

Развитие социализма от науки к действию. 9

1. Развитие социализма от утопии к науке 9
2. Фальсификация коммунизма 11
3. Крушение реформистских иллюзий. 15
4. В поисках пути к власти 17
5. Уроки мировой войны 20
6. Уроки русской революции 21
7. Диктатура пролетариата 27
8. Революция и контр-революция. 30
9. Демократия или господство рабочего класса 33
10. Советы—знамение международного пролетариата: „Сим победиши“ 34

Основание Коминтерна. 39

I. Развитие мировой революции и тактика Коминтерна. 41

Введение. 41

1. Источники дальнейшего развития всемирной революции 42
2. От демократических иллюзий через диктатуру буржуазии к диктатуре пролетариата 49
3. Период мировой революции 56
4. Экономическая и политическая борьба. 59
5. Состояние пролетарских организаций 64
6. Роль коммунистических партий. 72
7. Профсоюзы и коммунистическая партия 79
8. Рабочие советы и борьба за контроль над производством 90
9. Интеллектуальный пролетариат и коммунизм 104
10. Коммунистическая партия и колеблющиеся элементы социализма 109
11. Интернационал действия и его мировая политика . . 115

II. Терроризм и коммунизм. 128

1. Осеннее наступление Карла Каутского на Советскую Россию. 128

Стр.

2. Террор якобинцев 130
3. Образцовая диктатура 136
4. Демократия, облагораживающая нравы 145
5. Русские Содом и Гоморра 151
6. Или—или 165

III. История одной бунтарской попытки 173

1. „Разоблачения" Беттельгейма. 173
2. Возникновение Коммунистической партии в Немецкой Австрии 174
3. Венгерская бунтарская тактика в Вене 176
4. Бунтарская вспышка 15-го июня 181
5. Тактика коммунизма и социал-демократическая борьба 184

IV. Чему нас учит венгерская революция? 185

Второй Конгресс Коминтерна. 193

I. Коммунистический Интернационал и профессиональное движение. 195

II. Коммунистический Интернационал и колониальная политика. 211

III. Международное положение и задачи трудящихся масс на Востоке. 216

IV. Польский вопрос и Интернационал. 232

V. Гласный ответ Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала на вопросы Независимой Рабочей Партии Англии. 252

1. Коммунизм и другие течения в рабочем движении. . 254
2. Диктатура пролетариата и английский пролетариат. . 266
3. Советы и парламент 269
4. Слово и дело в Коммунистическом Интернационале . 273
5. Коммунистический Интернационал и использование парламента 276
6. Коммунистический Интернационал и Рабочая Партия. 277
7. Коммунистический Интернационал и элементы центра 280
8. К коммунистам Независимой Рабочей Партии Англии 283

VI. Раскол итальянской социалистической партии и Коминтерн. 286

1. Роль итальянского реформиста 286
2. Роль итальянского центра 290
3. Коминтерн и раскол итальянской партии 296

Международная революция и меньшевизм. 303

I. Вопросы международной революции в освещении международного меньшевизма 305

1. „Новое Слово" международного меньшевизма 305
2. Взгляды О. Бауэра 306
3. Бауэровская „философия" русской революции 309
4. Помехи на пути революции на Западе 320

Стр.

5. Гильдейский социализм, как спасение 325
6. Демократический путь, или решето из одних дыр . . 330
7. На колени перед Антантой 334

II. Основание $2^1/_2$ Интернационала. 335

1. На распутьи двух эпох 336
2. Интернациональный центр 343
3. Попытки компромисса с Коммунистическим Интернационалом 349
4. Манифест и основные линии $2^1/_2$ Интернационала . . 353
5. $2^1/_2$ и Коммунистический Интернационал 362
6. Будущее и $2^1/_2$ Интернационал 364

Институт Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(Серп и Молот)

Цена ~~1~~ р. ~~50~~ коп.

3р.

6

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиж. пер.)
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА—Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2 й дом Советов—„Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.